

ЕЗ 4(2)Херс
Х 39

МИНИСТЕРСТВО КУЛЬТУРЫ УССР
ХЕРСОНЕССКИЙ ГОСУДАРСТВЕННЫЙ ИСТОРИКО-АРХЕОЛОГИЧЕСКИЙ
МУЗЕЙ

ХЕРСОНЕССКИЙ СБОРНИК

Выпуск V

МАТЕРИАЛЫ ПО АРХЕОЛОГИИ ХЕРСОНЕСА
ТАВРИЧЕСКОГО

17569

КРЫМИЗДАТ — 1959

63.421X

739

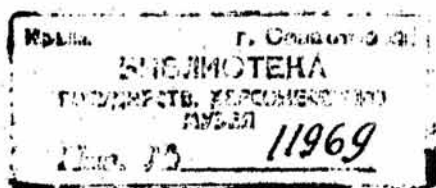
МИНИСТЕРСТВО КУЛЬТУРЫ УССР

ХЕРСОНЕССКИЙ ГОСУДАРСТВЕННЫЙ ИСТОРИКО-АРХЕОЛОГИЧЕСКИЙ
МУЗЕЙ

ХЕРСОНЕССКИЙ СБОРНИК

Выпуск V

МАТЕРИАЛЫ ПО АРХЕОЛОГИИ ХЕРСОНЕСА
ТАВРИЧЕСКОГО

Редакционная коллегия:

доктор исторических наук профессор *К. Э. Гриневич*
(ответственный редактор), *И. А. Антонова, В. В. Борисова,*
кандидат исторических наук *Е. В. Веймарн,* кандидат
исторических наук *Н. В. Пятышева.*

И. А. АНТОНОВА

ХЕРСОНЕССКИЙ МУЗЕЙ ЗА ГОДЫ СОВЕТСКОЙ
ВЛАСТИ

В успехах советской археологии немалую роль играет широко разветвленная сеть музеев. Благодаря их собирательской и исследовательской деятельности стали достоянием науки многочисленные и ценнейшие исторические памятники.

Особое значение имеют те музеи, которые систематически занимаются исследованием и показом археологических памятников. К числу таких музеев принадлежит и Херсонесский государственный историко-археологический музей.

Всесторонний анализ результатов работы Херсонесского музея за годы Советской власти может послужить темой специальной работы. Такую цель данная статья не преследует. Наша задача — дать краткую характеристику тех принципиальных изменений, которые произошли в деятельности музея за советский период.

Первые раскопки Херсонеса были проведены в 1827 году. С 1876 года эти работы приобрели систематический характер и продолжались из года в год, сначала под руководством Одесского общества истории и древностей, а затем с 1888 по 1917 год под руководством Императорской археологической комиссии. Благодаря им был накоплен громадный археологический материал и открыт ряд замечательных памятников. На значительном протяжении раскопаны оборонительные стены и определены границы города; открыто двадцать городских кварталов, включающих каждый десятки жилых домов и хозяйственных сооружений; открыты многочисленные храмы, общественные здания; найдено большое количество эпиграфических памятников, представляющих ценнейший исторический материал; раскопано более 4 тыс. погребальных сооружений на древнем могильнике города. К сожалению, научная ценность добытых материалов зачастую снижалась вследствие низкого уровня методики полевых исследований и плохой фиксации раскопанных памятников.

Ежегодно раскопки производились в нескольких пунктах городища и некрополя. Выбор участков раскопок в значительной степени зависел от монастыря, который был основан в 1851 году и занимал цент-

ральную часть территории древнего города. Во время строительства монастырских зданий были уничтожены или засыпаны без должного исследования многие памятники Херсонеса. При раскопках часто приходилось по требованию монастыря перебрасывать рабочую силу с одного участка на другой.

Много вреда делу изучения Херсонеса нанес самый подход к археологическому материалу, подход вещеведческий, а не исторический, что непосредственно отражалось на методике и организации раскопок. Исследование Херсонеса тормозилось еще и тем, что при громадном объеме земляных работ археологическая комиссия оплачивала только одного заведующего раскопками, чертежника и сторожа. Ясно, что при всей своей добросовестности и ответственности этот штат сотрудников физически не мог справиться с таким объемом работ. В этих условиях только огромная трудоспособность и неиссякаемая энергия руководителя раскопок Херсонеса К. К. Косцюшко-Валюжинича позволила ему в течение двадцати лет систематически издавать краткие отчеты о раскопках в Херсонесе. Его преемник Р. Х. Лепер с этой задачей не справился. За семь лет руководства раскопками он не только не дал почти ни одного отчета, но не оставил даже удивительных полевых дневников, вследствие чего большая часть открытых им археологических памятников утратила свою научную ценность.

Очень отрицательно отражалась на исследованиях Херсонеса позиция монастыря, который стремился превратить Херсонес в „православную святыню“, поддерживал и одобрял раскопки памятников только „христианского“ периода. Исследованию „языческих“ древностей монастырь всячески противодействовал.

Тяжелым было положение созданного в 1892 году по инициативе К. К. Косцюшко-Валюжинича музея, который официально носил название „склада местных древностей“ и ютился в тесных, сырых и полутемных сарайчиках на берегу Карантинной бухты. Значительная часть памятников хранилась во дворе под открытым небом, а наиболее ценные вывозились в Эрмитаж, чем разобщались археологические комплексы.

Несмотря на большой интерес, который проявляла общественность к Херсонесу, проведение культурно-просветительной работы было запрещено Археологической комиссией.

С началом первой мировой войны систематические раскопки на городище прекратились. Возобновились они только после Великой Октябрьской социалистической революции.

С первых дней Советской власти Коммунистическая партия и правительство проявляли большую заботу о создании благоприятных условий для развития науки и в частности истории, об охране и изучении памятников древности. В тяжелый 1919 год, когда молодая Советская республика напрягала все силы, чтобы отстоять свою свободу и независимость, по указанию В. И. Ленина была создана Академия истории материальной культуры, ставшая центральным археологическим учреждением страны. Все памятники культуры были взяты под охрану государства как народное достояние.

В первые годы после освобождения Крыма от белогвардейцев и интервентов, когда главные усилия были направлены на преодоление хозяйственной разрухи, вызванной империалистической и гражданской войнами, археологическая деятельность музея ограничивалась разведочными работами. В 1922—1923 годах была прослежена оборонительная стена эллинистического времени в западной части городища,

в 1925 году — частично исследована насыпь между крепостными стенами в периболе на юго-восточном участке.

В 1925 году музей был переведен в большие светлые здания бывшего монастыря и штат музейных работников увеличен с 3 до 16 человек. Этот год можно назвать поворотным в истории Херсонесского музея.

В 1925—1926 годах были систематизированы фонды музея, составлены описи материалов и восстановлены паспорта на значительное количество памятников. Многим в этом отношении музей обязан энергичной деятельности тогдашнего директора, доцента Ленинградского университета К. Э. Гриневича. Тогда же была создана новая экспозиция музея, в основу которой лег тематический план, впервые разработанный по принципу исторической последовательности.

Таким образом, Херсонесский музей одним из первых в нашей стране стал перестраивать всю свою работу на основе марксистско-ленинского учения о развитии общества.

Помимо новой экспозиции, музей создал античный лапидарий, в котором собрал и систематизировал эпиграфические памятники античного Херсонеса. В бывшем Владимирском соборе была устроена постоянная выставка строительных материалов и архитектурных деталей различных сооружений античного и особенно средневекового Херсонеса.

С реорганизацией экспозиции и расширением культурно-просветительной работы музея возрос массовый приток посетителей. В 1927 году музей обслужил 20 тыс. человек. В последующие годы количество посетителей возрастало.

Если в дореволюционное время раскопки приходилось вести разбросанно и беспланоно, то теперь они приобрели продуманный, организованный характер.

В 1926—1928 годах под руководством К. Э. Гриневича, в связи с проблемой возникновения древнего Херсонеса, были произведены исследования в центре юго-восточной части города. Раскопками вскрыты значительные культурные напластования, явившиеся результатом интенсивной застройки этой части в течение многих веков. Были открыты казармы солдат римского гарнизона, древнейшая оборонительная стена у 16-й куртины, датируемая К. Э. Гриневичем V веком до н. э., и частично внутренняя сторона 19-й куртины оборонительной стены.

В западной части города в 1928—1929 годах раскопками была открыта внутренняя сторона оборонительной стены эллинистического времени. В этой же части города в 1930 году открыт небольшой храм с усыпальницами, датируемый XII—XIII вв.

В связи с поставленной задачей выявить основы экономики античного Херсонеса было предпринято исследование памятников Гераклеийского полуострова — ближайшей округи и основной сельскохозяйственной базы Херсонеса. Проведенные с этой целью в 1928—1929 годах раскопки большого комплекса жилых и оборонительных сооружений в балке Бермана дали ценный материал для уяснения организации хозяйства античного Херсонеса, но, к сожалению, начатые исследования не были доведены до конца.

Научная деятельность музея не ограничилась проведением полевых исследований и созданием новой экспозиции. Впервые за свою историю музей получил широкие возможности публикации результатов археологических работ. С 1926 года началось издание Херсонесских сборников. Вышедшие под редакцией К. Э. Гриневича выпуски I и II „Херсонесского сборника“ посвящены исследованию юго-восточного

участка оборонительных стен, а выпуск III — публикации материалов дореволюционных раскопок северо-восточного участка города. Помимо сборников, музеем были изданы ряд отдельных работ, посвященных специальным вопросам истории Херсонеса, отчеты о проведенных раскопках и путеводители по музею.

В 1927 году по случаю столетия раскопок в Херсонесе состоялась II конференция археологов СССР, сыгравшая большую роль в определении направления исследовательских работ Херсонесского музея и других археологических учреждений Крыма. Конференция подвела итоги изучения античной культуры на территории юга СССР и наметила пути дальнейших работ.

Таким образом, только в первое послеоктябрьское десятилетие, впервые за 100 лет раскопок древнего города, был создан в Херсонесе настоящий музей с научно обоснованной экспозицией и организована исследовательская работа. Именно в эти годы Херсонесский музей стал превращаться из „склада древностей“ в большое научно-исследовательское и культурно-просветительное учреждение.

С 1931 года археологические исследования были сосредоточены, согласно пожеланию конференции, в северной части городища, более всего подверженной разрушительному действию морского прибоя. В результате этой работы открыт новый большой район античного и средневекового Херсонеса и добыт ценный археологический материал, который дал возможность выяснить ряд важнейших вопросов истории, экономики и культуры города эллинистического, римского, ранне-средневекового, а также поздне-средневекового периодов. Среди наиболее ценных памятников, открытых раскопками, следует назвать мозаичный пол первых веков до н. э., выложенный из разноцветной гальки и изображающий сцену омовения двух женщин, монументальные базилики с мозаичными полами раннего средневековья, городские винодельни, жилые дома эллинистического периода.

В 1930—1931 годах продолжалось исследование памятников Гераклеяского полуострова. В 1932 году сотрудник музея Н. М. Янышев составил подробное описание 66 так называемых Гераклеяских башен. Эта работа суммировала все предшествующие разведки музея по учету и изучению античных памятников Гераклеяского полуострова.

В 1937 году музей произвел раскопки двух усадеб у Камышевой и Стрелецкой бухт. Раскопками руководили сотрудники музея В. П. Лисин и А. К. Тахташ. Впервые за весь период исследований на Гераклеяском полуострове полностью была открыта одна из древних усадеб на берегу Камышевой бухты (раскопки В. П. Лисина).

В результате широких археологических исследований в 1937—1938 годах значительно пополнились новыми материалами и улучшилась экспозиция музея. Наряду с этим проводилась большая работа по охране и консервации памятников, развивалась культурно-просветительная и издательская деятельность.

Великая Отечественная война прервала всю работу музея. Севастополь с первых дней войны подвергался массовым налетам фашистской авиации. Поэтому в самом начале войны наиболее ценные экспонаты, библиотека, фототека и архив музея были вывезены в глубокий тыл.

Во время фашистской оккупации музею и памятникам Херсонеса был нанесен тяжелый и непоправимый ущерб. Всю площадь археологического заповедника, скрывающую в себе множество неизученных памятников, гитлеровцы превратили в укрепленный район с многочисленными дотами и дзотами, опутали сложной системой проволочных

заграждений, изрыли траншеями, землянками и бомбоубежищами. Стены многих древних зданий были разобраны, и камни пошли на постройку пулеметных и зенитных точек. Фундамент древних оборонительных стен Херсонеса более чем в ста различных местах был разрушен и подрыв для устройства укрытий. Взрывами бомб повреждены античный и средневековый отделы музея, разрушены жилые и хозяйственные постройки, здание бывшего Владимирского собора, в котором хранились фонды музея и находилась выставка строительных материалов и архитектурных деталей различных сооружений древнего города. Общая сумма ущерба, нанесенного гитлеровцами Херсонесскому музею, не считая древних памятников городища, стоимость которых определить невозможно, составляет около восьми миллионов рублей.

9 мая 1944 года советские войска героическим штурмом освободили Севастополь от немецко-фашистских захватчиков. В том же году из Свердловска был эвакуирован Херсонесский музей. При помощи партийных и советских организаций Севастополя коллектив сотрудников музея в короткий срок проделал огромную работу по восстановлению помещений музея, приведению в порядок фондовых и экспозиционных материалов. Ко дню Советской Армии и Флота 23 февраля 1945 года открылась для посетителей музейная экспозиция, размещенная в одном большом зале.

Первые послевоенные годы были заняты напряженной работой по восстановлению музея, сохранению и реставрации разрушенных памятников городища. К 1952 году было полностью закончено создание новой развернутой экспозиции античного и средневекового отделов музея, которые разместились в двух больших зданиях. Для античного зала музей получил из Москвы новое прекрасное музейное оборудование.

Ежегодно экспозиция совершенствуется и пополняется новыми материалами, которые доставляют производимые музеем раскопки. 125-летний юбилей раскопок был ознаменован открытием большой постоянной выставки, посвященной истории исследования Херсонеса Таврического и деятельности музея. Улучшение экспозиции и широко проводимая культурно-просветительная работа привели к резкому увеличению в последние годы числа посетителей музея: если в 1938 году в музее побывало 27 тыс. человек, то в 1958 году — 46 тыс.

С 1947 года музей возобновил археологические изыскания и издательскую деятельность. Послевоенные исследования музея характеризуются большими масштабами и изменением самого подхода к изучению истории Херсонеса и его периферии.

При исследовании все большее внимание стало уделяться изучению экономики, городскому и сельскому хозяйству, социальным отношениям.

В 1946—1948 годах было продолжено исследование таврского некрополя в северной части Херсонеса, давшее ценнейший материал для начальной истории города.

Из года в год проводятся раскопки городских кварталов в северной части, которые, начиная с 1931 года, ведутся Г. Д. Беловым. Для исследования памятников средневековой эпохи много сделано А. Л. Яковсоном, проводившим раскопки в этом районе города в течение ряда довоенных и послевоенных лет. Исследование северного района города и особенно таврского некрополя V—IV вв. до н. э. убедило в неправильности распространенного прежде взгляда на Херсонес как на чисто греческий город; Херсонес не только не был изолирован от

других окружавших его городов, но, наоборот, имел с ними тесные экономические и культурные связи.

В результате раскопок в северном прибрежном районе выяснены границы и размеры города в различные периоды его застройки, прослежены планировка городских кварталов и процесс ее изменения от античности до средневековья, изменение типов построек и строительной техники жилых и общественных помещений. Открытие античных виноделен, большого количества рыбозасолочных цистерн и жилых сооружений дало богатый и принципиально новый материал для характеристики экономики и быта населения этого района города в античную и средневековую эпохи.

Одним из важнейших результатов раскопок на северном берегу явилось выявление многослойной стратиграфии Херсонеса.

Во избежание односторонности изучения Херсонеса музей признал необходимым начать раскопки других районов города, чтобы получить материалы, взаимно освещающие и дополняющие друг друга. С этой целью в 1956 году были начаты раскопки городского квартала на главной улице в северо-восточной части городища. Несмотря на небольшой объем работ, они дали интересный материал для характеристики города последнего периода его существования.

Очень важные данные для изучения ремесла эллинистического Херсонеса имели раскопки гончарной мастерской, расположенной за пределами городской стены, к юго-западу от башни Зенона. Раскопки этого интереснейшего производственного комплекса начаты музеем в 1955 году и проводятся под руководством В. В. Борисовой. Уже первые годы раскопок позволили установить многие неизвестные ранее черты гончарного ремесла в Херсонесе.

Картина культурного облика античного Херсонеса существенно дополнена открытием в 1954 году остатков античного театра. Исследование его проводится под руководством О. И. Домбровского объединенными силами Херсонесского музея и отдела античной и средневековой археологии Крыма Института археологии Академии наук УССР.

Кроме этих раскопок, под руководством О. И. Домбровского проведены значительные работы по уточнению дат отдельных херсонесских памятников.

Но исследование городского хозяйства и экономики нельзя ограничивать пределами крепостных стен города. Понимание его истории невозможно вне изучения периферии Херсонеса, неразрывно связанной с ним экономически, политически и культурно.

Значение округа Херсонеса на различных этапах его истории было различно, но в той или иной мере всегда важно. Именно в окружающем районе Херсонес постоянно черпал жизненную силу на всем протяжении своего существования. Это поставило перед музеем задачу активного изучения периферии Херсонеса, изучения связей Херсонеса и Крыма с племенами Северного Причерноморья в целом, и в первую очередь изучения истории тавров, коренного населения юго-западного Крыма и его роли в основании и жизни города. Это тем более необходимо, что изучение культуры тавров и памятников сельской округи Херсонеса как античной эпохи, так и средних веков, полностью выпало из сферы интересов дореволюционной археологии. В соответствии с этими задачами строится в последние годы вся исследовательская работа музея.

Особое внимание обращено на плановое систематическое изучение памятников Гераклеийского полуострова. С 1945 года проводились раз-

ведки клеров (земельных наделов) на полуострове, руководимые С. Ф. Стржелецким, а с 1950 года под его же руководством начались ежегодные раскопки. Главной задачей этих исследований было изучение не изолированных усадеб, а целых комплексов памятников. В связи с этим особенно важным было установление самого земельного надела, в который входили исследуемые усадьбы.

Такое направление работы, отказ от изучения развалин башен в отрыве от окружающей их местности и рассмотрение каждой усадьбы, как части целого комплекса, дали положительные результаты.

Исследованиями установлены внутренние размежевки на участке 5 клеров, 17 клеров измерены по наружным границам, произведена геодезическая съемка и составлена точная карта всей западной части полуострова, на которой расположено 82 клера. Очень важным результатом этих многолетних исследований является окончательное выяснение основной схемы размежевания клеров. В итоге этих работ накоплен большой материал, позволяющий составить представление об экономике античного Херсонеса, пролить свет на многие неясные ранее вопросы организации земледелия и землевладения эллинистического города.

В большой монографической работе С. Ф. Стржелецкого „Клеры Херсонеса Таврического“ подведен итог длительных исследований на Гераклейском полуострове, и на основе полученного материала дан анализ характера земледелия и форм земельной собственности Херсонеса в античную эпоху.

Одновременно с археологическими исследованиями ближайшей округи, какой являлся Гераклейский полуостров, музей проводил изучение памятников более отдаленной территории, также связанной с Херсонесом. Очень интересные материалы для характеристики населения юго-западного Крыма начала и середины I тысячелетия н. э. дали раскопки Чернореченского могильника, предпринятые музеем совместно с Крымским филиалом Академии наук и Бахчисарайским историко-археологическим музеем в 1950 году, и раскопки той же экспедицией могильника на высоте „Сахарная головка“ в 10 километрах от Севастополя. В 1953 году раскопки могильника у высоты „Сахарная головка“ продолжались музеем под руководством В. В. Борисовой.

В 1954 году при строительных работах на территории совхоза № 10 в Инкерманской долине был обнаружен важный в научном отношении могильник, который исследовал С. Ф. Стржелецкий и отнес его к III—IV вв. Раскопками могильника, начатыми в 1956 году, установлены два обряда захоронения: трупоположение в грунтовых могилах с подбоями и трупосоужение в каменных и глиняных урнах, погребенных в каменных ящиках или прямо в поле. Близость обоих типов погребений, одинаковая ориентировка погребений и тождественность ряда предметов, обнаруженных при захоронениях, указывают, по мнению исследователя памятника, на непрерывность функционирования могильника. Вместе с тем некоторые новые черты погребального обряда объясняются им как следствие появления в Крыму нового этнического образования. Могильник раннего периода — трупоположение в могилах с подбоями — предположительно связывается с местным таврским сильно эллинизированным населением. Этническую принадлежность погребений в урнах можно будет определить лишь в ходе последующего более широкого исследования памятника, которое музей намечает на ближайшее время.

Как уже говорилось, изучение истории древнейшего населения Крыма — тавров, их роли в истории Крыма вообще и Херсонеса в частности музей считает одной из своих основных задач наряду с исследованием самого города.

Очень большое значение имеют результаты исследования таврского поселения Уч-Баш в Инкерманской долине. Систематические раскопки этого выдающегося памятника начаты музеем в 1952 году. Они позволили прийти к ряду важных выводов о хозяйстве и степени культурного развития таврских племен юго-западного Крыма начала I тысячелетия до н. э. Раскопками могильника этого поселения впервые удалось зафиксировать несомненную связь между двумя основными типами памятников эпохи бронзы и раннего железа в Крыму — поселениями так называемой кизил-кобинской культуры и могильниками с погребениями в каменных ящиках. Высказанное в 1920 году Г. А. Бонч-Осмоловским предположение о принадлежности этих памятников одному и тому же населению — таврам — нашло полное подтверждение.

Материалы раннетаврского поселения Уч-Баш позволяют, по мнению руководителя раскопок С. Ф. Стржелецкого, сделать заключение о более высокой степени экономического и культурного развития таврских племен, чем раньше это предполагалось. Они, несомненно, свидетельствуют об оседлом образе жизни тавров уже в начале I тысячелетия до н. э. Основу экономики поселения составляли земледелие, скотоводство, рыболовство и морской промысел.

Письменные источники и эпиграфические памятники свидетельствуют о том, что коренное население Крымского полуострова в античную эпоху и средние века жило напряженной жизнью, которая наполняет и определяет всю историю Северного Причерноморья. Между тем сельское население Крыма как античной, так и средневековой эпохи оказалось как бы вне археологического изучения. И если многолетние исследования городов древней Таврики дают нам возможность составить определенное представление о них, то в отношении сельских поселений мы почти не имеем никаких данных.

Учитывая это обстоятельство, Херсонесский музей провел в послевоенные годы археологические исследования в ряде мест юго-западного Крыма с целью выявить сельские поселения и их характер, начиная с эпохи поздней бронзы до XV в. включительно. Без таких предварительных работ дальнейшее археологическое исследование Херсонесской округи было бы невозможным. Очень много в этом отношении дали разведки 1953—1954 годов в Байдарской долине, выявившие здесь 16 поселений сельского типа и 4 убежища. Открытые памятники относятся к трем различным эпохам: поздней бронзы и раннего железа, античной и средневековой.

В 1956 году музей совместно с Ленинградским отделением Института истории материальной культуры под руководством А. Л. Якобсона организовал раскопки в двух ранее выявленных средневековых поселениях. Несмотря на разведочный характер работ, ставших своей целью определение территории поселений и их хронологии, получены некоторые данные, выясняющие характер средневековых поселений юго-западного Крыма. Музей планирует на ближайшие годы систематические работы по изучению средневековых сельских поселений на территории, прилегающей к Херсонесу.

Во всей своей археологической деятельности музей руководствовался планом, продиктованным задачами исторического исследования Херсонеса. Это обстоятельство придало полевой работе целеустрем-

ленность и позволило систематически развивать самую методику раскопок, хотя в этом отношении имеются еще и существенные недостатки.

В послевоенные годы возобновилась издательская деятельность музея. В 1948 году вышел из печати выпуск IV „Херсонесского сборника“, изданием которого было завершено опубликование материалов раскопок довоенных лет. Изданы путеводители по городищу и обоим отделам музея, значительно облегчившие экскурсантам ознакомление с Херсонесом.

Много работ сотрудников музея было помещено в академических изданиях „Советская археология“, „Вестник древней истории“, „Археологічні пам'ятки“, в „Кратких сообщениях Института истории материальной культуры о полевых исследованиях“ и других изданиях.

Говоря о публикации результатов исследований Херсонеса, следует отметить большое внимание к этому со стороны Академии наук СССР и УССР. Памятникам Херсонеса посвящены 34-й выпуск „Материалов и исследований по археологии СССР“ и большое количество статей и сообщений в археологических изданиях. Значительное место уделено истории Херсонеса в работе В. Ф. Гайдукевича, помещенной в книге „Античные города Северного Причерноморья“, являющейся первым томом предпринятого Академией наук СССР издания очерков по истории народов древности. В 1948 году Государственным Эрмитажем издано монографическое исследование Г. Д. Белова „Херсонес Таврический“, в котором подробно освещены вопросы хозяйственной и культурной жизни Херсонеса в античную эпоху. Исследованию истории позднесредневекового Херсонеса посвящена работа А. Л. Якобсона „Средневековый Херсонес XII—XIV вв.“, составляющая 17-й выпуск „Материалов и исследований по археологии СССР“.

Успехи научно-исследовательской и культурно-массовой работы музея обусловлены постоянной заботой Коммунистической партии и Советского правительства о развитии науки и культуры в нашей стране.

Из года в год увеличиваются ассигнования музею на проведение научно-исследовательских и реставрационных работ. Только за три последних года ассигнования на научно-исследовательские работы выросли более чем в три раза. Бюджет музея в 1958 году по сравнению с 1955 годом вырос вдвое. Все это накладывает на коллектив сотрудников музея большую ответственность и стимулирует дальнейшее улучшение научно-исследовательской и культурно-массовой работы.

На ближайшие годы музей планирует продолжение больших работ по консервации и реставрации древних памятников городища, начатых в 1957 году. В первую очередь намечено укрепить оборонительные стены Херсонеса, которые являются уникальным памятником античного и средневекового фортификационного искусства. Одновременно с этим намечены исследования крупнейших памятников Херсонеса, подлежащих консервации. Наряду с этими работами музей продолжит раскопки античных гончарных мастерских, жилых кварталов на главной улице, памятников Гераклеийского полуострова и Инкерманской долины (поселение и могильник Уч-Баш, могильник в совхозе № 10), северного берега и античного театра совместно с Государственным Эрмитажем и Институтом археологии Академии наук УССР, а также исследование средневековых деревень совместно с Ленинградским от-

делением Института истории материальной культуры Академии наук СССР.

Выявление многочисленных культурных напластований в северной части городища поставило музей перед неотложной необходимостью изучить в ближайшие годы сложную стратиграфию Херсонеса, проследив ее на различных участках города. От успешного решения этой задачи в значительной степени зависит успех дальнейших археологических исследований. К числу первоочередных задач относятся также окончание составления археологической карты Гераклейского полуострова и детализирование геодезического плана Херсонесского городища, основу которого музей произвел в 1957 году.

Придавая большое значение систематической публикации материалов по исследованию памятников древности, музей планирует регулярное издание „Херсонесского сборника“. Помимо сборника, намечается ежегодное издание бюллетеней музея с публикацией в них кратких сообщений о результатах проведенной в течение года научно-исследовательской, экспозиционной и культурно-массовой работы музея.

Выполняя решения XXI съезда Коммунистической партии Советского Союза о дальнейшем развитии науки в нашей стране, коллектив сотрудников музея преисполнен стремления неустанно трудиться над исследованием древней истории нашей великой Родины и доводить полученные знания до широких масс трудящихся.

Г. Д. БЕЛОВ

ОТЧЕТ О РАСКОПКАХ В ХЕРСОНЕСЕ В 1955 ГОДУ

Раскопки в 1955 году производились в северном районе города и являлись продолжением систематических раскопок, ведущихся здесь с 1931 года. Работы были сосредоточены к западу от базилики 1935 года в XXII квартале, ограниченном XI и XII поперечными улицами, Продольной улицей и участком раскопок 1934 года (см. план на рис. 14)¹.

I. ЭЛЛИНИСТИЧЕСКИЙ ПЕРИОД

На территории раскопок 1933—1934 годов оставались нераскопанными до материка некоторые участки, занятые позднесредневековыми строительными остатками: помещением V с печами и прилегающими к нему стенами соседних помещений². Кроме того, часть эллинистического дома оказалась под XI поперечной улицей, которая в средние века значительно сдвинулась к юго-западу. Поскольку средневековые стены и печь после раскопок сильно разрушились, целесообразно было, удалив остатки стен, раскопать находившиеся под ними культурные слои. Для выявления границ эллинистического дома необходимо было также подвергнуть раскопкам часть улицы.

В результате произведенных здесь работ открыты северо-западная и северо-восточная части эллинистического дома. На прилагаемом

¹ Экспедиция, по примеру прошлых лет, была объединенной. Она состояла из сотрудников Государственного Эрмитажа (Г. Д. Белов—руководитель экспедиции, Л. Н. Белова, З. А. Билимович, Л. И. Гаталина) и сотрудников Херсонесского музея (А. М. Гилевич и Е. А. Паршина). Средства для экспедиции были ассигнованы Эрмитажем и Херсонесским музеем. Обмеры и чертежи выполнили Г. Д. Белов и З. А. Билимович. Полевые снимки производил Г. Д. Белов, снимки предметов сделаны фотолабораторией Эрмитажа. Определение монет выполнено Л. Н. Беловой. Реставрация предметов, чистка и консервация металлических вещей и склейка многочисленной керамики произведены в реставрационных мастерских Эрмитажа. В качестве приложения помещаем статью К. Ф. Соколовой об антропологическом материале.

² Г. Д. Белов. Раскопки в Херсонесе в 1934 г. Симферополь, 1936, МИА, вып. 4, стр. 252 сл., раскопки в 1933 г.

плане (рис. 1) вновь обнаруженные стены показаны с прорисовкой камней, прежде же раскопанные стены обозначены схематически. Наружными стенами дома являются стена С-С, граничащая с улицей, и стена *т-т*, связанная с первой под тупым углом. Скошенные стены характерны для домов, граничащих с морем; такое же направление имеют стены на площади раскопок 1936 и 1953 годов—северная стена

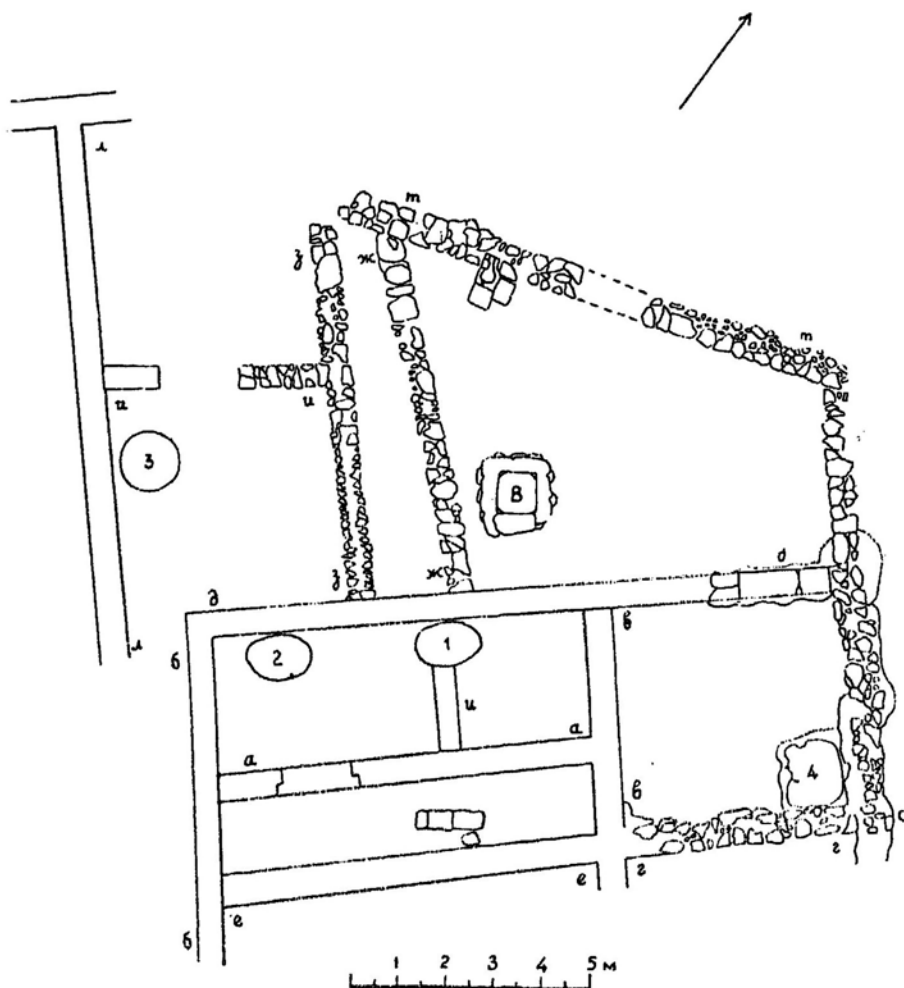

Рис. 1. План эллинистического дома.

зданий соответствовала береговой линии. Доследованы в восточном конце стена *д-д* и стена *г-г*, полностью открыты стены *з-з*, *ж-ж*, *и-и*.

Стена *ж-ж* данному дому не принадлежит, она относится к более раннему времени и находилась ниже уровня пола и вымостки двора.

Перед возведением стен дома материковая скала была тщательно нивелирована, на что указывают остатки скалы, сохранившиеся под некоторыми стенами, например, под *д-д*, *г-г*, *т-т*, *с-с*, в виде неровных ее выступов (см. план на рис. 1). Фундамент стен сложен из

бутовых камней на глине, надземная же часть—из тесаных плит, частично сохранившихся, например, на стене *д-д*, на стенах *а-а*, *е-е*.

Двор находился в северной части дома и имел следующие размеры: длина стены *т-т*—11,0 м, *з-з*—8,0 м, *д-д*—10 м, отрезок стены *с-с*—4,0 м; план двора неправильный, обусловленный скошенной стеной *т-т*. Возле нее сохранилось несколько прямоугольных плит вымостки и корыто с желобком, уходящим под стену,—остатки канализации. Дождевая вода стекала по каналу за пределы дома, к морю. Возможно, что цистерна В, имеющая характерную для эллинистического времени грушевидную форму, возникла одновременно с домом, в первых же веках н. э. и могла быть использована вторично для засола рыбы, для чего была оштукатурена раствором с примесью цемьянки. Дверные проемы в стенах двора не сохранились, они уцелели лишь в стенах *и-и*, *а-а*.

В восточном углу помещения *г-в-д-с* обнаружены остатки ванны округлой формы (на плане № 4) со стенками из материковой глины, с остатками кусочков красной краски. Аналогичные ванны открыты в 1934 году в соседних помещениях: две овальной и одна круглой формы (на плане под №№ 1, 2, 3), также с остатками красной краски. Наличие четырех ванн в трех различных помещениях указывает на занятие жителей дома красильным делом. Более точно определить характер красильного производства не представляется возможным из-за отсутствия необходимых материалов. Можно лишь предполагать, что оно могло быть связано с росписью стен по штукатурке, с украшением керамической посуды, с окрашиванием тканей и пр.

Размеры помещений с ваннами очень невелики: самое большое—с ванной № 3—размером 4,50 × 4,50 м, с ванной № 4—около 4,25 × 4,25 м, с ванной № 2—4,60 × 2,80 м, смежное с ним, самое маленькое,—2,75 × 2,60 м.

Стена *е-е* сооружена в более позднее время, она отличается по кладке, состоящей из бутовых камней, и относится к римскому периоду, когда стены *б-б*, *д-д* были использованы в качестве фундамента для стен римского здания.

В результате раскопок за отчетный год выяснены границы дома с северо-западной и северо-восточной стороны, но юго-восточная часть дома остается еще под нераскопанной частью квартала.

Слой земли, непосредственно покрывавший строительные остатки эллинистического дома, достигал толщины 0,50—0,70 м и состоял из желтоватой глины с примесью крупной щебенки. Последняя образовалась при изготовлении цистерн и колодцев и насыщала собой весь слой под вымосткой двора. Сравнительно плохая сохранность стен объясняется тем, что при постройке здания римского времени они разрушались в целях использования тесаных камней, при этом во многих местах была перекопана и насыпь. Наибольшей толщины—до 0,80 м—эллинистический слой достигал в северо-западной части, где он сохранился до уровня подошвы двора.

Возле стены *е-е*, на высоте 0,60 м от скалы, оказался очаг, вымостка из плиток, сильно обгоревших, с золой и сажой. В стене *е-е* открыта цистерна А, отверстие которой было тщательно закрыто плитами. По удалении их оказалось, что верхняя часть цистерны пустая (до глубины около 1 м), остальная же ее часть заполнена чистой землей черного цвета, проникавшей в нее сквозь щели в течение многих столетий. В нижней части земля, вследствие накопившейся в ней воды, превратилась в грязь. Это объяснение происхождения насыпи подтверждается тем, что она не содержала в себе никаких предметов,

кроме нижней части желобчатой амфоры. На стенках цистерны образовались толстые наросты грязи с мелкими сталактитами, возникновение которых можно объяснить проникновением внутрь цистерны воды, грязи и известковых солей.

Цистерна круглой формы, сильно расширена внизу, высота ее 3,0 м, диаметр отверстия 0,48 м, диаметр на уровне дна около 2,30 м.

Жилые помещения дома заполнены глинистой землей с примесью,

Рис. 2. Клейма на амфорных ручках.

в отличие от насыпи под двором, лишь небольшого количества щебенки. Этот слой характерен для жилых помещений эллинистических домов, происходит он от обвалившейся глиняной обмазки стен и потолка. В нем всегда встречаются куски штукатурки с росписью красного цвета.

В насыпи помещения найдены обломки амфор, кувшинов, блюд, чернолаковой посуды, глиняные грузила, мелкие металлические предметы, монеты.

Среди обломков амфор преобладают херсонесские, на втором месте—синопские. Херсонесских амфорных ручек с клеймами найдено 14 экз., синопских—8 экз. (рис. 2). Среди херсонесских встретились две ручки с именем астинома Александра, отсиснутым справа налево; одна ручка с именем Аполлония, сына Пасида; другая с именем Аполлония (имя сохранилось плохо), сына Евмела; ручка с именем Гераклия; ручка с именем Пасиона; ручка с именем Героника; с име-

нем Гераксена; с именем Сополия; две ручки с клеймом мастера, несколько ручек сильно фрагментированы¹.

На ручках синопских амфор имеются имена Посейдония, Никона, Евхариста, Герагена, Гикесия. По Гракову, эти ручки относятся к III, V, VI группам, т. е. к концу III—началу II в. и ко второй половине II—началу I в. до н. э.²

Соотношение количества херсонесских и синопских амфорных ручек подтверждается ножками амфор, среди которых, судя по глине и по форме, херсонесские количественно преобладают над синопскими. Такое же наблюдение сделано над обломками массивных блюд и лутериев. Найдена нижняя часть пифоса из Синоп: дно плоское, диаметром 0,16 м; по фрагментам стенок можно предположить, что пифос имел сферическую форму.

Кувшины встречаются двух основных типов: один — с вытянутым, овальным в сечении корпусом, с широким горлом, с одной вертикальной ручкой, другой — со сферическим корпусом, узким горлом и поднимающейся над ним ручкой; дно у подавляющего большинства кувшинов плоское. Ко второму типу относится кувшин из помещения 2-в-д-с, высотой 0,17 м, украшенный тремя поясками красного цвета по светло-желтой обмазке (рис. 3). Глина кувшина херсонесская, оранжевая, цвет обмазки неровный, обусловленный степенью обжига. Дно сделано в виде плоской подставки, ручка в сечении овальная.

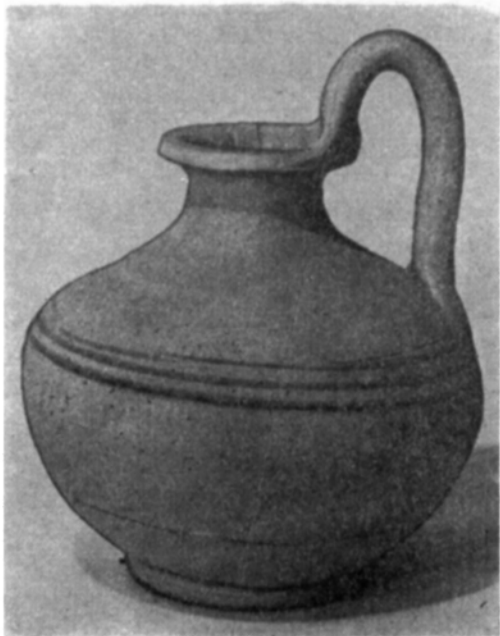

Рис. 3. Кувшин с красными поясками, выс. 17 см.

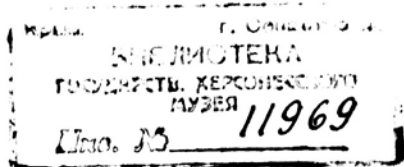
К первому типу принадлежит верхняя часть кувшина, украшенного четырьмя поясками красного цвета на корпусе и двумя поясками на горле; рельефный поясок отделяет горло от плечиков.

Подобным кувшинам принадлежит большое количество фрагментов, украшенных большей частью тремя или четырьмя узкими поясками иногда в сочетании с широкими. Реже встречается растительный орнамент в виде волнистых гирлянд с узкими листьями или с листьями плюща. От лутериев найдены лишь обломки; венчик их украшен обычным образом — вмятинами, чередующимися с рельефными выступами.

Кухонная посуда представлена обломками плоских с низким краем

¹ Некоторые клейма изданы: И. Махов. Амфорные ручки Херсонеса Таврического с именем астиномов, ИТУАК, 48, под №№ 7, 17, 35, 45, 46а, 73а, 87.

² Б. Н. Граков. Древнегреческие керамические клейма с именами астиномов. М., 1929.

сковородок с петлевыми ручками, горшков с отогнутым венчиком и мисок.

Чернолаковой посуды найдено немного, она представлена такими формами, как блюда, тарелки, чашки, блюда, канфары. На нижней стороне дна часто встречаются граффити в виде начальных букв имени или монограмм. Лак на большинстве фрагментов матовый или тусклый, иногда коричнево-красноватый. Канфар, у которого недостает ножки, в нижней части украшен каннелюрами, в верхней—гирляндой из накладной глины оранжевого цвета (рис. 4).

Рис. 4. Канфар чернолаковый

ными радиальными лучами, в нижней части которого находилась, вероятно, голова Гелиоса, часть яблока (?) с радиальными желобками, разделяющими яблоко на четыре сегмента, с четырехлепестковым цветком в углублении.

В числе восьми глиняных грузил пирамидальной формы одно очень массивное; на верхней плоскости некоторых грузил вдавлены клейма: изображение в фас стоящей женской фигуры, голова вправо и др.

Из медных предметов найдены: четыре наконечника стрел трехгранной формы с втулкой и желобками на гранях, мелкие гвозди с круглой широкой шляпкой, рыболовный крючок, щиток перстня овальной формы с углублением, кольцо из толстой проволоки, десять мелких разрозненных колец из тонкой проволоки, тонкие пластинки и др.

¹ Аналогичны найденным в 1947 и 1953 гг., МИА, вып. № 34, 1953, рис. 2а на стр. 162.

С наружной стороны стены *с-с* найден жертвенник из желтого известняка, прямоугольной формы, высотой 0,265 м, шириной 0,26 м. С трех сторон жертвенник профилирован: внизу плинтус со скошенным краем, верх украшен карнизом из полочки, валика и желобка (рис. 5). Четвертая сторона жертвенника оставлена плоской; очевидно, он был установлен вплотную к стене помещения. Имеются обломы.

Архитектурные детали немногочисленны, что объясняется небольшими размерами раскопанной площади, большая часть которой исследована в 1934 году. Найден обломок карниза высотой 0,19 м, длиной 0,24 м, с двумя сужариками, валиками, желобками и полочками. Другой обломок карниза на нижней плоскости украшен тремя рядами капелек, на вертикальной стороне — полочками, валиками и бороздками. Длина сохранившейся части 0,23 м, высота — 0,20 м.

Рис. 5. Жертвенник известняковый.

В верхних слоях найден обломок капители, сильно обтертый, с прямоугольной абакой, с крупными овами под нею, расположенными наклонно, под овом идет желобок, за ним широкий валик и, наконец, узкая нижняя плоскость. Обломок составляет около четверти всей капители, шириной вверху 0,27 м, внизу — 0,145 м; нижний ее диаметр мог быть около 0,30 м, длина же абаки около 0,50—0,55 м, высота капители 0,195 м.

Монеты, найденные в помещениях дома: четыре IV в. до н. э. (№ 1—4), две III в. до н. э. (№ 5, 6) и две II в. до н. э. (№ 8—9). Все они медные, херсонесской чеканки¹. Кроме того, одна монета Каллатии III—II в. до н. э. (№ 7) и одна монета Понта—105—90 годов до н. э. (№ 10).

На полу помещения *г-в-д-с* постоянно встречались куски медного шлака — по-видимому, отходы литейного производства. Большое количество таких же кусков шлака найдено было в 1934 году при раскопках других помещений дома.

Пол в помещении *г-в-д-с* находился на одном уровне с фундаментами его стен, на высоте около 0,50—0,60 м от скалы, и представлял плотно утопанную глину с примесью золы.

С наружной стороны дома к северо-восточной его стене *с-с* вплотную примыкала подошва улицы из утрамбованной гальки и щебенки. Уровень подошвы улицы относится к тому же времени, что и эллинистический дом. Ниже подошвы лежала сплошная щебенка с материковой глиной.

Между стенами *л-л*, *з-з* и с обеих сторон этих стен ниже вымостки двора залегала, как уже сказано, крупная щебенка с примесью

¹ Определение монет прилагается к отчету.

глины, толщиной около 0,80 м. В этом слое обломки керамики встречались в очень небольшом количестве. С наружной стороны стены *m-m* раскопана траншея шириной 1,0 м, слой здесь состоял также из щебенки и глины с очень малым количеством обломков керамики. Изредка встречались обломки амфор, лутериев, кувшинов.

Раскопка показала, что наружная стена *m-m* в большей своей части основана не на скале, как стены жилых помещений, а на слое щебенки с глиной. Объясняется это тем, что стена *m-m*, ограждавшая двор, не несла на себе большой нагрузки и потому могла быть основанной на насыпи.

Рис. 6. Флакон с клеймом.

К эллинистическому времени относится миниатюрный глиняный сосуд, найденный на скале под храмом № 4. Высота сосуда 0,038 м, наибольший диаметр 0,048 м. Дно у него плоское, в виде подставки, корпус конической формы, приземистый, с низким отогнутым венчиком (рис. 6). Четыре основания ручек, попарно расположенные, указывают на то, что ручки

были дуговидной формы. Утрачена и большая часть венчика, покрытого черным жидким лаком, пятна которого видны на корпусе. Между ручками на стенке вдавлено прямоугольное клеймо в две строки:

ΛΥΚΙΑΣ
ΛΥΚΙΟΝ,

означающее, по-видимому, два имени: мужское и женское. Судя по малому вместительству, диаметром 0,011 м, и массивным стенкам и дну, придающему сосуду прочную устойчивость, он мог быть флаконом для хранения драгоценных благовоний.

2. ПЕРИОД I—IV вв.

При раскопке под XI поперечной улицей обнаружено несколько слоев, относящихся к различным периодам. Общая толщина земли под улицей достигала 3,50 м. Подошва улицы эллинистического времени находилась на высоте около 0,80 м от скалы.

Над эллинистическим слоем лежала довольно чистая земля темно-серого цвета, содержавшая в себе небольшое количество керамики первых веков н. э. Здесь найдены обломки амфор с желобчатыми ручками и острым коническим дном; ножка амфоры с углублением снизу, из глины коричневого цвета с мелкими золотистыми блестками; обломки кухонной закопченной посуды; обломки краснолаковой керамики; куски стеклянной посуды, например, нижняя часть бальзамария; куски плоского оконного стекла.

Из отдельных предметов найдены краснолаковые тарелки фрагментированные, одна диаметром 0,145 м, высотой 0,035 м, с вдавленными кольцами внутри и клеймом — надписью РОУ ФОУ, другая диаметром 0,16 м, высотой 0,037 м с клеймом в виде розетки внутри двух concentрических колец; обе тарелки на низкой кольцевой подставке. Два обломка краснолаковых овальных блюд, украшенных

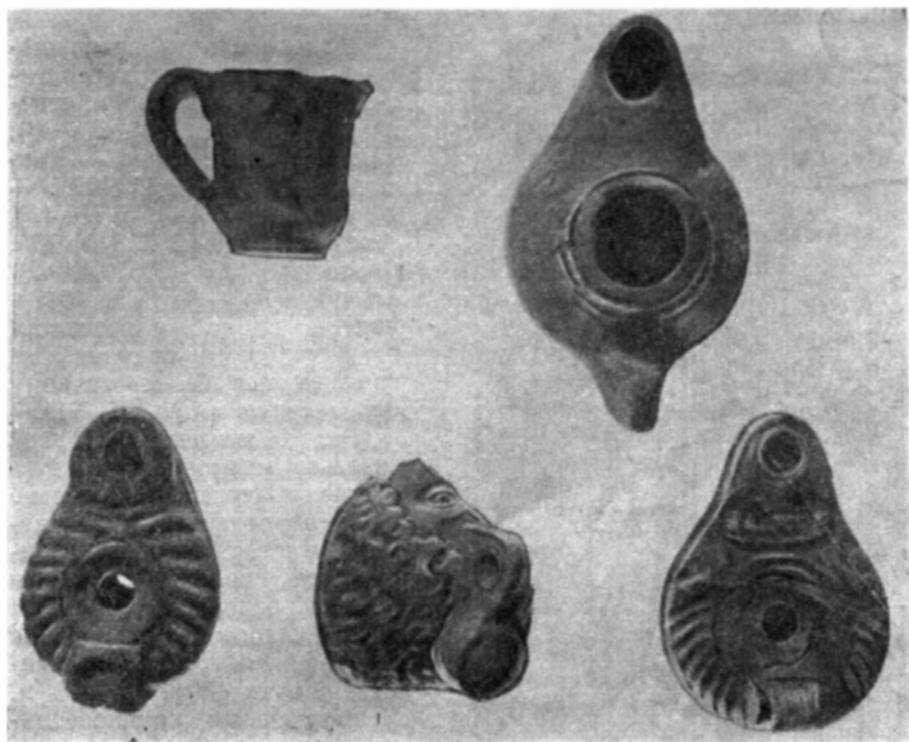

Рис. 7. Чашечки и светильники.

рельефными изображениями: на одном — бегущего оленя, на другом — человеческой фигуры вправо. Часть такого же блюда, но покрытого коричневым лаком и украшенного врезанными concentрическими кольцами. Двуручная чашечка (одна ручка утрачена) с плоским дном, покрытая красным матовым лаком, высота ее 0,042 м (рис. 7). Фрагмент в виде человеческой головы, от которой сохранилась лишь левая верхняя часть лица и волосы, принадлежал, вероятно, светильнику, о чем можно судить по характерной для светильников кольцевидной ручке и горлышку (рис. 7). Два светильника с рубчиками на плечиках: один с маленькой ручкой, покрытый коричневым лаком, диаметром 0,057 м, высотой 0,024 м (рис. 7); второй более грубой работы, без лака и меньших размеров, диаметром 0,048 м, высотой 0,024 м (рис. 7), ручка его утрачена. Светильник, диаметром 0,06 м, высотой 0,04 м, из местной глины красного цвета, без лака, грубой работы, с широким носиком, с ручкой в виде выступа и высоко приподнятым горлышком с большим отверстием, с копытю на носике (рис. 7).

Из других предметов следует упомянуть лезвие железного ножа длиной 0,096 м; костяной стиль, острый конец которого обломан, дли-

ной 0,069 м; костяные шашки (?), одна в виде цилиндрика с коническим верхом, высотой 0,023 м, диаметром 0,024 м, другая полусферической формы с продольным отверстием, горизонтальной вставкой, украшенная пятью врезанными поясками, высотой 0,017 м, диаметром 0,026 м; кольцо из толстой медной проволоки с несомкнутыми концами, диаметром 0,033 м; медные мелкие гвозди с круглыми широкими шляпками, куски тонких медных пластинок, медный рыболовный крючок, обломок медной иглы и др.

Рис. 8. Мраморная статуэтка Эрота.

Монеты в этом слое найдены следующие: херсонесские периода элвтерии, середины II—III вв. (№№ 11—13), римских императоров — Констанция II (337—361) №№ 17—24, Валента (364—375) (№ 40), Грациана (375—383) (№ 41), Феодосия I (379—395) (№ 42), Аркадия (395—408) (№ 46) и монеты плохой сохранности позднеримского времени, не поддающиеся более точному определению (№№ 25—31).

Редкой и ценной находкой является мраморная статуэтка Эрота, к сожалению, сильно фрагментированная. У нее недостает ног, сбито лицо, верхняя часть головы отбита и найдена отдельно, обломаны крылья, много мелких выбоин и щербин. Высота сохранившейся части фигурки 0,47 м. Мрамор белый, крупнозернистый (рис. 8). Эрот представлен обнаженным, с крупной птицей, по-видимому, петухом, или орлом (голова, шея и хвост птицы отбиты, что затрудняет более точно ее определить), которую он прижимает руками клевому боку.

На спине Эрота частично сохранились остатки крыльев.

Сзади фигурка имеет продольный выступ прямоугольного сечения, указывающий на то, что статуэтка составляла часть архитектурного сооружения, примыкая оборотной стороной к стене. Поверхность тела полированная, блестящая. В волосах видны углубления, исполненные буравчиком. Волосы сверху и сзади обработаны обобщенно, что подтверждает принадлежность статуэтки какому-либо зданию.

Мастеру удалось передать полное тело ребенка с нежной кожей, со складками и перепоночками, видными на правой ноге. Однако пропорции фигурки нарушены: шея по сравнению с туловищем очень коротка, правая рука выполнена плоско, особенно бросается в глаза слишком широкая и плоская кисть руки.

Изображения ребенка с птицей в скульптуре позднеэллинистиче-

ского, в особенности римского времени, встречаются часто. Они имели большей частью декоративное значение, украшая дворы и садики богатых домов. В собрании Эрмитажа имеется большая группа мраморных статуэток, изображающих мальчиков с птицами. Наиболее близким является торс обнаженного мальчика, прижимающего к левому боку птицу крупных размеров (Эрмитаж, инв. № А. 788). Отличием херсонесской фигурки являются крылья, отсутствующие на статуэтках Эрмитажа. Последние следует признать жанровыми изображениями детей, взятых из повседневной жизни. Херсонесская же статуэтка изображала ребенка Эрота.

3. ПЕРИОД V—VI вв.

Под помещением V находились две известковые ямы №№ 3, 4, частично раскопанные в 1934 году (всего было открыто на этом участке шесть ям и одна известково-обжигательная печь). Ямы, обложенные внутри камнями, служили для раствора извести при постройке базилик в двух соседних кварталах (одна из них открыта в 1932 году, другая в 1935 году). Яма № 4, большая часть которой оказалась под помещением V и раскопана в отчетном году полностью, отличается от прочих своими большими размерами (4,50 × 4,0 м) и монументальными стенами, сложенными из крупных камней. На дне ямы лежал толстый слой извести, которая покрывала и стены. По окончании строительства известковые ямы были использованы для свалки мусора. Они оказались заполненными огромным количеством кухонных отходов, главным образом створками раковин устриц, отчасти и гребешков, костей домашних животных, мелких камней и пр. В разрезе этой мусорной насыпи хорошо видны наклонные ее слои, постепенно заполнявшие яму.

Кроме кухонных остатков, в насыпи ямы находилось большое количество железных гвоздей, обломков кухонной закопченной посуды, желобчатых амфор, стеклянной посуды и плоского стекла. Среди отдельных предметов найдены железный нож, амфора с цилиндрическим корпусом, светильники, монеты.

Амфора, высотой 0,55 м, имеет сферическое дно, желобчатый корпус и короткое горло с желобчато-реберчатыми ручками (рис. 9). По форме она близка к амфоре, найденной при раскопках винодельни в 1947 году, но имеет более вытянутый корпус. находка ее представляет большой интерес, так как она восполняет пробел в нашем знании форм керамики периода раннего средневековья. Черепок амфоры оранжевый.

Интересной находкой является часть горла амфоры с рельефными поясками в виде валиков, разделяющих горло на несколько ярусов. Горло украшено гравированными изображениями животных, обращенных вправо (рис. 10). На верхнем, узком фризе—животное с длинным туловищем и узкой вытянутой головой, с длинными ушами; впереди него другое маленькое животное. На втором, широком фризе сохранилась передняя часть рогатого оленя, дерево и часть второго животного. Остатки изображения на нижнем фризе очень малы и неясны. Заслуживают внимания элементы пейзажа в виде дерева, внесенные мастером в композицию.

Встречались отдельные обломки амфор с густым глубоким рифлением, попадались они и в предыдущие годы в раннесредневековом слое, но всегда лишь в виде маленьких обломков. Вместе с ними

обычно находятся обломки больших блюд, покрытых матовым красным лаком (или обмазкой), с клеймами в виде вдавленного креста.

В насыпи той же ямы № 4 найдены два глиняных светильника, без лака и обмазки, грубой работы. Один из них с вогнутым широким щитком, почти без плечиков, широким массивным носиком с копытю и кольцевидной ручкой (рис. 11), шириной 0,066 м, высотой 0,035 м.

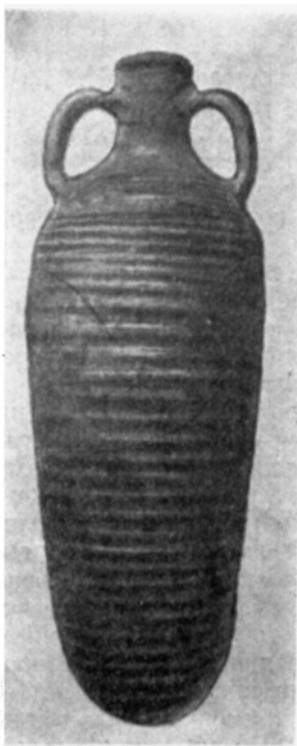

Рис. 9. Амфора VI в.

Рис. 10. Горло амфоры с изображениями животных.

Второй светильник небольшой, с круглым корпусом, высоким щитком, длинным носиком, с копытю, диаметром 0,055 м, высотой 0,038 м (рис. 11).

Редкой находкой является стеклянный кружок—эксагий, диаметром 2,2 см, с монограммой внутри рельефного ободка.

В насыпи ямы оказалось свыше двадцати монет, из них одна первой половины III в. (№ 14), семь монет позднееримских—IV в. (№ 32—38), вследствие плохой сохранности не поддающихся более точному определению, одна боспорская Рискупорида VI (№ 15) IV в., одна Феодосия I (379—395) (№ 43), одна Аркадия (395—408) (№ 47), две Льва I (457—474) (№№ 48, 49), две Анастасия или Юстина (491—518 или 518—527) (№№ 51—52), одна V в. (№ 55), восемь Юстиниана I

(№№ 58—65). Таким образом, самые поздние монеты датируются временем правления Юстиниана I (527—565 гг.). Следовательно, известковая яма перестала действовать и была заброшена в VI в., точнее в третьей четверти VI в.

Монеты имеют большое значение, во-первых, для определения времени предметов, найденных в насыпи ямы (амфор, светильников

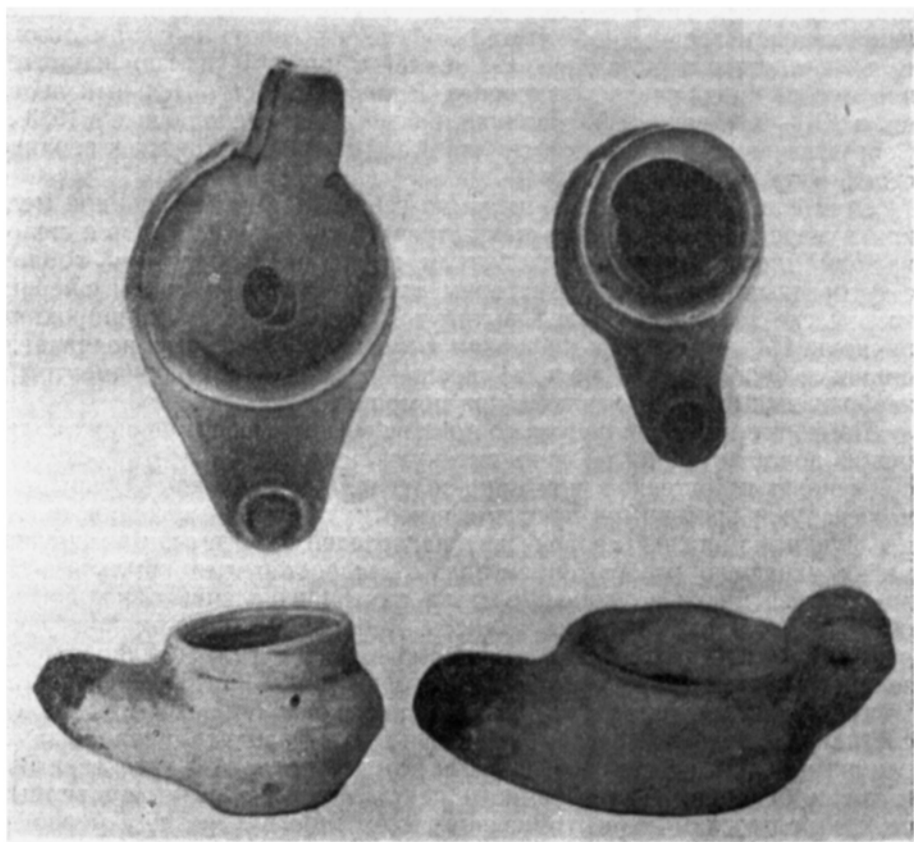

Рис. 11. Светильники из известковой ямы.

и др.), во-вторых, они косвенным образом указывают на время сооружения христианских базилик, раскопанных в 1932 и 1935 годах, подтверждая прежде высказанную дату—VI в., определенную на основании архитектурных деталей и других данных¹. Позднее базилики подвергались перестройке и ремонту, в частности мозаичный пол их мог быть выполнен в IX—X вв., однако возникновение храмов относится ко времени не позднее VI в.², что вновь подкрепляется материалами наших раскопок.

¹ МИА, № 4, стр. 224 сл., Г. Д. Белов. Отчет о раскопках в Херсонесе за 1935—1936 гг., Симферополь, 1938.

² В 1950—1951 годах, после снятия мозаичного пола в базилике 1935 года, были произведены раскопки под ее южным нефом, при этом обнаружены остатки нескольких полов и следы перестройки здания, см. С. Ф. Стрелецкий. Античные памятники Херсонеса из раскопок 1950 г., ВДИ, 1951, № 2.

4. ПЕРИОД IX—X вв.

На описываемом участке раскопок 1933—1934 годов каких-либо строительных остатков, относящихся к первой половине средневековья, не обнаружено. Отсутствие жилых домов и других зданий VI—X вв. в этом квартале можно объяснить тем, что территория между двумя близко расположенными одна от другой базиликами являлась городской площадью. Подтверждается это предположение тем, что после ликвидации известково-обжигательной печи и известковых ям строительная площадка была засыпана землей и мусором, причем накопление мусора продолжалось и позднее. В последний строительный период, в XIII—XIV вв., здесь возникли жилые дома, раскопанные в 1933 г. Сооружались они на мощной земляной насыпи, относящейся в верхней своей части к IX—X вв.

Этот слой состоял из земли темно-серого цвета, насыщенной мелким мусором. Из керамики в нем встречаются обломки амфор с шаровидным дном, широким желобчатым корпусом и коротким горлом с дуговидными ручками. Характерны для этого слоя кувшины с черепком красно-кирпичного цвета, вытянутой формы, с плоскими широкими ручками. Наряду с этими амфорами и кувшинами впервые появляется поливная белоглиняная посуда, украшенная рельефным орнаментом и изображениями, исполненными при помощи штампа.

По форме поливная посуда состоит из мисок и чаш, имеющих кольцевую подставку, иногда очень высокую. Полива двух цветов—желтая с зеленоватым оттенком или ярко-зеленая. Одна из чашек, украшенная снаружи врезанными поясками и вертикальными вмятинами, имела две ручки; на нижней стороне дна нацарапано граффити. Дно другой миски украшено изображением орла с распростертыми крыльями. На дне третьей миски помещена розетка внутри вдавленного кольца, на оборотной стороне вырезана надпись. Небольшой обломок края четвертой чаши с рельефным венчиком покрыт густой поливой ярко-зеленого цвета и украшен врезанным орнаментом из пересекающихся косых линий. От пятой чаши сохранилась её боковая сторона со слегка утолщенным краем и вертикальной дуговидной ручкой; внутренняя и наружная стороны покрыты зеленой поливой с характерными пятнами более густого и темного цвета. Миниатюрный шаровидный сосудик с плоским дном, горло и ручка которого утрачены, украшен на плечиках и сохранившейся части горла четырьмя белыми поясками.

Помимо керамических обломков, в этом слое встречались куски оконного стекла и обломки стеклянной посуды, а также стеклянных браслетов. Перечисленные предметы специфичны для слоя IX—X вв., что подтверждается раскопками в течение уже многих лет. Из других предметов найдены железный нож, точильный брусок, плоское пряслице, овальная стеклянная бусина, медные монеты Василия I (867—886) (№№ 66—69), Льва VI (886—911) (№№ 71—72), Романа I (920—944) (№№ 73—81). Под XI поперечной улицей открыт канал водостока, сложенный из камней и перекрытый плитами. Канал заполнен внутри чистой намывной землей, характерной для водостоков. Время существования водостока—IX—X вв.

5. ПЕРИОД XIII—XIV вв.

На участке между раскопом 1934 года, с северо-запада, и Продольной улицей, с ЮВ, в отчетном году открыты верхние строительные остатки, относящиеся к XIII—XIV вв. Раскопанная площадь составляет

около 950 кв. м, длина квартала 35 м, ширина 27 м. Кроме того, продолжена раскопка XI поперечной улицы, раскопаны Продольная и XII поперечная улицы и три храма в соседнем квартале. Общая территория, подвергнутая исследованию, без участка 1934 года, достигает 1250 кв. м.

В квартале оказались три жилых дома, два из них занимают северо-восточную половину квартала, прилегающую к XI поперечной улице, третий дом находится в юго-западной части, возле XII поперечной улицы (план на рис. 12). Для всех трех домов характерны некоторые общие черты: план помещений неправильный, кладка стен выполнена из бутового камня на грязи, лишь в дверных проемах положены тесаные камни; стены основаны на насыпи—опущенный в нее фундамент не превышает двух яров кладки.

Для придания стенам большей прочности применялись деревянные балки, которые вкладывались в горизонтальные пазы на высоте 0,25—0,50 м от пола. Второй ярус связей находился в верхней части стен, о чем можно судить по тем помещениям, в которых стены сохранились на достаточную высоту. Во время гибели домов балки сгорели, пазы оказались пустыми, что ускорило разрушение стен. В процессе раскопок приходится наблюдать наклон части стены, находящейся выше пазы, а затем обвал ее до уровня пазов. В кладке стены дома II, между внутренними и внешними пазы, впервые удалось заметить два углубления, расположенные наискось, по-видимому, в них находились деревянные связи, скреплявшиеся с балками в пазы (см. на плане юго-восточную стену помещения 8).

Толщина стен в среднем около 0,65 м. На внутренней их стороне в некоторых помещениях сохранилась глиняная обмазка, следов штукатурки нигде не обнаружено.

О характере кладки стен дают представление два разреза, продольный АБ и поперечный ВГ, с зарисовками кладки с фасовой стороны (чертеж на рис. 13).

В состав каждого дома входят, помимо жилых помещений, подвальная кладовая и двор. Полы в помещениях земляные, вымостки из камней встречаются только во дворах. Кровли черепичные—на полу помещений черепица лежала толстым слоем. Сохранность стен достигает около 1,0 м высоты; стены, граничащие с улицами, сохранились хуже—они подвергались разборке в новое время. Особенно пострадали стены дома II, через который проходила вымостка дороги монастырского сада, шириной около 2,0 м, толщиной до 0,80 м. Возле вымостки шла траншея, в которой кладки стен были выбраны, а засыпь в траншее оказалась перемешанной. Вследствие того, что сохранился лишь низ стен, местонахождение некоторых дверных проемов выяснить не удастся.

Жилые помещения были заполнены камнями до высоты стен. Особенно мощным завал камней был в подвальных кладовых, обозначавшихся до раскопок глубокими ямами. Дома погибли во время пожара, охватившего весь квартал. Во всех помещениях на полу лежали обгоревшие куски дерева, уголь, сажа. На стенах глиняная обмазка стала обожженной, каменные плиты в дверных проемах потрескались от огня. Следы огня хранят на себе и многочисленные предметы: на поливных сосудах полива вскипела и почернела, зерно пшеницы и проса обуглилось. Характерно, что в трех помещениях, где было много горючего материала, например в подвалах, над которыми располагались жилые комнаты, черепица от сильного жара при падении разбивалась на мелкие кусочки кубической формы.

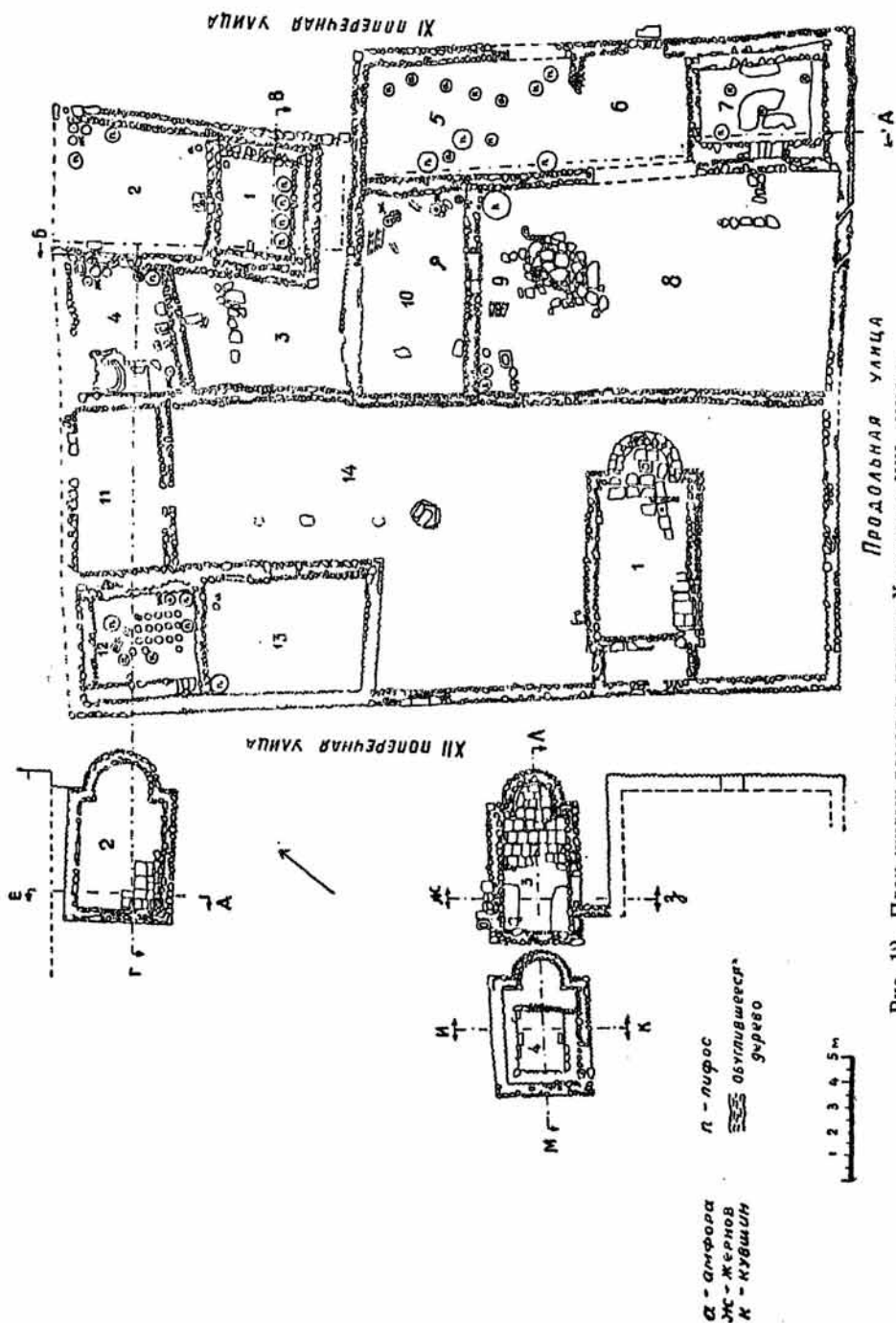

Рис. 12. План жилых домов и храмов Херсона XIII—XIV вв.

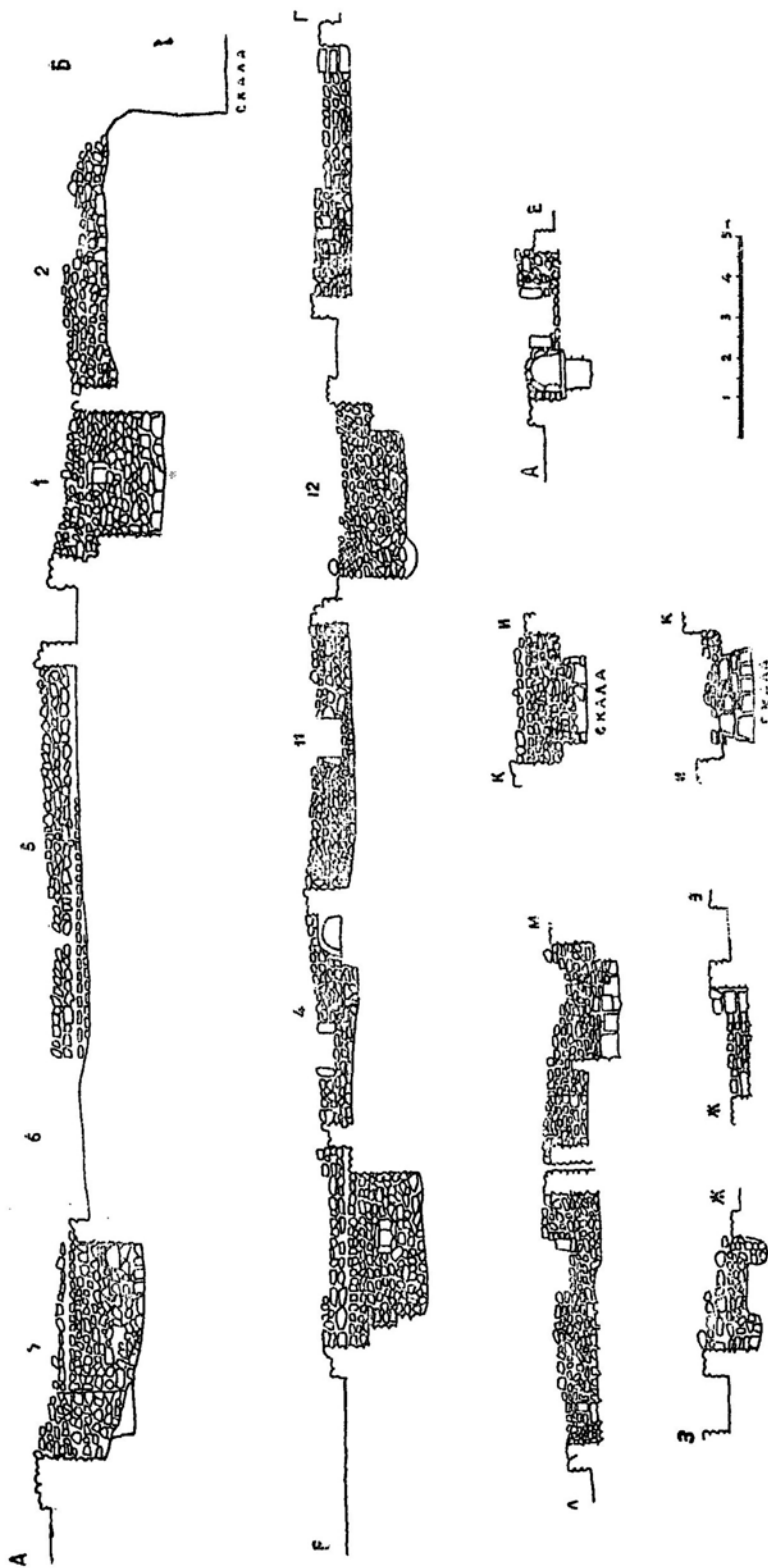

Рис. 13. Разрезы и фандровки стен.

Дом занимает северную часть квартала и состоит из трех помещений и двора. Длина дома 13 м, ширина около 11 м, общая площадь—около 140 кв. м. От XI Поперечной улицы во двор ведет узкий переулок шириной 1,40 м, длиной 6,50 м. В качестве порога использованы две мраморные плиты, взятые из соседней базилики. Небольшой двор, в плане неправильный четырехугольник, расположен в южной части усадьбы, длина его 7,0 м, ширина 5,0 м, северный угол острый, западный—тупой. В северо-западной части двора сохранилась вымостка из плит, среди которых оказалась часть мраморной капители, происходящей из базилики. Со двора дверной проем ведет в помещение № 4.

В этом помещении оказались две печи, расположенные вплотную возле стены (см. план и рис. 14). Большая печь сильно разрушена:

Рис. 14. Печи в помещении № 4.

северо-западная стенка обвалилась вместе со стеной дома, верхняя часть, находившаяся близко к поверхности, и углы шестка не сохранились. Основание печи сложено из камней, длина ее 1,25 м, длина с шестком 1,68 м, ширина сохранившейся части печи 1,30 м, высота шестка 0,50 м. Стенки печи, уцелевшие на высоту 0,35 м, сложены из крупных кирпичей размерами $24 \times 12 \times 7$ см и более. Под ее вымощен каменными плитами, положенными на подсыпку из гальки и гравия, сильно обгоревшими от длительного использования. Внутри печь имеет округлую форму, около 1,15 м в диаметре. В кладке стенок печи сохранились четыре ряда кирпичей.

Малая печь вплотную примыкает к большой с юго-восточной ее стороны. Основание печи и шесток обложены камнями. Наружная длина печи 1,30 м, ширина до выступающего шестка большой печи 0,95 м, высота шестка от пола 0,40 м, ширина 0,25 м. Печь в плане внутри почти круглая: длина по линии юго-запад—северо-восток—0,90 м, ширина 0,70 м. Стенки печи и сводчатое ее перекрытие сложены из обломков черепицы на глине, сильно перегоревшей. В устье

печи каменный столбик уцелел лишь с северо-западной стороны, другой же столбик не сохранился, поэтому ширину устья, обращенного к СВ, не удалось выяснить. Под печи вымощен четырьмя черепицами, положенными гладкой оборотной стороной вверх. Свод печи под давлением завала камней несколько деформирован и смещен, в центре же вверху образовалась пробойна. Высота свода внутри около 0,25 м.

Печи, как видим, отличаются одна от другой не только размерами, но и техникой постройки. Поэтому и назначение печей, надо думать, было неодинаковым: малая печь могла служить для варки пищи, а большая—для выпечки хлеба. На последнее указывают более толстые стенки и под ее, сложенный из плит, значительно дольше сохранявшихся в печи жар, необходимый для выпечки хлеба.

Возле юго-восточной стены помещения находилась врытая глубоко в землю каменная ступа, глубиной 0,32 м, диаметром 0,21 м (размеры плиты $0,55 \times 0,48$ м). Рядом с нею лежали две плиты с выемками, обращенными друг к другу (рис. 14 и план). Можно предполагать, что в выемках помещался брусок для опоры столбика с рычагом, на конце которого был прикреплен пест, служивший для размола зерна в ступе. Подобное приспособление было открыто при раскопках 1933 г.¹

В северном углу помещения лежали две пары разбитых жерновов—одна диаметром 0,45 м, другая—0,40 м. Кроме жерновов, здесь лежало перевернутое кверху дном каменное корыто. Возле малой печи на полу находился большой точильный камень размерами $0,38 \times 0,27 \times 0,09$ м, ромбической формы (рис. 14). В промежутке между печами и юго-восточной стеной стояли в наклонном к юго-западной стене положении девять плит, по фактуре аналогичные жерновам, красноватого цвета с кварцевыми вкраплениями. Плиты являлись, несомненно, запасным материалом для изготовления жерновов.

В южном углу того же помещения на полу лежала мраморная плита—правая средняя часть надписи, от которой сохранилось пять строк; надпись имела обрамление в виде рельефного края, валика и желобка. Высота букв неодинакова, по характеру их начертания надпись можно отнести к III в.²

В восточном углу помещения стояли пифос с рыбой и рядом с ним амфора, разбитые обвалившимися на них камнями. Против дверного проема лежала каменная плита длиной 0,25 м и шириной 0,37 м, служившая ступенью.

Кроме описанных предметов, в этом помещении были найдены глиняные сосуды: горшок, обломки поливных расписных мисок, тарелок и маленького кувшина, в южном углу, на полу,—звенья железной цепи, нож, гвозди и др. (описание их см. ниже), семь монет (№№ 75—81) Романа I (920—944); при зачистке разреза земли с СЗ стороны большой печи, ниже ее основания, найдены две монеты: одна (№ 44) Феодосия I (379—395), а другая (№ 92) ранневизантийская, Юстиниана I (527—565) или Юстина I (518—527).

В подвальной кладовой (помещение № 1), как и в других подобных кладовых, кроме наружных стен дома, вниз опущены внутренние стены подвала. Таким образом, с трех сторон стены оказываются двойными, стена же, обращенная к помещению № 2, одинарная (см. план и раз-

¹ МИА, № 4, рис. 101 на стр. 260.

² Судя по фактуре, размерам и обрамлению плиты, она принадлежит к серии рельефов и надписей, найденных в 1935 г., см. Г. Д. Белов. Отчет о раскопках за 1935—1936 гг., ВДИ, 1940, № 3—4, Херсонесские рельефы, стр. 266—287. Надпись издана Э. Н. Соломоник, см. настоящий сборник.

резы АБ, ВГ). На внутренних стенах лежало перекрытие подвала, над которым находилось жилое помещение. Внутренние размеры подвала следующие: длина 3,95 м, ширина 2,90 м, глубина от поверхности внутренних стен от 1,55 до 1,90 м. В трех стенах устроены ниши глубиной в толщину стен (разрезы АБ, ВГ), образованные штучными плитами.

Подвал был заполнен завалом камней. На полу, возле юго-восточной стены, находились раздавленные пифосы и другая посуда: обломки кувшинов и большого количества поливных блюд и мисок, а также медная икона, цепи от лампы, навершие древка хоругви, железные гвозди, несколько глиняных грузил (описание см. ниже). В одном из пифосов оказалось большое количество обуглившегося зерна пшеницы или ячменя. При зачистке пола найдена монета (№ 88) Романа II (959—963).

Помещение № 2 отличается наибольшими размерами: его длина 6,05 м, ширина 5,30 м; северо-восточная стена его, как и помещения № 4, обвалилась, за исключением нескольких камней. Вследствие плохой сохранности северо-восточной стены невозможно выяснить, был ли в ней дверной проем с улицы. Пол в помещении неровный, с ямой в восточном углу. Под завалом камней лежал слой черепицы, на которых встречались клейма в виде буквы В, изображения всадника, орла и др. Как и в других помещениях, здесь оказались мраморные архитектурные детали, взятые из базилики: колонна от алтаря с каннелюрами на одной стороне, обломки алтарных преград и др. В северном углу на полу лежали три жернова диаметром 0,38 и 0,44 м, два раздавленных пифоса, в восточном углу—амфора, поливное блюдо с изображением воина и зверя, небольшие кувшины, светильники. Возле юго-восточной стены на полу найдены железные орудия: топор, мотыга, две зубатки, жаровня для огня, употреблявшаяся при ловле рыбы, а также два больших внутренних замка круглой формы, свыше 30 железных гвоздей, 21 глиняное грузило цилиндрической формы, монета Василия I (№ 70).

Вход в помещение над подвалом вел из помещения № 2, на что указывает сохранившаяся у стены ступень, сделанная из мраморного блока.

Дом № 1 отличается небольшими размерами (другие дома, описанные ниже, значительно превышают его по площади), однако предметов в нем найдено большое количество. Особенностью дома является наличие двух печей. Характерно нахождение в доме нескольких пар жерновов, ступы и запаса каменных плит, из которых изготавлились жернова. По-видимому, размол зерна производился в большом количестве. В пифосах хранились запасы зерна пшеницы и ячменя, обуглившиеся остатки которых найдены при раскопках.

Следует отметить массу посуды, собранной в помещениях дома: здесь находились пифосы, амфоры и большие кувшины—тара для хранения продуктов; очень много оказалось поливной посуды—блюд, мисок, тарелок, кувшинов, некоторые из них отличаются художественным выполнением. Ниже дано описание найденных в доме предметов.

Амфора высотой 0,48 м, диаметром 0,19 м (рис. 15), с коническим корпусом, округлым дном, коротким узким горлом с венчиком в виде валика, с поднятыми выше горла массивными ручками. Корпус амфоры украшен поперечными бороздками. Глина красновато-оранжевая, местная. Форма амфоры типична для Херсонеса XIII—XIV в. Подобные амфоры были найдены, например, в 1938 году¹ в соседнем квартале, в 1948 году, а также в доме III в отчетном году.

¹ МИА, № 4, рис. 102 на стр. 260.

Горшок, высотой 0,115 м, с плоским дном, отогнутым венчиком, дуговидной ручкой, с широким желобком на верхней части корпуса (рис. 16). Глина темно-серая, в изломе коричневая.

Горшок с плоским дном высотой 0,095 м, диаметром 0,085 м. Вытянутый корпус, украшенный на плечиках врезанными поясками, переходит в отогнутый венчик. Вертикальная ручка утрачена. Глина в изломе красная, снаружи серая.

Горшочек с плоским дном, высотой 0,095 м, диаметром 0,075 м, с вытянутым корпусом, суживающимся кверху, с слегка отогнутым венчиком. Верхняя часть украшена несколькими желобчатыми поясками, корпус—вертикальными плоскими полосками. Глина в изломе красная, снаружи серая (рис. 17).

Кувшин с плоским дном, шаровидным корпусом и узким горлом, высотой 0,12 м, диаметром 0,09 м, из серой глины. Поверхность горла и корпуса украшена вертикальными срезаемыми полосками, аналогичными полоскам на предыдущем горшочке (рис. 17).

Кувшинчик с плоским дном, шаровидным корпусом и узким горлом, высотой 0,095 м, диаметром 0,075 м, одноручный (рис. 16).

Кувшинчик с плоским дном, биконическим корпусом, узким высоким горлом с расширенным венчиком, одноручный, высотой 0,10 м, диаметром 0,065 м (рис. 16). Глина в изломе коричневатая, снаружи серая.

Часть кувшина из красно-коричневой глины (склеена): верхняя половина со следом от ручки, с остатками горла, имевшего вытянутый носик—слив. Сохранившаяся высота 0,15 м, диаметром около 0,16 м. Горло украшено семью поперечными узкими желобками, плечики корпуса—двумя поясками, состоящими из многих тонких линий.

Часть кувшина из серой глины, с плоским дном, с вытянутым корпусом. На плечиках его, судя по отверстию, находился носик, от которого остался след. На средней части корпуса врезанный орнамент: два пояска из дуговидных углублений и волнистая линия между ними.

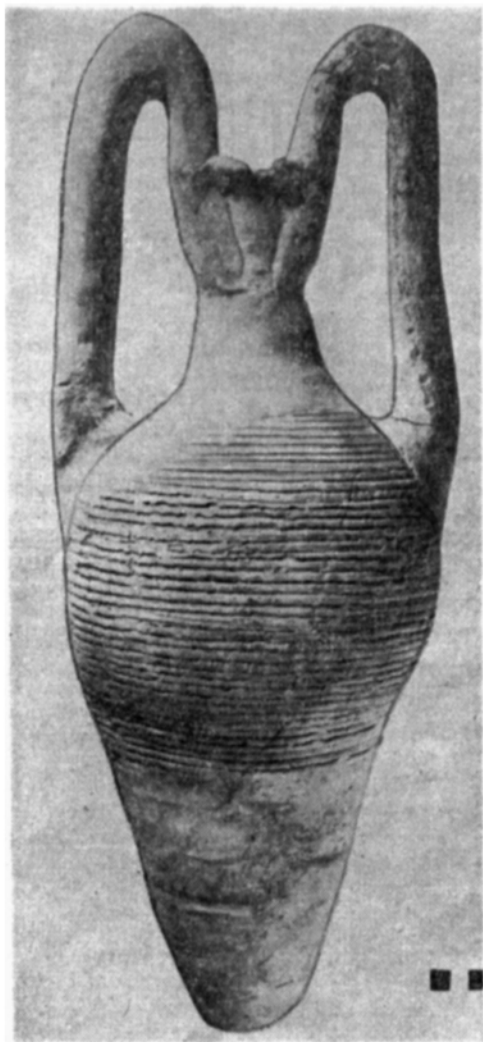

Рис. 15. Амфора из дома 1, выс. 48 см.

Недостает части корпуса и горла. Сохранившаяся высота 0,14 м, диаметр 0,125 м.

Кувшин на кольцевой подставке, с приземистым биконическим корпусом, с расширяющимся кверху горлом, одноручный (рис. 18),

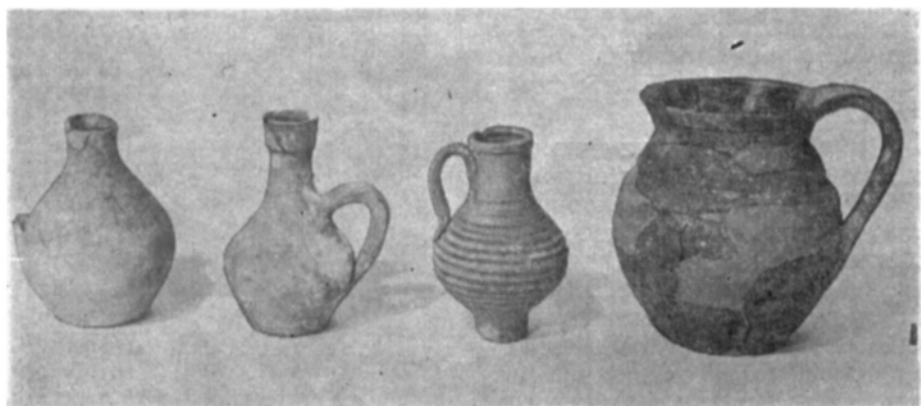

Рис. 16. Кувшины и горшок.

высотой 0,12 м, диаметром 0,10 м. Глина серо-коричневого цвета. Покрыт поливой зеленого цвета, кроме нижней части корпуса. Реставрирован, недостает ручки и венчика горла. Судя по цвету поливы, верхняя часть кувшина покрыта ангобом: вверху полива ярко-зеленого цвета, внизу же, где она лежит непосредственно на глине, — коричневого цвета с слабым зеленоватым оттенком.

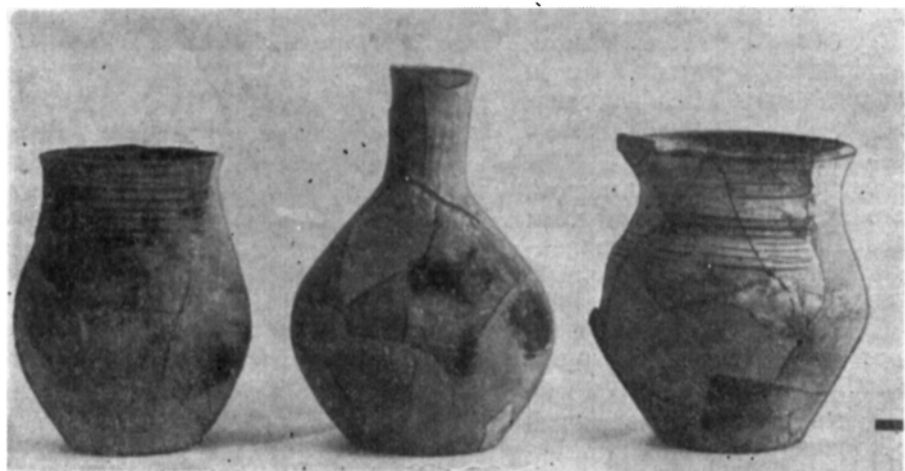

Рис. 17. Горшочки и кувшин.

Кувшинчик с плоским дном, сферическим корпусом, высоким широким горлом и дуговидной ручкой (рис. 18), высотой 0,105 м. Глина серо-коричневая. Кувшин покрыт поливой, кроме нижней части, непосредственно по глине; цвет поливы неодинаков — от зеленого до коричневого. Кувшин склеен, часть горла дополнена гипсом. Форма кувшина и ручки неправильная, работа небрежная. По форме и величине близок к следующему кувшину.

Небольшой кувшин с плоским дном, шаровидным корпусом и широким горлом, со сливом в виде слегка оттянутого края, с дуговидной наискось расположенной ручкой, высотой 0,105 м (рис. 18). Глина оранжевая. Снаружи, кроме нижней части, кувшин покрыт блестящей поливой зеленого цвета.

Рис. 18. Поливные кувшины.

Кувшинчик на плоской подставке, с шаровидным корпусом, одноручный, недостает горла и ручки, высотой 0,09 м (рис. 18). Глина красноватого цвета. Кувшин покрыт ангобом и поливой желтого цвета. Корпус украшен гравированным орнаментом в виде двух звеньев плетенки, одна полоса которой окрашена в зеленый, другая в коричневый цвет. Между плетенками помещен неправильной формы четырехугольник (листик, цветок).

Аналогичные по форме кувшины с орнаментом в виде плетенки известны в Херсонесе из прежних раскопок (МИА, 17, табл. XVIII, 68, 69).

Светильник глиняный, диаметром 0,07 м, высотой 0,048 м, с плоским дном, с желобком на длинном носике, с широким горлом (рис. 19).

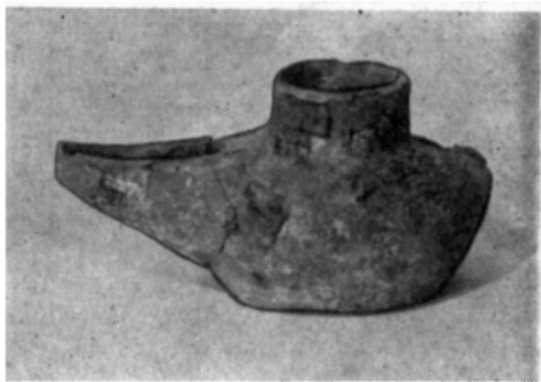

Рис 19. Светильник поливной.

Ручка утрачена, отбит кончик носа, имеются выбоины. Полива зеленого цвета покрывает светильник внутри и снаружи, кроме дна, оставленного в цвете глины (серо-коричневом).

Большой кувшин, высотой 0,214 м, с плоским дном, с цилиндрическим корпусом, слегка округлым в нижней части, с утолщенным венчиком, с широкой плоской ручкой и большим носиком со спиральным желобком. Корпус украшен поперечными желобками и покрыт поливой ярко-зеленого цвета, кроме нижней части. Глина белая, слегка желтоватая (рис. 20).

Кувшин белоглиняный, высотой 0,145 м, диаметром 0,08 м, с плос-

ким дном, коническим корпусом, плавно переходящим в узкое горло, с большой дуговидной ручкой. На корпусе имеются слабо выраженные горизонтальные желобки. Кувшин снаружи покрыт, кроме нижней части и дна, поливой ярко-зеленого цвета. Форма кувшина и ручки неправильная, работа небрежная (рис. 21).

Рис. 20. Кувшин белоглиняный.

Кувшин белоглиняный с плоским дном, высотой 0,155 м, диаметром 0,085 м, с коническим корпусом, плавно переходящим в узкое горло, с большой дуговидной ручкой. Корпус и ручка покрыты прозрачной поливой желтоватого цвета и украшены мазками темно-коричневого цвета, расположенными горизонтально или наискось и чередующимися с волнистым орнаментом зеленого цвета. Штрихи и мазки сильно расплылись, особенно зеленые, и потому не имеют четких очертаний (рис. 21).

Кувшин белоглиняный, с плоским дном, вытянутым овальным корпусом, плавно переходящим в узкое горло. Недостаёт горла и части корпуса и ручки, много выбоин и щербин. Сохранившаяся часть имеет высоту

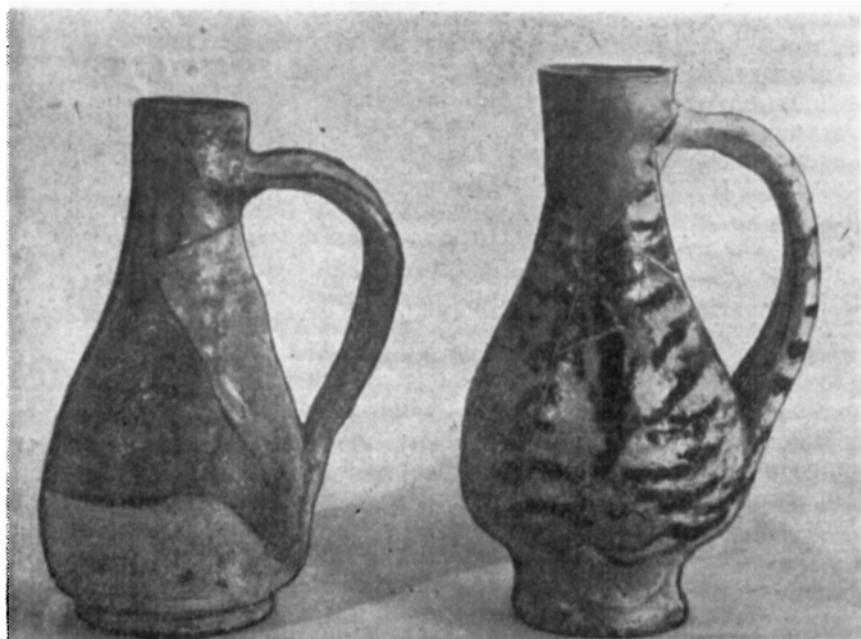

Рис. 21. Кувшины белоглиняные с росписью.

0,13 м, диаметр 0,09 м. Снаружи покрыт поливой зеленого цвета, кроме нижней части.

Кувшин белоглиняный с плоским дном, коническим корпусом, покрытым, кроме нижней части, поливой зеленого цвета. Недостаёт

Рис. 22. Кувшины белоглиняные с росписью.

горла, ручки и части корпуса. Высота сохранившейся части 0,125 м, диаметр 0,09 м.

Оба кувшина аналогичны по форме и технике изготовления предыдущим кувшинам.

Кувшин белоглиняный, высотой 0,128 м, диаметром 0,09 м, с плоским дном, со сферическим корпусом и узким горлом с утолщенным венчиком (рис. 22). Покрыт прозрачной поливой желтоватого цвета и украшен орнаментом—росписью в виде ряда колец посередине корпуса и пояском у основания горла, нанесенными кистью, темно-коричневого цвета, с пятнами зеленого цвета внутри колец.

Кувшин белоглиняный с плоским дном, шаровидным корпусом и узким горлом, высотой 0,12 м, диаметром 0,09 м (22). Покрыт прозрачной поливой и украшен росписью: на корпусе—изображение животных (?), на горле—мазки черно-коричневого и зеленого цвета. Вследствие утраты нескольких обломков, а также из-за того, что полива вскипела и превратилась в наросты, изображения и орнамент стали неясными.

Оба кувшина одинаковы по величине, форме и технике и являются изделиями, безусловно, одной мастерской. Подобные кувшины известны в Херсонесе по прежним раскопкам, но из красной глины и с гравированным узором (МИА, 17, табл. XVIII, 68). Аналогичен по форме кувшин из Афин, украшенный посередине корпуса кольцами или завитками (Hesperia, VII, рис. 4, А. 25, на стр. 441), датированный XII в.

Кувшин белоглиняный, высотой 0,20 м, диаметром 0,14 м, с большой дуговидной, овальной в сечении ручкой и носиком (рис. 23).

Корпус вытянутой сферической формы, горло широкое с небольшим раструбом, с утолщенным краем и рельефным пояском. Кувшин украшен росписью из пяти вертикальных полосок, идущих сверху до низу. Полосы образованы двумя прямыми линиями с кольцами в виде цепочки между ними черно-коричневого цвета, с пятнами зеленого цвета внутри каждого кольца. На ручку нанесены поперечные горизонтальные полоски, на носик—косые мазки. Кувшин реставрирован из обломков и дополнен гипсом. Полива на некоторых обломках потемнела от огня.

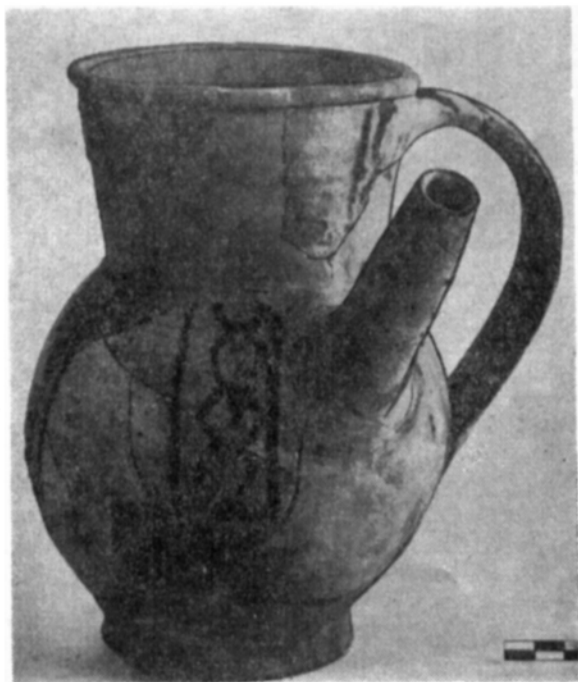

Рис. 23. Кувшин белоглиняный с росписью.

Часть кувшина белоглиняного, на кольцевой подставке, с носиком и ручкой, диаметр корпуса 0,14 м, высота сохранившейся части 0,19 м. Кувшин украшен подглазурной росписью и покрыт прозрачной поливой. Между ручкой, от которой уцелело лишь основание, и носиком находится изображение животного, бегущего вправо; голова его с крупным глазом обращена назад; контур

исполнен черно-коричневой краской с зелеными пятнами на туловище. Следы росписи видны на другой стороне корпуса и на носике, обгоревшем от огня.

Блюдо белоглиняное, диаметром 0,31 м, высотой 0,095 м, на кольцевой подставке. Край слегка отогнут, с желобком и врезанным кольцом сверху и снизу. На внутренней стороне изображена птица, обращенная вправо, занимающая всю поверхность блюда, широкий хвост ее простирается до самого края (рис. 24). Изображение и орнамент по краю выполнены росписью темно-коричневого и зеленого цвета. Контур птицы расплывчатый, мазки неясны по форме. Обратная сторона покрыта поливой зеленого цвета, местами в виде пятен темно-зеленого цвета. Подставка и прилегающая к ней часть дна оставлены в цвете глины. Полива на средней части блюда обгорела, стала шероховатой, а изображение неясным.

Эта группа поливной посуды отличается по материалу и технике: глина белого или желтовато-оранжевого цвета, изображения и орнамент исполнены не гравировкой, а росписью, краской, нанесенной непосредственно на глину, без ангоба.

Подобные блюда были найдены в Херсонесе в прежние годы, например, в 1931—1933 и 1936—1937 годах (МИА, 17, табл. XXXVII, 10, 11; МИА, 4, рис. 27 на стр. 219).

Блюдо белоглиняное с росписью, диаметром 0,325 м, высотой

0,085 м, на кольцевой подставке, с слегка отогнутым краем, с вдавленным кольцом на внутренней стороне. Нижняя сторона оставлена в цвете глины, верхняя покрыта прозрачной поливой и украшена изображением птицы (рис. 24), обращенной вправо. Контур ее и некоторые детали, например, перья на хвосте, — черно-коричневые, середина — зеленая. Хвост, сильно расширяющийся к концу, исполнен схе-

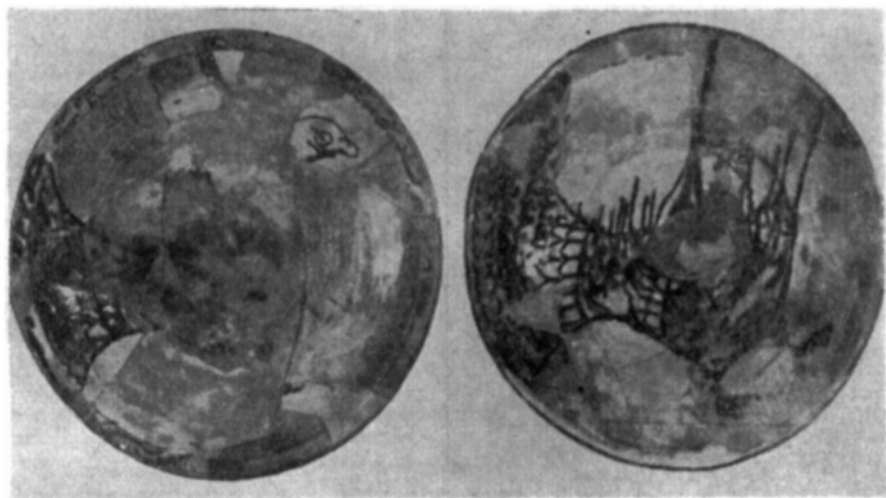

Рис. 24. Белоглиняные блюда с росписью — изображением птиц.

матическим изображением перьев в виде дужек с чередованием двух рядов темно-коричневого цвета с двумя рядами зеленого цвета. От основания хвоста вверх идут мазки, очевидно, потеки краски. Изображение выполнено очень суммарно, небрежно, широкими мазками, в беглой манере, вследствие этого неясно положение головы. Блюдо склеено из многих обломков, с дополнением утраченных частей гипсом. Полива и краска кое-где на туловище птицы и в других местах сгорели.

Эти два блюда, почти одинаковые по размерам, форме и изображению, выполнены из белого материала и в одинаковой технике и принадлежат, вероятно, одному мастеру. Аналогичные изображения — на тарелке, найденной в 1931 году (МИА, 4, рис. 27 на стр. 219; МИА, 17, табл. XXVI, 8), и на блюдах, найденных в другие годы (МИА, 17, табл. XXXVI—XXXVII).

Блюдо белоглиняное, диаметром 0,305 м, высотой 0,095 м, на кольцевой подставке (рис. 25), с слегка отогнутым краем, с двумя вдавленными сверху по краю желобками и с несколькими желобками-поясками на нижней стороне, покрытой поливой зеленого цвета. Верхняя, внутренняя сторона блюда украшена подглазурной росписью темно-коричневого и зеленого цвета. В середине дна два концентрических круга с овалами или дужками вокруг, исполненные в черно-коричневом цвете. На стенках орнамент в виде шести кругов, заключающих в себе три концентрических кольца с точками снаружи. Между кругами края блюда украшены листьями и кружочками — мазками, коричневыми и зелеными. В середине кругов и листьев имеются пятна зеленого цвета. Полива и роспись пострадали от огня.

Миска белоглиняная, высотой 0,115 м, диаметром 0,245 м, покры-

тая поливой внутри и снаружи, на кольцевой подставке. Снаружи сверху врезаны два пояса. Кроме нижней части, вся внешняя сторона покрыта поливой ярко-зеленого цвета с росписью черно-коричневого цвета в виде отдельных пятен на стенках и пояском внутри подставки. Внутри миска покрыта прозрачной поливой желтоватого цвета и украшена росписью—изображениями четырех птиц с длинной шеей, малень-

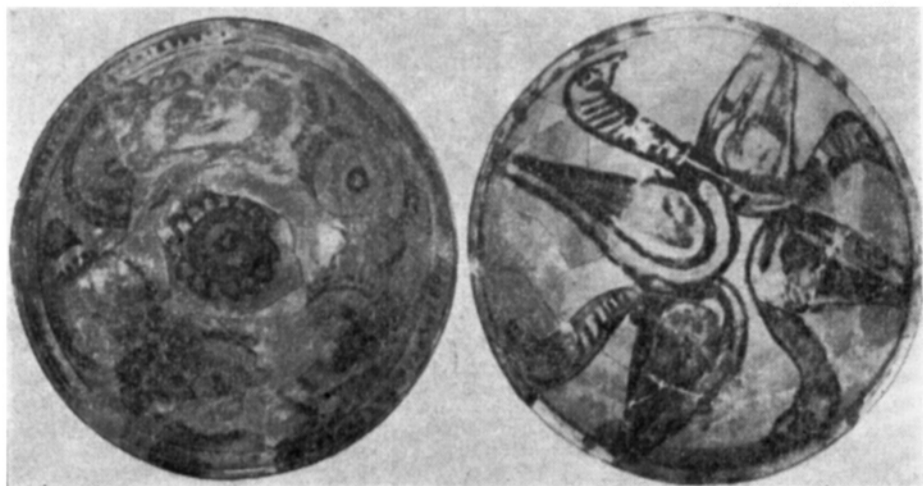

Рис. 25. Белоглиняное блюдо и миска с росписью.

кой головкой и поднятым вверх хвостом (рис. 25). Контур птиц исполнен черно-коричневой краской, туловища их покрыты поливой зеленого цвета, шеи—косыми мазками черного цвета, по краю миски—также мазки. Обращенные вверх головы и хвосты образуют декоративный узор, туловища птиц внизу сливаются друг с другом, ножки их не показаны. Миска склеена из многих обломков и местами дополнена гипсом; некоторые обломки обгорели.

Аналогичные по композиции изображения встречались в Херсонесе и раньше, например, блюдо с изображением пяти птиц, представленных с цветком в клюве (МИА, 17, табл. XXXVI, 7), совершенно аналогичная птица изображена на другом блюде (там же, табл. XXXVI, 6).

Миска белоглиняная, на кольцевой подставке, высотой 0,075 м, диаметром 0,195 м. Вертикальный край украшен снаружи слабо вдавленными желобчатыми поясками. Внутри и снаружи миска покрыта, за исключением низа подставки, поливой голубого цвета. На нижней части снаружи образовались потеки поливы в виде толстых наростов. На поливе имеется налет иризации и масса мелких трещинок, особенно на внутренней стороне миски. Аналогичная по технике миска была найдена при раскопках 1931 г. (МИА, 4, стр. 215).

Миска белоглиняная, диаметром 0,15 м, высотой 0,055 м, сильно фрагментированная, недостает большей части края, на кольцевой подставке, покрытая прозрачной поливой. На внутренней стороне изображено животное, бегущее вправо, с круглой головой, повернутой назад, с длинными ушами. Похожее животное изображено на одном из описанных выше кувшинов. Рисунок выполнен черно-коричневой краской при помощи кисти; на туловище, на груди и между контурными линиями ушей—зеленые пятна. На нижней стороне черной краской нанесен орнамент в виде кружочка с хвостиком.

Аналогичные изображения животных, леопарда или барса, исполненные росписью, в Херсонесе встречались (МИА, 4, рис. 15, на стр. 213, рис. 26 на стр. 219; МИА, 17, табл. XXXVIII, 16, 17).

Миска белоглиняная, диаметром 0,245 м, высотой 0,065 м, на кольцевой подставке, с отогнутым краем. На нижней стороне три врезанных концентрических кольца. По верхнему краю нанесена росписью

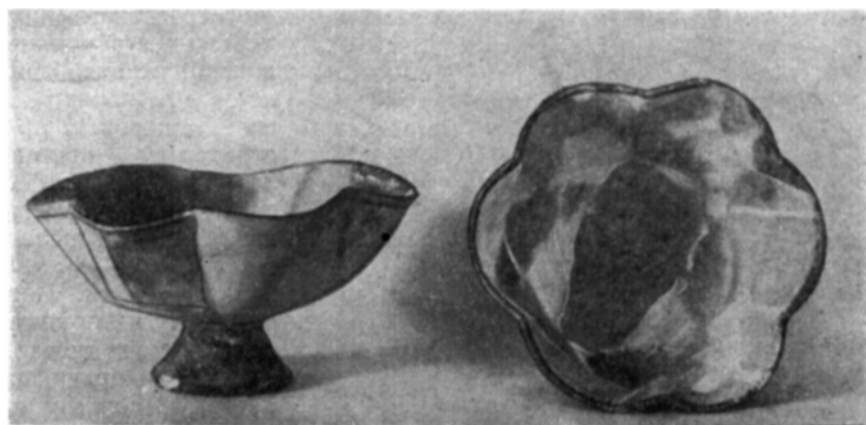

Рис. 26. Чашки белоглиняные с вогнутыми стенками.

полоска коричневого цвета, сохранившаяся частично. Миска с обеих сторон покрыта прозрачной поливой, без орнамента. Миска склеена и дополнена гипсом. Край ее сильно потерты, полива покрыта иризацией, местами обгорела.

Чашка на высокой кольцевой подставке, высотой 0,09 м, диаметром 0,14 м (рис. 26), белоглиняная, с вогнутыми в шести местах стенками. Снаружи, кроме подставки, чашка покрыта поливой зеленого цвета, внутри—прозрачной поливой. Верхняя часть чашки отделена от нижней вдавленным пояском. Чашка, аналогичная по форме, но из красной глины и с врезанным орнаментом, имеется в музее Константинополя. В Херсонесе подобная чашка найдена в 1931 году (МИА, 4, рис. 1 на стр. 217).

Чашка белоглиняная на конической ножке, высотой 0,08 м, диаметром 0,15 м. Верхняя часть корпуса отделена от нижней двумя врезанными кольцами и вогнута в семи местах, в каждом из которых имеется вертикальный желобок; по краю снаружи—слабо врезанный поясок. Чашка внутри и снаружи покрыта поливой желтого и бледно-зеленого цвета. По форме аналогична предыдущей, но небрежной работы, что выразилось в неправильности формы и в ошибке мастера, сделавшего вместо шести семь вдавленностей; один край ее выше и шире другого. Полива покрыта иризацией и местами повреждена огнем.

Описанная группа керамики характеризуется следующими чертами. Все сосуды, изготовленные из глины белого цвета, украшены изображениями или орнаментом, исполненными росписью непосредственно по глине. Преобладает черно-коричневая краска, меньше встречается зеленая и совсем редко голубая. Роспись покрыта прозрачной поливой.

Врезанный орнамент в виде поясков встречается лишь по краю сосуда или на оборотной стороне. Кольцевая подставка на блюдах и

мисках отличается обычно высокими размерами, край бывает утолщенным.

Белоглиняная посуда является, по-видимому, привозной, так как белая глина в окрестностях Херсонеса неизвестна. Аналогичная керамика с росписью была широко распространена на территории Византии.

Вторая группа поливной керамики изготовлена из глины красного

Рис. 27. Блюдо с изображением человека, борющегося со зверем.

Блюдо, диаметром 0,347 м, высотой 0,065 м, на кольцевой подставке (рис. 27, сверху), с изображением и орнаментом, выполненными гравировкой. В центральной части блюда изображена слева фигура мужчины, сражающегося со зверем, представленным справа (рис. 27, внизу). Фигура обращена в фас, широко расставленные ноги повернуты вправо. В правой руке мужчина держит высоко поднятый длинный меч, другой меч левой рукой он уже вонзил в горло зверя. Воин одет в длинную, ниже колен, полосатую одежду, очень широкую в полах, но с узкой талией. Одежда на груди тоже полосатая, с каймой по нижнему краю и с крестами на рукавах, расширяющихся к концам. От локтя рукава становятся узкими, украшенными косыми полосками. На ногах плотно облегающие их штаны или длинные до колен чулки с узором в виде ломаных линий и кружков с косой штриховкой. На коленях, показанных не закрытыми одеждой, нанесены спиральные завитки. По светлым полосам одежды сделаны насечки. На полном лице схематически показаны рот, нос и большие глаза. Волосы на голове трактованы в виде кудрей.

или красновато-коричневого цвета, орнамент и изображения выполнены гравировкой по ангобу, которым предварительно покрывалась поверхность сосуда. Полива прозрачная, иногда слегка желтоватого или зеленоватого цвета. Изображения и орнамент очень часто подцветены краской коричневого цвета, красочные мазки и пятна имеют обычно расплывчатые очертания.

Преобладает геометрический орнамент, состоящий из кругов, колец, поясков, завитков, штрихов и др., растительные же мотивы сильно стилизованы. Изображения встречаются на больших блюдах или мисках и заполняют собою среднее поле, обрамленное по краю орнаментом.

Зверь представлен вставшим на задние ноги, с поднятой вверх правой лапой, с тонким туловищем, но массивной грудью и шеей; на небольшой круглой голове видны остатки остроугольных ушей, вздернутый нос и огромный глаз. Грива на шее исполнена завитками, шерсть передана условно, широкими полукруглыми прядями, чередующимися с рядами насечек. Длинный хвост, поднятый вверх, достигает шеи и заканчивается загнутым пушистым концом. Из пасти зверя высунут длинный язык.

По краям блюда врезаны концентрические круги с косыми линиями и треугольными лепестками с завитком в середине. На оборотной стороне врезаны также концентрические круги. Глина красная. Обе стороны покрыты ангобом и прозрачной поливой, контуры фигур обведены желто-коричневой поливой, сильно расплывшейся.

В изображении фигур мастером допущены многие условности и неточности: слишком большая голова человека, непропорциональная величина ног и туловища, очень длинная правая рука и др. Композиция же в целом построена умело, с соблюдением равновесия частей, весьма декоративно, к чему и стремился мастер. Блюдо реставрировано из многих обломков и местами дополнено гипсом.

Блюдо, диаметром 0,342 м, высотой 0,065 м, на кольцевой подставке (рис. 28, сверху), с изображением коня (рис. 28, внизу). По технике оно схоже с предыдущим и выполнено, несомненно, одним мастером, но отличается большей глубиной. В центре, внутри трех врезанных концентрических кругов, помещено изображение бегущей вправо лошади, исполненное гравировкой. Левая передняя нога ее поднята вверх, правая подогнута под туловище. Хвост высоко поднят над спиной и украшен загнутыми крупными прядями с завитками на конце. Туловище коня посередине имеет перехват в виде тонкой талии, передняя же часть с грудью очень массивная. На коне—орнамент, состоящий из поперечных и продольных полос и кружков. Изображение подцвечено пятнами поливы коричневого цвета.

Края блюда украшены двойным фризом. Один из них идет по внутренней стороне и состоит из коротких радиальных двойных линий,

Рис. 28. Блюдо с изображением коня.

разрезающих фриз на небольшие отрезки с диагональными двойными линиями, с завитками между ними и дужкой вверху. Второй фриз, в отличие от первого, сплошной, украшен поперечными полосками с изогнутой наклонной полоской, с кружочками между ними; другой мотив образован приплюснутыми кружочками с завитками в центре, с длинными пустыми промежутками. По краю блюдо обрамлено широкой полоской зеленоватого цвета. Гравированный орнамент дополнен коричневой и желтой поливой, весьма нечеткой вследствие расплывчатости. Фон блюда в целом желтого цвета с бледно-зеленым оттенком. Полива нанесена на белую обмазку — ангоб. На оборотной стороне блюда врезаны концентрические круги, узкие и широкие. Вся нижняя сторона, за исключением подставки, покрыта поливой.

На верхней стороне этого и предыдущего блюда в середине сохранились следы трех ножек подставки, употребляющейся при обжиге посуды: блюда, равно как и миски и тарелки, ставили в обжигательную печь друг на друга, отделяя их треножниками для предохранения от порчи лицевой поверхности. Полива местами подверглась действию огня, стала матовой и кое-где осыпалась. К краю пристали кусочки другого блюда, стоявшего при обжиге вверху.

Блюдо красноглиняное, диаметром 0,34 м, высотой 0,055 м, на кольцевой подставке, с изображением птицы. Ангобом и поливой покрыта как верхняя, так и нижняя сторона, кроме средней части с подставкой, оставленной в цвете глины, но покрытой поливой. На нижней стороне врезаны четыре концентрических круга. На внутренней стороне, на слегка отогнутом крае врезаны три кольца, возле края также три, а два кольца в середине обрамляют изображение птицы. По краю между кольцами нанесены косые штрихи, с ними чередуются треугольные листики с мелкими овами, с чешуйками внутри; промежутки между обоими видами орнамента не заполнены. В центре изображена птица на высоких ногах, обращенная вправо, с повернутой назад головой. Корпус ее, сильно вытянутый, трактован извилистыми линиями, хвост, опущенный до земли и расширяющийся книзу, показан изогнутыми, спирально косыми линиями. Лапки птицы изображены очень большими, несоразмерными с фигуркой, с загнутыми когтями. Слева и справа от птицы помещен дополнительный орнамент — сегмент под тупым углом с листьями внутри. Фигурка птицы и орнамент подцвечены краской желтого и коричневого цвета.

Блюдо реставрировано и в ряде мест дополнено гипсом. Полива на некоторых обломках обгорела, а кое-где отскочила вместе с ангобом.

Блюдо красноглиняное, диаметром 0,253 м, высотой 0,07 м, на кольцевой подставке с вертикально загнутым краем. Внутри и снаружи блюдо покрыто ангобом и прозрачной поливой. В цвете глины оставлены подставка и часть дна около нее. Середина дна внутри украшена врезанным орнаментом в виде двойных диаметрально пересекающихся линий и сердцевидных листьев между ними. На краях блюда врезной елочный орнамент из косых линий с наклоном то вправо, то влево.

Блюдо реставрировано из многих обломков и дополнено гипсом. Полива сильно пострадала от огня, потускнела, покрылась иризацией, местами осыпалась вместе с ангобом.

Блюдо, диаметром 0,225 м, высотой 0,066 м, с гравированным орнаментом (рис. 29, слева). Середина блюда украшена узким и широким концентрическими кольцами, образованный ими круг разделен двойными диагоналями на четыре сектора, в каждый из которых вписан

соединенный радиальной полоской с центром двойной круг, также разделенный линиями на четыре сектора с кружочком внутри. Приподнятый край блюда, отделенный от середины двумя врезанными кольцами, украшен орнаментом двойного вида: один состоит из косога креста с кружочком вверху и внизу, с остроугольными скобочками слева и справа; другой имеет вид треугольника с острым углом вниз, с кружочком и дужками в середине (цветок лотоса, пальметка, сильно стилизованная). Гравированный орнамент сочетается с красочным—

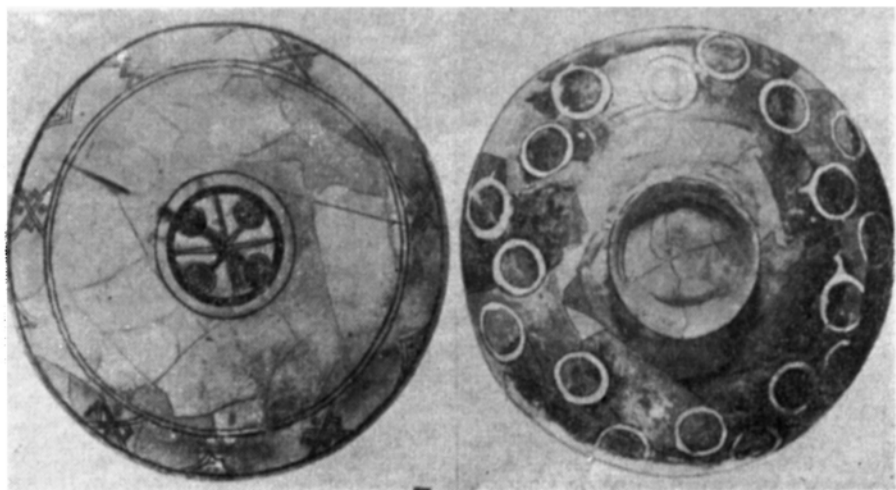

Рис. 29. Блюдо с гравированным орнаментом на верхней стороне и белыми кольцами на нижней.

коричневого цвета. Нижняя сторона блюда украшена двумя рядами белых колец, по девяти в каждом, исполненных ангобом, и покрыта поливой, кроме средней части (рис. 29, справа).

На внутренней стороне остались три бугорка от треножника, на краю имеются два каплевидных выступа. Глина красная, полива желтая с зеленоватым оттенком. Некоторые обломки пострадали от огня, полива на них потемнела, имеет иризацию.

Блюдо, диаметром 0,198 м, высотой 0,055 м, украшенное гравированным орнаментом. В круге, образованном concentрическими кольцами, помещены три малых круга, разделенные косым крестом на четыре сектора. В промежутках между кругами помещены тупые углы, состоящие из двойных линий с овами. На загнутаю крае блюда помещены: круг с плетенкой внутри, из двойных линий, и стилизованный листок или цветок в виде треугольника, чередующиеся один с другим, с большим между ними интервалом. Глина красная, полива желтая с коричневыми мазками на орнаментах. Нижняя сторона покрыта поливой, но без орнамента. Полива сильно пострадала от огня—местами сгорела, вскипела или потемнела. В средней части видны следы треножника.

Миска красноглиняная, диаметром 0,212 м, высотой 0,09 м, на кольцевой подставке, глубокая, с геометрическим орнаментом (рис. 30). На верхней стороне в середине врезаны по ангобу три широких concentрических кольца, четвертое — в нижней части стенок, пятое и шестое, самое широкое, — вверху. На стенках, между пятым и шестым кольцами, помещены два вида орнамента: один представляет собой

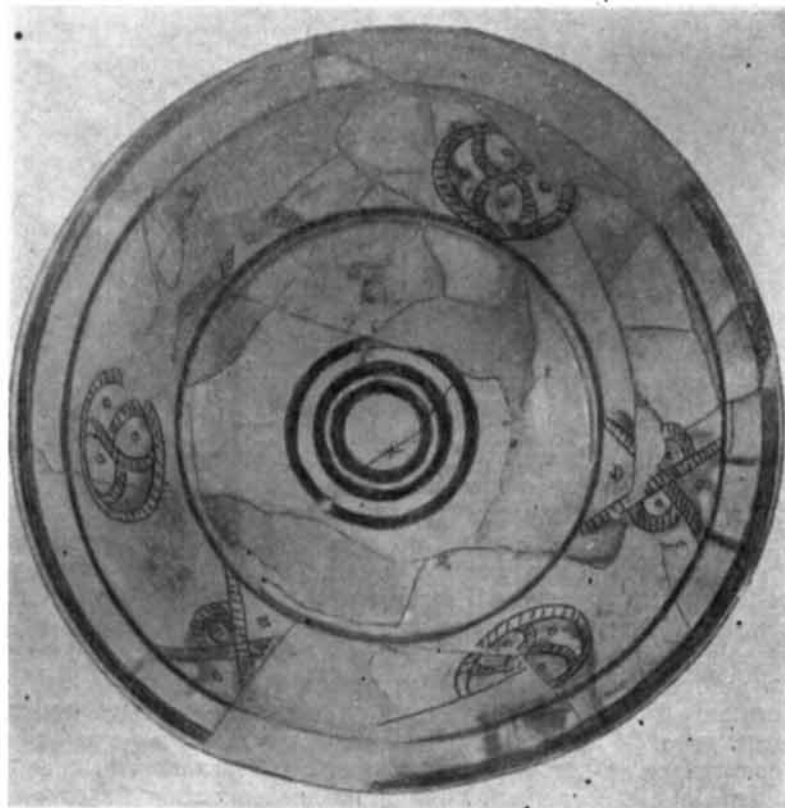

Рис. 30. Миска с орнаментом внутри.

двойной круг со штриховкой, в который вписана плетенка также из двойных линий со штриховкой между ними, и с мелкими кружочками в четырех промежутках, образованных плетенкой. Второй орнамент имеет форму косога креста, пересекающего круг, исполненный из двойных линий со штриховкой между ними, с мелкими кружочками в промежутках. Орнаменты покрыты краской коричневого цвета, потеки которой, направленные кверху, указывают на то, что миска после нанесения краски была поставлена дном кверху, чтобы краска не стекла в нижнюю часть миски. Обе стороны миски покрыты ангобом и

светло-желтой поливой. Наружная сторона миски украшена пятью вдавленными поясками. Внутри подставки, оставленной в цвете глины, вырезано граффити.

Миска склеена из многих обломков и дополнена гипсом. Полива местами пострадала от огня и покрыта иризацией.

Блюдо красноглиняное, диаметром 0,25 м, высотой 0,055, на кольцевой подставке, с плавно загнутыми краями. Покрыто внутри по

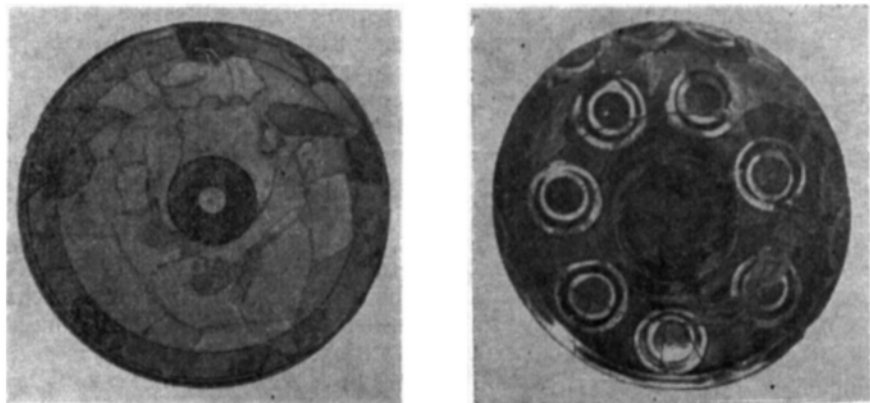

Рис. 31. Тарелка с гравированным орнаментом на верхней стороне и белыми кольцами на нижней.

образке ангобом поливой желтого цвета, без орнамента. На дне— следы от треножника. Обратная сторона покрыта поливой без ангоба.

Тарелка красноглиняная, диаметром 0,213 м, высотой 0,05 м, с геометрическим орнаментом на кольцевой подставке. В центре внутренней стороны врезаны два concentрических кольца, внутри которых вписаны четыре кружка, в каждом из них три кольца; между кружками треугольные выступы. По горизонтальному краю врезаны кольца с косыми линиями между ними. Край отделен от средней части рельефным кольцом. Внутренняя сторона покрыта ангобом и поливой желтого и зеленоватого цвета, на оборотной ангобом и поливой покрыт лишь край.

Тарелка красноглиняная, диаметром 0,245 м, высотой 0,045 м, на кольцевой подставке. По краю врезано кольцо. С обеих сторон тарелка покрыта ангобом и поливой коричневого цвета. На внутренней стороне видны следы от треножника. Цвет поливы неровный — от желтоватого до коричневого. Тарелка склеена, на некоторых обломках полива обгорела и стала черного цвета.

Тарелка красноглиняная, высотой 0,045 м, диаметром 0,20 м, на кольцевой подставке. По краю врезано кольцо. С обеих сторон тарелка покрыта ангобом и поливой коричневого цвета. На внутренней стороне видны следы от треножника. Цвет поливы неровный — от желтоватого до коричневого. Тарелка склеена, на некоторых обломках полива обгорела и стала черного цвета.

Тарелка красноглиняная, высотой 0,045 м, диаметром 0,20 м, на кольцевой подставке, покрыта прозрачной поливой по ангобу и украшена гравированным орнаментом (рис. 31). На внутренней стороне в середине врезанное кольцо и широкий круг без ангоба с маленьким

кружком в центре, покрытым ангобом. По краю два врезанных кольца и орнамент: круг с плетенкой внутри и кружочками чередуется со стилизованным цветком в виде треугольника с овами; орнаменты подцвечены желтой росписью. Обратная сторона украшена семью двойными концентрическими кольцами, выполненными ангобом, по краю орнамент из дужек, сделанный в той же технике (рис. 31). Полива покрывает нижнюю сторону тарелки, кроме подставки. На внутренней стороне полива местами осыпалась, на нескольких обломках она потемнела от огня.

Часть красноглиняного блюда, диаметром 0,28 м, высотой 0,07 м, на кольцевой подставке. Нижняя сторона, кроме средней части, покрыта ангобом и прозрачной поливой и украшена двумя врезанными концентрическими кольцами, с широким пояском по краю, оставленным в цвете глины. Средняя часть верхней стороны отделена от края рельефным и врезанным концентрическими кольцами. По краю тоже врезаны кольца, образующие три фриза: средний, гладкий, наружный и внутренний украшены гравированным орнаментом, состоящим из косых штрихов, наклонных то в одну, то в другую сторону, с кружочками в треугольниках, образованных группами штрихов. В центре блюда, внутри двух колец, орнамент состоит из широких диаметральных полос с плетенкой и заштрихованными овалами и кружочками, заполняющими углы пересекающихся линий. Гравированный орнамент подцвечен росписью — мазками и пятнами желтого и коричневого цвета. На дне видны следы от треножника. Полива и ангоб местами осыпались, на поливе видна иризация. Обита часть кольцевой подставки.

Миска красноглиняная, диаметром 0,178 м, высотой 0,07 м, на кольцевой подставке, с расширяющимися кверху краями. Внутри и снаружи (кроме подставки) миска покрыта ангобом и поливой, с врезанным пояском по внутреннему краю. Орнамент, исполненный росписью черно-коричневого цвета по краю блюда, состоит из треугольников с овалом и точками внутри и полукружий с мазком в их середине. Внизу на дне сохранились лишь немногие остатки линейного орнамента. Полива сильно обгорела и покрылась иризацией.

Часть красноглиняного кувшина, с плоским дном и овальным корпусом, диаметром около 0,12 м. Корпус покрыт ангобом и поливой и украшен гравированным орнаментом: широким пояском внизу, над ним узкими, вертикальными штрихами и изогнутой линией между полосками штрихов. Узкое горло заканчивалось венчиком в виде четырехлепестковой розетки. Полива на корпусе желтого цвета, на горле — темно-коричневого.

Красноглиняная поливная посуда в большей своей части, несомненно, местного производства. В этом же убеждают находимые в большом количестве совершенно одинаковые или очень похожие друг на друга миски и блюда, аналогичные по форме, размерам и орнаменту. Производство на месте поливной посуды подтверждается также находками треугольных подставок, применявшихся при обжиге¹. Количественно красноглиняная посуда преобладает над белоглиняной, что также может указывать на местное происхождение первой и на привоз второй.

Однако небольшая группа красноглиняной поливной посуды является, по-видимому, импортной. Эту группу составляют блюда, отлич-

¹ ИАК, в. I, стр. 44, рис. 41-аб, примечание I.

чающиеся более художественным исполнением и имеющие аналоги среди керамики, находимой в Византии.

Белоглиняная и красноглиняная керамика в позднесредневековых домах бытовала одновременно, при раскопках обе группы встречаются комплексами. В более раннее время ни та, ни другая в Херсонесе неизвестна. Вследствие этого обе группы керамики следует отнести к последнему периоду жизни города, т. е. к XIII—XIV вв.

Помимо керамики, в помещениях дома I найдены металлические предметы. Из них следует отметить ряд железных орудий: топор, две зубатки, мотыгу, снаряд для рыбной ловли и глиняные грузила для сетей. Они характеризуют хозяйство жителей дома, которые занимались строительным ремеслом, рыбной ловлей и, может быть, сельским хозяйством.

Зубатка железная в виде массивной пластины прямоугольной формы с приваренным посередине выступом для насаживания на него деревянной ручки (рис. 32). На нижнем заостренном, более тонком крае имеются мелкие зубцы. Верхний край слегка выпуклый. Длина 0,22 м, ширина 0,075 м, наибольшая толщина 0,02 м, длина стержня для ручки 0,072 м.

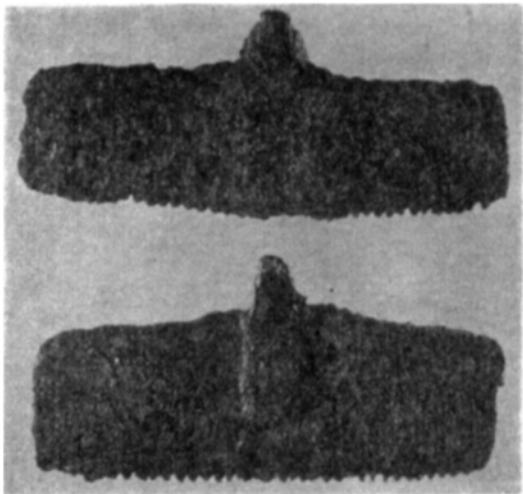

Рис. 32. Зубатки железные.

Зубатка железная такой же формы, длиной 0,23 м, шириной 0,06 м, менее массивная и меньшей ширины (рис. 32).

Обе зубатки покрыты толстым слоем ржавчины, с наростами, изъянами и трещинами¹.

Мотыга железная в виде узкой лопаты, расширяющейся книзу, с втулкой на верхнем конце, длиной 0,224 м, шириной 0,096 м (рис. 33). Втулка слегка изогнута внутрь, широкий конец заострен. Покрыта ржавчиной, с наростами, изъянами и трещинами.

Топор железный, высотой 0,15 м, длина лезвия 0,11 м (рис. 34), с сильно вытянутым концом, обращенным к ручке и мало выступающим передним краем. Обух округлой формы, диаметром 0,05 м, длиной 0,045 м. Топор покрыт толстым слоем ржавчины, с изъянами и трещинами.

Кирка железная с расширяющимся концом, длиной 0,175 м (рис. 34), с округлой втулкой. Сохранился плоский конец, частично обломанный; второй конец обломан возле втулки. В профильном положении конец кирки имеет изогнутый вид. Кирка сильно повреждена ржавчиной, покрыта наростами, изъянами и трещинами.

Жаровня железная — снаряд для рыбной ловли, состоящий из стержня со втулкой для деревянной ручки и обруча с радиальными

¹ Аналогичные зубатки известны по прежним раскопкам: МИА, № 4, рис. 23, 1 на стр. 217; МИА, № 34, рис. 40 на стр. 150. Такая же зубатка найдена в соседнем доме II.

прутиками, прикрепленными внизу к обручу меньшего диаметра (рис. 35). Длина стержня 0,375 м, диаметр верхнего обруча 0,28 м, нижнего 0,07 м, длина прутиков около 0,16 м. Жаровня лежала на полу помещения № 2 в обломках, раздавленная завалом камней, поэтому не все ее части удалось реставрировать. Подобная жаровня была найдена в 1940 году, но худшей сохранности¹.

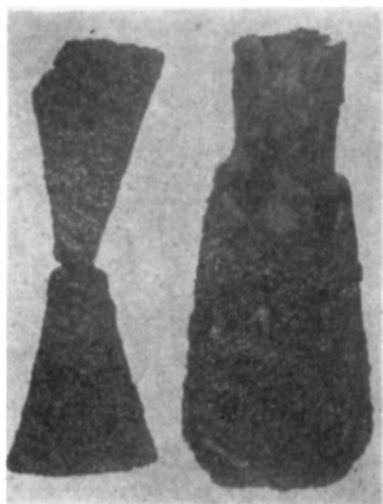

Рис. 33. Петля и мотыга железные.

Рис. 34. Кирка и топор железныс.

Назначение жаровни предположительно следующее: она прикреплялась к носу лодки и служила для разведения огня при ловле рыбы острой в ночное время. Огонь освещал воду и позволял видеть в ее глубине рыбу, находившуюся в сонном состоянии.

Пластина железная, длиной 0,345 м, шириной 0,025 м в одном конце и 0,035 м в другом (рис. 36), с очень небольшим изгибом, с узкими выступами на концах.

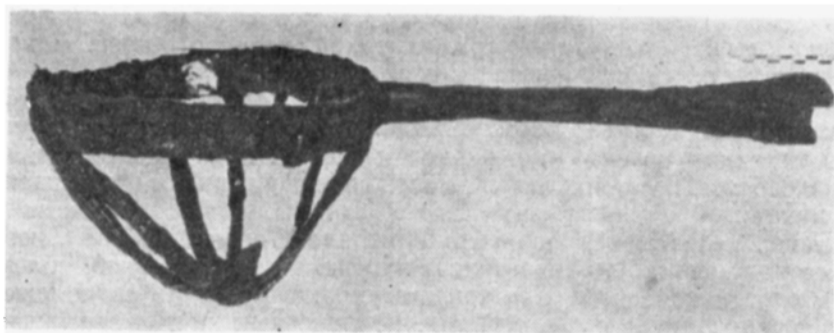

Рис. 35. Жаровня-железная.

Серп железный, обломанный, с узким концом для деревянной ручки и лезвием, изогнутым на другом конце (рис. 36). Сохранившаяся

¹ МИА, № 34, рис. 40а на стр. 150.

длина 0,153 м, ширина 0,02 см. От обуха к лезвию переход постепенный.

Железные звенья цепи, из которых четыре звена сохранились соединенными вместе, остальные разрознены. Длина звеньев колеблется между 0,15—0,16 м, толщина около 0,017—0,02 м. У четырех звеньев, сохранившихся вместе, два звена связаны, кроме того, коль-

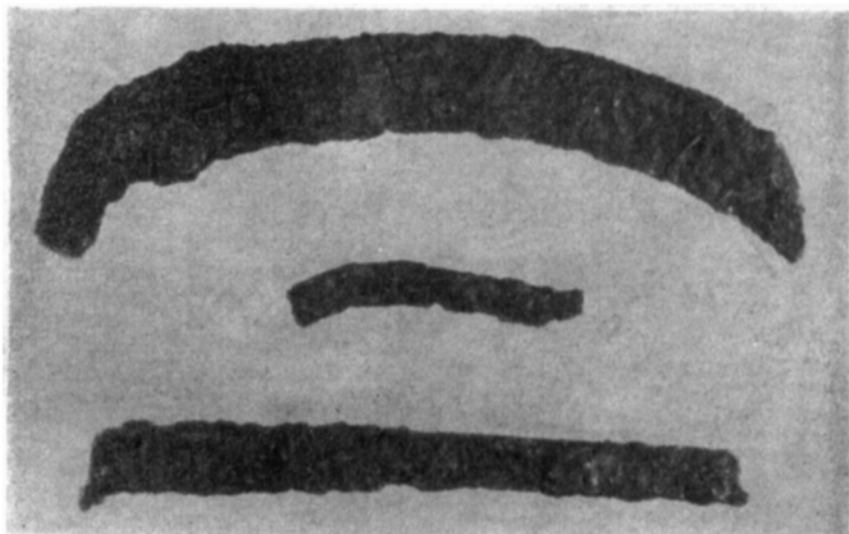

Рис. 36. Коса, часть серпа и пластина железные.

цом, диаметром 0,08 м, толщиной 0,015—0,02 м. Таким же кольцом соединены два других звена. От третьего кольца сохранилась половина, диаметром 0,12 м, с частью звена цепи. Всех звеньев, кроме мелких обломков, насчитывается 15 штук. Найдены они в помещении № 4 лежащими в куче. Сохранность их различна, но большинство покрыто толстым слоем ржавчины, некоторые звенья сильно повреждены глубокими трещинами и изъянами. По своей массивности цепь могла быть якорной, но сохранившаяся длина ее невелика; если все звенья соединить, то общая длина составит около 2,0 м.

Железный предмет в виде креста с завитками — волютами на концах с обеих сторон. На одном конце сохранились обе волюты, на двух концах — по одной волюте, четвертый конец обломан. Размеры: длина 0,085 м, ширина перекрестий 0,007—0,15 м, толщина их около 0,007—0,01 м. Крест покрыт слоем ржавчины.

Обломок железной фибулы, трехгранной в сечении, широкой в загнупом конце и узкой на другом, но с небольшим расширением, длина 0,061 м. Сильно поврежден ржавчиной.

Обломок железного круглого стержня, длина 0,096 м, с отростком изогнутой формы. Всех отростков, по-видимому, было четыре, остальные обломаны, обломан и конец стержня. На стержне — наросты ржавчины, глубокие трещины и изъяны.

Петля железная, длиной 0,063 м, сделанная из узкой пластинки. Наросты ржавчины, облом на конце.

Дужка железная, длиной 0,075 м, согнутая под прямым углом. Один конец утрачен, на сохранившемся конце завиток; изъяны и наросты ржавчины.

Трубка железная, длиной 0,11 м, диаметром 0,02 м, сильно испорченная наростами ржавчины и изъятиями, на конце облом.

Крючок железный, массивный, длиной 0,13 м, толщиной около 0,018 м, на концах обломы, с наростами ржавчины и трещинами.

Трубка железная с тремя рельефными валиками - обручами, диаметром 0,025 м, сохранившаяся длина 0,11 м, один конец обломан. Разбита на две части, покрыта толстым слоем ржавчины.

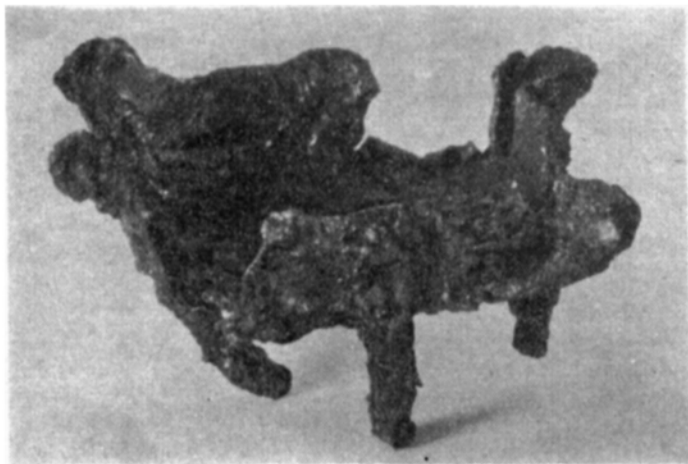

Рис. 37. Пешка железная.

Железная трубка, диаметром 0,022 м, длиной 0,195 м, разбита на две части, внутри полая, концы закрыты. Покрыта толстым слоем ржавчины. Возможно, была футляром.

Обломок железного предмета, длиной 0,063 м, диаметром 0,02 м, в виде округлого стержня с перехватом посередине и с остатком тонкой пластинки на конце, возможно, лезвие ножа, ручкой которого мог быть стержень. Покрыт толстым слоем ржавчины.

Обломок железного круглого стержня, длиной 0,058 м, толщиной 0,012 м, с выступом на одном конце в виде пластинки, длиной 0,022 м, шириной 0,018 м, припаянной к стержню. Часть пластинки обломана. Предмет покрыт слоем ржавчины.

Замок железный, внутренний, с круглой пластиной, диаметром 0,14 м, со скважиной в центре и с остатками механизма на внутренней стороне. Замок сильно поврежден ржавчиной, края обломаны.

Замок железный, внутренний, круглый, сильно поврежденный ржавчиной, более половины пластины недостает, сохранившаяся ширина 0,12 м, внутренний механизм сохранился лучше, чем у первого.

Пешка железная, квадратной формы, длиной и шириной 0,09 м, высотой 0,055 м, с носиками на углах в виде сильно выступающих желобков (рис. 37), на четырех ножках, припаянных к средней части стенок и имеющих вид круглого стержня. На одной стороне сохранилось ушко с обломком проволочного звена цепи. Вероятно, ушки были на всех четырех сторонах, и пешка могла быть подвешенной. Пешка собрана из обломков, сильно поврежденных ржавчиной, недостает нескольких кусочков стенок.

Аналогичная пешка с отверстиями на стенках для подвешивания, но без ножек найдена в 1931 году (МИА, № 4, рис. 25, стр. 218).

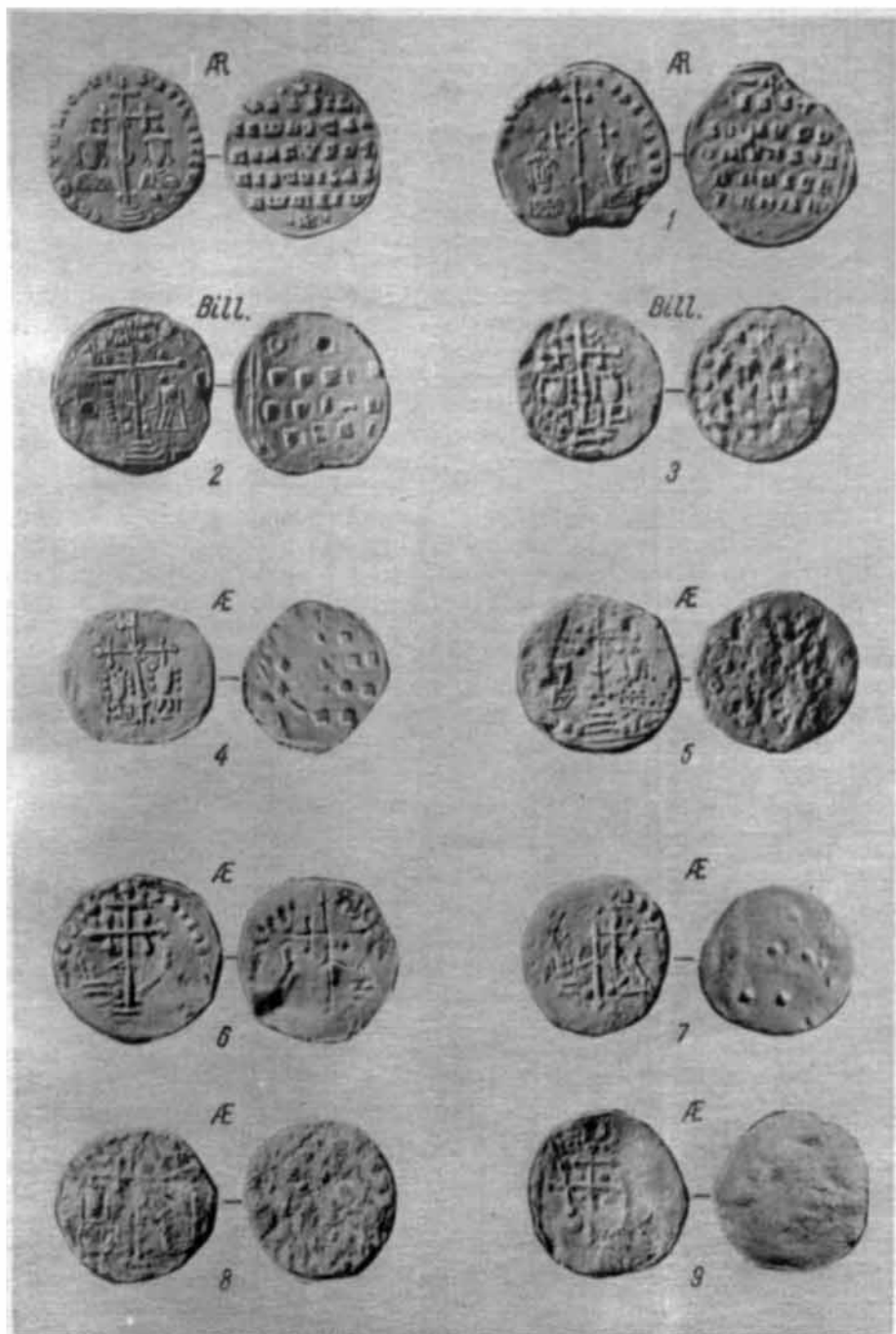

Рис. 1. Монеты, найденные на Таманском полуострове.

Ценной находкой является медная икона, лежавшая на полу подвала под толстым слоем камней, вследствие чего она сильно пострадала. Ниже дается ее подробное описание.

Икона медная, высотой 0,24 м, шириной 0,18 м (рис. 38), прямоугольной формы, с загнутыми краями, указывающими на то, что она была набита на деревянную основу или являлась убором книги, евангелия. Поверхность иконы четко расчленена на центральную, большую часть и на окружающие ее со всех сторон узкие поля, одинаковые по величине и орнаменту.

Центральную часть иконы занимает изображение фигуры сидящего на троне Иисуса Христа, благословляющего правой, приподнятой от локтя рукой и придерживающего евангелие левой. Окружающий голову нимб (лицо не сохранилось) украшен крестом с расширяющимися концами; на каждом из них пять рельефных кружочков. Фигура Христа облачена в длинные одежды с косыми складками на груди, ниже которой они становятся дуговидными. Нижняя одежда достигает ступней, оставляя их открытыми, и заканчивается волнистым краем. Верхняя одежда, более короткая, спускаясь с колен, образует зигзаги.

Фигура представлена строго в фас, лишь правое колено и ступня слегка повернуты в левую сторону. Евангелие украшено рельефным окладом с кружками по сторонам и прямоугольником в середине.

Выпуклые надписи, слева IC, справа XC, исполнены характерными буквами, высотой 1,5 см, с расширением на концах и с утолщением в середине. Ножки широкого трона и горизонтальное сидение украшены рельефными кружочками, желобками и рубчатыми валиками. Кружочки с ямкой посередине и обрамление отдельных частей иконы валиками с поперечными рубчиками являются характерными элементами орнамента иконы. Высокая спинка трона, достигающая плеч фигуры, имеет изогнутые вертикальные бруски, образующие при пересечении с горизонтальной перекладиной округлые выступы. Плоскость широкой спинки трактована в виде мелких клеток с углублением в каждой. Скамеечка под ногами Христа, прямая спереди и округлая сзади, орнаментирована таким же образом. Длинная подушка, лежащая на сидении, украшена поперечными линиями с кистями на концах.

Центральная часть иконы заключена в широкую волнистую рамку с поперечными рубчиками и кружочками между волнами.

На углах иконы и посередине каждого поля помещены изображения святых; на боковых полях — фигуры, остальные — бюсты. В левом поле изображена стоящая фигура Богоматери, обращенной в три четверти вправо — к центру иконы. Слегка склоненная ее голова окружена нимбом. Руки протянуты вперед. Фигура одета в длинные одежды. Справа от головы видна надпись ΘΥ, слева надпись не сохранилась.

В правом поле изображена стоящая мужская бородатая фигура, обращенная влево с нимбом и в длинных одеждах, с протянутыми вперед руками. По-видимому, это фигура Иоанна Предтечи. Надпись слева не видна, справа не ясна и частично не сохранилась из-за утраченного края.

В левом верхнем углу сохранилась лишь нижняя часть бюста. В середине сверху уцелели только угловые части изображения, глубоко вдавленные с правой стороны буквы не читаются.

Изображение в правом верхнем углу утрачено полностью, от изображения в левом нижнем углу сохранились мелкие остатки по краям, остальное выпало.

Рис. 33. Икона медная с изображением Христа и святых.

Хорошо сохранилось изображение в середине нижнего поля: в высоком рельефе представлен бюст с молодым лицом, безусым и безбородым, окаймленным кудрявыми волосами. Правая рука от локтя поднята на грудь с благословляющим жестом, в левой находится шаровидный узкогорлый флакон. Прямоугольный воротник украшен мелкими ямочками.

	О	Надпись вдавлена в два столбца: слева	
	П		Л
	А		Н
	Н		М
справа	Т		О
	Є		Н

В правом нижнем углу помещен бюст бородатого святого (часть подбородка утрачена) с благословляющей правой рукой. Слева

видна надпись:	О	
	Δ	
	Α	
	Μ	правая сторона обломана.

По надписям можно заключить, что внизу иконы были изображены Пантелеймон, Дамиан и, вероятно, Косма.

Промежутки между бюстами на полях заполнены орнаментом в виде выпуклых овалов, образующих косые кресты с кружочками между ними. Бюсты и орнаменты заключены в рельефные рамки с поперечными рубчиками.

Икона оказалась сильно помятой. Тонкий лист, из которого она выполнена в технике штамповки и последующей чеканки, местами сильно изъеден окислами. Некоторые ее части не сохранились или рассыпались на мелкие куски. Особенно пострадали углы и верхняя часть иконы; на грани центральной части и обрамляющих ее боковых полей образовались продольные разрывы; во многих местах имеются пробоины, выпадения, трещины и изъязнения на поверхности.

Икона подвергнута реставрации: очищена от окислов, с оборотной стороны покрыта тонким слоем синтетической смолы (акрилата), предохраняющей металл от дальнейшего разрушения, закреплены разрывы и выпадения.

В том же подвале вместе с иконой найдены цепи для подвески лампы, медные, с крючком и державой, общей длиной 0,41 (рис. 39). Массивный крючок имеет профилированный стержень с валиками и желобками. К нему прикреплена держава, состоящая из кольца сверху, толстого круглого стержня с валиками и желобками, с шестью загнутыми концами внизу. На трех из них имеются кольца, к которым прикреплены цепи. Каждая цепь состоит из следующих звень-

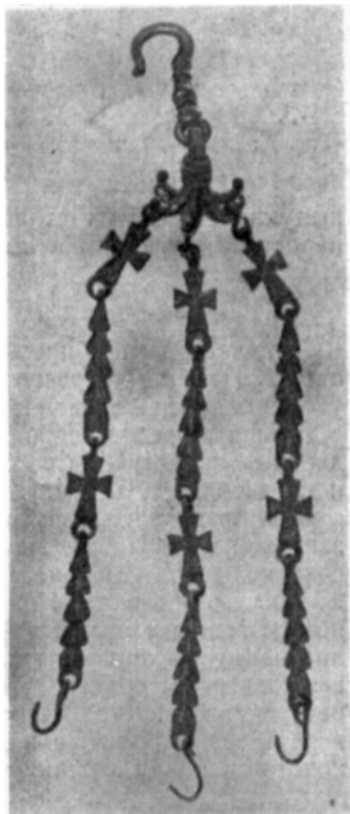

Рис. 39. Цепи медные.

ев: первое сверху короткое проволочное—имеет вид восьмерки; второе и четвертое — в виде креста с расширяющимися концами; третье и пятое звенья — в виде пластинки с зубчатыми краями, с выпуклой лицевой стороной и плоской оборотной, с поперечными рельефными полосками на верхнем и нижнем концах; последнее звено—крючок из толстой проволоки. Цепи очищены от окислов, сохранность их хорошая, имеются лишь мелкие изъяны.

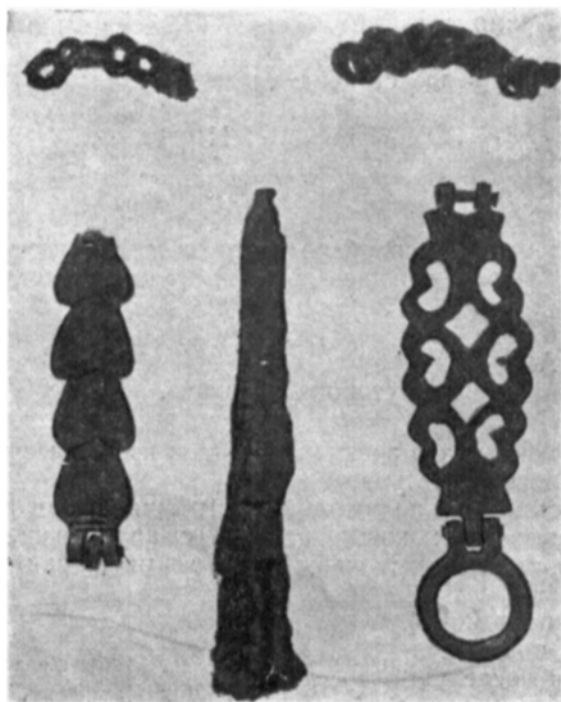

Рис. 40. Звенья медных цепей и железное навершие древка хоругви.

Цепи с аналогичной державой, но с ажурными звеньями, найдены были в 1932 году¹. Разрозненные звенья цепей, аналогичные пластинкам с зубчатыми краями, найдены в 1940 году². Там же найдены звенья в виде крестов, но иной формы — с прямоугольными концами.

Навершие древка хоругви, железное, длиной 0,16 м (рис. 40), со втулкой на нижнем конце. Другой конец постепенно суживается и имеет вид пластинки,

выпуклой с обеих сторон. Навершие плохо сохранилось, покрыто наростами ржавчины и имеет много изъянов.

ДОМ II

Площадь дома II превышает площадь дома I вдвое и составляет около 300 кв. м. Дом расположен в восточной части квартала и занимает угол между Продольной и XI Поперечной улицами. Вход в дом устроен с XI улицы и ведет в небольшое проходное помещение № 6, из которого дверные проемы вели в помещение № 5, в подвальную кладовую № 7 и во двор № 8; со двора же вход был в помещение № 10 (см. план).

Двор расположен внутри дома, его размеры 15×8,50 м. В северо-западной части двора, вымощенной плитами, был навес, от которого сохранились обуглившиеся деревянные части — куски балок и большое количество черепицы. Под навесом стояли пифосы — большой в северном углу и два малых в западном, там же лежали амфора и каменная корыта — кормушка для скота. От корыта до стены идет каменная кладка — загорода. Остатки стен в восточном углу двора указывают на существование здесь помещения для скота. Для вымостки двора использованы большие и малые плиты, среди них имеется часть расколотой пополам в длину мраморной колонны.

¹ МИА, № 4, рис. 77 на стр. 245.

² МИА, № 34, рис. 31, на стр. 139.

Помещение № 5, размерами $8,50 \times 4,50$ м, служило кладовой, в нем стояли пифосы, амфоры и кувшины (см. план). В одном из пифосов оказалась рыба, в другом — обуглившееся просо. Все сосуды лежали на полу, раздавленные обвалившимися камнями. Форма амфор такая же, как амфоры из дома I (рис. 15). На их плечиках и ручках вырезаны

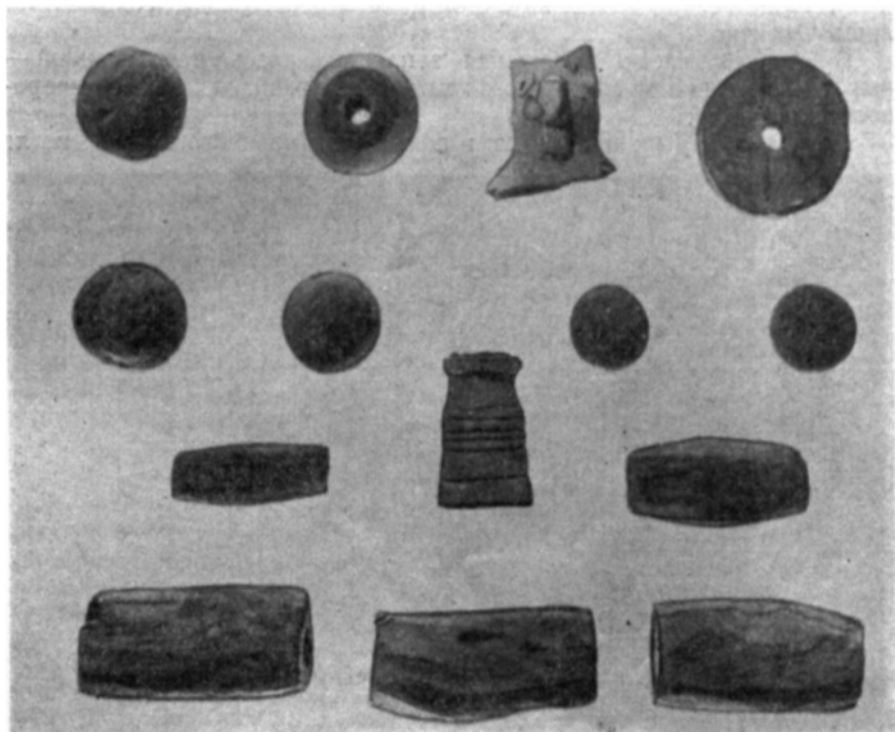

Рис. 41. Глиняные грузила, пряслица, шарики и др.

граффити — буквы и знаки. Кувшины все плоскодонные, с одной ручкой и узким коротким горлом.

Из других предметов здесь найдены железная зубатка, аналогичная зубаткам из дома I; железная коса - горбуша длиной 0,40 м, шириной 0,05 м (рис. 36); обломок костяной ручки или втулки, с прямоугольными гранями, с рельефными поясками, длиной 0,048 м, шириной 0,023—0,03 м (рис. 41, в середине); обломок — край бронзовой кадиланицы с гравировкой в виде зигзагов; половинка медной шаровидной пуговицы; железное кольцо диаметром 0,05 м; крестик железный длиной 0,04 м.

На полу помещения лежали в большом количестве железные гвозди, четырехгранные в сечении, длиной до 0,09 м. В одном месте лежала куча кусков смолы, в нескольких местах оказались остатки извести, куски обуглившегося дерева. Вся площадь пола была покрыта обломками черепицы и толстым слоем сажи и угля. От сильного жара некоторые черепицы полопались на мелкие куски кубической формы. На стенах кое-где сохранилась глиняная обмазка, обожженная пожаром.

Проходное помещение № 6 невелико — $4,0 \times 4,50$ м. Ширина дверного проема, ведущего с улицы, — 1,60 м. Перед ним на улице, в

качестве ступени, лежит мраморная плита, взятая из базилики, в которой она, судя по профилю, служила косяком двери. Плиты проема потрескались от огня и побагровели. На косяках сделаны выемки для деревянных связей с наружной и внутренней стороны. Северо-западные и юго-западные стены, подвергшиеся разрушению при устройстве дорожек и вымосток монастырского сада, сохранились лишь частично.

В большей части помещения земля оказалась перекопанной — рыхлой, с мелким мусором. Завал камней сохранился лишь в северо-восточной части.

Посуды и других предметов в помещении не было, лишь возле

Рис. 42. Жернова и посуда в помещении № 10.

подвала № 7 на полу лежали персгоревшие кучки волокна, аналогичного найденному в подвале.

Подвальная кладовая № 7, размерами 5,0 × 3,0 м, глубоко опущенная в землю, имела внутренние стены, на которых лежало перекрытие пола верхнего помещения (см. план и разрез АБ). Для спуска в подвал в ЮЗ стене устроена лестница, от которой сохранились нижние ступени из тесаных плит. В северо-восточной стене имеется ниша — обычная деталь подвальной кладовой. В юго-восточном конце оказался выступ скалы, на котором основана кладка стены. На стенах уцелела глиняная обмазка, обожженная пожаром.

Подвал был заполнен завалом камней до уровня стен, с ямой посередине. На разрезе АБ (рис. 13) показаны глубина подвала, выступ скалы, лестница и кладка юго-западной стены.

Посуды в подвале оказалось немного: пифос в западном углу и три кувшина возле северо-западной стены и в середине, раздавленные на мелкие обломки. На полу лежало громадное количество железных гвоздей: одна куча возле северо-восточной стены, другая в юго-западной части подвала. Середину пола занимала масса обгоревшего волокна, по-видимому, пенька. Гвозди покрылись ржавчиной, спаявшей их в сплошную массу.

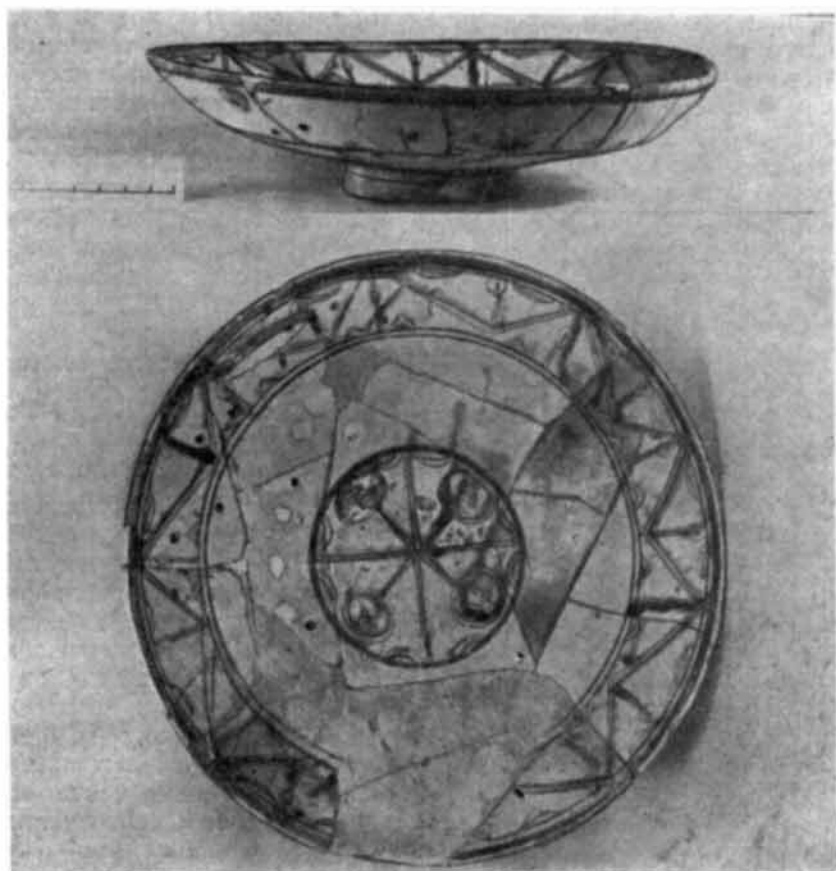

Рис. 43. Блюдо поливное с орнаментом.

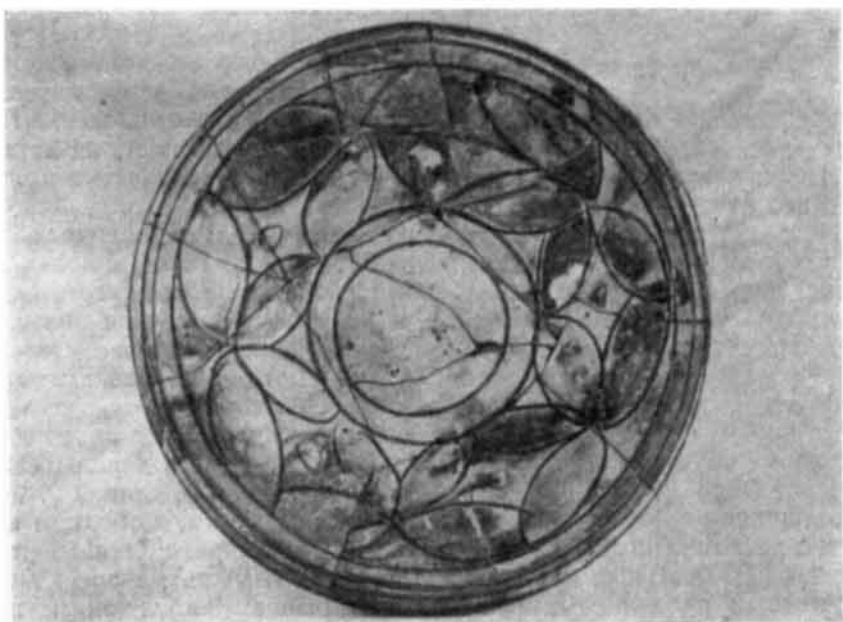

Рис. 44. Миска с гравированным орнаментом.

Помещение № 10 в плане вытянуто, длиной 8,0 м, шириной 4,50 м, с дверью в юго-восточной стене. Оно было заполнено толстым завалом камней, под которым лежал слой обломков черепицы и масса сажи и угля. В северо-восточном конце на полу сохранились крупные куски обуглившегося дерева (см. план и рис. 42). Там же оказались две пары жерновов: в северном углу верхний разбитый, диаметром 0,52 м, толщиной 0,06 м; нижний целый, диаметром 0,42 м, толщиной 0,09 м; в восточном углу — верхний, диаметром 0,47 м, толщиной 0,08 м, с рельефным ободком вокруг

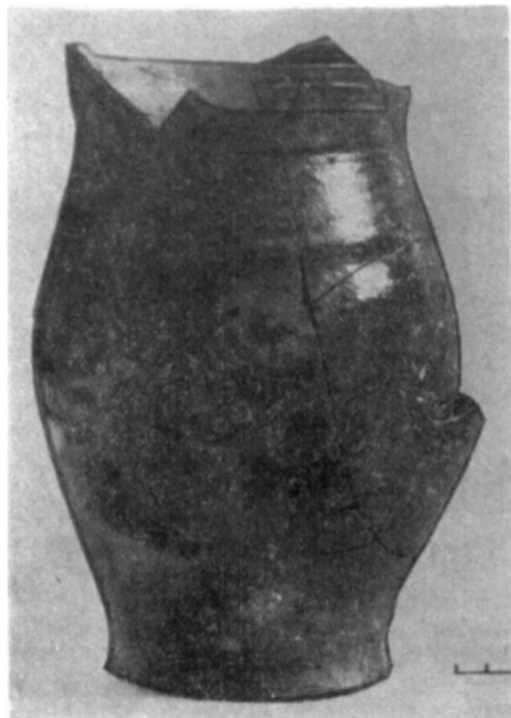

Рис. 45. Кувшин поливной.

отверстия, диаметр последнего 0,085 м, целый; нижний жернов, разбитый на три части, диаметром 0,49 м, толщиной 0,10 м (рис. 42). Материал жерновов — твердый однородный камень серо-голубоватого цвета. Жернова отличаются аккуратной работой.

В восточном углу лежала разбитая амфора с рыбой, сверху которой оказалась миска для процеживания — с отверстиями на дне и в стенках. Подобные сосуды в отчетном году найдены в двух домах лежащими на рыбной массе, что позволяет определить назначение их как черпаков, при помощи которых черпали соленую рыбу.

В помещении найдены обломки красноглиняных блюд и мисок, покрытых поливой зеленого и желтого цвета, в большинстве сильно

обгоревшие. На блюде и миске — гравированный геометрический орнамент (рис. 43, 44). На дне одной тарелки граффити А, на другой [.

Найден также разбитый кувшин с одной ручкой, покрытый поливой зеленого цвета (рис. 45).

Напротив двери на полу лежал железный предмет в виде массивного стержня, толщиной 0,035 м, длиной 0,55 м, с толстым кольцом на конце, диаметром 0,24 м, с выступом в виде шипа на другом. Отсутствие лап, характерных для якоря, и наличие этого шипа позволяют предполагать, что предмет имел иное назначение, но также связанное с оборудованием морских судов. Стержень мог быть вделанным в борт судна для каната, продетого через кольцо.

Из других предметов найдены железный инструмент в виде небольшой цапки со стержнем и загнутым широким лезвием, длиной 0,127 м, шириной 0,056 м (рис. 46); медный пестик (рис. 47), длиной 0,173 м, с утолщением на одном конце и головкой на другом, с ободком посередине цилиндрического ствола, хорошей сохранности; медный колокольчик (?) без ушка и язычка, высотой 0,03 м, диаметром 0,041 м; два медных проволочных рыболовных крючка; два глиняных пряс-

лица—одно биконическое, другое плоское, сделанное из черепка (рис. 41).

На полу найдено несколько десятков железных гвоздей. Один из них с коротким обломанным стержнем и необычно широкой круглой шляпкой правильной формы, диаметром 0,06 м.

В юго-западном конце помещения, на полу, лежали две плиты, из которых одна примыкала к юго-восточной стене (см. план). На стенах

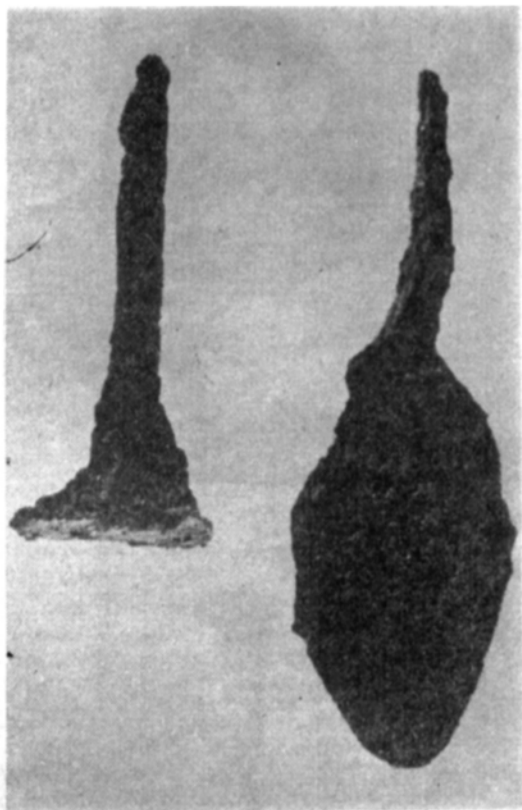

Рис. 46. Цапка и штукатурная лопатка железные.

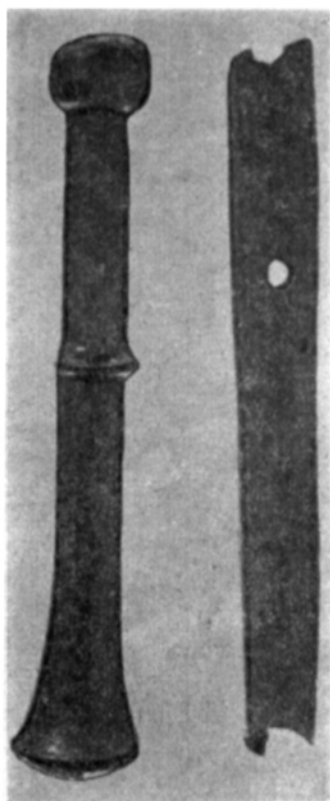

Рис. 47. Пестик и трубка медные.

местами сохранилась глиняная обмазка, куски которой, упавшие со стен и потолка, лежали на полу, вперемешку с сажей.

Во дворе мелких предметов найдено мало: железный замок внутренний, круглый, диаметром 0,12 м; железная штукатурная лопатка, длиной 0,18 м (рис. 46); две свинцовые скобочки—скрепки для глиняных сосудов; медная трубочка длиной 0,17 м, с отверстием, концы ее обломаны (рис. 47); кружок медный с вырезами внутри, диаметром 0,07 м (рис. 48); обломок глиняной ручки с головой не то зверя, не то человека (рис. 41); кувшинчик одноручный с овальным корпусом, с горлом в виде раструба, высотой 0,07 м, красноглиняный, покрытый желтого цвета поливой (по ангобу), с гравированным орнаментом в виде поясков, кружочков и треугольников. На обломках следы огня и копоть.

В этом доме находились, как и в первом, но в большем количестве, пифосы и кувшины с запасами продуктов, две пары жерновов, зубатка,

штукатурная лопатка, коса-горбуша, пестик и др. Строительные материалы: пенька, гвозди, смола, употреблявшиеся для постройки морских судов, и железный стержень с кольцом, являвшийся принадлежностью корабля, позволяют предполагать, что хозяин дома мог быть судовладельцем и торговцем (например, рыбпромышленником).

На обширном дворе, с навесом над северо-западной его частью,

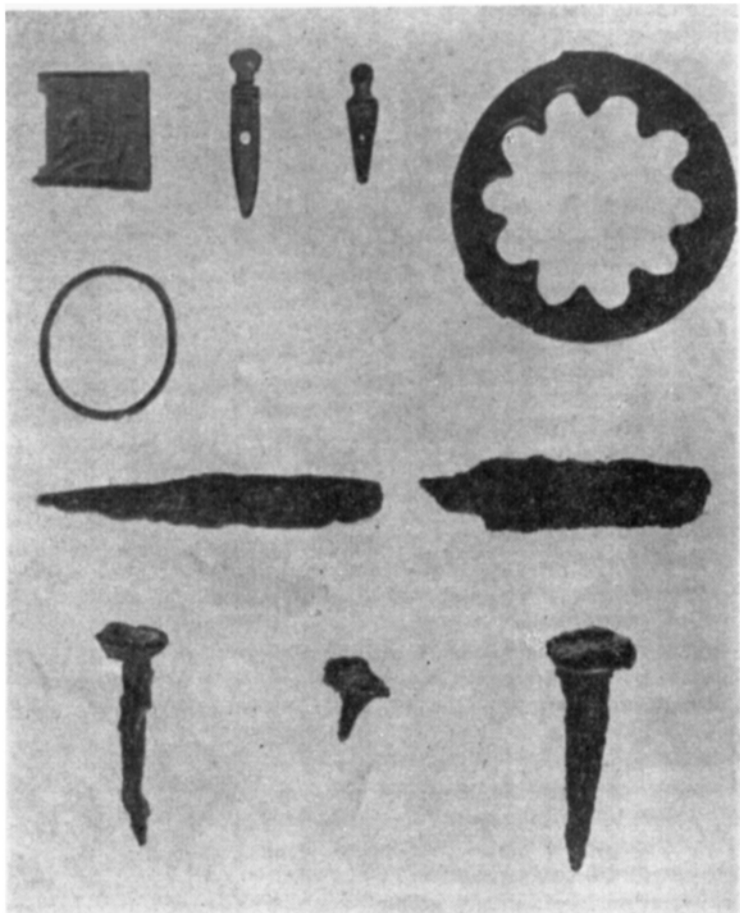

Рис. 48. Медные и железные предметы.

по-видимому, были загородки для скота, от которых уцелели остатки стен. Кормушка, имеющая вид каменного корыта, подтверждает существование домашнего скота.

Д О М Ш

Вся юго-западная половина квартала занята одним домом, площадь которого, включая двор и храм, составляет около 500 кв. м.

Жилые помещения дома расположены в СЗ конце. Вход со двора вел с юго-запада, с XII Поперечной улицы. Порог устроен из штучных плит, его ширина 1,50 м. В середине двора находится яма - поглотитель, глубиной 0,70 м, обложенная плитами, неправильной формы, размерами около 1,0 × 0,80 м, с вымосткой на дне.

Возле помещения № 13 в земле находились три плиты, служившие по-видимому, основанием столбов, на которых покоился навес. Очевидно, навес являлся неременной частью каждого двора. Навес был покрыт черепицами, обломки которых лежали в большом количестве на земле. В остальной же части двора черепиц не было, слой земли с дерном достигал лишь 0,25—0,30 м толщины и не содержал каких-либо предметов, следы пожара на подошве отсутствовали.

Помещение № 11 в плане вытянуто, длиной 6,50, шириной 3,75 м. Завал камней в нем достигал верхнего уровня стен (0,75—1,0 м). На

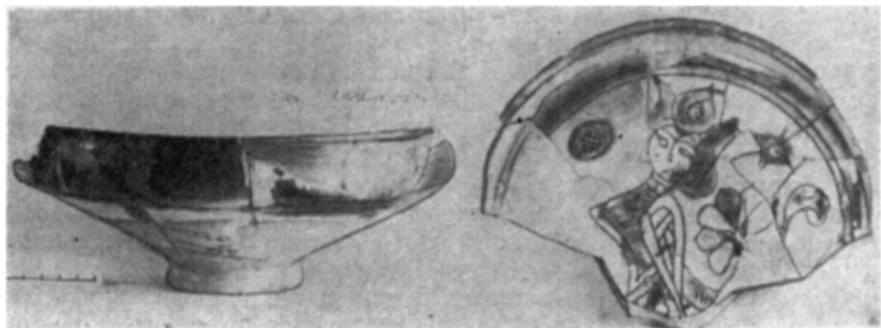

Рис. 49. Часть миски с изображением Сирина.

полу лежал толстый слой обломков черепиц. Неровный пол резко поднимался к северо-восточной стене, возле которой оказался второй—нижний пол на одном уровне с полом остальной части помещения.

В завале камней оказались арочные плиты, одна из них с выемкой и бороздками на фасовой стороне. Плиты, а также обломок мраморной колонны и часть мраморной гладкой плиты, происходят из соседней базилики.

Дверной проем находится в юго-восточной стене, что является характерным для всех домов: проемы жилых помещений, выходящие во двор, обращены к югу, с северо-западной же стены глухие. Такое расположение дверей не случайно, а вызвано необходимостью защиты жилых помещений от холодных ветров северного направления.

В помещении № 11 около двери стояло маленькое каменное корытце. В северо-западной части на полу лежали куски железной якорной цепи из крупных звеньев. Там же найдены два железных ножа длиной 0,105 м и 0,09 м (рис. 48), обломки поливной посуды—мисок и кувшинов. На одной из мисок, из красной глины, имеется гравированное изображение Сирина (рис. 49), на других—гравированный орнамент. Небольшой кувшинчик, покрытый желтой поливой, украшен врезанным орнаментом в виде плетенки с подцветкой зеленой и коричневой краской; высота его, без утраченного горла, 0,09 м.

Помещение № 12 находится в западном углу дома и является подвальной кладовой с опущенными в насыпь внутренними стенами; длина его 4,35 м, ширина 3,50 м. Кладовая была заполнена камнями до уровня стен, с ямой посередине. Сохранившаяся высота внутренних стен достигает 1,60—1,75 м. В юго-западной стене сохранились пять ступеней каменной лестницы. В северо-западной стене имеется ниша высотой 0,50 м, шириной 0,32 м, глубиной 0,40 м. На полу лежали

в большом количестве обломки черепиц, железные гвозди, обуглившиеся деревянные балки и сажа. В кладке юго-восточной стены видна часть мраморной капители с аканфовыми листьями. В завале камней оказался обломок—угол мраморной алтарной преграды.

В восточном углу подвала стоял пифос с сохранившейся в нем соленой рыбой и глиняной миской с крупными отверстиями на ее дне и стенках; от пифоса уцелели две трети его корпуса. Неоднократное нахождение миски-цедилки в пифосах или амфорах с рыбой подтверждает ее назначение. Пифос перенесен в Херсонесский музей и выставлен в средневековом его отделе.

Кроме того, в кладовой лежали в обломках еще три пифоса, расположенные вблизи северо-восточной стены. Из других сосудов здесь находились два кувшина и глубокая миска (в обломках). Возле пифоса с рыбой лежал целый нижний жернов и обломки верхнего жернова.

При зачистке пола в нем обнаружено 18 круглых ямок, диаметром 0,26—0,30 м, глубиной 0,08—0,10 м, расположенных тремя правильными рядами; центры углублений находятся друг от друга на расстоянии 0,45—0,50 м. Небольшие размеры углублений и тесное их расположение позволяют предполагать, что в них могли стоять кувшины и амфоры.

На полу найдено шесть звеньев медной цепи, общей длиной 0,59 м, соединенных шарнирами, с вырезами по краям. Подобные цепи принадлежали, вероятно, большой люстре, или хоросу (рис. 40).

Небольшой обломок, длиной 0,065 м, с ажурным краем, из толстой медной пластины является, по-видимому, частью кадилницы. Медный предмет с острием на одном и утолщением на другом конце, длиной 0,11 м, мог служить проколкой.

Соседнее помещение № 13, длиной 7,0 м, шириной 4,5 м, с дверным проемом в северо-восточной стене, было жилым и сообщалось с подвальной кладовой, над которой находилось также жилое помещение с деревянным полом, перекрывавшим подвал.

В западном углу стояла нижняя часть пифоса, возле северо-западной стены лежала разбитая амфора, высотой 0,50 м, аналогичная найденной в доме I (рис. 15). Из керамики здесь найдены: кувшинчик белоглиняный, высотой 0,14 м, покрытый поливой и украшенный коричневыми мазками, в обломках, некоторые из них обгорели, несколько глиняных грузил цилиндрической формы.

Возле дверного проема на полу лежала мраморная импостная капитель (рис. 50), длиной 0,82 м, шириной 0,46 м, высотой 0,21 м, с изображением креста на узких концах, разбитая на четыре части.

Возле двери найден железный внутренний замок круглой формы, на полу попадались железные гвозди. В завале камней оказались штучные каменные плиты и клинья арок. В кладке восточного угла стен видна часть мраморной алтарной преграды.

Пазы для деревянных связей находились в стенах на высоте 0,35 м от пола. Выше пазов юго-западная и юго-восточная стены не сохранились. Кладка северо-восточной стены получила сильный наклон на обе стороны и разваливается. Плиты дверного проема потрескались и раскололись от огня.

Во дворе, около дверного проема помещения № 11, лежала мраморная гладкая плита, размерами 0,90 × 0,56 × 0,16 м, происходящая, по-видимому, из пола базилики 1935 г. Рядом найдена мраморная ваза диаметром 0,43 м, высотой 0,15 м, а также часть мраморного алтарного столбика, профилированного в виде желобков и валиков, высотой 0,50 м. На подошве двора найден поливной люстрон, сильно отби-

тый, без подставки, с двумя ярусами для плоск, высотой 0,106 м. Возле помещений №№ 11, 13 на подошве двора находилось огромное количество черепиц, часть которых удалось собрать полностью.

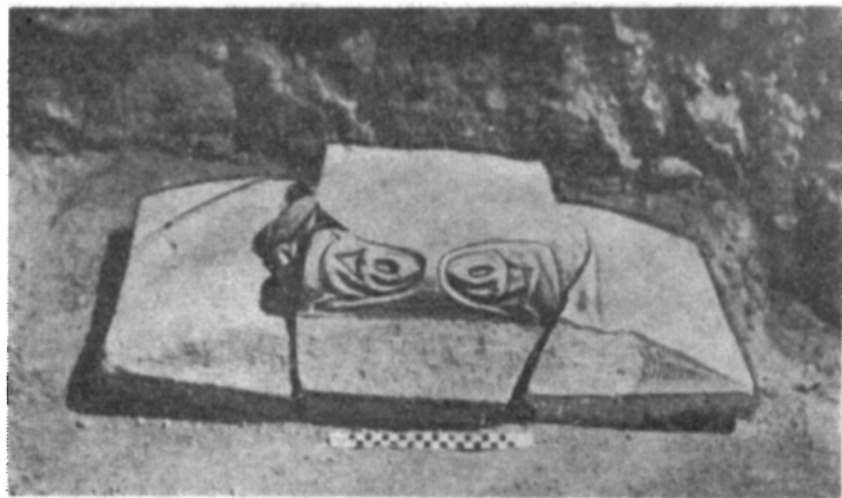

Рис. 50. Мраморная импостная капитель в помещении № 13.

Их размеры 0,39 × 0,29 м, 0,43 × 0,30 м, 0,36 × 0,31 м. Желобчатые черепицы встречались в небольшом количестве, величина одной из них 0,43 × 0,16 м. На плоских черепицах имеются разнообразные клейма: отдельные буквы, монограммы, знаки в виде пятиконечной звезды, изображений всадника, животного, птицы и др. (рис. 51).

Как уже сказано, слой земли во дворе очень тонкий, около 0,25—0,35 м, и повышался лишь возле стен до сохранившегося их уровня, т. е. до 0,60—0,80 м. Иным был слой в юго-восточной части двора, между Продольной улицей и храмом № 1. Здесь завал камней достигал 1,0—1,20 м. Но к храму и к улице подошва резко повышалась. Возможно, что в этом месте производилась выборка камня при постройке монастырского забора, остатки которого уцелели в высоту до 0,80 м. В кладке забора встречались древние штучные

Рис. 51. Черепица с клеймом—изображением животного.

плиты размерами $0,57 \times 0,37 \times 0,22$ м, $0,58 \times 0,43 \times 0,30$ м и др.

Храм, расположенный в юго-восточной части двора, имеет следующие наружные размеры: длина боковых стен 7,50 м, общая длина с апсидой 9,0 м, ширина 5,0 м. Кладка фундамента стены выполнена из бута на грязи. От наземной части стен сохранился один ряд штукатурной кладки на наружной стороне апсиды и юго-восточной стене. Храм подвергся сильному разрушению, по-видимому, в новое время при

Рис. 52. Храм № 1. Вымостка и обгоревшая балка.

добыче камня, так как храмы могли дать наибольшее количество крупных обработанных плит и блоков.

Вначале здание храма не примыкало к наружной стене двора. Позднее же были сделаны дополнительные стенки, соединившие храм с наружной стеной и образовавшие его преддверие (нартекс). Эти стенки меньшей толщины, не в линии со стенами храма и сложены из мелких камней. В юго-восточной стенке сначала был устроен дверной проем, потом заложенный. Таким образом, первоначально вход в храм вел непосредственно со двора, затем возникла пристройка со входом в нее с юго-восточной стороны, наконец, стали входить в храм с улицы. Пол в пристройке выше пола в храме на одну ступеньку.

С северо-западной стороны к храму примыкают две лежащие одна на другой плиты в виде ступеней. Однако отсутствие следов проема в стене, от которой сохранился лишь низ, не дает возможности предполагать боковой вход в храм.

В апсиде на полу лежали клинообразные, выпукло-вогнутые плиты, происходящие из сводчатого перекрытия конхи апсиды. В юго-западном конце храма в завале оказались четыре арки, служившие перекрытием окон, на что указывает их малый диаметр. В нижней части стены апсиды на внутренней стороне сохранились остатки штукатурки белого цвета, без росписи.

С юго-восточной стороны храма, возле апсиды, а также внутри храма найдены кирпичи впервые встречаемой формы—с треугольным

верхом. Размеры их неодинаковые, но в среднем длина их около 0,17 м, ширина 0,10 м, толщина 0,04 м. Назначение кирпичей неясно, возможно, что они употреблялись для узорчатой декоративной кладки.

В апсиде и частично перед апсидой имеется выемка из каменных плит (см. план и рис. 52), которые, по-видимому, были на всей площади храма, но выбраны в новое время. В центре апсиды в плите имеется отверстие диаметром 0,25 м, в котором стоял столбик для престола. В промежутке между плитами апсиды и наоса лежал обгоревший деревянный брус, служивший основанием алтарной преграды, которая была, несомненно, деревянной (рис. 52). На внутренней стороне северо-западной стены имеются два выступа, по-видимому, остатки пилястров. Однако в юго-восточной стене подобных выступов, которые бы соответствовали выступам другой стены, нет. Ширина выступов 0,47 и 0,37 м, они выступают внутрь на 0,10 м. Возле обгоревшего бруса алтарной преграды стояла на земле медная лампада. Там же, ближе к юго-восточной стене, найдена медная иконка с изображением Христа. Иконка медная, высотой 0,12 м, с полукруглым верхом (рис. 53). По краю, кроме низа, украшена рамкой—орнаментом в виде ряда выпуклых кружочков между рельефными линиями, состоящими из мелких рубчиков; одна такая линия идет по нижнему краю.

На иконке изображена фигура Иисуса Христа, сидящего на троне. Правой поднятой рукой Христос благословляет, левой держит евангелие. Фигура одета в длинную одежду с широкими короткими рукавами, ниспадающую складками до ступеней. На правой руке виден узкий рукав с мелкими поперечными складками нижней одежды. Под ногами Христа низенькая скамеечка. Фигура и голова представлены строго в фас. Длинные волосы расчесаны на две стороны с пробором посередине, борода небольшая. Вокруг головы нимб с радиальными полосками, образующими крест. Слева вдавлена надпись IC, справа XC. Края трона и его карниз украшены вертикальными желобками и вдавленными точками. Тот же орнамент нанесен на конец подушки, лежащей на троне. Более мелкими точками и желобками украшено евангелие.

Иконка помята, покрыта коричневой патиной. Левый край ее обломан, имеются изъяны и пробоины. При реставрации очищена от окислов. Иконка выполнена штамповкой с последующей чеканкой. Обратная сторона, в соответствии с рельефом лицевой стороны, вогнута. Три мелких отверстия сверху служили для прикрепления иконки, вероятно, к деревянной основе.

Лампада медная в виде чаши на кольцевой подставке с расширяющимися кверху стенками, высотой 0,06 м, диаметром сверху 0,115 м. Наружная сторона лампы украшена в трех местах выступающими под тупым углом гранями: в середине широкими, по сторонам узкими (рис. 54). Углы граней орнаментированы по вертикали двумя пунктирными линиями. Такой же орнамент нанесен на дне с наружной стороны в виде кольца по наружному краю, вокруг подставки. Верхний край граней украшен, кроме того, косыми насечками в рамке из горизонтальных врезанных линий.

Лампада имеет три ушка, прикрепленных к стенкам, ушки выпуклые, округлой формы, в двух сохранились обломки звеньев из толстой медной проволоки. Лампада сильно повреждена окислами: кольцевая подставка сохранилась лишь частично, одно ушко утрачено, на дне и стенках много изъянов, имеются сквозные отверстия и трещины, внутри образовались наросты окислов. В лампаде лежали обрывки

Рис. 53. Икона медная с изображением Христа

цепочек, состоящие из двойных звеньев железной проволоки (рис. 40).

Кроме того, при раскопках внутри храма найдены: медное ажурное звено цепи от хороса (рис. 40), медная пластинка—створка с изображением коня влево (рис. 48); два штифта с головкой и острым плоским концом (рис. 48); обломок обгоревшей и почерневшей от огня костяной пластинки (стиль, проколка) с острием; встречались также куски плоского оконного стекла и железные гвозди.

Возле юго-восточной стены, в южном углу, устроена могила, частично впущенная в стену (см. план) и покрытая каменными тесаными плитами, из них некоторые оказались разбитыми и провалившимися внутрь могилы. Длина всего перекрытия 2,20 м, ширина 0,90 м. Плиты, тщательно обработанные, плотно пригнаны друг к другу с выемкой-четвертью по краю.

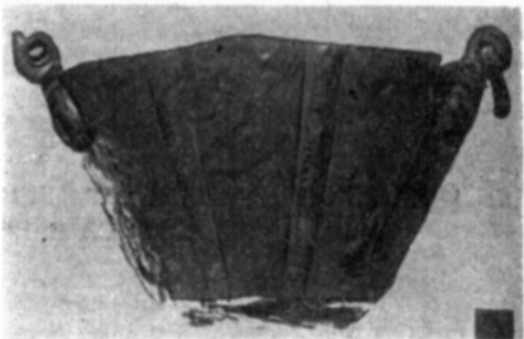

Рис. 54. Лампада бронзовая.

В узком конце могилы стояла на ребре выпукло-вогнутая плита. Стенки могилы внутри обложены камнями, внутренние ее размеры: длина 2,0 м, ширина 0,57 м в северо-восточном конце и 0,63 м в юго-западном конце, глубина 0,93 м.

Под плитами могилы оказалась рыхлая сухая земля—натек с массой раковин, улиток и мелких спиралевидных раковин белого цвета. Костяки лежали на глубине 0,65—0,70 м и находились в беспорядке: шесть черепов лежали в юго-западном конце и два в противоположном. Положение черепов случайное, нижние челюсти отсутствовали, остальные кости оказались в ограниченном количестве и принадлежали лишь двум костякам. Из восьми черепов два детские, небольших размеров, один из них с молочными зубами.

При расчистке костяков найдены: мелкие обломки тонкостенного стеклянного сосуда, видимо, лампы; медная шаровидная пуговица с ушком, полая внутри, диаметром 0,01 м; медное проволочное кольцо (или серьга) сломанное, диаметром 0,017 м.

Площадь третьего дома превышает площадь двух полевых домов, вместе взятых, и занимает половину квартала. В состав дома входил небольшой храм, служивший семейной усыпальницей. В кладовых находились обычные для домов этого времени предметы: жернова, пифосы, амфоры, кувшины, небольшое количество поливной посуды.

В одном из помещений оказались массивные звенья железной якорной цепи, в другом—медная цепь для хороса. В храмике уцелели медные иконка и лампада.

Все эти данные характеризуют дом как очень богатый.

ОПРЕДЕЛЕНИЕ МОНЕТ, НАЙДЕННЫХ ПРИ РАСКОПКАХ
ХЕРСОНЕСА В 1955 ГОДУ¹

Л. Н. БЕЛОВА

№ п. п.	Определение	Дата	Диам. в мм	Вес в грамах	Сохранность	Место находки
1	Херсонесская, Б. XV, 68	Сер. IV в. до н. э.	21		оч. пл.	Участок 1934 г.
2	То же	"	20		пл.	Эллинист. дом
3	То же	"	21		оч. пл.	"
4	То же, Зогр. 35, 16	Вт. пол. IV в. до н. э.	22		"	"
5	То же, Зогр. 35, 23	Кон. IV—нач. III в. до н. э.	19,5		"	"
6	То же, Зогр. 35, 24—25	Перв. пол. III в. до н. э.	23		"	"
7	Каллатия	III—II вв. до н. э.	20		пл.	"
8	Херсонесская, Б, 54—57	II в. до н. э.	12		ср.	"
9	То же	"	15	1,98	хор.	"
10	Понт или Пафлагония	105—90 гг. до н. э.	21	6,25	пл.	"
11	Херсонес, Элевтерия	Нач. III в. н. э.	21		ср.	XI улица
12	То же	"	24		пл.	Участок 1934 г.
13	То же	Сер. III в. н. э.	22		пл.	Участок 1934 г.
14	То же	"	22		пл.	Изв. яма
15	Боспор, Рискупорид VI	Нач. IV в. н. э.	20		ср.	"
16	Римская	Кон. III в. н. э.	19		оч. пл.	XI улица
17	Констанций II	337—361	16		ср.	"
18	То же	"	18		ср.	"

¹ Все монеты, за исключением серебряного денария № 94, медные.

№№ п. п.	Определение	Дата	Диам. в мм	Вес в грам- мах	Сохран- ность	Место находки
19	Констанций II	337—361	17		ср.	XI улица
20	То же	"	18		пл.	"
21	То же	"	19		пл.	Участок 1934 г.
22	То же	"	19		пл.	"
23	То же	"	18		ср.	"
24	То же	"	15		ср.	"
25	Позднеримская	Перв. пол. IV в.	16		пл.	"
26	То же	"	16		оч. пл.	"
27	То же	"	13		"	"
28	То же	"	14		"	"
29	То же	"	15		"	"
30	То же	"	18		"	"
31	То же	"	17		пл.	"
32	То же	"	18		оч. пл.	Изв. яма
33	То же	"	14		"	"
34	То же	Вт. пол. IV в.	22		"	"
35	То же	"	22		"	"
36	То же	"	18		пл.	"
37	То же	"	17		оч. пл.	"
38	То же	"	23,5		"	"
39	То же	IV—V вв.	16		"	XI улица
40	Валент	364—378	19		ср.	Участок 1934 г.
41	Грациан	367—383	22		пл.	"
42	Феодосий I	379—395	22		пл.	"
43	То же	"	23		пл.	Изв. яма
44	То же	"	22		ср.	VI пом. под печью
45	Флаксилла	379—388	23		ср.	"
46	Аркадий	395—408	20		пл.	XI улица
47	То же	"	22		пл.	Изв. яма
48	Лев I	457—474	19		пл.	"
49	То же	"	21		хор.	"
50	Лев I или Зенон	V в.	17		оч. пл.	"
51	Анастасий или Юстин I	491—518 или 518—527	15		"	"
52	Юстин I (?)	VI в.	12		хор.	"
53	Ранневизантийская	VI в.	13		оч. пл.	XI улица
54	Позднеримская или ранневизантийская	V—VI вв.	15		"	"
55	То же	"	14		"	Изв. яма
56	Византийская	VII—VIII вв.	21		"	XI улица
57	То же	VII—VIII вв.	19		оч. пл.	Участок 1934 г.

№№ п. п.	Определение	Дата	Диам. в мм	Вес в грам- мах	Сохран- ность	Место находки
58	Юстиниан I	527—565	15		пл.	Изв. яма
59	То же	"	15		"	"
60	То же	"	17		"	"
61	То же	"	16		"	"
62	То же	"	15		"	"
63	То же	"	16		"	"
64	То же	"	15		"	"
65	То же	"	13		"	"
66	Василий I	867—886	17		хор.	XI улица
67	То же	"	12		пл.	Участок 1934 г.
68	То же	"	19		хор.	"
69	То же	"	16,5		пл.	"
70	То же	"	19		оч. пл.	Пом. 2
71	Лев VI	886—912	17		"	"
72	То же	"	16		пл.	Участок 1934 г.
73	Роман I	920—944	25		ср.	"
74	То же	"	27		"	"
75	То же	"	26		"	V пом.
76	То же	"	23		хор.	"
77	То же	"	22		"	"
78	То же	"	22		"	"
79	То же	"	22		ср.	"
80	То же	"	22		хор.	"
81	То же	"	22		ср.	"
82	То же	"	22		ср.	Двор III дома
83	То же	"	25		хор.	Храм № 1
84	То же	"	22		хор.	"
85	То же	"	22		хор.	12 пом.
86	Константин Багряно- родный	944—959	17		ср.	"
87	То же	"	16		пл.	"
88	Константин и Роман II	949—959	18		ср.	2 пом.
89	То же	"	19		оч. пл.	Двор 1 дома
90	Позднеримская или ранневизантийская	IV—V вв.	14		"	XI улица
91	То же	"	16		"	"
92	Юстин I или Юсти- ниан I	VI в.	14		ср.	Под 4 пом. Участок
93	То же	VI в.				1934 г.
94	Каракалла или С. Север денарий	Нач. III в.	21	1,56	пл.	"
95	Позднеримская	IV в.	21		пл.	XII улица

АНТРОПОЛОГИЧЕСКИЙ МАТЕРИАЛ ИЗ РАСКОПОК ХЕРСОНЕСА 1955 года

К. Ф. СОКОЛОВА

Краниологическая серия, поступившая в наше распоряжение от Г. Д. Белова, состоит из 18 черепов, из них 9 мужских и 9 женских¹. По составу черепов серия неоднородна, по морфологическим особенностям она отличается от позднесредневековой серии из Херсонеса, исследованной Г. Ф. Дебецом², а также от исследованной нами серии из храма с ковчегом, добытой в 1954 году О. И. Домбровским³.

По средним величинам эта серия имеет некоторое сходство с позднесредневековой серией из Мангула, но по ряду существенных признаков отличается от нее.

При осмотре черепов прежде всего обращают на себя внимание черепа со специфическими морфологическими особенностями. Они характеризуются брахикранной формой, покатым лбом, скошенным или округлым затылком, широким лицом, резко выступающим носом, имеющим характерное строение для арменоидов.

Наряду с этими черепами в серии прослеживаются единичные черепа другого типа, отличающиеся от первых долихокранной формой, абсолютными размерами черепа, строением лица и рядом других признаков.

Третий тип в серии—монголоидный, представлен двумя женскими черепами. Наряду с монголоидными чертами у данных черепов имеются признаки, направленные в сторону европеоидности.

Сочетание монголоидных признаков с европеоидными позволяет предположить наличие здесь метизационного процесса европеоидов с монголоидами.

К сожалению, данная серия очень малочисленна, чтобы на основании ее делать определенные выводы. Тем не менее, преобладающий в серии европеоидный тип с наклонным лбом, со скошенным затылком, с сильно выступающим носом не вызывает сомнений в его ра-

¹ Измерение черепов произведено.

² Г. Ф. Деб ец, Антропологический состав населения средневековых городов Крыма. — В сб. МАЭ, т. XII, М., 1949, стр. 333—386.

³ Рукопись К. Ф. Соколовой хранится в отделе античной и средневековой археологии Крыма Института археологии Академии наук УССР.

совой принадлежности. Комплекс морфологических особенностей этого типа является характерным для арменоидного типа, описанного в работе В. В. Бунака *Stapia armenica*. Поскольку этот тип был подробно описан автором, мы не останавливаемся здесь на его детальном описании.

Все черепа этого типа в серии сходны между собой, но среди них выделяется череп № 17, хотя он тоже арменоидного типа. По сравнению с другими этот череп очень массивен, характеризуется широким и высоким лицом (ширина 149 мм, высота 81 мм), брахикранной формой (указатель его 84, 86), сильным развитием надбровных дуг, сильно наклонным лбом, выступающим носом, строение нижнего края носового отверстия типа *Fassae praenasales*. Имеется альвеолярный прогнатизм. Этот тип связан, по-видимому, с древними формами Передней Азии.

Наличие армянского населения в это время в Херсонесе является естественным, так как в XIII—XIV вв. происходило массовое переселение армян в Крым в связи с завоеванием Армении монголами.

Таким образом, краниологическая серия из храмов, относящаяся ко времени татарского нашествия (XIII—XIV вв.), является смешанной. В ее составе находятся по крайней мере три антропологических типа:

1. Основной, преобладающий тип — арменоидный.
 2. Монголоидный тип, представленный двумя черепами.
 3. Европеоидный длинноголовый тип, представленный единичными черепами. Этот тип связан или с местными, более ранними формами Крыма, или с пришлым населением, проникшим сюда во время развития торговых связей Херсонеса с соседними областями.
-

К. Э. ГРИНЕВИЧ

СТЕНЫ ХЕРСОНЕСА ТАВРИЧЕСКОГО

Часть III

ЮЖНАЯ И ЗАПАДНАЯ ЛИНИИ ОБОРОНЫ

Я же считаю, что не следует ни пренебрегать показаниями этого историка, ни считать его непогрешимым; наоборот, читатели должны выводить свои суждения из самых фактов.

Полибий, III, 9

ВВЕДЕНИЕ

Крепостные сооружения Херсонеса и античная фортификация

Крепостная ограда Херсонеса вскрыта одновременно раскопками инж. Гарабурды, А. Л. Бертье-Делагарда, К. К. Косцюшко-Валюжинича, Р. Х. Лопера, Л. А. Моисеева и моими. Раскопочные отчеты помещены в „Отчетах“ Археологической комиссии и в „Известиях“ той же комиссии. Отчет Гарабурды напечатан в „Известиях Таврической ученой архивной комиссии“. Раскопки Л. А. Моисеева и мои раскопки внутренней стороны западной стены публикуются в настоящей работе; остальные мои раскопки опубликованы в журнале „Крым“ за 1926 г., „Сообщениях“ ГАИМК, в выпусках I и II „Херсонесского сборника“. А. Л. Бертье-Делагард издал свое исследование о крепостной ограде Херсонеса в „Известиях Археологической комиссии“, вып. 21 (1907). В дальнейшем мне придется часто цитировать эту работу А. Л. Бертье-Делагарда, так как по ряду вопросов я с ним не согласен.

В настоящее время не вся крепостная ограда Херсонеса доступна для осмотра и изучения. Южный участок — куртины 7—15 включи-

тельно (по обозначению Бертье-Делагарда—см. „Известия АК“, вып. 21, план на табл. II)—в конце XIX в. был раскопан, и на нем построили батарею. В настоящее время они засыпаны, и мы знаем о них только по описаниям и планам, составленным Гарабурдой и Бертье-Делагардом.

Остальная часть ограды мною изучена на месте. Юго-восточный участок, как наиболее важный в смысле обороны древнего города, в смысле сохранности и датировки, описан и издан в исследовании „Стены Херсонеса“, ч. I (Херсонесский сборник“, вып. I, Севастополь, 1926) и ч. II („Херсонесский сборник“, вып. II, Севастополь, 1927). Южная и западная линии обороны Херсонеса издаются в настоящей работе под названием „Протейхизма и перибол“.

Первая и вторая части исследования „Стены Херсонеса Таврического“ напечатаны в „Херсонесском сборнике“, вып. I (1926) и II (1927).

В публикуемой здесь третьей части, задуманной еще в 1926 году, рассматриваются южная и западная линии стен. Последняя мною была отчасти раскопана, но эти раскопки до сих пор еще не были изданы. Поэтому описанию стены сопутствует отчет о раскопках.

В приложении даны исследования аттической краснофигурной вазы, по которой можно датировать южную оборонительную стену.

Прежде чем приступить к изучению стен, познакомимся вкратце с теорией античного стеностроительства. К сожалению, до нас не дошло ни одного военного трактата ранее IV в. до н. э. Правда, много беглых замечаний имеется у Гомера, Геродота, Фукидида и Ксенофонта; помогают нам и реальные остатки древних городов. Мы видим, что теория крепостного строительства восходит на греческой почве к Трое, а может быть, и раньше, к крито-микенским временам.

Первыми известными нам авторами являются Эней, тактик, живший в IV в. до н. э., и Филон Византийский (III в. до н. э.), написавший работу „О фортификации“. Чрезвычайно важные сведения дают Витрувий в трактате „Об архитектуре“ (I в. до н. э.).

Труд Вегеция содержит синтез всего, что дала античная фортификация¹.

Постараемся сформулировать в немногих словах требования древних к обороне города и стеностроительству и посмотрим, отвечают ли реальные остатки Херсонеса этим требованиям. Прежде всего приведем общие соображения.

Вегеций (IV, I) говорит: „Города и крепости укрепляются либо природою, либо искусством, либо тем и другим, что считается более надежным“. Мы видим, что Херсонес может быть отнесен к последнему типу городов: он стоит на мысе, на скалистом полуострове, омываемом с трех сторон морем, и защищен „природой места“; вместе с тем он укреплен и искусственно посредством крепостной стены.

Подкрепляя только что сказанное, Вегеций продолжает: „Природные укрепления — возвышенное или крутое место, место, омываемое морем или окруженное болотами и реками. Искусственные укрепления — рвы и стены. Там, где надежнейшая защита есть благодеяние природы, требуется осмотрительный выбор, а на равнине нужно рев-

¹ Чрезвычайно полезным справочником является книга „Архитектура античного мира“ В. П. Зубова и Ф. А. Петровского (М., 1940), в которой собраны главные письменные источники из античных авторов. Эней, к сожалению, в ней нет.

ностное строительство. Мы видим, что древнейшие города так расположены на открытых полях, что даже при отсутствии естественной защиты искусство и труд сделали их неприступными" (IV, 1).

Греки, а за ними и римляне создали определенные традиционные правила расположения крепостной ограды, положив в основу идею так называемого „бокового обстреливания“ в целях недопущения врага к стенам. Вот что говорит Вегеций со ссылкой на „древних“, разумея под ними не только греков, но и хеттов и особенно ассирийцев, так как в системе укрепления города Ассура мы уже видим этот принцип. „Древние не считали возможным вести городские стены по прямой линии, чтобы они были открыты ударам таранов, но, заложив фундаменты, окружали город извилистой линией стен с близко друг от друга расположенными башнями, на тот случай, что если кто-нибудь пожелает подойти к так построенной стене с лестницами или машинами, он был бы тесним не только спереди, но и с флангов и даже с тыла, точно схваченный в объятия“ (Вегеций, IV, 2).

Филон Византийский хорошо понимает этот принцип бокового обстреливания, причем мы видим, что уже в его время было несколько способов постройки крепостных стен, исходя из этого принципа: „Систему фортификации нужно выбирать после изучения местности. Ведь в разных случаях годится разное. Например, система меандроподобная годится на равнине, система полукружий и „зубцов пилы“ годится там, где место, окружаемое стеной, неровное. Система „двойных стен“ пригодна тогда, когда город, в котором надлежит возвести укрепления, имеет выступающие вперед и отступающие назад части. Система „косых куртин“ пригодна при треугольных очертаниях, а старинная система годится на территории с круглыми границами“ (Филон, VIII, II). Из этого высказывания Филона мы видим, что уже в III в. до н. э. греческое фортификационное искусство знало шесть основных систем. Первая и последняя системы, т. е. меандроподобная (как узор меандра) и старинная, т. е. без выступов, понятны сами по себе. Понятна также система двойных стен, часто применявшаяся в Херсонесе, когда впереди основной стены строилась протейхизма. Следует остановиться на трех системах: полукружий, зубцов пилы и косых куртин.

Предоставим слово Филону: „Существует и другая система фортификации: располагать стену по полукружиям, обращая вогнутость их к врагам; концы дуг должны примыкать к башням, приравливаясь к их углам, и между этими двумя углами должен оставаться промежуток, равный ширине, которую имеет стенка фундамента башни с внутренней стороны ее“ (VIII, I). В Херсонесе мы нигде не наблюдаем этой системы.

Система „зубцов пилы“ представляет вариант предыдущей. Филон говорит: „С этой системой сходна система „зубцов пилы“, изобретенная, как говорят, механиком Полиэйдом; согласно ей, нужно строить в некоторых опасных пунктах пятиугольные башни в середине куртин. Перекидывая затем балки от одной стены к другой, мы получаем аналогичное расположение. Некоторые предпочитают другую систему, когда куртины слегка отступают назад, имеют в длину 100 локтей, а в толщину 12 локтей и в высоту 6 оргий¹. Нужно сделать верхнюю часть стены несколько суживающейся кверху, достаточно прочной, чтобы противостоять обстрелу литоболов. Обе противоположные стены башен будут находиться друг от друга на расстоянии 8 локтей“

¹ Локоть равен 0,462 м, в оргии — 4 локтя.

(VIII, 5—7). В Херсонесе мы нигде не находим этой системы „зубцов пилы“.

О системе „косых куртин“ нам сообщает тот же Филон: „Существует очень простая и достаточно надежная система, когда куртины построены наискось... и при этой системе башни расположены так, что там, где они примыкают к стене, они образуют один острый и один тупой углы, ибо если их строить так, то в случае приближения военных машин одна из башен сможет оказать поддержку другой“ (VIII, 13—15).

Если после обозрения этих древних фортификационных систем мы обратимся к Херсонесу, то отметим, что стены IV в. на длинном протяжении часто идут прямолинейно без требуемых зигзагов. Повидимому, здесь господствует так называемая „старинная“ система. Это мы видим на куртине 16 — 17 юго-восточного участка, это же мы видим и на западе городища, где древняя стена почти без изгибов идет от башни V до моря. Строители считали, видимо, что осада со стороны местных „варваров“ не так уж серьезна, и поэтому не озаботились создать возможность бокового обстреливания с башен. Это мы видим на западе и на юго-востоке. Правда, потом эта слабая сторона обороны была использована врагом, вероятно, в эпоху диофантовых войн, и на куртине 16—17 мы видим пролом в стене, сделанный осадной машиной. Видно, как этот пролом был в военной обстановке наскоро заделан камнями, а снаружи была спешно построена полукруглая башня XV¹. В Неаполе Скифском был найден рисунок на стене с изображением стенобитной машины на колесах.

На западе городища мы также видим, что в конце античного периода древняя стена была заброшена и построена новая с зигзагом в сторону запада, благодаря чему довольно большая площадь была присоединена к городу, войдя под защиту новых стен. Следовательно, система „косых куртин“ была применена в некоторых местах и в Херсонесе.

Далее Филон говорит: „При постройке башен нужно, во-первых, копать до скалы, до воды или до какого-либо надежного слоя грунта, как можно лучше укрепить это место и заложить фундаменты на известковом (?) растворе, дабы стены не обрушились при ударах в их фундаменты и нельзя было бы ускорить под них под- коп“ (I, 1).

В Херсонесе всюду строго соблюдалось правило строить стены и башни обязательно на скале, причем на скале клали сначала (но не везде) фундамент из небольших бесформенных камней на глиняном растворе (греки извести не знали, и поэтому данное место Филона неудачно переведено). Тип фундамента на куртине 16, изображенный на рис. 21 „Стен Херсонеса“, ч. II (стр. 25), дает нам должное представление о технике возведения фундамента и стены.

Древние инженеры продумали с большой тщательностью способ постройки стены. Вегеций, например, говорит: „А для того, чтобы никак нельзя было разбить стену, ее строят так: на расстоянии 20 футов² внутри (т. е. друг от друга) строят две стены. Затем землю, извлеченной из рвов, заполняют промежуток между ними и уплотняют ее трамбовками... Стена, ставшая более прочной благодаря земляной засыпке, не может быть разбита никаким тараном, а если как-нибудь случайно будут разрушены камни, то нападающим будет

¹ К. Э. Гриневич, Стены Херсонеса, Хсб. II, Севастополь, 1927, стр. 10, рис. А (на плане „О“); стр. 20, рис. 15 „А“; стр. 27, рис. 23 „В“; стр. 31, рис. 29.

² Римский фут равен 0,296 м.

противостоять вместо стены масса земли, плотно забитой между стенами" (IV, 3)¹.

В Херсонесе это правило засыпки стен землей почти всюду соблюдено, однако в некоторых местах античная стена имеет еще каменную забутовку на глине. При кладке „кордонами на ребро, плитами на образок“ и при кладке „логом и тычком“ (о системах кладки см. ниже) камни, положенные длинными концами в глубь стены, соприкасаются друг с другом, создавая внутреннюю перевязь стены.

Древнее правило фортификации требует, чтобы кладка башен была независима от кладки стены, но это важное правило в Херсонесе редко где соблюдено (ср. башни XIV, XVI, XVII).

Теперь коснемся формы башен. В Херсонесе мы встречаем в стенах IV в. прямоугольные, круглые и полукруглые башни, между тем как древние писатели в один голос рекомендуют строить полукруглые башни, хотя признают башни и других форм. Филон Византийский (1, 2) говорит, что „нужно строить башни в подходящих местах. Одни башни будут не совсем круглые, а снаружи закругленные, внутри плоские, имея вид половины цилиндра, рассеченного плоскостью, перпендикулярно его основанию“².

„Другие башни, — продолжает Филон, — будут шестиугольные, пятиугольные и четырехугольные, обращенные вперед одним своим углом, дабы они защищали друг друга при помощи снарядов, которые мечут с них вправо и влево в подведенные к стенам военные машины, и дабы эти башни не пострадали от ударов тарана или петроболов (каменетов). Ведь удары орудий, приходящиеся перпендикулярно к поверхности, бывают могучими, а те, которые попадают на выступающий угол, отражаются, теряя свою силу...“

В Херсонесе мы видим прямоугольные башни (например, на западе, к северу от башни V), но они поставлены по отношению к стене так, что их передний край параллелен стене. В сборнике В. П. Зубова „Архитектура античного мира“ (рис. 19, стр. 47) дан план башен по Филону, поясняющий особенность их постановки — углом вперед. В Херсонесе мы не знаем примеров такого расположения углов, да он и непрактичен, так как удары таранов легко могут обломать хрупкие углы башен.

Тот же Филон, а за ним и Вегеций особенно рекомендуют круглую или полукруглую форму башен и вот почему: „При отеске камней, — говорит Филон (IX, 3–4), — для полуцилиндрических башен нужно измерить наружную периферию их и в соответствии с ней изготовить деревянные образцы, которые будут переданы каменотесам для ускорения их работы. Башни будут тогда строиться без перерыва, и город станет могучим при таком способе строить башни, оттого что снаряды петроболов окажутся бессильны и камни, более широкие снаружи, чем внутри, не поддадутся под их ударами“³.

Витрувий в своем трактате „Об архитектуре“ поясняет, почему выгоднее всего делать круглые башни: „Башни следует делать круглыми или же многоугольными, ибо четырехугольные скорее разру-

¹ В сборнике В. П. Зубова „Архитектура античного мира“, (стр. 33) помещен рис. 2, иллюстрирующий эти слова Вегеция (дан разрез стены).

² Филон говорит здесь о полукруглых башнях. Такие встречаются и в Херсонесе (башни I, XV, XVI, XVII и др.).

³ Интересное замечание, проливающее свет на античную технику сооружения однородных башен. Возможно, что и в Херсонесе это имело место, так как большинство башен имеет одинаковый радиус, например, первоначальная башня V, башня XIII, ядро башни XVII, башня XVII а.

шаются осадными орудиями, потому что удары таранов обламывают их углы, тогда как при закругленных они, как бы загоняя клинья к центру, не могут причинить повреждений. При этом укрепления стены и башен оказываются наиболее надежными в соединениях с земляными насыпями, так как их не в состоянии повредить ни тараны, ни подкопы, ни другие военные орудия" (1, 55).

В Херсонесе насыпи для сооружения на них стен стали делать только в римское время, а так как часть крепостной ограды находилась в низине (в юго-восточной части), то засыпали древние стены и на них, как на фундаментах, построили новые, более высокие стены. Приведенная выше выдержка из трактата Витрувия объясняет, почему в Херсонесе над греческим ярусом стен возникли римские стены.

Древнегреческие стены Херсонеса сложены из тщательно отесанных плит местного твердого известняка желтовато-серого цвета, так называемого сарматского яруса. Плиты доставлялись на строительство приблизительно отделанными, и более тщательная пригонка камней производилась на месте, поэтому до сих пор мы находим на скале многочисленные отёски. Пригонка производилась с математической точностью, что было особенно необходимо, так как греки не знали никакого связующего вещества вроде римской цемянки или византийской извести. Они знали только гипс и глину, но оба эти вещества не годились для монументальной постройки. Поэтому греки клали все камни насухо, и они держались благодаря своей тяжести и точной пригонке крепко и надежно. Кроме того, камни связывались друг с другом деревянными клиньями, так называемыми пиронами; для этого с краю камней высекались зарубки, в которых держались эти клинья. Впоследствии деревянные пироны сгнивали, да и становились ненужными, так как устоявшаяся стена представляла собой монолитное целое¹.

Изучая датированные древнегреческие сооружения, известный французский историк искусства М. Колиншон пришел к выводу, что каждая эпоха употребляла пироны различной формы: архаические (VI в.) сооружения имеют свинцовые или железные пироны. Афинский Парфенон эпохи Перикла имеет пироны в форме широкого Н, а постройки IV—III вв. имеют пироны в форме хвоста ласточки, вернее, двух хвостов, сложенных друг с другом суженными концами. Очевидно, античная строительная техника к этому времени выработала практическую форму, наиболее способную скрепить камни.

В камнях херсонесских стен мы видим углубления именно для пиროнов последнего типа. Все сказанное о пиронах позволяет в их формах видеть основание для датировки херсонесских стен эпохой не древнее IV в. до н. э.

В древнегреческих крепостных стенах Херсонеса мы констатируем три системы кладки, довольно резко отличающиеся друг от друга. Самой первой по времени и самой прочной и характерной следует признать кладку плашмя, которая применена на куртине 17. Второй — кладку „кордонами на ребро, плитами на образок“, названную так известным исследователем Ольвии проф. В. В. Фармаковским при

¹ В сборнике РАНИОН „История техники“ я поместил статью „Техника и типы кладок датированных стен античного Херсонеса“ (1931, стр. 63, сл.). Отсылая интересующихся к этой статье с таблицами, в настоящей работе я даю только краткое описание основных кладок стен древнегреческого периода. См. также статью А. Н. Карасева об архитектуре в сборнике „Античные города Северного Причерноморья“ (изд. АН СССР, 1955).

описании подобной, но более древней кладки крепостной стены Ольвии у Заячьей балки¹.

Эту кладку в Херсонесе мы должны признать ранней, так как она применена при постройке древнейшей стены, остатки которой открыты мною в 1927 г. с внутренней стороны куртин 19 и 17. Такую же кладку мы видим в стене IV в. — на куртинах 17 и 18 юго-восточного участка и на западе городища; аналогичная кладка башни XVI и ядра башни XVII. Эта кладка отличается особой системой чередования камней: сначала идет ряд камней, положенных плашмя, по лицу стены они выступают своей узкой частью. Затем идет ряд камней, поставленных на ребро и образующих широкую часть кладки, в которой камни чередуются так: одни обращены к фасаду своим „зеркалом“, а другие выставлены вперед своей узкой частью, торцом. Над этим, более высоким рядом снова идет ряд плит, положенных плашмя, и т. д. Зеркала всех камней, выходящие наружу, — не обработаны, что дает игру света. В общем получается неотразимое впечатление монументальности и красоты, свидетельство мощи древнего города.

Размеры камней не очень большие, вполне достаточные для того, чтобы двое рабочих свободно могли их передвигать; высота ряда плоско положенных („на образок“) плит в среднем 0,34 м, высота ряда камней, поставленных стоймя („кордонами на ребро“), — в среднем 0,66 м, длина по линии стены камней на образок (т. е. камней узкого ряда) — 2,23 м, а длина кордонов на ребро — 2,07 м. Узкая сторона плит, положенных в широком ряду в глубь стены, равна в среднем 0,23 м. Образцы этой удивительной кладки, в которой каждый камень живет индивидуальной жизнью, даны мною в „Стенах Херсонеса“, ч. II (стр. 25, рис. 21; стр. 27, рис. 23 и 24, на рис. 23 эта кладка обозначена буквой „б“, а на рис. 24 буквой „в“, стр. 33, рис. 30; на стр. 61, рис. 63, дана эта же кладка на ядре башни Зенона со стесанными рустами; стр. 70, рис. 71²). Эта кладка положена была не прямо на скале, а на буге, смешанном с глиной, которая представляла собой хорошо промытую и отмученную желтовато-серую массу. На буге клался стилобат из камней, неровных внизу, но тщательно выравненных в своей верхней части для приема первых камней стены. Все это показано на рис. 2 (табл. IV) в моей статье, помещенной в сборнике РАНИОН, — „История техники“.

Но не всегда под кладкой стены мы видим фундамент из буга. Там, где это было возможно, древние строители высекали в скале соответствующее ложе и на нем прямо клали камни стилобата. Такая кладка, современная только что описанной, встречается на тех же участках стены, но с внешней стороны. Возможно, что первая кладка строителям показалась не совсем подходящей в отношении прочности. На куртине 16 мы видим кладку только „кордонами на ребро“. Эта кладка отличается от первой только отсутствием ряда плашмя положенных плит, но в остальном ничем не отличается от разобранной выше системы „кордонами на ребро, плитами на образок“. Примеры этой кладки мною приведены в „Стенах Херсонеса“, ч. II, стр. 13, рис. 6; стр. 14, рис. 9; стр. 15, рис. 10; стр. 18, рис. 13.

Третья система кладки названа А. Л. Бертье-Делагардом (ИАК, вып. 21) „логом и тычком“: тщательно обтесанные, без рустов,

¹ В. В. Фармаковский, Ольвия, М., 1915, стр. 12, там же и фотография стены (оттиск из „Экскурсионного Вестника“).

² Эта же кладка имеется на западе, см. фотографии № 4.

иаменные брусья, длиной 1,85 м, шириной и высотой 0,38 м, того же известняка сарматского яруса, положены различными своими частями по отношению к линии стены. Так, одни камни лежат вдоль линии стены своими длинными сторонами, другие—короткими, правильно чередуясь друг с другом (как кирпичи). Все камни положены насухо и имеют пироны в форме хвостов ласточек.

Всюду, кроме кладки „логом и тычком“ на куртине 19, мы видим средние лицевые части камней необработанными, и только с трех сторон стесаны кромки. По объяснению специалистов-архитекторов П. И. Голландского и Б. Н. Засыпкина перед нами определенный технический прием: края зеркала стесывают для наилучшей пригонки плиты. Верхняя часть края не так нужна, не нужны и средние части зеркала. По-настоящему, конечно, они должны быть стесаны (как на ядре башни Зенона), но в силу ряда причин, прежде всего стоимости этой дополнительной работы, последняя так и осталась невыполненной. Предположение, что эти русты могли сделать поверхность стены более устойчивой к ударам таранов, ни на чем не основано¹. Против этого предположения говорят знаки каменотесов, имеющие большое значение для датировки стен. Эти знаки представляют собою буквы греческого алфавита. Они изображены на стр. 93 (рис. 14) вып. 21 ИАК и оттуда перепечатаны мною в „Стенах Херсонеса“, ч. I (рис. 31). По авторитетному мнению акад. В. В. Латышева, эти метки, встреченные на 39 камнях, могут быть по палеографическим особенностям датированы IV в. или концом V в. до н. э.² По-видимому, они были нужны для производства расчета с рабочими, работавшими сдельно. Наличие этих знаков на рустах показывает, что русты были предназначены к стеске.

Третья система кладки, которую можно назвать мелкой брусковой кладкой „логом и тычком“ со стесанными рустами, применена на куртинах 19 и 20 древнегреческих стен Херсонеса. Длинные концы брусьев сходятся внутри стены, чем достигается большая прочность. Незаметно, чтобы камни притесывались на месте. По-видимому, они заранее вырезывались по определенному размеру и клались, как кирпичи. Пироны были в форме хвостов ласточки. Эту кладку следует датировать несколько позже двух первых, а именно, первой половиной III в. до н. э. Ей современно ядро башни Зенона.

Археологические раскопки Ольвии и во многих местах Греции и Малой Азии дают возможность найти аналогии всем херсонесским кладкам, что и было сделано в ч. I „Стен Херсонеса“. Не распространяясь об этих аналогиях (отсылаю интересующихся к вышеуказанной работе), можно заключить, что первые две кладки должны быть отнесены еще к классическому строительству IV в. до н. э., а третья—на 150 лет позже.

Толщина крепостных стен, по Филону, должна быть 10 локтей, т. е. 4,62 м. Херсонесские древнегреческие стены имеют толщину в 3,25 м, что несколько не соответствует древней традиции. Но эта

¹ Филон советовал оставлять на зеркале камней что-то вроде шишек для противодействия ударам стенобитных боевых машин (1,22). Но это ничего общего не имеет с рустами, которые всего на 1 см выдаются над кромками стены.

² См. „Стены Херсонеса“, ч. I, стр. 54, сл. О мнении В. В. Латышева ИАК, вып. 2, стр. 35, прим. I. Знаки каменщиков имеются в Тезейоне в Афинах. Эту кладку в Херсонесе (куртина 18) как имеющую свои характерные особенности (крупные камни, положенные, как в кирпичной кладке) мы должны выделить в особую систему херсонесских кладок. Только на ней мы видим знаки каменотесов.

толщина была вполне достаточна на первое время, когда врагами Херсонеса были слабые в военном отношении тавры.

Длина куртины первоначально была очень большой. Так, расстояние между башнями XIV и XVI (башня XV относится к более позднему времени)—96 м, причем куртина идет прямолинейно. Здесь нарушено требование древней фортификации—отсутствует идея бокового обстреливания куртины с башен. И недаром мы здесь видим следы пролома тараном (на его месте впоследствии построили полукруглую башню XV). Такое же нарушение древней фортификационной традиции мы наблюдаем на западе, где древнегреческая стена почти без изломов и башен прямо идет к морю. Затем, как правило, не выполняются требования Филона (1,39) не связывать крепостную стену с башнями. Мы всюду видим (башни XIV, XVI, XVII, XVIII), что кладка стен сделана в переплет с кладкой башен.

Херсонесские строители также не всегда придерживались древнего правила устройства крепостных ворот и калиток. Уже в Тиринфе мы видим, что ворота и подход к ним устроены так, чтобы правая, не защищенная щитом рука нападающих была под ударом защитников башни. Это ясно сформулировал Витрувий (1, 5, 2): „Главным же образом,—говорит он,—следует заботиться о том, чтобы подход к стене при нападении был нелегким, для чего обводить ее по краю кручи с таким расчетом, чтобы дороги к воротам вели не прямо, а слева. Ибо, раз это будет сделано так, то нападающие окажутся обращенными к стене правым боком, не прикрытым щитом“. В Херсонесе ворота куртины 16, если предположить наличие древней протейхизмы, отвечают этому требованию; правильно устроены и калитки возле башен V и XVII. В то же время ворота возле башен I, IV, XVI расположены неправильно.

Отсюда следует, что строителям укреплений Херсонеса, несомненно, были известны правила античной фортификации, но они не всегда их соблюдали, так как, вероятно, учитывали слабость в военно-техническом отношении своих основных врагов—тавров.

Схема датировки ранних кладок стен Херсонеса представляется в следующем виде:

Кладка „плашмя квадры“ (у ворот „Е“ на куртине 17)—350 года до н. э.

Кладка „кордонами на ребро, плитами на образец“ (древнейшая стена на юго-восточном участке и западе городища)—около 350 года до н. э.

Блоки со знаками каменотесов (куртина 18)—400—350 гг. до н. э.

Кладка „логом и тычком“ (куртина 19)—300—250 годов до н. э.

Ядро башни Зенона и связанная с ним стена (куртина 20)—300—250 годов до н. э. Со строительством 19 и 20 куртин и башен XVII и XVI^a можно связать данные надписи в честь Агасикла, сына Ксения, о строительстве цитадели.

Глава I

ЮЖНЫЙ УЧАСТОК ОБОРОНЫ ХЕРСОНЕСА

Южный участок обороны Херсонеса, от башни VI до башни XIV включительно, в настоящее время, как сказано выше, засыпан. В конце прошлого века здесь вело строительство военное ведомство. Этими работами ведали военный инженер Гарабурда, который издал матери-

алы об открытых им стенах и башнях в № 43 „Известий Таврической ученой архивной Комиссии“, и военный инженер А. Л. Бертье-Делагард, упоминающий об этом в работе „Раскопки Херсонеса“ („Материалы по археологии России“, № 12) и в исследовании „О Херсонесе“ (ИАК, вып. 21). Мы этих стен не видели и говорим о них главным образом на основании исследований Гарабурды и Бертье-Делагарда.

Южный участок обороны, правда, не весь, шел по кромке обрыва, находящегося к югу от херсонесского городища, и был хорошо защищен „природой места“. Впереди линии обороны, в противоположность юго-восточному участку, была низина, так что стены и башни господствовали над окружающей местностью. Этим объясняется то, что не было даже в последующее время нужды в дополнительной передовой стене—протейхизме¹ и куртины 10—13 не имеют второй стены.

Южный участок охватывает 9 куртин, 9 башен и двое ворот. По счету Бертье-Делагарда (см. табл. II в вып. 21 ИАК) это куртины 7—15 и башни VI—XIV; ворота находятся на куртине 9 („С“) и на 14 куртине („Д“). Южный участок делится на два отрезка: западный (куртины 7—9) и восточный (куртины 10—15).

Западный отрезок расположен на опасном в смысле обороны перешейке, который соединял пригорок, где находился Херсонес, с окружающей возвышенностью. Поэтому здесь была усилена вся система обороны. Здесь же находились одни из главных городских ворот, через которые проходила в город водопроводная магистраль. Башня V—VII с куртинами 7—9 запирала эту самую важную сторону—перешеек. Этому фронту древние строители придавали большое значение, поэтому башни поставлены особенно близко; на протяжении всего 115 м мы видим четыре башни, а если исключить занятое ими пространство, то на каждую куртину приходится только 30 м. Боевая стена имела здесь наибольшую толщину—около 4,40 м. Она вся каменная, с облицовкой. К сожалению, о системе кладки мы ничего сказать не можем. Одно только можно утверждать: в своей основе она должна была восходить к древнегреческой стене IV в. Высота ее, вероятно, была не менее 9—10 м. Бертье-Делагард дает приблизительно реставрацию стены².

Башня VIII сильно отличается от других башен. Внутри она круглая, а снаружи 12—14-гранная. Ее диаметр—11 м. Главная особенность башни состоит в том, что она выдвинута из линии обороны и связана со стеной особым проходом³. В его стене была устроена узкая калитка, предназначенная, по-видимому, для возвращавшихся с вылазок, что вполне согласуется с указаниями Филона (1, 25, 26). Эта калитка выходит в перибол.

Надо сказать, что на территории куртин 7—9 имеется протейхизма, очевидно, более поздней постройки. В этом месте протейхизма была особенно необходима. Передовая стена огибает круглые башни V и VIII и идет прямой линией по фронту куртин 7—9 на расстоянии 11 м от них.

Особый интерес представляют промежуточные прямоугольные

¹ Протейхизма относится, по-видимому, к эпохе усиления линии обороны при имп. Феодосии (384—395). Это доказывается тем, что ее фундаменты на куртинах 16 и 19 были положены глубоко в искусственной насыпи нероновского времени, т. е. стена была построена после искусственной засыпки перибола, но еще в эпоху бытования античных традиций: фундамент протейхизмы доходит до скалы.

² ИАК, вып. 21, рис. 21 на стр. 132.

³ Там же, рис. 22 на стр. 133.

башни VI и VII. Башня VI особенного вида: квадратная, с утолщенной лицевой стеной, очевидно, для лучшего сопротивления ударам стенобитных орудий. Судя по ее плану¹, она заполняла весь перибол и примыкала непосредственно к протейхизме. Из этого явствует, что башня старше протейхизмы, иначе не для чего было делать утолщенной ее переднюю стену. Башня соединялась с куртиной узким проходом, из которого, по предположению Бертье-Делагарда, были выходы в перибол, но они не сохранились или не были замечены Гарабурдой. Дело в том, что от этой башни сохранились только низы подвальных ярусов.

Башня VII представлена на чертежах Гарабурды в виде прямоугольника с полукругом, нечто вроде плана башни XV с ее разновременными частями. Можно предполагать, что башня VII должна была быть похожа на башню VI. Все это теперь совершенно уничтожено. Наличие передовой стены говорит о том, что перед основной стеной не было никакого рва.

Между башнями VII и VIII находились, судя по местоположению, главные ворота Херсонеса. В самом деле, отсюда шла ровная дорога к укрепленным владениям херсонеситов на Гераклеюском полуострове, здесь же пролегла двойная водопроводная магистраль. К сожалению, мы очень мало знаем о воротах. Правда, они изображены на рисунке 20 в книге П. И. Сумарокова „Досуги крымского судьи, или второе путешествие в Тавриду“, изданной в Петербурге в 1803 году. Ворота были покрыты сводами и, по-видимому, имели коридорообразное устройство, проходя через перибол.

Далее боевые стены идут по довольно крутому, обращенному к югу склону, который давал сам по себе хорошую защиту. Поэтому стены на этом участке тоньше и куртины длиннее. Так, куртины 10, 11 и 12 имеют по 50 м в длину каждая, а куртина 13 даже около 110 м. Эти куртины имели небольшие прямоугольные башни. Впрочем, весь этот участок совершенно не исследован и может считаться погибшим для науки. Только случайные раскопки при военных работах 1876 и 1893 годов позволили Бертье-Делагарду дать приблизительный разрез этих куртин².

Начиная с башни XII вся дальнейшая линия вплоть до известной уже нам башни XIV у древнегреческих ворот была исследована Косцюшко-Валюжиничем в 1903³ и 1904 годах⁴. Башня XII чрезвычайно близка по размерам и кладке к башне XIV⁵. Несомненно, она может быть датирована эпохой имп. Феодосия или позже, внутри башни XIV была найдена херсонесская монета Юстиниана I (VI в.)⁶.

Сама стена, вернее, ее нижняя, сохранившаяся часть, построена в древнегреческое время. Мы видим здесь хорошо знакомую нам эллинистическую кладку кордонами с рустами, с индивидуальной обработкой каждого камня. Фотографии этой кладки помещены на стр. 66—68 ИАК, вып. 20, и на стр. 52 ИАК, вып. 16. Совершенно очевидно, что эту стену мы должны датировать серединой или второй половиной IV в. до н. э.

¹ ИАК, вып. 21, рис. 23 на стр. 134.

² Там же, рис. 24 на стр. 135.

³ ОАК за 1903 г., ИАК, вып. 16, стр. 43, сл., табл. II и VII (кратер).

⁴ ОАК за 1904 г., ИАК, вып. 20, стр. 59, сл., табл. IV.

⁵ ИАК, вып. 20, рис. 39 на стр. 73.

⁶ Там же, стр. 70. Монета найдена в засыпи башни и не может быть датировочным указателем для времени сооружения башни. Известно, однако, из сочинения Прокопия („О постройках Юстиниана“), что Юстиниан приказал реставрировать херсонесские стены, пришедшие в ветхость.

Несколько неясным остается вопрос о башне XIII. Она стоит у поворота стены на юго-восток (см. табл. II и III в вып. 16 ИАК). К сожалению, на табл. II в вып. 21 ИАК, т. е. на плане Бертье-Делагарда, поворот стены совсем не обозначен. Эта полукруглая башня целиком не исследована, так как над ней построена монастырская гостиница, а то, что было открыто (западная половина), показывает, что здесь также, несомненно, имеется древнегреческое ядро с позднейшими наслоениями. Эти последние (кольца) весьма напоминают, судя по фотографии на стр. 51 ИАК, вып. 16, второе кольцо башни Зенона. По своему положению у поворота стены эта башня идентична с башней V в западной линии обороны, о которой речь будет идти в следующей главе.

На куртине 14, между башнями XII и XIII, находятся одни из главных ворот Херсонеса, т. е. одни из трех, нам известных в южной части крепостной ограды. Эти ворота показаны довольно хорошо на табл. II („Ж“) и III („Е“) в вып. 16 ИАК. К сожалению, Косцюшко нигде не дает их фотографий, а впоследствии ворота были засыпаны монастырем. Судя по планам, они построены в системе дипилона, т. е. так же, как древнегреческие, описанные нами в вып. I „Херсонесского сборника“, ворота на куртине 16, но с тою разницей, что в них коридор выступает не внутрь линии обороны, а снаружи ее, еще более напоминая этим ворота Трои. Длина их коридора по плану 9 м, ширина прохода 5 м, толщина пилонов 2 м. На плане первый запор показан на расстоянии 2 м от наружного входа. Место второго запора не обозначено. Следует думать, что ворота восходят к тому же древнегреческому периоду, что и стена. За это говорит правильное с точки зрения античной полиоркеттики расположение ворот относительно башни XIII, т. е. слева от нее для входящего в город.

Следует прибавить, что башня XII, может быть, восходящая также к греческому времени¹, позже была включена как составная часть в протейхизму, которая начинается от этой башни. Наличие передовой стены усиливало защиту ворот, так как подходить к воротам надо было по довольно глубокому периболу под ударами защитников с обеих сторон.

Глава II

ЗАПАДНАЯ ЛИНИЯ ОБОРОНЫ ХЕРСОНЕСА²

Западная часть Херсонеса стоит на небольшом скалистом пригорке, за которым следует довольно крутой спуск к балке, переходящей в Песочную, или Херсонесскую, бухту. Здесь имеются две линии обороны: первая относится к древнегреческой эпохе, вторая — ранневизантийского времени. Кроме того, почти на всем протяжении имеется более поздняя передовая стена.

¹ Доказательств прямых этому нет. Однако в греческое время здесь предположительно должна была находиться башня, так как иначе куртина была бы непомерно длинной, что не вяжется с идеей бокового обстреливания.

² ОАК за 1913—1915 гг., стр. 60, сл. Более поздние раскопки, за исключением моего исследования западной стены у обрыва берега (к востоку от Западной базилики) и раскопок Г. Д. Белова в 1948 г., не изданы. Моя разведка в 1928 г. опубликована в журнале „Крым“ за 1929 г. Западные стены копали: Р. Х. Лепер, Л. А. Моисеев, М. И. Скубетов; я и Г. Д. Белов — наружную линию стены. Лепер вскрыл перибол и протейхизму (1911—1914); Моисеев (1920—1922) производил разведку древне-

Познакомимся сначала с первой линией обороны. Руководствоваться мы будем планом Бертье-Делагарда, приложенным к вып. 21 ИАК (табл. II), откуда возьмем нумерацию куртин и башен, планом, приложенным к ОАК за 1913—1915 гг. (к стр. 50—табл.), планом Херсонесского городища, изданным Л. А. Моисеевым в 1923 году, а также нашим планом оборонительных сооружений. План А. Л. Бертье-Делагарда неточен, и детали приходится брать из других планов¹.

Начинаем наше ознакомление с куртины 7-й, т. е. с того места, где начинается стена, уцелевшая после военно-строительных работ конца XIX в. Здесь же, в непосредственной близости от ныне существующих древних ворот, находятся жалкие остатки—только фундаменты—очень интересного здания ранневизантийской эпохи (VII—VIII вв.), так называемого четырехапсидного здания. Поскольку западная часть Херсонеса мало изучена, нам поневоле придется касаться здесь не только остатков древнегреческой эпохи, но и всех последующих эпох.

ДРЕВНЕГРЕЧЕСКАЯ СТЕНА С БАШНЯМИ

Стена древнегреческой эпохи имеется на куртинах 8, 7, 6, 5 и 5а. Нас поражает ее прямолинейность: немного ломаясь у башни V, она идет прямо на север. Число башен древнегреческого периода точно установить нельзя, так как после постройки более поздних куртин (4—1) куртина 5а была разрушена. Разведки Л. А. Моисеева в 20-х годах дали в северной части чуть заметные следы древней стены. Мои разведки 1928 г. открыли место выхода стены к морю и дали направление стены восточнее большой (Западной) базилики. Даже фундаменты древнегреческой стены были вынуты уже в древнее время. Следов башен на куртине 5а не сохранилось, но теоретически нельзя допустить, чтобы вся эта часть стены, длиной около 270 м, была лишена башен. Их должно было быть, по крайней мере, две, а то и три. Если же мы примем за основание расстояние между древнегреческими башнями V и IV (последняя четырехугольной формы), которое равно 50 м, тогда от башни IV до моря мы должны предположить еще пять—шесть башен, что, вероятно, и было на самом деле.

Следует обратить внимание на прямолинейность этой древней стены. Вообще мы нигде в Херсонесе не видим в линии древнегреческой обороны резких изломов. По-видимому, идея бокового обстреливания с косых куртин еще не была разработана в эту эпоху (IV в.).

греческой стены на севере (места разведок отмечены в изданном им цветном плане Херсонесского городища работы П. И. Голландского, Севастополь, 1923). Скубевтов исследовал место притыка византийской стены к древнегреческой (не издано). Я в 1929 г. раскопал померий—улицу, шедшую с внутренней стороны древнегреческой стены, т. е. вскрыл внутренний фасад последней. Выход ее на севере я обнаружил в 1928 г. в обрыве берега. В 1948 году Г. Д. Белов копал 1-ю и 2-ю куртины (см. МИА, № 34, стр. 231, сл.). Данная глава представляет собой первую попытку изучить историю сооружения западной части оборонительных стен Херсонеса. Однако многие выводы нуждаются в проверке на месте путем дополнительных разведок. Это тем более необходимо, что работа А. Л. Бертье-Делагарда (ИАК, вып. 21, стр. 128, сл.) совершенно неудовлетворительна.

¹ Можно назвать эскизные планы, приложенные к путеводителю по Херсонесу, изд. 1926 г., план, приложенный ко второму изданию того же путеводителя (1928), а также план, приложенный к путеводителю по Херсонесу, составленному Г. Д. Беловым (1936). Следует упомянуть также план в работе Minns *Scythians and Greeks*, Cambridge, 1913.

Ее заменяла идея защиты стен с прямоугольных и круглых башен. Точно такую же длинную прямолинейную куртину (16—17) мы видим на юго-восточном участке Херсонеса. Она была в древнегреческое время одним пролетом между башнями XIV и XVI, т. е. имела протяжение около 110 м, и только после того, как тараны Палака пробили эту стену, ее разделили на два отрезка сооружением добавочной башни XV на месте пролома.

Таким образом, наличие на западе Херсонеса греческой стены, идущей без излома 270 м, считая от V башни до моря, не должно нас удивлять. Возможно, что херсонеситы считали в IV в. до н. э. этот участок обороны менее опасным. Так, например, понимает это А. Л. Бертъе-Делагард. „Западная сторона,— говорит он,— наиболее обеспечена местностью, и подступы к ней неприятеля наименее вероятны; это понималось, а потому и ограда с этой стороны делалась относительно слабее“¹. Правда, Бертъе-Делагард здесь имеет в виду более поздние стены, но его слова вполне приложимы и к стене греческой эпохи. Хотя оборонительная стена этой эпохи и проходит, собственно говоря, не по краю пригорка, как более поздняя линия обороны, а по совершенно открытой местности, перед спуском в балку, но Херсонес в то время не предполагал иметь здесь перед собой серьезных врагов: низкий уровень военной техники полудиких тавров был ему хорошо известен.

Толщина древнегреческой стены всюду одинаковая—3,20 м. Построена стена по уже известной нам системе кладки „кордонами на ребро, плитами на образок“. Встречается также прекрасная кордонная кладка, близкая к кладке на куртине 15 (слева от башни XIV) и возле древнегреческих ворот на куртине 16. Все камни прекрасно отесаны и математически точно пригнаны друг к другу, причем всюду господствует не стандарт, а индивидуальная обработка каждого камня. Прилагаемый масштабный чертеж и фотографии внутреннего фасада стены, открытого в 1929 году, дают полное представление об этой кладке середины или второй половины IV в. до н. э.

А. Л. Бертъе-Делагарду вся западная греческая стена оставалась неизвестной и вот почему. На куртинах 6—5 сверху древнегреческой стены находились стены римской и византийской эпохи. По словам Бертъе-Делагарда, „куртины 5 и 6 скрыты совершенно военными работами, но от них сохранились довольно подробные рисунки“. Он опубликовал свою работу о крепостной ограде Херсонеса в 1907 году (ИАК, вып. 21), а в 1908—1914 годах Р. Х. Лепер производил как раз в этих местах большие раскопки, которые дошли до скалы и обнаружили наружные нижние ярусы стен, которые Бертъе-Делагард считал уже уничтоженными. А эти нижние ярусы стен дают кладку древнегреческой эпохи².

Древнегреческая стена на западе Херсонеса открывает нам некоторые интересные новые данные. Дело в том, что она на протяжении куртин 6 и 5 идет почти по обочине крутого склона вниз к балке.

¹ ИАК, вып. 21, стр. 128—129.

² См. рис. №№ 4—10 и текст к ним в ОАК за 1913—1915 гг. Автор на стр. 61 сравнивает эту стену с ольвийской в Заячьей балке, хотя одвийская стена строже и без рустов и должна быть датирована V в. до н. э.; ИАК, вып. 21, стр. 130. Свое положение, будто Херсонес в древнегреческое время только начал возводить стены, а потом их бросил, и город до эпохи Нерона обходился без стен, Бертъе-Делагард обосновал тем, что нигде, кроме юго-восточного участка, нет древнегреческих стен, Раскопки Лепера 1908—1914 гг. это положение опровергли. Приходится сожалеть, что Бертъе-Делагард позже не пересмотрел этого вопроса.

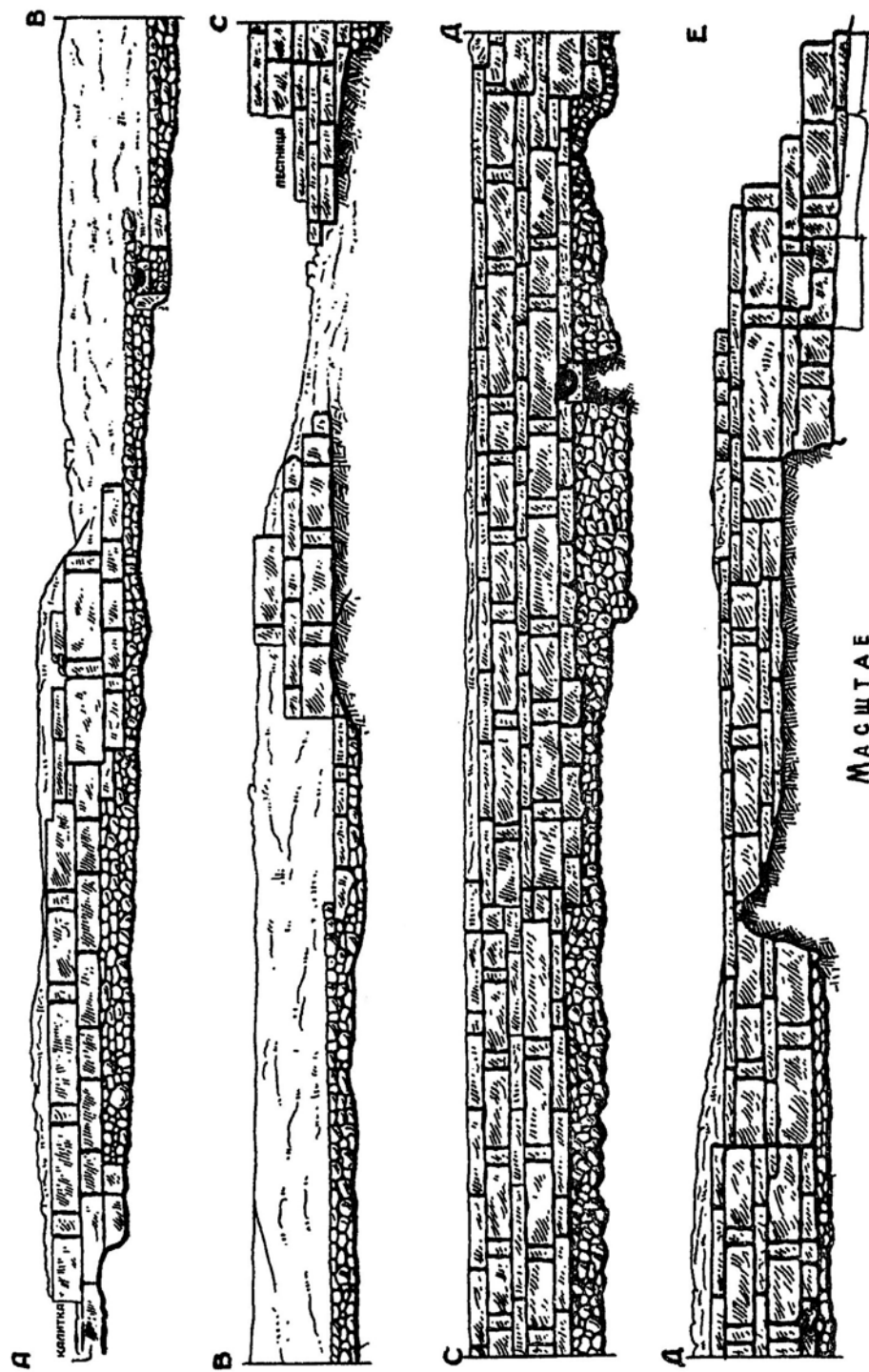

Рис. 1. Внутренний фасад куртины 5.

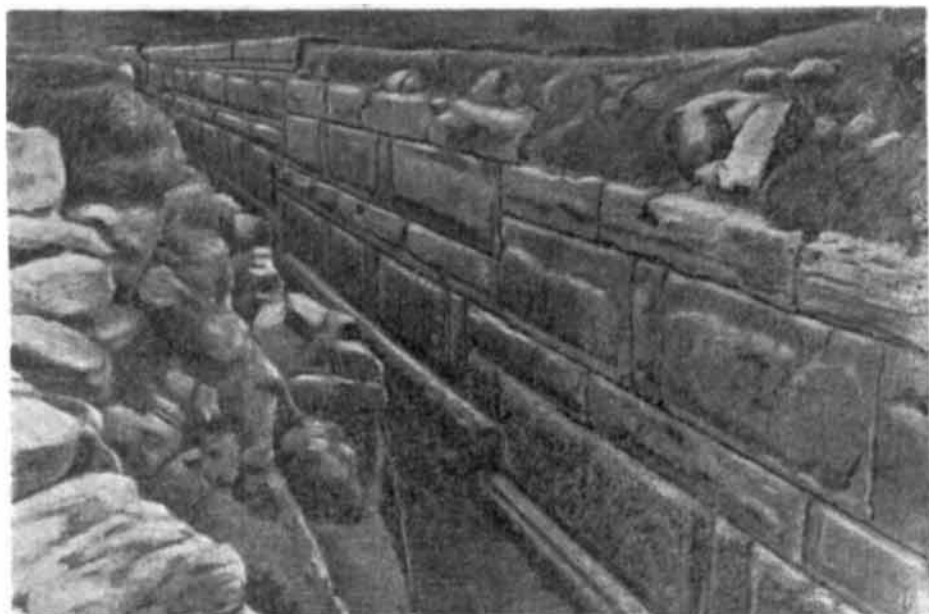

Рис. 2. Внутренний фасад куртины 5 (раскопки 1927 г.) Вид с северо-востока.

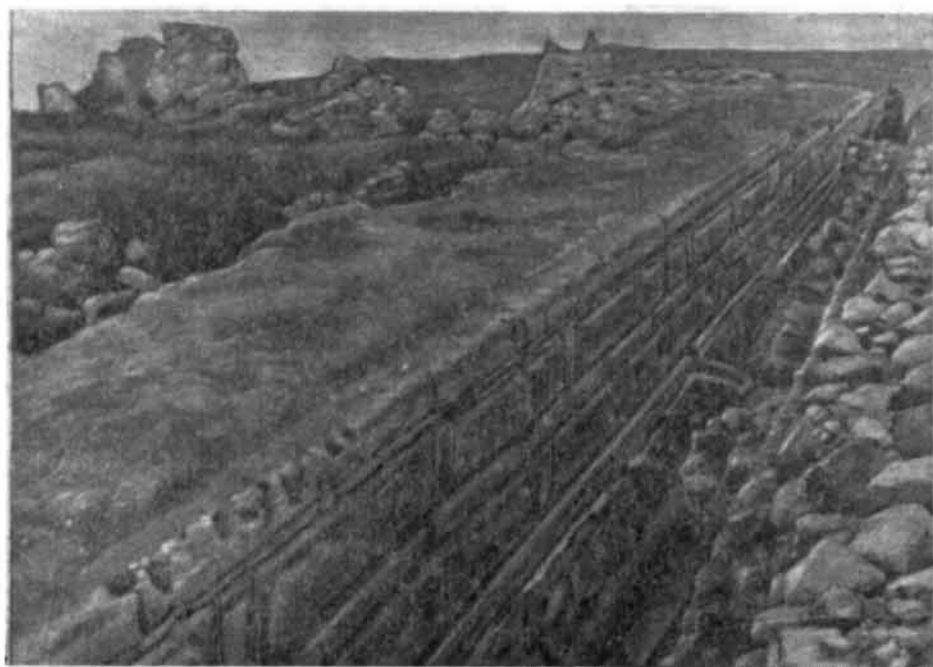

Рис. 3. То же. Вид с юго-востока.

Поэтому строитель должен был озаботиться спуском дождевых и других вод, так как стена являлась для них искусственной преградой. Раскопки 1922 года, раскрывшие внутренний фасад стены, с несомненностью доказали, что в античное время с внутренней стороны крепостной стены шла улица, которую римляне называли *romoerium*¹.

Рис. 4. Внутренний фасад западной стены до раскопок 1929 года.

Вдоль стены внизу был проложен водосток, сделанный из каменных, точно обработанных плит, поставленных стоймя. Через определенные промежутки в стене устраивался водослив. Имеются следы трех водосливов, проходящих под стеной. Они изображены на фотографиях стены. Рис. 6 показывает нам, кроме того, желоб водослива во всю ширину куртины 5а, где еще в древности была разобрана стена греческого времени. Строитель отнесся с большой предусмотрительностью к возможному засорению водосливов, поскольку они наглухо вставлялись в нижнюю часть стены: около водоотливов с внутренней стороны стены сделаны водоотстойники в виде больших четырехугольных каменных ящиков, открытых в 1929 году. Канал водостока имеет в ширину 0,65 м, в высоту 0,70 м (средняя высота оборонительных стен — до 3 м). Местами на стенках заметны какие-то отложения бурого цвета.

Наружный фасад древнегреческой стены сохранился гораздо хуже. Здесь, ввиду покаты скалы, не могло быть того векового наплыва жилого мусора, который уже в раннеримское время, судя по раскопкам 1929 года, закрыл весь фасад древнегреческой стены и этим предохранил ее от перестроек и расхищения, хотя и на очень коротком пространстве куртины 5. На куртине 6 древняя стена чрезвычайно пострадала и с внутренней стороны (рис. 7) и с внешней. В силу

¹ Филон Византийский рекомендует оставлять у стен с внутренней стороны широкое пространство в 60 локтей (27,7 м). Какое пространство было оставлено внутри крепости у стен, мы не знаем ввиду неисследованности места. Значение померия было большое. В случае осады возле стен сосредоточивалась напряженная деятельность вооруженных граждан, защищавших стены. Вырывали также ров, о котором говорит Филон (1).

указанной причины наружный фасад сохранился гораздо хуже; он несет на себе следы многочисленных заплат и коренных переделок. Наружный фасад был сложен насухо, как и внутренний, но в системе простой кордонной кладки, которая, по-видимому, считалась прочнее, чем красивая и нарядная кладка „кордонами на ребро, плитами на

Рис. 5. Общий вид внешнего фасада куртины 5.

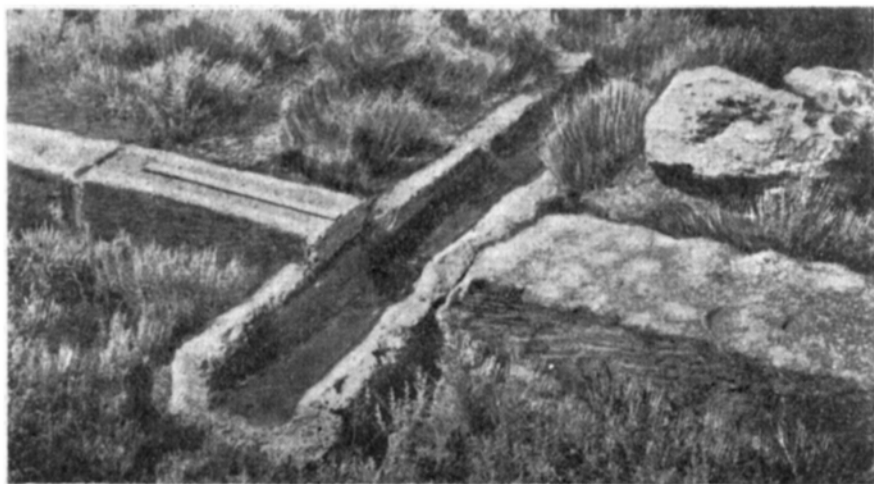

Рис. 6. Водосток в древнегреческой стене к северу от стыка со средневековой стеной.

обрезок“. Образцы основной кладки нам дают рис. 9, 9а, 10 (на последнем—только два нижних ряда).

Любопытно сравнить в отношении кладок древнегреческие стены Херсонеса и Ольвии. В то время как в Ольвии красивая кладка „кордонами на ребро, плитами на образец“ употреблена в качестве лицевой

Рис. 7. Внутренний фасад западной древнегреческой стены.

Рис. 8. Желоб в стене.

Рис. 9, 9а, 10. Участки внешнего фасада куртины 5. Вид с запада.

наружной кладки, в Херсонесе мы видим ее почти только на облицовке внутренних сторон стены. По-видимому, это явление не случайного порядка: херсонесские строители предпочитали наружную облицовку делать не столько красивой, сколько прочной, применяя более красивую декоративную кладку только на внутренней облицовке стен¹. Возможно, что был учтен и боевой опыт Ольвии, тем более, что эти полисы имели связь друг с другом, а ольвийская стена более чем на сто лет древнее херсонесской.

По нижеприведенным рисункам 9, 9а и 10 (справа за поперечной стеной) читатель может познакомиться с современным состоянием наружного фасада древнегреческой стены. На рисунке мы видим даже как будто следы вышеупомянутой декоративной кладки „кордонами на ребро, плитами на образок“, хотя я склонен видеть здесь исправления раннеримской эпохи, когда старались подражать древней кладке. Так, если мы сравним кладку на рис. 9а, где каждый камень имеет свое индивидуальное лицо и дышит своеобразной прелестью, с верхними рядами кладки, где камни трактованы безжизненно-сухо, можно сказать безлично, — эта разница в кладках особенно ярко бросится нам в глаза. Кроме того, мы видим следы многочисленных более поздних поправок, так как на куртинах 6 и 5 все эпохи напластовывались друг на друга.

В древнегреческое время стена не имела ни перибола, ни протейхизмы. Впереди стены пространство было занято некрополем, начиная с древнейшего времени. В ранневизантийскую эпоху впереди греческой стены были построены две протейхизмы и выкопан ров. Между этими стенами Р. Х. Лепер раскопал некрополь, принадлежавший разным эпохам. ОАК за 1913—1915 гг. на стр. 65 говорит об этих раскопках так: „Между оборонительными стенами а, в, с оказалось тоже кладбище (погребения №№ 1—22). Здесь могилы или вырубные в скале и перекрытые плитами, или сложенные из каменных плит, иногда из черепицы (рис. 11, 12, 13). В виде исключения встретился деревянный гроб в насыпи; встречались и трупосожжения в урнах. И здесь следует отметить находки сосудов и обломков, крытых красным лаком; встречались также чернолаковые черепки, много бронзовых поделок, незначительное количество стекла. Характер засыпи между стен подобный же, т. е. с преобладанием краснолаковых и различных по качеству чернолаковых обломков, но попадаются иногда краснофигурные и даже представители поздней ионийской керамики“².

К этому я должен прибавить, что в засыпи встречались в 1929 г. римская черепица со штемпелями Leg XI Cl, т. е. XI Клавдиева легиона, части которого стояли в Херсонесе, а также во множестве ранне- и поздневизантийская поливная керамика и монеты. Видно, что, по крайней мере, полторы тысячи лет служила Херсонесу эта линия обороны на куртинах 6—5³ (с IV в. до н. э. по X—XI вв.)

Итак, древнегреческая линия обороны сохранилась здесь на протяжении 185 м, считая от места выхода из насыпи, сделанной при

¹ Ольвийская стена изображена в ОАК за 1904 г., стр. 11, рис. 6 и 7, стр. 12, рис. 9 (см. ИАК, вып. 33, стр. 113, рис. 12; стр. 116, рис. 15). См. также Л. М. Славин, Ольвия (путеводитель), Киев, 1951.

² При раскопках в 1929 г., хотя они достигли всюду скалы, не попадались ни ионийские, ни краснофигурные черепки. Однако нет основания не верить отчету, поскольку в могилах вблизи башни XII были найдены краснофигурный кратер и ионийский кувшин (№№ 1517 и 1518), о которых говорится в приложении.

³ См. ОАК за 1913—1915 гг., стр. 59, рис. 88—89; приводимый ниже текст опирается на описание в этом отчете, стр. 60—65.

Рис. 11. Могилы в периболу у западной стены.
(Раскопки Лепера 1911 года.)

Рис. 12. Перибол к северу от башни. (Раскопки Лепера 1911 года.)

военно-строительных работах, до исчезновения фундаментов после стыка с византийской стеной; эта же греческая стена прослеживается на север до берега моря.

Рис 13. Могила в периболе у западной стены.
(Раскопки Лепера 1911 года.)

Теперь познакомимся с башнями калитками и прочими сооружениями, связанными с этой стеной. Из-под упомянутой выше насыпи древнегреческая стена выходит, имея направление на С-З-С. В центре, у башни, стена делает поворот чуть-чуть на восток под углом 12° и идет прямо на С-В-С. В ОАК за 1913—1915 года (стр. 62) ошибочно сказано об отклонении стены на запад. Мы не можем сказать, ломается ли где-либо еще так стена, так как разведки Л. А. Моисеева не дали должных результатов. Возможно, пожалуй, предположить небольшой излом у юго-восточного угла Западной базилики, так как найденный конец стены у моря ближе к западу, чем следовало бы ожидать, если бы стена не имела изломов. Впрочем, это скорей догадки, чем факт.

Переходим к башне V, раскопанной Лепером с 1911 по 1914 г¹. Эта башня представляет собой довольно мощное сооружение уже римского времени, так как ее кладка связана римской цемянкой. По форме она круглая, вернее имеет $\frac{3}{4}$ окружности, примыкая вплитык к кладке более древней стены. Положение башни было весьма ответственное: к югу от нее начинался ровный перешеек, соединявший скалистый пригорок крепости с внекрепостной территорией; другими словами, здесь было уязвимое в военном отношении место. Поэтому башня должна была быть особенно мощной. Кроме того, башня стояла как бы на командной высоте и господствовала над всей балкой, идущей к Песочной бухте, и над перешейком. На приведенных photographиях хорошо видно это командное положение башни.

¹ ОАК за 1913-15 гг. стр. 61. Об этой башне говорит Лепер в дневнике (см. „Херсонесский сборник“, II, стр. 240).

При первом же ознакомлении с кладкой башни V обращает на себя внимание то важное обстоятельство, что сохранившийся фундамент сложен из старого, бывшего в употреблении материала: из каких-то архитектурных частей, старых греческих зданий, карнизов с тонкими,

Рис. 14. Башня V и западная линия обороны.

мастерски сделанными профилями, иногда даже покрытыми полихромией. Ввиду важного значения для обороны этого места башня сплошь сделана из камня без помещения внутри. Возможно, как предполагает составитель отчета¹, что вся башня, как каменный массив,

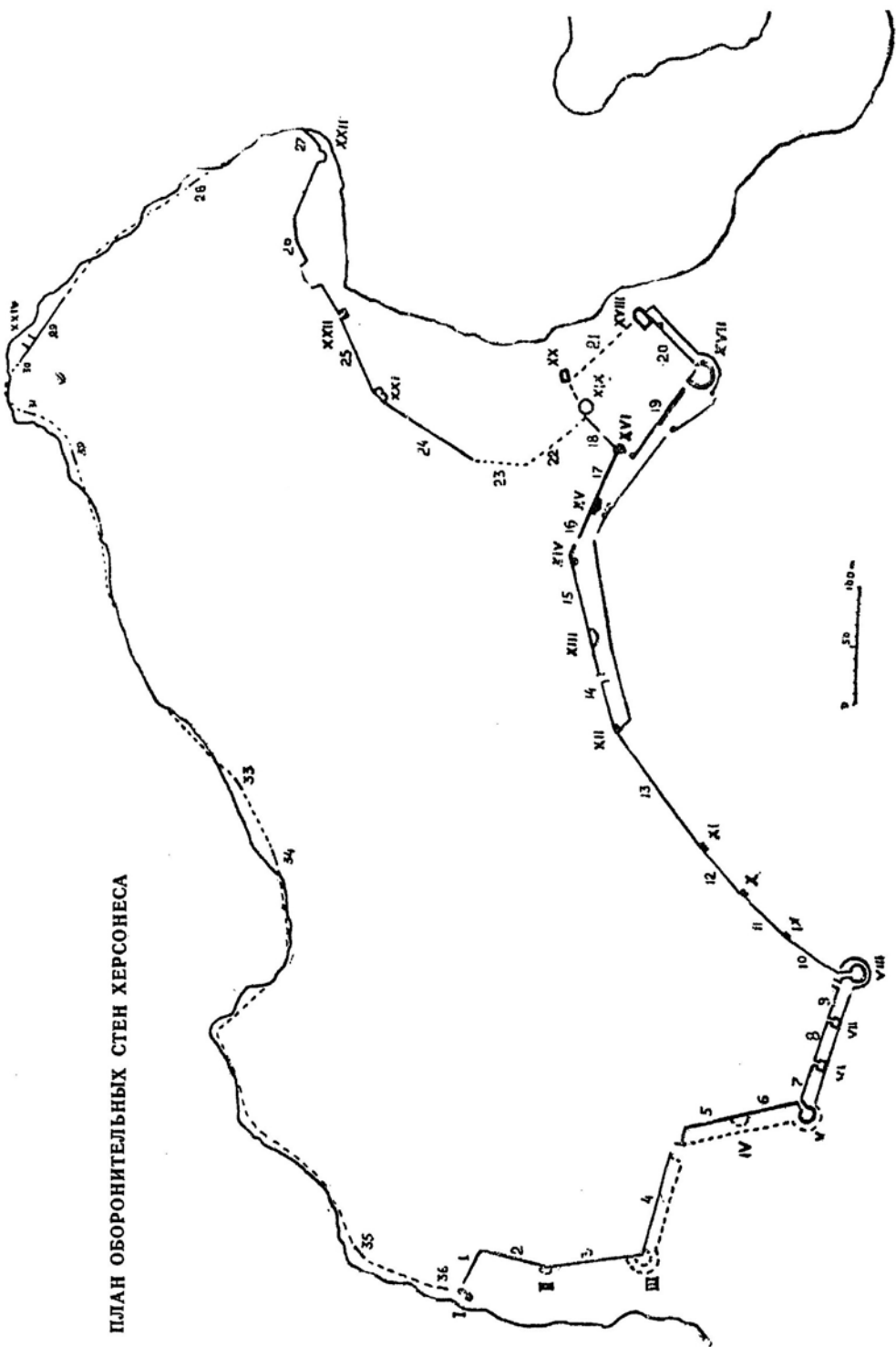

Рис. 15. Башня V.

служила „возвышенной оборонительной площадкой“. Башня в согласии с древними правилами только примыкает к оборонительной стене, без перевязи с нею. Сохранившаяся высота фундамента башни всего 1,75 м, ее радиус — 7,22 м. Ее можно по величине назвать фланговой юго-

¹ ОАК за 1913—1915 гг., стр. 61. Об этой башне говорит Лепер в дневнике (см. „Херсонесский сборник“, II, стр. 240).

ПЛАН ОБОРОНИТЕЛЬНЫХ СТЕН ХЕРСОНЕСА

западной башней Херсонеса в параллель к фланговой башне XVII юго-восточного участка обороны (башне Зенона).

Однако сохранившаяся башня, как уже сказано, по кладке гораздо позже древнегреческой стены, к которой она непосредственно примыкает. Спрашивается, была ли здесь башня, современная этой древнегреческой стене? На этот вопрос дает ответ фундамент башни. В северной части в фундаменте замуровано в качестве строительного материала вторичного употребления свыше десятка древнегреческих камней с несколько закругленной поверхностью с одной стороны, как бы наружных частей секторов и сегментов какой-то круглой или полукруглой постройки. Когда я попытался измерить кривую их окружности, то она дала мне приблизительный радиус около 5 м¹. Мы имеем полное основание думать, что перед нами остатки кладки бывшей на этом месте древнегреческой башни с радиусом в 5 м, т. е. по размерам эта упраздненная башня чрезвычайно близка к башням XIV (полукруглой, от которой сохранились следы), XVI, ядру башни XVII и XVIII, а также XIX. Совершенно очевидно, что перед нами одновременно задуманная и реализованная система обороны с одинаковыми размерами для ведущих башен. В то время башня V древнегреческого времени отвечала фланговой башне XVI, впоследствии застроенной на $\frac{3}{4}$, и XIX, впоследствии упраздненной.

Слева (со стороны поля) от башни V находится в стене узкая калитка, находящаяся, согласно древним правилам, под защитой этой башни, так же, как на куртине 19 под защитой башни Зенона. Эта „вылазная“ калитка была найдена плотно заложеной камнями. Ширина ее прохода 1,25 м. Судя по всему, она имела одностворчатую дверь, от движения которой сохранились отчетливые следы на пороге калитки.

На расстоянии 35, 37 м от калитки древнегреческая стена имеет прямоугольную башню IV, также сплошной кладки. К сожалению, эта башня - площадка дошла до нас в сильно разрушенном состоянии. Стык кладки башни сделан в переплет с кладкой оборонительной стены. Ширина башни — 3,20 м, длина ее по стене — 4 м. На башню-площадку с внутренней стороны боевой стены вела лестница, от которой сохранились еще две ступеньки. Ширина лестницы 1,80 м. Эта башня — единственная уцелевшая от древнегреческого времени. Возможно, что на таком же расстоянии от этой башни IV (т. е. 35 м) была еще такая же башня и что эту башню использовали, чтобы к ней в бок пристроить новую куртину (четвертую)².

Заметим, что пространство к западу от древнегреческой стены (от куртины 5 а) было занято сплошным античным некрополем, от которого сохранилось множество могил. Можно высказать предположе-

¹ В Херсонесском музее имеются снимки деталей фундамента этой башни и снимки отдельно этих фрагментов. Фрагменты с профилями происходят, вероятно, или от древних монументальных зданий, или, скорее, от древних надгробий, которых было, несомненно, большое число возле ворот, находившихся здесь же и по дороге; ср. священную дорогу возле Дипилонских ворот в Афинах, где находится дипилонское кладбище. См. Brückner, Der Friedhof am Eridanos, и мою статью „Дипилонское кладбище“, „Гермес“, 1914.

² Чтобы не возвращаться более к древнегреческой стене, укажу на два обстоятельства: во-первых, она всюду стоит на скале, как этого требуют правила древнего строительства (ср. Филон 1, 1—4); во-вторых, она построена так, что все пространство между наружной и внутренней облицовкой заполнено бутом. Непонятно, откуда Бертье-Делагард взял данные о сырцовый забутовке этих куртин, о чем он говорит в ИАК, вып. 21, стр. 130. В действительности применение сырца нигде в Греции и у нас неизвестно.

ние, что большая Западная базилика возникла, вероятно, на могиле какого-нибудь особо почитаемого христианского мученика, так же как и загородный крестообразный храм 1902 года.

Город, сравнительно благополучно пережив тяжелую эпоху великого переселения народов III и начала IV в., находился в подчинении Восточной Римской империи и разросся настолько, что для расширения его территории потребовалось перенести стены дальше. Известная надпись, найденная в 1899 году К. Косцюшко-Валюжиничем и изданная В. В. Латышевым в вып. I ИАК (стр. 56—59), говорит о строительстве стены в конце IV в.: „За владык наших, вечных Августов, непобедимых Флавиев Феодосия и Аркадия и много потрудившегося при деле Флавия Вита трибуна и строителей построена стена при Евферии Превосходительном...“ Надпись относится ко времени между 383—395 гг. и важна для нас по двум причинам: во-первых, как исторический источник, доказывающий, что при Феодосии Херсонес уже входил в состав империи и признавал императоров своими непосредственными владыками и, как следствие отсюда, что в Херсонесе стоял императорский гарнизон, начальник которого заботился о стенах города. Во-вторых, мы можем с этой надписью связать определенную кладку стен Херсонеса, о которой я говорил во второй части „Стен Херсонеса“¹. Эта кладка сделана уже на цемянке с использованием античных каменных блоков. Облицовка часто делается по системе „кордонами на ребро, плитами на образок“. Из нее состоит так называемое второе кольцо башни Зенона, она же видна на верхнем ярусе куртин 16—17². Если сравнить все эти кладки с кладкой куртины 4, то видно, что облицовка состоит из больших плит, античного происхождения и рядом с ними ровных небольших плит, положенных на извести. Внутренняя часть стены состоит из бута на извести. Таким образом, мы можем всю куртину 4, отходящую резко на запад, датировать эпохой конца IV в.

По-видимому, уже в эпоху римской элевтерии, когда Херсонес материально благоденствовал под эгидой римских императоров, его население сильно увеличилось и настойчиво требовалось увеличение его территории. Поэтому была использована первая строительная возможность, какая только представилась, — была отнесена на запад линия обороны. Древняя стена была упразднена и скрыта, так как она шла по ровной местности, не давала изгибов и в ней слабо была проведена идея бокового обстреливания. Надо заметить, что и эпоха уже была не та: вместо примитивных и сравнительно слабых тавров и скифов теперь появляются более страшные враги в виде готов, аланов, военная техника которых была гораздо выше техники местных варваров. Все это вместе взятое и побудило строителей построить новую линию обороны, используя выгоды местности.

Именно к этой новой линии обороны вполне приложимо замечание А. Л. Бертье-Делагарда: „Общность обороны города, все ее протяжение было задумано, еще раз повторяю, сразу, так как ни в чем не видно существенных колебаний или изменений, а главное, все так хорошо пригнано к условиям местности, что и не может быть иным, отвечая вполне одной цельной идее. Не будь остатков ограды, ее можно было бы начертить весьма близко к найденным, руководствуясь топографией местности“. Если бы Бертье-Делагарду была известна

¹ „Стены Херсонеса“, X сб. II, стр. 66—69.

² Там же, стр. 59, рис. 61 (средняя часть кладки башни XVII (Зенона); стр. 60, рис. 62 (см. надпись „2-е кольцо“). Следующее, 3-е кольцо датируется после 480 г. эпохой императора Зенона, т. е. 100 лет спустя.

древнегреческая стена на всем ее протяжении, то он воздержался бы от этих слов, вполне, однако, приложимых к строительству конца IV—V вв. Во всяком случае история обороны показывает, что много было перестроек, пристроек и улучшений, и в результате только многовекового боевого опыта линия обороны оказалась хорошо приоровленной к условиям местности.

СРЕДНЕВЕКОВАЯ СТЕНА

Познакомимся с линией обороны IV—V и последующих веков, поскольку она до сих пор не издана. Следует, однако, предупредить, что многое еще должно быть выяснено на месте и, главное, доследовано раскопками и архивными поисками¹.

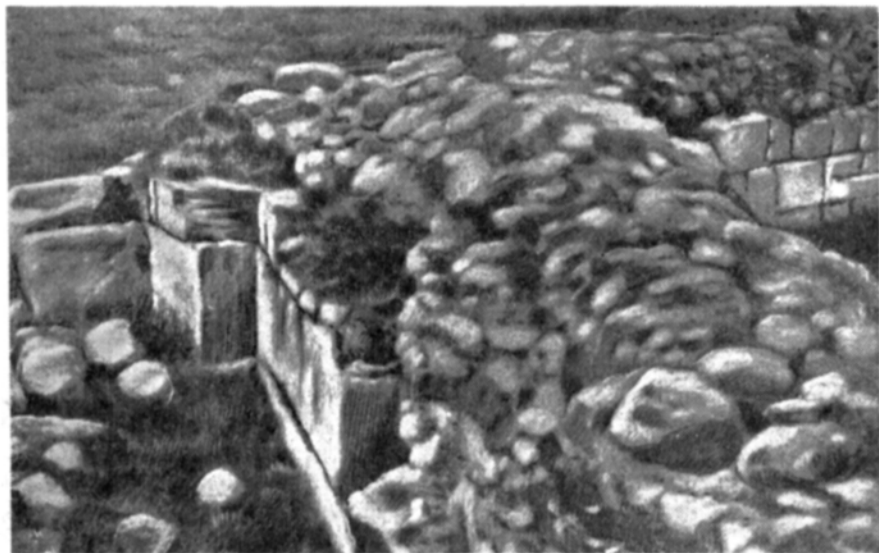

Рис. 16. Место стыка древнегреческой стены с раннесредневековой стеной.

Четвертая куртина поворачивает от древнегреческой стены под тупым углом на запад. Общая ее протяженность от древней стены до башни III свыше 100 м. Эта куртина может быть разделена, по Бертье-Делагарду, на две неравные части—4а и 4б. Часть 4а тянется от древнегреческой стены до башни, которую А. Л. Бертье-Делагард выбросил из нумерации башен, признав здесь наличие одних только ворот и обозначив их буквой В. Действительно, через эту башню было сообщение посредством калитки.

Башня В. имеет в плане форму ромба, которая появилась вследствие стремления строителей связать косое направление куртины с прямым направлением ворот. На рис. 17 показаны острый угол

¹ Дневники Лепера изданы только частично, а именно до 1910 г. включительно (Херсонесский сборник, II, 202, сл.). Однако и они много дают, так как в них отмечены раскопки не только некрополя, но и западных стен. Дневники за 1911—1913 гг. совсем не изданы. Отчет за 1913—1915 гг. издан Моисеевым крайне суммарно и содержит много неточностей и не подкрепленных фактами данных. Поэтому западная часть оборонительных стен Херсонеса еще требует большого предварительного изучения.

Рис. 17. Угол ромбовидной башни (Вид с востока).

Рис. 18. Ромбовидная башня после раскопок.

башни В и ее кладка. Следует обратить внимание на последнюю. Облицовочные плиты вытесаны крайне старательно и создают впечатление сухой кладки — очевидно, строители ей подражали. Более того, плиты еще по древней традиции связаны друг с другом большими пиронами в форме двойных ласточкиных хвостов. Однако облицовка и забутовка сложены уже на известковом растворе. Вывод напрашивается сам собой; кладка еще удержала традиции античного времени, но уже знает известковый раствор. Все это как нельзя лучше подтверждает приведенную выше датировку кладки куртины 4.

Лицевая кладка представлена на наших рис. 17 и 18, отделенных

Рис. 19. Порог ромбовидной башни (вид с юга).

одна от другой 18-летним промежутком времени. Мы видим, что кладка башни В чрезвычайно эффективна, производит впечатление монументальности, свидетельствует о мощи империи, которая даже на дальних границах государства не щадила средств на защиту форпостов своей культуры, власти и политического влияния. Башня В имела ряд внутренних помещений, о чем свидетельствуют и наши фотоснимки. В ней были помещения для караульной стражи, сохранились порог входа (рис. 19) и базы опорных столбов потолочных перекрытий. Башня была раскопана Лепером в 1911 году. Ее размеры: около 10 м по линии стены и около 9 м ширины. Башня выступала вперед за линию стены.

За башней В идет на расстоянии 60 м куртина 4 б. В настоящее время вся ее облицовка снята¹, и судить о ней можно только по куртине 4 а или по верхнему ярусу куртин 16—17. Рис. 20 (1928 г.) показывает внутреннюю сторону куртины. Приблизительно около середины, на расстоянии 8 м от башни В, в стене видно круглое отверстие, несомненно, от бывшей здесь калитки. Куртина 4 б важна

¹ Поражает крепость раствора: бут стоит без облицовки уже с конца XVIII в., а может быть, еще ранее.

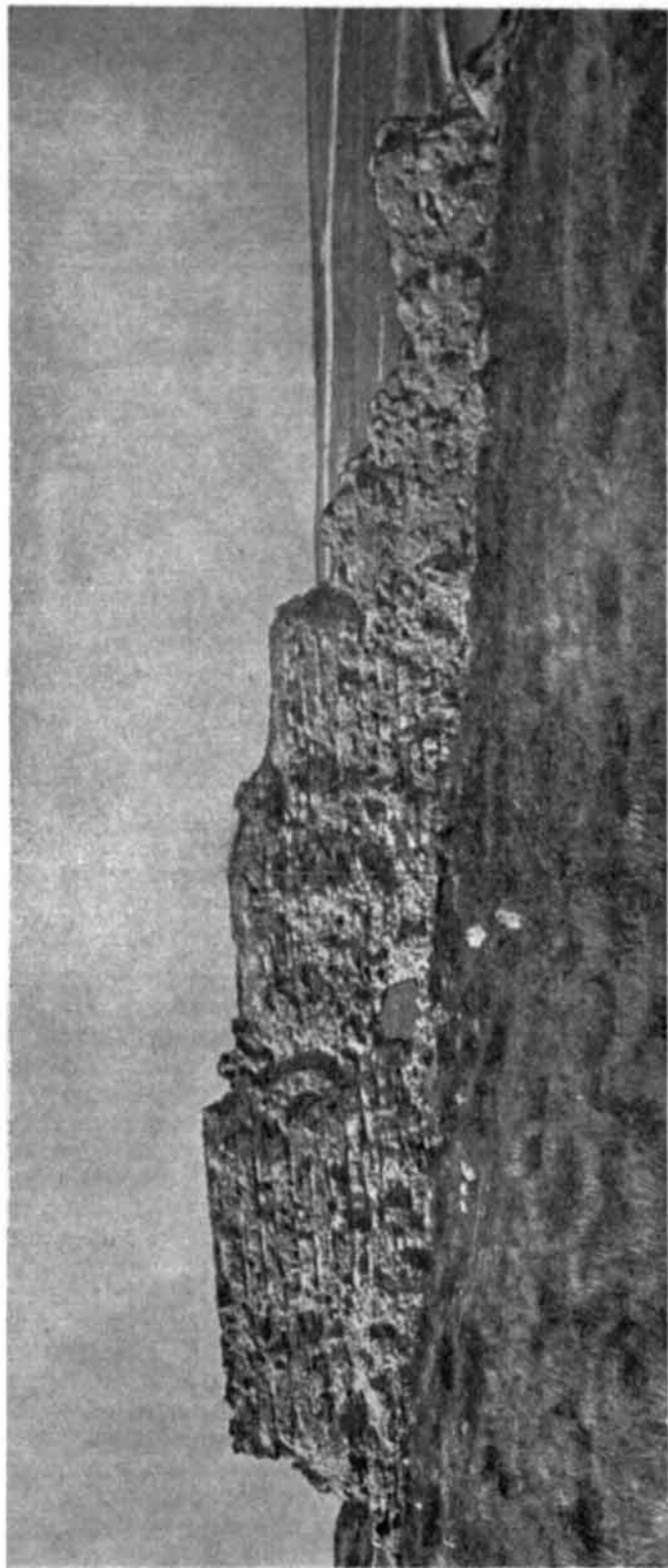

Рис. 20. Куртина 4. Забутовка стены.
(Вид со стороны города).

для нас тем, что только на ней мы видим стену во всю высоту, вплоть до венцов, которые не сохранились. Впрочем, вся высота сохранилась только в южной части этого отрезка стены.

Куртина 4 оканчивается круглой фланговой башней III, находящейся недалеко от Песочной (Херсонесской) бухты. Башня была раскопана

Рис. 21. Внутренняя часть круглой башни (раскопки 1911 года; вид с юго-востока).

Лепером в 1911 году. Рис. 21 дает представление о круглой внутренней части башни. Засыпь внутри содержала большое количество кровельной черепицы, а в центре был найден фундамент четырехугольной формы, на котором стояла еще *in situ* база колонны, поддерживавшей некогда крышу, покрытую черепицей. Размеры башни: наружный диаметр около 15 м, толщина окружной (основной) стены 3 м. В засыпи башни встречались черно- и краснолаковые обломки сосудов и надгробий, одно из которых, несомненно, IV в. до н. э. Наружная облицовка башни изображена на рис. 22. Снимок ясно показывает, что башня построена в переплет с облицовочной кладкой стены следующей, береговой куртины 3. Кладка башни и стены—это та же красивая штучная кладка ранневизантийского времени конца IV, может быть, V в., о которой мы уже говорили.

Куртины 3 и 2 дошли до нас в чрезвычайно разрушенном состоянии. Надо заметить, что виною гибели херсонесских облицовочных плит из известняка являются те известковые печи, следы которых до сих пор имеются на берегу Песочной бухты. Еще во время Лепера эти печи функционировали, пережигая на известь облицовку херсонесских стен. Поэтому от куртин 3 и 2 сохранились очень слабые следы. На рис. 23 изображено современное состояние наружного фасада куртины 3, совершенно лишенной облицовки.

От башни II мы не имеем никаких следов: возможно, впрочем, что раскопки, веденные до скалы, открыли бы ее. В настоящее время на

этом кособоре в изобилии разбросаны камни — следы бывшей здесь когда-то стены.

Гораздо лучше сохранилась куртина 1: она покрылась толстым слоем земли, и поэтому ее нижняя часть избегла разрушения, пострадали только верхние части. Она изображена на рис. 24 (панорама всей

Рис. 22. Место стыка куртины 3 с башней III. Кладка ранневизантийского времени.

куртины). На этой куртине следует остановиться несколько больше. Все это место было раскопано еще К. К. Косцюшко-Валюжиничем за ряд лет; отчеты об этих раскопках напечатаны¹. Позже южный

Рис. 23. Внешний вид куртины 3. Забутовка стены со следами рядов облицовочной кладки.

¹ ОАК за 1895 г., стр. 102—103; ИАК, вып. 4, стр. 51, сл.

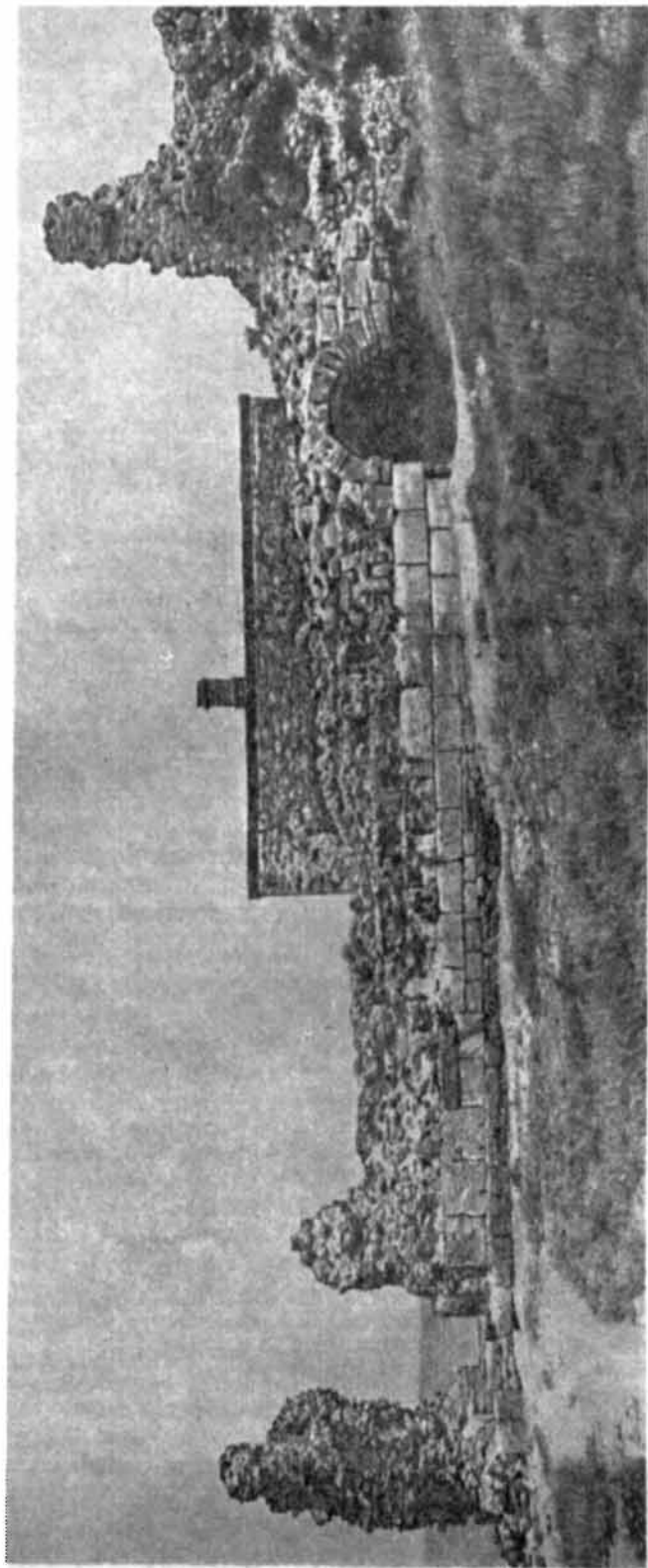

Рис. 24. Кургана 1. Внешний вид.

конец куртины исследовал Р. Х. Лепер и, кажется, Л. А. Моисеев. Прежде всего бросается в глаза несколько непонятное направление стен. Почему куртины 2 и 3 не идут по кратчайшему направлению к башне 1, а поворачивают к южному концу куртины 1. Невольно напрашивается предположение, что прежде всего появилась необходимость в защите священного места—Западной базилики, для чего, возможно, построили куртину 1 на соединении с греческой стеной; затем, после сооружения куртин 3 и 4, построили на бугре куртину 2. В пользу этого предположения говорят следующие данные: на южном конце куртины 1 открыта прямоугольная башня, построенная на бугре, господствующем над базиликой. Эта башня могла играть боевую роль только тогда, когда стена от нее отходила бы не на запад, как куртины 2 и 3, а на восток или юго-восток. Кем эта башня была раскопана и в каком году—мне неизвестно, но я ее лично обследовал¹. При

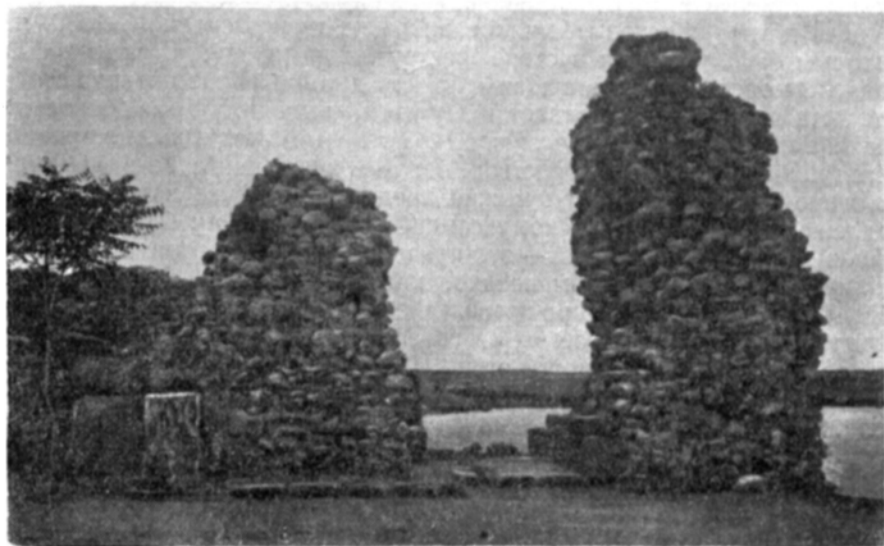

Рис. 25. Калитка в куртине I. Вид со стороны города.

постройке куртин 2 и 3 эта башня оказалась внутри обороны и должна была потерять свое боевое значение. Я обозначаю эту башню Ia. Вся куртина 1 состоит из облицовки, от которой сохранилось от одного до трех рядов, и внутреннего бута на извести, сохранившегося на разной высоте. Стена поражает своей толщиной (свыше 4 м).

В северном конце куртины сохранились остатки прямоугольной башни I, половина которой рухнула в море². А. Л. Бертье-Делагард по сохранившимся пятам доказывает, что башня была когда-то крестовым сводом (ИАК, вып. 21, стр. 114, рис. 18 на 130 стр.). С этой башни начинается линия береговой обороны Херсонеса, от которой дошли крайне незначительные следы. К югу от башни I сделана под ее защитой калитка А, имеющая ширину прохода всего 2 м (рис. 25). И здесь бут в двух местах достигает максимальной высоты. По словам К. К. Косцюшко-Валюжинича, „стена, обнаруженная в от-

¹ По словам старого надсмотрщика Н. Э. Федорова, эту башню раскопал в 1920-х годах Л. А. Моисеев. Дневников и отчетов в архиве Херсонесского музея нет.

² ИАК, вып. 4, стр. 51.

четном году (1901) от южного угла калитки на протяжении 25 м, сооружена на материковой скале из бутового камня с заливкой известью и с облицовкой с обеих сторон большими, легко выветривающимися тесаными камнями из местного известняка, положенными также на извести*¹. Относительно высоты он замечает: „Оборонительная стена сохранилась здесь почти на полной высоте, до начала бойниц“.

Чрезвычайно характерна облицовка этой стены, хорошо видная на рис. 24: справа от калитки с уцелевшим порогом стена облицована тремя огромными квадратами со следами более древних пиროнов в форме хвостов ласточки. Эти уцелевшие квадраты, несомненно, вторичного использования и происходят, по-видимому, от древнегреческой монументальной постройки, скорее всего, разобранной вблизи этого места оборонительной стены. Далее идет прекрасная монументальная кладка из ровных продолговатых камней. В забутовке мы видим длинные квадраты, поставленные в глубь стены.

Для датировки стены большое значение имеет склеп № 1039, над которым была устроена в стене разгрузочная арка². В склепе была найдена монета IV в., могущая служить датой для сооружения стены. Эта дата вполне подтверждает нашу дату, выводимую на основании анализа стиля кладки, еще знающей античные традиции, но уже использующей известковый раствор, чего не знали римляне и греки. По наличию разгрузочной арки можно предположить, что или склеп принадлежал знатному городскому семейству, желавшему быть погребенным в почетном месте, или — это правдоподобнее — строители обнаружили здесь склеп слишком поздно, когда часть стены была уже построена, и поэтому, нарушив правила фортификации, пошли на создание скрытой за облицовкой стены разгрузочной арки, т. е. на значительное ослабление боевой мощи стены.

Между этим склепом и вышеупомянутой калиткой А имеется под стеной еще один склеп, оказавшийся непо тревоженным, но без вещей. Возможно, что строители и не знали о существовании этого склепа (№ 1038) и потому провели над ним стену без разгрузочной арки. Место стыка куртин 1 и 2 прослеживается с большим трудом, так как оно совершенно не тронуту раскопками.

Следует остановиться еще на разведке 1928 г. к востоку от Западной базилики, где древнегреческая стена выходит к морю.

Исследуя систематически Херсонесское городище, я заметил в обрыве морского берега к востоку от Западной базилики большие блоки тесаного камня, типичные для древнегреческой стены. Это навело на мысль произвести здесь небольшую разведку для определения размеров площади древнегреческого Херсонеса, что и было сделано поздней осенью 1928 года. Сильный ветер очень мешал работе, поэтому раскопки были ограничены только районом стены³.

Вся стена, даже ее фундаменты, была уже в древности выбрана без остатка, осталось только ложе, на котором стоял фундамент стены. Это ложе легко определялось по мелкому буту, положенному на скалу. Возле самой стены, в западной ее части, разведка неожиданно открыла прямоугольную башню 16 таких же размеров, как башня I. Внутри нее лежали толстый слой битых кровельных черепиц, сгоревшие

¹ ИАК, вып. 4, стр. 51, и план на рис. 1 на стр. 52. Вид этой части стен см. ОАК за 1895 г., стр. 102—103.

² А. Л. Бертъе-Делагард правильно объясняет арку в стене, как разгрузочную; К. К. Косцюшко-Валюжинич ошибочно считает ее калиткой (ИАК, вып. 4, стр. 52).

³ Отчет напечатан в журнале „Крым“ за 1929 г.; там же помещены план и фотографии.

бревна и жилой мусор. С запада на башню I б вела лестница, от которой сохранились три ступеньки, хорошо видные на рис. 26. Здесь же, за лестницей, видны кубические квадры облицовки башни. Башня эта, построенная, когда древнегреческая стена перестала существовать, являлась частью приморской обороны Херсонеса.

Время уничтожения древнегреческой стены может быть довольно точно установлено по последним могилам некрополя, находившегося

Рис. 26. Древнегреческая стена у обрыва к морю. Раскопки 1928 года. Вид с юга.

к западу от этой стены (впоследствии на месте некрополя образовались жилые кварталы города), и по времени сооружения куртины 4¹. Некрополь раскапывался в течение многих лет К. Косцюшко-Валюжиничем и Р. Х. Лепером. Инвентарь могил относится главным образом к римскому времени; преобладают краснолаковая керамика, римские лампочки, римские императорские монеты и херсонесские эпохи элевтерии. Наиболее поздние погребения относятся к III—IV вв. Это вполне совпадает с нашей датой стены куртины 4, которая была выстроена в самом конце IV в. Через 100 лет, т. е. при императоре Зеноне, стена, отчасти пришедшая в ветхость, была исправлена, отчасти перестроена. Есть некоторые основания думать, что кубические квадры со следами обработки зубаткой восходят к реставрации эпохи императора Зенона. Они напоминают кладку третьего кольца башни Зенона, датированную эпохой Зенона, и утолщение на куртине 19². Во всяком случае расширение города стоит в какой-то связи с ростом его населения.

¹ ИАК, вып. 21, стр. 158.

² „Херсонесский сборник“, II, стр. 59, рис. 61.

ПРОТЕЙХИЗМА И ПЕРИБОЛ

Переходим к протейхизме. В древнегреческое время город не имел передовой стены. Это доказывается тем, что на юго-восточном участке, территории искусственной засыпки перибола, мы видим, что в толще бывшей засыпки идут только грубые фундаменты протейхизмы. Значит, она была сооружена после засыпки, т. е. позже римского военного строительства эпохи Нерона. С другой стороны, однако, строители протейхизмы еще учитывали античное правило строить оборонительные стены обязательно на скале или на материке и, несмотря на большую глубину залегания в этом месте скалы, фундаменты протейхизмы сооружены на скале¹. Кроме того, кладка башни протейхизмы XVI (находится против основной башни XV на куртинах 16—17) чрезвычайно близка к кладке ранневизантийского времени. Очевидно, первые протейхизма появилась тогда же, как искусственное усиление линии обороны.

Не все куртины нуждались в этом усилении, а только наиболее ответственные участки обороны. И мы видим протейхизму только на юго-западе и юго-востоке, а именно, между башнями III и VIII, XII и XVIII. Протейхизма на куртинах 5 и 6 идет уступами, а возле башни V в два ряда, но в общем повторяет направление основной стены и идет от нее в среднем на расстоянии 16—17 м. Древние писатели требуют гораздо большего расстояния передовой стены от главной².

Однако протейхизма в Херсонесе играет и самостоятельную роль. Так, например, на куртинах 16—19 (возле башни Зенона) протейхизма имеет ворота, находящиеся под защитой этой башни. Чтобы добраться к городским воротам, врагу приходилось идти по периболу под двойными ударами со стен. Совершенно такую же картину мы видим еще в Тиринфе. При этом правая, незащищенная сторона воинов подпадала под главные удары со стороны защитников, находившихся на боевой стене и башнях.

Второй случай самостоятельного значения протейхизмы мы наблюдаем возле башни III. В то время как основная линия обороны отступает на восток (куртины 3 и 2), протейхизма идет в косом направлении прямо к берегу, защищая от врагов мертвое пространство перед куртинами 1, 2 и 3. К сожалению, эта часть протейхизмы не раскопана³. На куртинах 5 и 6 раскопки Лепера обнаружили даже две параллельно идущие передовые стены и ров, вырытый в скале; все это видно на рис. 90 и 91 на стр. 60 и 61 ОАК за 1913—1915 годы. Правда, эти стены из нетесаного бута очень плохой кладки. Толщина стены „в“ всего 1,50 м. Идет она на расстоянии 8 м от главной стены. Следующая стена „с“ идет на расстоянии от 1,55 до 3 м от стены „в“, сделана из такого же материала, но еще тоньше. Сохранившаяся высота остатков — до 2 м. Глубина и ширина два перед стеной „с“ раскопками не была определена. Очевидно, эта двойная протейхизма более позднего времени (быть может, X—XII вв. н. э.).

Большое военное значение имел перибол. В нем накапливались силы для вылазок, в него загоняли скот с полей во время войны, в

¹ Несмотря на то, что для этого пришлось рыть канавы для фундаментов стены до 6 м глубины.

² Филон, I, 43—44, требует, чтобы ров был на расстоянии от стены не менее чем на 1 плектр (31 м).

³ Можно сказать, она начинается здесь береговую оборону Херсонеса, переходя после башни I в основную приморскую стену, обозначенную на табл. 2 в ИАК, вып. 21.

нем же поселялись окрестные жители, как в Аттике в периболе между Длинными стенами во время Пелопонесской войны, по свидетельству Фукидида¹. Перибол использовался также как место для разных мастерских. Так, например, в периболе перед башней XVII (Зенона) находилась гончарная мастерская.

Сразу за протейхизмой обычно начинались кладбища. Так как раньше протейхизмы не было, то некрополь начинался непосредственно у стен, и поэтому в периболе мы видим могилы, по которым можно установить приблизительный возраст протейхизмы. Очевидно, что ее сооружение относится к более позднему времени, чем самые поздние могилы. А такими являются в периболе могилы III и начала IV в.²

Раскопки перибола дали много погребений, могущих послужить хронологическим критерием для определения времени возникновения херсонесской крепостной ограды. В этом отношении наибольший интерес представляют древнейшие погребения и среди них — прежде всего гробница с краснофигурным оксибафом (кратером)³. Анализ находок в этой гробнице подтверждает, что Херсонес имел оборонительную стену уже к середине IV в. до н. э. (исследование краснофигурного оксибафа. Приложение).

Остается сказать несколько слов о высоте стен Херсонеса и об архитектурном оформлении их верхних частей. Филон Византийский пишет: „В вышину мы будем строить стены не менее чем на 20 локтей, дабы, приставив лестницы, враги не могли на них взбираться“ (III, 2). Об оформлении верха стен тот же древний автор сообщает: „Иногда куртины делают с крышей и зубцами, если только это выгодно. Иные устраивают куртины в подходящих местах с зубцами, но без прохода по ним; вместо последнего делают настилы из небольших брусьев и толстых досок, покоящихся на концах вделанных в стену балок; во время осады ничто не мешает нам ходить по этим настилам с дозором и сражаться, а когда нужно будет, тотчас же можно убрать их, оставив незначительную стражу. В самом деле, если враги овладеют куртинами и останутся так, то в короткое время погибнут под ударами метаемых снарядов“ (III, 4—5).

Мы привели это место из трактата Филона „О фортификации“, так как оно дает наглядное представление о верхних частях стен и о тактике осадной борьбы в III в. до н. э. Но у нас есть еще ряд более ранних свидетельств, говорящих, что уже в IV в. до н. э. стены городов имели наверху зубцы. Так, Плутарх (Пелопид, 34) пишет: „Когда умер Гефестион, Александр Великий приказал не только остричь лошадей и мулов, но и снять зубцы с городских стен для того, чтобы заставить думать, что и самые города принимают участие в печали, переменив свой веселый вид на печальный и унылый“.

Для восстановления внешнего вида херсонесских стен мы должны привлечь рисунок, найденный на стене склепа в окрестностях Херсонеса („Туровский склеп“). А. Л. Бертье-Делагард прав, придавая этому схематическому изображению внешнего вида какой-то крепости большое значение в деле реконструкции линии обороны Херсонеса. Рисунок воспроизведен на стр. 161 вып. 21 ИАК. Для нас важно в рисунке то, что башни на нем выдаются на 2—3 м над ли-

¹ Фукидид, II, 17, 3.

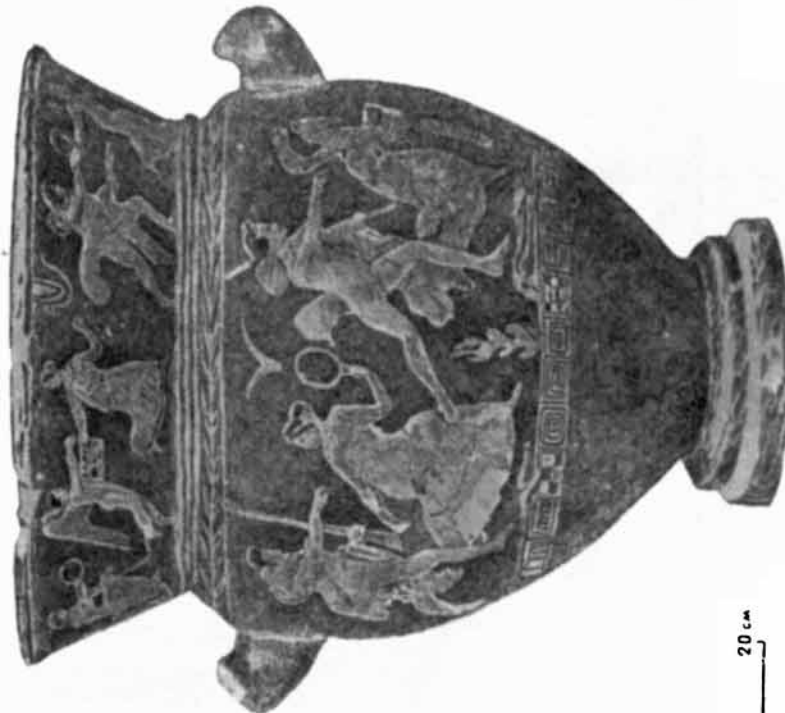
² ОАК, 1894, стр. 60—62, 95, 109—115, могилы №№ 429—576 у куртин 8 и 9. В могилах самые ранние монеты — второй половины I в. до н. э. (могилы №№ 578, 586, 599, 605, 606). Самые поздние монеты — III—IV вв. н. э. Позже и была сооружена протейхизма.

³ ИАК, вып. 16, табл. VII.

нией стен; стены имеют прямые зубцы, а башни имеют нависающие зубцы, вероятно, для навесной стрельбы. Ворота фланкированы двумя башнями, перекрыты коробовым (римским) сводом и на себе несут башенку. Таким нам должен представляться Херсонес — крепость в позднеимперскую эпоху.

Есть основания предполагать, что в одном месте сохранились остатки венцов на древнегреческой стене. Вначале я высказывал это как робкое предположение, теперь же все более склоняюсь к мысли, что это так. А именно, на куртине 16, в районе римских приставных склепов №№ 1013—1014, мы видим правильно чередующиеся вырезы на конечных камнях древнегреческой стены. Это хорошо видно на рис. 11 на стр. 17 „Херсонесского сборника“, вып. II. Только здесь стена достигает своей максимальной высоты (свыше 6 м). Ничем иным, как остатками настенных венцов, эти выступы быть не могут.

Таков был Херсонес как крепость. Его стены впервые опоясали город в конце V, вернее, около середины IV в. до н. э., затем в середине IV в. до н. э. линия обороны распространилась на запад, захватив большую территорию скалистого бугра городища. В период римского владычества, при Нероне, стены были приведены в порядок. Это было тем более необходимо, что в эпоху Митридата стены почти не чинились, а были сделаны только самые необходимые поправки и исправления для усиления обороны (например, сооружена башня XV) и создан или, вернее, перестроен преторий для митридатского гарнизона (куртины 19, 20, 21). Далее крупное стеностроительство падает на эпоху великого переселения народов (конца IV в.), потом на время императоров Зенона и Юстиниана. К IV в. Херсонес достиг своих естественных границ на городище. Как видим, в общем строители херсонесских стен учитывали и выполняли требования античной монументальной архитектуры.

0 10 20 см

О К С И Б А Ф

АТТИЧЕСКИЙ КРАСНОФИГУРНЫЙ ОКСИБАФ № 1517 ИЗ ХЕРСОНЕСА КАК ДАТИРОВОЧНЫЙ ТЕРМИН ДЛЯ ДРЕВНЕГРЕЧЕСКОЙ ОБОРОНИТЕЛЬНОЙ СТЕНЫ¹

Вопрос о датировке древнегреческой оборонительной стены Херсонеса уже давно интересовал исследователей. Этому вопросу посвящена работа А. Л. Бертье-Делагарда, напечатанная в вып. 21 ИАК. Далее упомяну мою работу «Стены Херсонеса Таврического» (часть I — «Херсонесский сборник», вып. I, Севастополь, 1926 и часть II — «Херсонесский сборник», вып. II, Севастополь, 1927). В последнее время этот вопрос затронут в очерке Г. Д. Белова «Херсонес Таврический» (Ленинград, 1948).

В первой части «Стен Херсонеса» я на основании анализа кладки и анализа ювелирных предметов из подстенного склепа № 1012 сделал попытку датировать древнегреческую линию обороны на юго-восточном участке Херсонеса второй половиной IV в. до н. э. В последнее время среди наших исследователей намечается тенденция понижать датировку. Настоящая работа посвящена анализу интересной находки в периферии южной линии обороны Херсонеса, а именно краснофигурной вазы — оксибафа, довольно легко поддающегося датировке². По условиям нахождения этого предмета в могиле у фундамента древней стены, эта ваза может служить датировочным термином древнегреческой оборонительной стены.

Оксибаф служил в качестве погребального сосуда и содержал жженые кости. Обстоятельства его находки таковы: «У прямоугольной башни Д (по Бертье-Делагарду XII), в расстоянии 1,45 м от главной оборонительной стены обнаружена вырубленная в материковой скале канава до 0,45 м ширины, до 0,55 м глубины и 5 м длины, которая первоначально была закрыта громадной плитой из твердого степного известняка, сдвинутой грабителями и найденной рядом. Канава служила семейной гробницей, по-видимому, в IV в. до н. э. и вмещала в себе 6 глиняных урн (№№ 1517—1522), из коих 3 сохранились вполне, а 3 найдены в кусках. По-видимому, урны были обследованы с целью ограбления в ранневизантийскую эпоху, при сооружении двух оборонительных стен и прямоугольной башни»³. В этой яме-канаве стояли в ряд все 6 сосудов.

Остановим наше внимание на этом погребении с шестью урнами возле XII башни, так как оно нам может дать датировку для древнегреческой стены. Прежде всего следует остановиться на краснофигурном оксибафе.

Сначала познакомимся с ним со слов К. К. Косцюшко-Валюжинича: «1517. Кратер чернолаковый с коричневыми фигурами вокруг среднего пояса и вокруг широкого горла. На средней части 4 мужских и 4 женских фигуры (Дионис и свита) в 0,15 м вышины, а вокруг горла 7 мужских и 6 женских малых (0,08 м вышины). Фигуры средней части сильно пострадали от сырости, так как кратер снизу и посередине был покрыт целым слоем мелких сталактитов. Вышина кратера 0,45 м, диаметр горла сверху 0,33 м, диаметр внутреннего отверстия (см. средний рисунок на табл. VII): 0,105 м, наибольшая окружность кратера 1,03 м, наименьшая — 0,38 м; окружность основания — 0,52 м. У начала средних фигур 2 ручки (0,12×0,35 м), симметрично расположенные. Малое отверстие, ведущее внутрь кратера, было закрыто буролаковой миской в 0,17 м диаметром и 0,06 м высотой. Вокруг этого отверстия у начала верхнего пояса в 0,1 м вышины образующего горло кратера, просверлены 4 симметрично расположенные дырочки в 0,005 м диаметром. Внутри находились жженые кости от одного остова»⁴.

Таким образом, перед нами довольно крупная древнегреческая ваза высотой около полуметра, снабженная двумя простыми ручками и стоящая на круглом пьедестале

¹ Оксибаф опубликован в статье Г. Д. Белова «Краснофигурный кратер из Херсонеса». Труды отдела истории искусства и культуры античного мира, Эрмитаж, т. I, Л., 1945. (прим. ред.)

² ИАК, вып. 16, табл. VII; Г. Д. Белов, Херсонес Таврический, табл. IV, 2.[»]

³ ИАК, вып. 16, стр. 106. На табл. III могила показана в виде прямоугольника с №№ 1517—1522.

⁴ ИАК, вып. 16, стр. 106—107.

с довольно сложным профилем. Нижняя половина дна пьедестала — толще верхней, а последняя имеет желобок.

Коспошко-Валюжинич совершенно правильно определил название формы. Действительно, сосуды этого типа называются общим именем кратеров и известны нам с глубокой древности. Форма их, по-видимому, идет с о. Крита и с Востока. Кратеры изображены, например, на известном раскрашенном саркофаге из Агиа Триада на о. Крите.

На ассирийском рельефе Саргона II конца VIII в. до н. э. перед Урартийским святилищем в Мусасире стоят два гигантских кратера на подставках¹. У греков кратеры имели двойное назначение: культовое и бытовое. Судя по сюжету изображений, наш кратер имел бытовое назначение и употреблялся на пирах для смешения вина с водой. Кратеры обычно не служили для погребальных целей. По-видимому, наш кратер употребляли для погребения только потому, что эта ваза являлась в этом семействе самой ценной и редкой ввиду прекращения аттического экспорта. Однако нельзя сказать, что сюжет нашей вазы совсем не соответствует погребальному ее назначению. Дело в том, что в погребальном инвентаре эллинистического времени мы видим пелики, пиксиды и другие формы ваз с дионисовским сюжетом². И это понятно, если вспомним о связи культа Диониса с Элевсином³.

Вернемся к форме вазы. Как известно, кратеры бывают разных видов: в виде колокола и так называемые кратеры с ручками в виде волот. Последняя форма, по-видимому, более поздняя по времени. Наша ваза имеет форму опрокинутого колокола с перехватом в верхней части с короткими ручками. Такую форму кратера мы обычно называем оксибафом.

Чрезвычайно интересно внутреннее отверстие горлового раструба, изображенное в ИАК, вып. 16, на среднем рисунке на VII табл. Оно сужено с той целью, чтобы можно было без расплескивания размешивать вино с водой посредством встряхивания сосуда и выливать жидкость с удержанием осадка внутри, а главное для вставки фильтра *φύρος, ύστύς*⁴. Это показывает, что все же назначение данного сосуда было не погребальное, а чисто бытовое. Лак оксибафа уже не первоклассный, лак середины V в.; он во многих местах отстал, но сохранил свой блеск, несмотря на неблагоприятные условия многовекового пребывания вазы в сырой земле.

Переходим к сюжету вазовой картины. Центральная часть изображения представлена, несомненно, на левой фотографии (табл. VII, слева). Это относится и к нижней и к верхней композиции. Нижний рисунок состоит из четырех фигур, причем в сидящей второй фигуре, считая справа, мы должны видеть сюжетный центр всего рисунка. Это безбородый Дионис, сидящий на выступе скалы (?) и держащий в левой руке стилизованную ветку, по-видимому, лавра. В правой руке, свободно лежащей на коленях, он держит длинный и тонкий тирс, причем над головой следы палки тирса почти не заметны. Юное лицо бога обращено налево к подбегающей менаде. С головы Диониса падают на плечи две аккуратные пряди волос, как бы лоздная реминисценция локонов архаической эпохи или эпохи строгого стиля. На Дионисе длинный ионический хитон, сквозь который художник наметил основные контуры тела. Это обычный прием мастеров краснофигурной техники, которые сначала намечали предварительной линией контуры тела, а потом уже «одевали» фигуру в платье. Об этом подробно говорит Б. В. Фармаковский в своей работе «Аттическая вазовая живопись» (1902), стр. 427—428.

К сидящей фигуре Диониса, как к центру композиции одной стороны вазы, обращены остальные три фигуры: справа от него стоит женская фигура менады с факелом в руке⁵. На менаде длинный ионийский хитон, украшенный греческим орнаментом. Чуть склоненная голова с прической-кробилом обращена к Дионису. Слева к Дионису приближаются две фигуры: менада с тимпаном в правой и тирсом в левой руке. Она изображена стремительно бегущей вправо и оборачивающейся назад к следующему за ней хвостатому сатиру с тирсом. Вся картина представлена в двух планах. Таким образом, перед нами Дионис со свитой.

На обороте вазы (см. табл. VII справа, нижняя половина) мы видим продолжение того же сюжета тоже из четырех фигур. Все фигуры стремительно бегут направо, т. е. как бы следуя за вышеописанными сатиром и ваханкой (менадой) с тирсом. Здесь изображена бегущая женщина с туалетным ящиком в левой руке; с ящика

¹ Снегирев, альбом „Древний Восток“, табл. 300, 3. См. Dagemberg—Saglio, Dictionnaire des antiquités под словом „Cratère“ и под словом „Vasa“, где приведена литература со ссылкой на источники. См. также Baumliester, Den Kmaler des Klassischen Altertums, III, под словом „Vasen Kunde“.

² Лукьянов-Гриневич, Керченская кальпиды, 1906 г., МАР, № 35, стр. 126; № 2; № 6; № 10; № 18.

³ Dagemberg—Saglio, указ. соч., под словом „Dionysos“ и Baumeister, указ. соч., под словом „Dionysos“.

⁴ Dagemberg—Saglio, указ. соч., под словом „Colum“ (ситечко), стр. 1331, рис. 1729.

⁵ Предмет в руке по его толщине я затрудняюсь назвать тирсом.

свешивается лента в виде широкого полотенца; женщина подняла свободную руку вверх, как бы отбиваясь от преследующего ее сатира; на женщине одет длинный конический хитон с греческим орнаментом; на голове прическа — кробил. Следующий за ней сатир держит в руке тирс и стремительно бежит направо. За ним изображена бегущая также вправо женщина, одетая в такой же хитон, и с такой же прической. В левой руке она держит круглое зеркало¹. Женщина обернулась назад к поспевающей за ней последней мужской фигуре. В этой последней мы можем узнать Геракла, одетого во львиную шкуру и с дубинкой (?) в руках. Все фигуры изображены бегущими по неровной поверхности, покрытой крупными камнями или скалами (под левой ногой сатира — камень). Из земли растет ветка плюща (?). Такова композиция на обеих сторонах оконбафа.

Следует отметить чрезвычайную оживленность обеих картин, направленность всей композиции к одному центру и большое искусство в компоновке фигур и всей композиции в целом. Во всем этом чувствуется «набитая» рука недолгого опытного живописца. Картины имеют орнаментальную раму: наверху — стилизованный орнамент из лавровых листьев, внизу — типично греческий меандр.

Переходим к описанию картин на верхней части вазы. И здесь, как и на нижней композиции, вся картина имеет единый центр, причем любопытно отметить, что этот центр находится на той же стороне вазы, что и в нижнем рисунке (табл. VII, слева).

Центром всей композиции, представляющей одно целое на обеих сторонах вазы, является сидящая посредине всего фриза (табл. VII, слева, сверху) фигура Диониса. Он представлен сидящим на стуле со спинкой; в правой руке он держит тирс, левою облокотился об одежду, лежащую на спинке стула. Голова бога повернута вправо, сам он изображен обнаженным. Поза Диониса свободна и эффективна, но без декоративной, искусственной эффектности эллинистического времени III—II вв. до н. э. Она очень напоминает позы сидящих богов на фризе Парфенона², и эта связь не случайна, как мы увидим дальше.

Направо и налево от центральной фигуры Диониса мы видим две женские фигуры в одинаковых позах, лицом к богу. Каждая одну ногу согнула в колене и поставила на скалу. Видно, что между этими тремя фигурами идет оживленный разговор. Правая женщина держит в одной руке факел; левая женщина правую руку протянула вперед и указывает Дионису на подбегающую (крайнюю справа) женскую фигуру, несущую туалетный ларец с теней, напоминающий такой же ларец в нижней композиции. Очевидно, мастер изобразил сцену перед одеванием Диониса. За это толкование сюжета особенно говорят фигуры на оборотной стороне кратера.

Здесь мы видим, считая справа, бегущую девушку — менаду с каким-то неясным предметом в руке, далее фигуру, быть может, Геракла; судя по развевающейся львиной шкуре. Геракл в одной руке держит зеркало, протягивая его оборотившейся к нему вперед бегущей девушке. Затем следует группа из трех фигур: бегущей направо девушки-меныды, одетой, как впереди бегущая, в длинный ионический хитон. Девушка обернула голову и протянула правую руку к туалетному ларцу, который несет как бы плывущая по воздуху крылатая фигура. За крылатой фигурой слева в ракурсе видна еще одна женская фигура с круглым предметом в руке (чаша, зеркало). Таков сюжет обеих картин кратера.

Перейдем к анализу стиля. Мастер, исполнивший рисунки кратера, владел всеми приемами художественной техники, которые были выработаны в течение V в. до н. э. аттической вазовой живописью. Так как полихромии на нашей вазе нет³, то ее следует датировать эпохой расцвета так называемого роскошного стиля. В самом деле, трактовка одежды всех фигур вполне свободная, уже совершенно чуждая тех условностей, которые характерны не только для «строгого», но и для «прекрасного» стиля: нет складок, которые как бы врезаются в тело, скрывают и изменяют его формы. С другой стороны, одежда не зависит уже только от тела, но подчинена ему, не является, как говорит Б. В. Фармаковский, а за ним Ю. П. Гриневиц⁴, только «эхом

¹ Над зеркалом изображен непонятный предмет в виде крыльев птицы (?).

² Collignon, Histoire de la sculpture grecque, II, 1897, стр. 56, рис. 24; вторая сидящая фигура, считая слева; ср. стр. 59, рис. 26 — среднюю фигуру Диониса. Есть много общего в свободной позе сидящей фигуры между изображением на фризе Парфенона и сидящей фигурой на нашем кратере. „Когда делались фриз и фронтоны Парфенона, вазовая живопись достигла уже апогея своего развития: это время роскошного стиля“ (Б. Фармаковский, Аттическая вазовая живопись, 1902, стр. 532).

³ По фото на табл. VII, белые пятна следует отнести за счет сырости которая сильно повредила кратер, как указывает вышеприведенное мною место в отчете (ИАК, вып. 16, стр. 106). В описании кратера нигде нет ни звука на наличие полихромии. Это обстоятельство имеет значение для определения времени изготовления вазы.

⁴ Б. В. Фармаковский, указ. соч., стр. 531; Лукьянов-Гриневиц, Керченская каллида, 1906, МАР, № 35, стр. 33.

тела», как в эпоху Полигnota и Фидия. Она уже получила свое особое художественное значение, вполне гармонирующее с формами тела. Однако здесь еще нет богатых и эффективных складок, нет того чисто декоративного значения, которое любил придавать одежде мастера второй половины IV в., как, например, на Мавсоле в Галикарнассе. В этом смысле характерна трактовка одежды на второй, считая слева, фигуре главной стороны кратера (табл. VII, слева, нижний ярус изображения). Обувь, ноги и руки изображены правильно, но иногда небрежно. Вообще вся картина кратера страдает некоторой небрежностью рисунка, которая, правда, проявляется не везде. Более небрежно выполнен оборот вазы и особенно верхний рисунок.

В трактовке тела мы видим всюду полное знание анатомии, отсутствие какой-либо условности и связанности мастера. Все тела переданы естественно, с присущей им грацией и красотой, без каких-либо признаков манерности и декоративности в позах. В контурах тела нет ни сухости, ни угловатости. Фигуры, наоборот, отличаются в обнаженных частях мягкими, закругленными линиями. Все мускулы трактованы как бы под жировым покровом, что придает телу естественную жизненность — ср. фигуру Диониса в верхнем ярусе, ср. обнаженную мужскую фигуру справа на обороте вазы в нижнем ярусе. В контурах фигур отсутствуют вялость, сухость; всюду чувствуется стремление к изяществу простому, естественному, без позы.

Вся картина вазы одухотворена движением, которое стремится к своему естественному центру — богу Дионису, благодаря чему вся композиция, несмотря на свою сложность и многофигурность, не распадается на звенья, но воспринимается как единое целое. Следует обратить внимание на удачное распределение фигур, в котором чувствуется известный ритм, особенно на обороте вазы (табл. VII, справа).

Мы видим, что мастер был, несомненно, очень опытным и искусным художником: он сумел одними линиями без всякой моделировки светотенью придать фигурам пластичность, дать картине глубину.

Стиль фигур кратера, несомненно, старше керченской кальпиды 1906 года и приводимых ее авторами аналогий. Полихромия отсутствует, также отсутствует употребление накладной разжиженной глины. Аналогией может служить пелика Британского музея¹ с изображением летящей женской фигуры. Чрезвычайно близки между собой обе крылатые фигуры и ритм их полета, как бы плавание по воздуху. Британскую пелику Фармаковский причисляет к вазам развитого роскошного стиля². Очень близка по трактовке женского тела и по стремлению к его обнажению, еще, правда, неполному, только рук, картина на луврском лекифе, приведенная у Фармаковского³. И этот рисунок принадлежит к развитому роскошному стилю⁴. Таким образом, аналогию ведут нас к эпохе фриза Парфенона или немного позже, к периоду развитого роскошного стиля, но еще до употребления полихромии и до стремления к рельефным украшениям. Да и самая форма вазы еще довольно строга и проста. Кратеры конца V в., например, изображенные в словаре Daremberg-Saglio под словом „Cratère“ (стр. 1554, рис. 2039), гораздо изящнее и сложнее по своим пропорциям, имеют высокие ручки и удлинненные пропорции.

Датировать наш кратер мы должны эпохой после создания Парфенона, т. е. после 438 г. до н. э. Так как для своего развития роскошному стилю понадобилось десятилетия два лет, то более или менее правильным будет датировать кратер эпохой Пелопонесской войны, вернее эпохой Никиева мира, т. е. 420—415 гг. до н. э.⁵ Так как по глине, по лаку, по стилю и по форме перед нами, несомненно, аттическое произведение, то слишком отдалять его дату к концу V в. вряд ли правильно, принимая во внимание разгром Афин в результате неудачной войны и прекращения, хотя бы временное, экспорта ваз. Этот разгром, разумеется, должен был сказаться и на производстве. В Херсонесе ваза могла, конечно, бытовать в богатой семье довольно продолжительное время и около 380—370 годов могла быть захоронена.

Вместе с кратером № 1517 были найдены две очень любопытные по форме и орнаменту вазы, о которых следует сказать несколько слов, так как они позволяют подкрепить только что установленную дату вазы № 1517.

Урна № 1518, по словам отчета⁶, «красноглинная, 0,31 м высотой и 0,86 м наибольшей окружности, с одной ручкой, покрытая небрежно исполненным орнаментом белого цвета, не была закрыта и содержала одни жженые кости».

¹ Б. В. Фармаковский, указ. соч., стр. 504, рис. 49.

² Там же, стр. 523—524.

³ Там же, стр. 553, рис. 59.

⁴ Очень близка к нашей вазе картина на котиле Афинского национального музея и по пропорциям женских фигур и по трактовке полос и тела — см. Фармаковский, указ. соч., стр. 479, рис. 36—37. Котила датируется эпохой развитого прекрасного стиля, который потом переходит в роскошный.

⁵ В ОАК за 1903 г., стр. 38, наш кратер назван „краснофигурным позднего роскошного стиля“. Есть основание приписать это определение Б. В. Фармаковскому как члену АК.

⁶ ИАК, вып. 16, стр. 107.

В другом месте¹ говорится, что орнамент сделан водяной краской. Совершенно ясно, что перед нами не аттический экспорт, а скорее всего, — судя по форме вазы², импорт из Ионии, для которой характерны и форма одноручного кувшина с раздутой средней частью туловища и орнаментальное украшение красными полосами по туловищу и волнистой линией на горле — все на белом фоне (в данном случае красный цвет — естественный цвет кувшина)³. Последнее обстоятельство, т. е. ионийское происхождение вазы, вполне понятно, так как старые, упрочившиеся связи Афин с Крымом были, несомненно, временно прерваны событиями Пелопонесской войны, особенно после неудачного Сицилийского похода (413 года). Поэтому вполне понятно появление в погребении неаттической посуды.

Следующая урна того же погребения значится под № 1519 и описана так: «Урна светлоглиняная, 0,38 м вышиной и 0,55 м наибольшей окружности, с узким горлом, как у амфор, в 0,12 м вышины и 0,75 м диаметром, с одной большой и двумя малыми ручками. Внутри найдены также одни жженные кости»⁴.

Эта последняя урна несколько оригинальной, можно сказать, необычной формы, представляет собой как бы механическое соединение амфоры с гидрией. Недаром в ОАК за 1903 год она просто названа гидрией (стр. 38). По своей форме ее горло и высокая стройная ручка могут иметь аналогию с амфорами греческого классического времени. Например, некоторые амфоры, датируемые Б. Фармаковским VI слоем Ольвии, т. е. III в. до н. э., имеют невысокое горло, быстро внизу расширяющееся⁵, на нашей же урне горло почти под прямым углом переходит в плечо амфоры — гидрии. Наша ваза, несомненно, по форме строже и старше ольвийских. Она вполне может быть датирована V в., вернее его второй половиной, не исключается и начало IV в. до н. э.

Таким образом, все три урны дают нам ценное подкрепление той даты древнегреческой стены, которую мы пытались обосновать в первой части «Стен Херсонеса» путем анализа вещей Подстенного склепа, и аналогиям датированных кладок крепостных стен других греческих городов. И эти вазы, особенно краснофигурный оксибаф роскошного стиля, убеждают нас в том, что Херсонес уже в первой половине (ближе к середине) IV в. до н. э. имел крепостную ограду, что это был зажиточный город, имевший экономические связи с Атикой и Ионией.

¹ ОАК за 1903 г., стр. 38.

² Рисунок вазы: ИАК, вып. 16, стр. 106, рис. 47. Этот же рисунок воспроизведен в ОАК за 1903 г. на стр. 39, рис. 53в (5).

³ Примеры ионийской посуды нам дает Б. В. Фармаковский в „Древностях“ (Труды Моск. археол. общества), т. XXV.

⁴ ИАК, вып. 16, стр. 107.

⁵ ИАК, вып. 13, стр. 108, рис. 58. Датировка слоев—стр. 103.

С. Ф. СТРЖЕЛЕЦКИЙ

ВИНОДЕЛИЕ В ХЕРСОНЕСЕ ТАВРИЧЕСКОМ АНТИЧНОЙ ЭПОХИ

Ведущая роль виноградарства в земледелии Херсонеса Таврического античной эпохи общепризнана в довольно обширной литературе по его истории. Первым, отметившим важное значение этой отрасли сельского хозяйства Херсонеса, был Дюбуа де Монпере¹. Он предполагал, что район Гераклеийского полуострова к западу от Стрелецкой бухты составлял четвертую часть главных виноградников Херсонеса². Ему же принадлежит первая схематическая реконструкция херсонесской винодельни³.

До недавнего времени все еще нельзя было представить себе, хотя бы приближенно, развитие, которого достигло виноградарство Херсонеса, и приходилось подкреплять прямое указание надписи на постаменте статуи Агасикла о херсонесских виноградниках на равнине различными косвенными данными: остатками древних межей на Гераклеийском полуострове (которые отнюдь не всегда являлись оградями виноградников), большим количеством обломков тары — пифосов и амфор и т. д. В доказательство широкого развития виноградарства и виноделия в Херсонесе указывался вывоз вина из Херсонеса, причем сам вывоз вина ничем не аргументировался⁴, либо обосновывался

¹ Dubois de Montpereux, Voyage autour du Caucase chez Tcherkesses et les Abchases, en Colchide, en Georgie, en Armenie et en Crimée, Paris, 1841, v. VI, Atlas, I-e serie, pl. IXX, XXI, IV serie, pl. XXV. Немецкое издание в серии Sammlung der vorzüglichsten neuen Reisebeschreibungen mit besonderer Beziehung auf Natur Runde, Kunst, Handel und Industrie bearbeitet, Darmstadt, 1846, третья часть третьего тома. Ссылки даны по немецкому изданию. Раздел этого труда, посвященный памятникам Гераклеийского полуострова, является наиболее обстоятельным из всех вышедших в предшествующее и последующее время.

² Там же, стр. 288 и сл.

³ Там же, Атлас, серия IV, табл. XXVI B, рис. 16. Отмечая большое значение виноградарства в земледелии Херсонеса, он аргументирует это положение не только ссылкой на надпись в честь Агасикла (JOSPE, I², № 418), как это делает большинство последующих исследователей, но и указанием на древние виноградники Гераклеийского полуострова.

⁴ Г. Д. Белов, Херсонес Таврический, Л., 1948, стр. 57.

распространением клейменных херсонесских амфорных ручек, найденных в различных пунктах древнего мира¹.

Исследование истории земледелия Херсонеса античной эпохи, осуществленное в послевоенные годы, позволяет с помощью бесспорных фактов несколько приблизиться к установлению удельного веса виноградарства и виноделия. В 1950 году нам удалось выявить клер херсонесского гражданина III—II вв. до н. э., площадью 30,5 гектара². 44% этой площади (13,42 гектара)³ занято виноградником⁴. За последние годы в этом же районе, близ Круглой и Камышевой бухты, обмерено еще четыре клера. Общая площадь этих пяти клеров—125,23 гектара, из которых 47,3% было занято в III—II вв. до н. э. виноградниками, не считая *arbustum*'ов⁵ на каждом из клеров. Наружный обмер 35 клеров этого района, общей площадью 820 гектаров, и предварительное обследование их внутренней размежки и распределения площадей между основными сельскохозяйственными культурами показывает, что и на них основной культурой был виноград. Таким образом, ведущее значение виноградарства в земледелии и экономике Херсонеса эллинистического времени удалось установить на площади, составляющей около 8% всей сельскохозяйственной территории Херсонеса на Гераклеяском полуострове, размежеванной на индивидуальные клеры его граждан.

Не вдаваясь в специальный разбор вопросов урожайности и количества необходимой рабочей силы для обработки обследованных нами клеров, приведем таблицу, в которой суммированы основные экономические данные о виноградарстве и виноделии на пяти клерах в Херсонесе эллинистического времени⁶. (См. табл. на сл. стр.)

Как видим, таблица отчетливо вскрывает товарный характер херсонесского виноградарства, продукция которого—вино—была основным товаром владельцев клеров.

Еще ярче это выступает при перерасчете вышеприведенных данных к площади 35 клеров этого же района. Из 820 гектаров общей их площади 47,3%, или 387,86 гектара, было занято виноградниками,

¹ Е. Г. Суров, К истории виноградарства и виноделия в Херсонесе Таврическом. Уч. зап. МГПИ, т. XXVIII, вып. 1, стр. 126 и сл. На анализе приведенных Е. Г. Суриным статистических данных и на количестве клейменных ручек различных ремесленных центров мы не останавливаемся. Отметим только, что автор априори считает, что во всех амфорах, вывезенных из Херсонеса и ввезенных в Херсонес, всегда было вино. Последнее необходимо еще доказать.

² С. Ф. Стржелецкий, Клер Херсонеса Таврического, ВДИ, 1951, № 3, стр. 85 и сл. См. также СА № 3, 1957 г., стр. 31 и дал.

³ Цифры уточнены последующими работами. Площадь виноградников определяется площадью участков с плантажными стенами на каждом обмеренном клере.

⁴ Уже этот факт позволил исследователям истории Северного Причерноморья более твердо решать поставленный вопрос и считать виноград основной сельскохозяйственной культурой в земледелии античного Херсонеса. См. С. Ф. Стржелецкий, ук. раб; В. Д. Блаватский, Земледелие в античных государствах Северного Причерноморья, М., 1953, стр. 165; В. Ф. Гайдукевич, История античных городов Северного Причерноморья, Античные города Северного Причерноморья, Очерки истории и культуры, М.—Л., 1955, стр. 73 и сл.; С. Ф. Стржелецкий, Херсонес Таврический, Путеводитель по музею, Симферополь, 1956, стр. 21 и сл.

⁵ *Arbustum*—латинское название виноградника, на котором лоза пускалась на деревья.

⁶ Ср. В. Д. Блаватский, Земледелие... стр. 160, где автор считает выход вина 200—332 декалитра с гектара виноградника на клере № 25 скорее заниженным. По нашим расчетам, выход вина с гектара составлял 420 декалитров. Наш расчет выхода вина с одного гектара и количества необходимой рабочей силы для обработки одного гектара виноградника сделан на базе известных древних писателей, касающихся этих вопросов в своих трудах, а также данных о виноградарстве и виноделии нового времени. Полученные нами цифры являются приближенными и, с нашей точки зрения,—заниженными. Но даже если мы согласимся с заниженными расчетами В. Д. Блаватского, товарный характер херсонесского виноградарства эллинистического времени не подлежит сомнению.

№ клеров	Общая площадь	Площадь виноград- ников	% к общей площади	Валовой вы- ход вина в декалит- рах	Потребле- ние вина в год необ- ходимой ра- бочей силой	Остаток в дека- литрах
	в гектарах					
10	26,46	6,91	26,0	2902	500	2402
11	26,61	10,40	39,1	4368	675	3693
20	12,66	7,03	55,4	2953	475	2478
25	30,50	13,42	44,0	5636	650	4986
26	29,00	21,40	74,0	8988	775	8213
Итого	125,23	59,16	47,3	24847	3075	21772

с которых выход вина составлял 162 901 декалитр. За вычетом вина, потребляемого необходимой рабочей силой, остаток его достигал свыше 143 тыс. декалитров в среднем в год. В то же время валовой сбор зерна с полевых участков этих же клеров не покрывал потребности в хлебе даже необходимой рабочей силы для их обработки. Только для удовлетворения потребности рабочей силы ежегодно приходилось докупать свыше 300 центнеров хлеба. Отметим еще один факт. Владельцы только пяти обмеренных клеров ежегодно вынуждены были покупать у херсонесских гончаров для вина нового уро- жая новую тару в перерасчете на амфоры около 15 тыс. сосудов¹.

I. ВИНОДЕЛИЕ В ХЕРСОНЕСЕ ТАВРИЧЕСКОМ

В III—I вв. до н. э.

Крупные размеры виноградников на клерах, ведущее значение виноградарства в земледелии эллинистического Херсонеса свидетельствуют, что виноградарство было рассчитано на производство вина и являлось базой развитого виноделия. Этот вывод хорошо подкрепляется многочисленными винодельческими давяльными разной конструкции и размеров, от простейших, в которых сок выдавливается руками, до сложных сооружений с применением прессов и рычагов.

Подавляющее количество открытых давлений найдено на Геракле-ском полуострове, что, в свою очередь, еще раз подтверждает веду- щее значение виноградарства в земледелии эллинистического Херсо-неса. Кроме того, большее или меньшее количество давлений сви-детельствует и об урожайности виноградников. Так, Катон пишет: „Когда придешь в усадьбу, посмотри, много ли там прессов и долиев; где их мало, знай, что это в соответствии с урожаем“².

К настоящему времени накоплен вполне достаточный материал для реконструкции всего процесса работы в винодельнях эллинистического времени. Этот же материал упраздняет вывод о наличии в Херсонесе только самых примитивных давлений³ и значительно расширяет наши

¹ Объем полномерной херсонесской амфоры эллинистического времени состав-ляет около 15 литров.

² Сато, 1, 4, 5.

³ Е. Г. Су ров, К истории виноградарства и виноделия в Херсонесе Тавриче-ском, Уч. зап. МГПИ, XXVIII, вып. 1, 1942, стр. 115. В известной степени этот вывод указанной работы соответствовал данным, которыми располагал автор, См. там же, стр. 119.

представления о технике этого производства не только в колониях Северного Причерноморья, но и во всем античном мире. Пожалуй, этот материал особенно важен для сопоставления греческой и римской техники виноделия, их взаимосвязи и, по-видимому, зависимости второй от первой. Конечно, последние вопросы уже выходят за рамки настоящей работы и подлежат разбору в специальном исследовании.

Херсонесские винодельческие давилни могут быть разделены на несколько групп:

1. Небольшие давилни, где сок выдавливался руками.
2. Давилни, где сок выдавливался руками или ногами.
3. Комбинированные давилни—винодельни, в которых сок мог выдавливаться сначала ногами, а затем прессом, при помощи рычага.

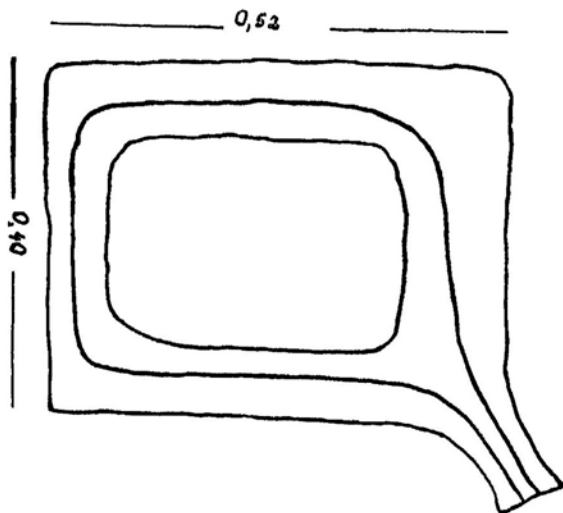

Рис. 1. Переносная виноградная давилня—тарпан эллинистического времени из раскопок усадьбы клера № 2 на Маячном полуострове.

представляют собой переносные орудия небольшого размера, различной формы. Обычно эти давилни сделаны из известняковых плоских плит, чаще всего четырехугольной формы. Этот тип представлен давилней с усадьбы № 2 на Маячном полуострове (рис. 1)¹.

Давилня представляет собою плоскую каменную плиту немного неправильной четырехугольной формы, размером 0,52—0,55 × 0,40—0,50 м. В центре плиты находится площадка 0,30 × 0,38 м, вокруг которой вырублен желобок до 0,05 м ширины. С наружной стороны желобок обрамлен по краю плиты бортом той же высоты, что и центральная площадка. На одном углу сделан сильно выступающий наружу слив для стока выжатого виноградного сока. Виноград (в мешке или в корзине) клали или ставили на центральной площадке. Судя по ограниченному размеру этой площадки, сок из винограда можно было выдавливать только руками. Через стенки и дно корзины или ткань мешка сок стекал в желобок вокруг площадки и затем по сливу в сосуд, поставленный под последним. Кожура и зерна виноградных ягод оставались в корзине или мешке. Чаще такие давилни

¹ Крымско-татарское (если не ошибаемся, и вероятнее всего, искаженное греческое) название такой давилни — „тарпан“ — получило широкое распространение и принято даже в специальных археологических отчетах и исследованиях.

не имеют выступающего вперед слива, который заменяется простым желобком в одном из углов плиты (рис. 2).

Не менее часты давилни без центральной площадки, по существу лишней при таких размерах орудия. Эти давилни представляют как бы плоские каменные корыта с желобком в одном из углов для стока сока (рис. 3). Иногда таким давилням придавалась круглая форма, и тогда они имеют слив (рис. 4). Известен целый ряд таких небольших давилен, сделанных в крупных камнях или обломках скалы на виноградниках или рядом с ними на самих клерах (рис. 5).

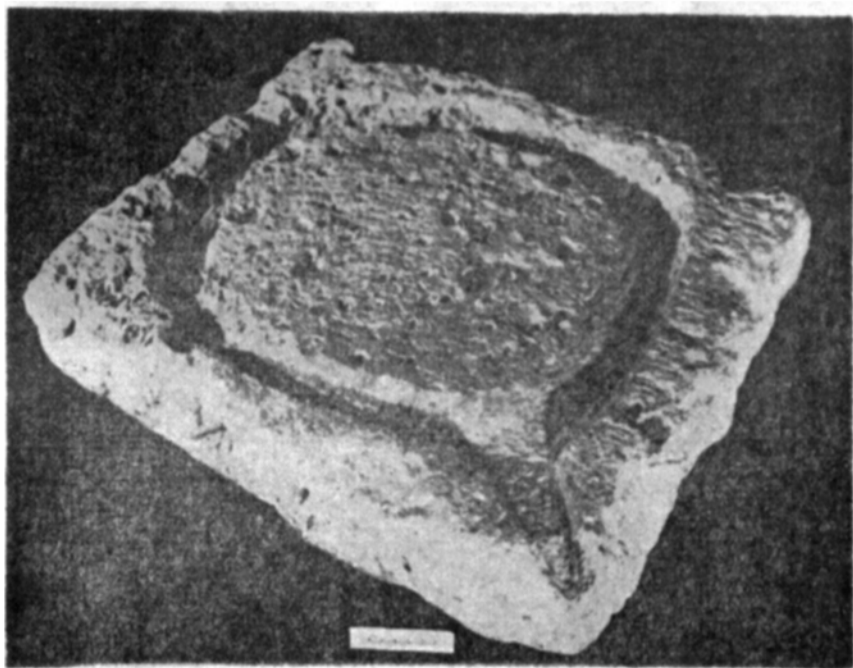

Рис. 2. Переносная виноградная давилня. Херсонесский музей.

Небольшие размеры этого типа давилен свидетельствуют о том, что они не могли иметь какого-либо существенного значения в массовом производстве вина. Однако неоднократные находки таких целых давилен и многочисленных их обломков, по-видимому, указывают на специальное и пока не выясненное их назначение в процессе виноделия. Наличие таких виноделен на виноградниках позволяет думать, что они в основном служили для изготовления виноградного сока с целью утоления жажды во время виноградного сезона и для заготовки его впрок¹. Не исключено, что на этих же давилнях могли готовиться специальные вина для лечения различных болезней².

Вторая группа давилен по количеству представлена значительно реже, чем первая. Так же, как и первая, она представлена переносными и стационарными давилнями. Одна из таких давилен переносного типа была найдена Н. М. Печенкиным в 1910 году на одном из клеров Маячного полуострова³. Давильня, овальной формы, сделана из

¹ Сато, 120.

² Сато, 114, 115, 125, 127.

³ Н. М. Печенкин, Археологические разведки в местности Страбоновского старого Херсонеса, ИАК, вып. 42, стр. 110, рис. 1.

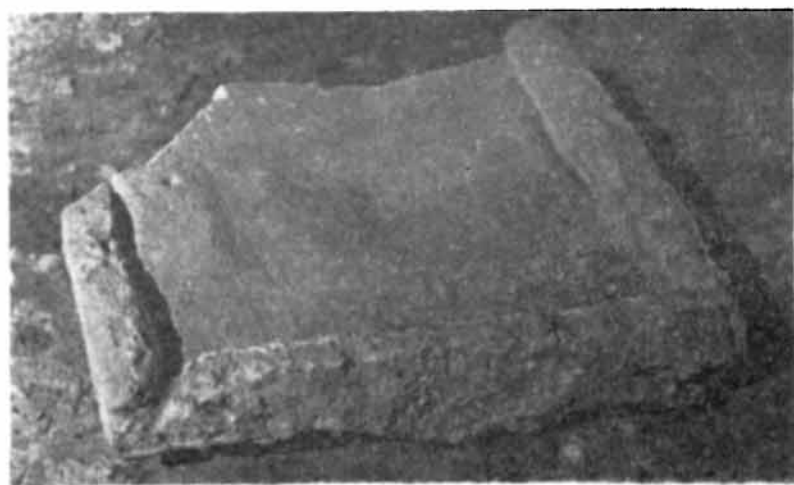

Рис. 3. Переносная виноградная давилня II в. до н. э. с усадьбы клера № 26.

Рис. 4. Переносная виноградная давилня II в. до н. э. с усадьбы клера № 25.

Рис. 5. Прimitивная виноградная давилня, вырубленная в обломке скалы на одном из участков клера № 21.

известняковой плиты толщиной 0,30 м. Длина ее через слив—1,15 м, ширина—0,70 м. Центральная площадка давяльни имела в длину около 0,75 м. Ширина желоба вокруг площадки—около 0,05—0,06 м. Одна из узких сторон овала заканчивалась массивным сливом для стока выжатого сока в сосуд¹.

Рис. 6. Прimitивная виноградная давяльня стационарного типа, вырубленная в скале на винограднике клера № 26.

Наиболее простой вид стационарного типа давяльни второй группы обнаружен и раскопан нами на винограднике клера № 26, участок 12-й. Давяльня вырублена в нубикуляриевом желваке известняка сарматского яруса и в соответствии с формой материкового выхода скалы имеет в плане полуовальную форму (рис. 6). Давяльня не имеет центральной возвышающейся площадки. Внутренняя длина ее около 0,80 м, наибольшая ширина 0,52—0,53 м. Вдоль прямого ее борта начиная от его середины, и на дне давяльной площадки сделан глубокий желоб, заканчивающийся стоком у одной из сторон основания полуовала. С наружной стороны давяльни, у ее основания, в скале сделано небольшое углубление для установки сосуда под стоком для сбора сока, вытекающего из давяльни.

Более сложный и совершенный тип этих давяльней может быть представлен двумя вариантами. Давяльни этих двух вариантов, тоже вырубленные в материковых выходах скалы, обнаружены М. И. Скубетовым в поле на двух клерах Гераклейского полуострова².

Давяльня № 1 обнаружена в Туровской балке, к югу—юго-западу от Херсонеса. Она вырублена в крупном обломке материковой скалы, имеет давяльную площадку и резервуар для сбора выдавленного сока (рис. 7). Площадка в виде углубления, в плане неправильной пятиугольной формы, обусловленной неправильной формой скалы. Наибольшая длина площадки—0,78 м, наибольшая ширина—0,61 м. Высота бортов площадки—0,12—0,15 м. Площадка вырублена аккуратно,

¹ Аналогичная давяльня по размеру, времени и характеру, но круглой формы обнаружена и на Боспоре; см. В. Д. Блаватский, *Земледелие...* рис. 77.

² Арх. ГХМ.

борт почти вертикальные. Площадь давильной площадки—около 0,45 кв. м. Дно площадки имеет уклон к северо-западу, в сторону резервуара для приемки сока. Резервуар отделен от давильной площадки узким бортом (0,125 м), в середине которого, у дна площадки, сделано небольшое отверстие для стока выдавленного сока. Резервуар—неправильной овальной в плане формы, с округлым дном. Наибольшая его длина—0,45, ширина—0,37 и глубина—0,25 м. Давиль-

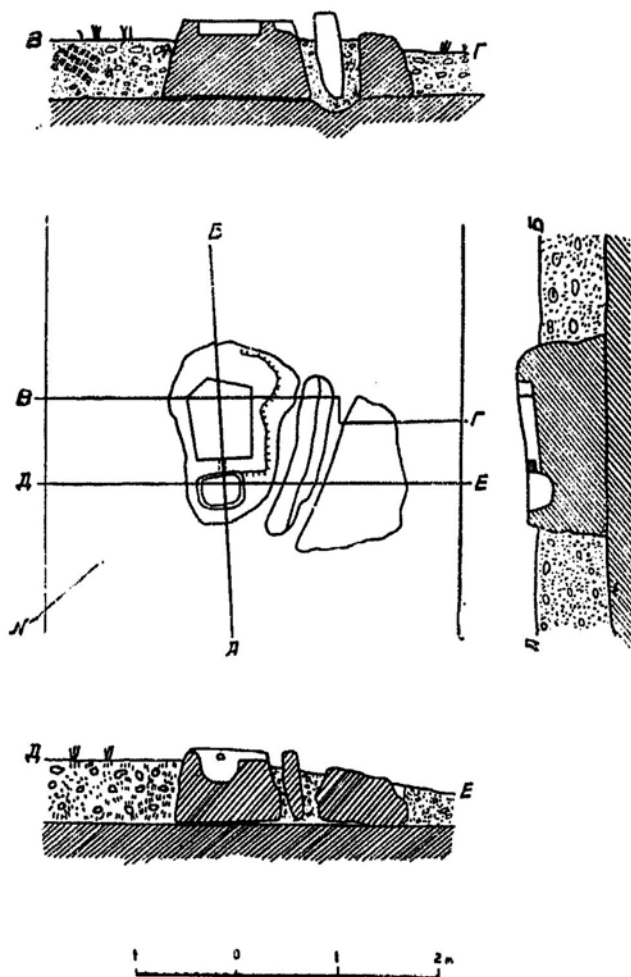

Рис. 7. План и разрезы виноградной давильни № 1 стационарного типа. Гераклейский полуостров, Туровская балка.

ня не имеет гнезд или каких-либо следов другого крепления рычага прессы.

Давильня № 2 обнаружена к западу от первой, в Стрелецкой балке. Вырублена в монолитном выходе материковой скалы, имеет давильную площадку и резервуар для приемки выдавленного виноградного сока (рис. 8). Площадка в виде углубления круглой формы с плоским дном. С северной стороны площадка соединяется открытым желобком в ее борту с резервуаром, который имеет в плане круглую форму. Дно площадки имеет уклон в сторону резервуара. Южная

сторона резервуара в нижней части немного заглублена в скалу, вследствие чего желобок для стока сока слегка нависает над дном резервуара. Диаметр площадки—0,80 м, ее площадь около 0,50 кв. м, глубина—0,18—0,22 м. Диаметр резервуара—0,30 м, глубина—до 0,50 м. Давильня вырублена тщательно, но не имеет гнезда или каких-либо следов другого крепления для рычага пресса.

Учитывая, что давилни второй группы имеют значительную рабочую площадь (около 0,5 кв. м), на которую могла быть сложена значительная масса винограда—до 20—30 кг за один прием—производственное назначение их не вызывает сомнения. Вместе с тем очевидно, что по своим размерам давилни этой группы не могли обеспечить переработку всей массы продукции виноградников любого из клеров Гераклейского полуострова. Это же подтверждают и конструкции самих давилен, на которых выдавливание сока могло производиться либо вручную, либо ногами, вследствие чего плохо отжатая масса винограда либо должна была переноситься на другую давилню с рычажным прессом, либо уходить в отходы, что значительно отражалось бы на общем выходе вина.

Можно думать, что давилни второй группы имели подсобное значение в винодельческом производстве и были рассчитаны на случай большого урожая, когда основные винодельни не успевали обрабатывать виноград, доставляемый с виноградников. Этот вывод подтверждается наличием такой давилни на винограднике клера № 26, на усадьбе которого раскопана большая, хорошо оборудованная винодельня, способная переработать значительные массы винограда.

Третья группа давилен—виноделен комбинированного типа была широко распространена в винодельческом производстве Херсонеса античного времени и продолжала существовать на протяжении всего средневековья в горном Крыму, в долинах которого виноградарство достигло большого развития¹. Давильни этого типа по размерам гораздо больше давилен предшествующей группы. Существенной отличительной их чертой является наличие остатков крепления рычагов прессов для вторичной выжимки винограда. Все известные

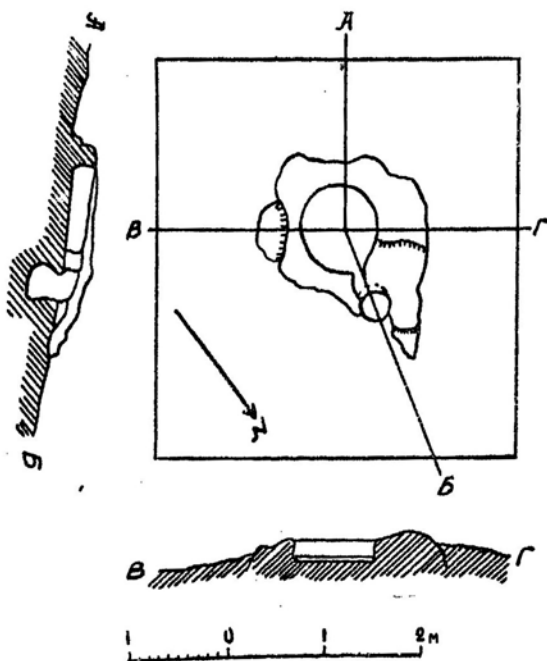

Рис. 8. План и разрезы виноградной давилни № 2 стационарного типа. Гераклейский полуостров, Стрелецкая балка.

¹ Такие давилни известны на Мангупе, под Сюреньским укреплением, у подножья обрыва Качи-каленского пещерного монастыря и в других местах.

давилъни этого типа вырублены в материковой скале, зачастую на краю одной из ее террас и за исключением одной сконцентрированы на склоне балки над верховьем Карантинной бухты¹. Все эти давилъни были стационарными, оборудование их (рычаги, блоки, прессы, сосуды и т. д.) уносились после окончания работы.

Одна из самых небольших таких виноделен (№ 3) была обнаружена М. И. Скубетовым неподалеку от Херсонеса, на склоне Карантинной балки. Винодельня имеет давилъную площадку и резервуар для приемки выжатого сока (рис. 9). Площадка, четырехугольная по

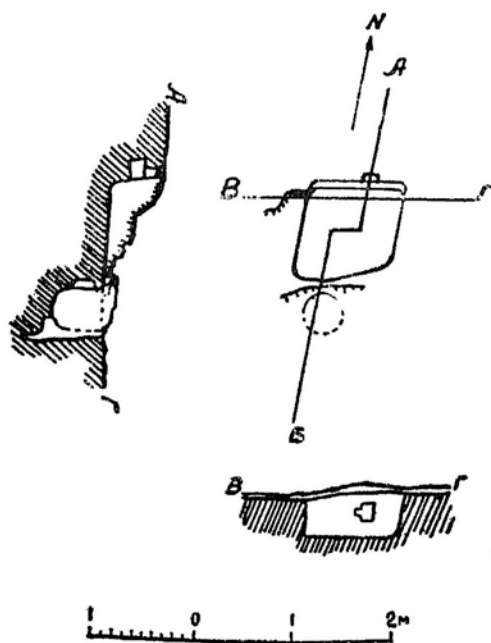

Рис. 9. План и разрезы винодельни №3 с применением рычажного прессы. Гераклеийский полуостров, Карантинная балка (поселок виноделов).

форме, углублена в скалу до 0,50 м с боковых и задней стороны. Передняя, южная стена площадки представляет узкий борт, 0,08—0,10 м шириной, отделяющий ее от резервуара, вырубленного с наружной стороны площадки. Высота этого борта значительно ниже остальных вертикальных сторон площадки, всего лишь 0,12—0,15 м. Эта высота была обусловлена наличием рычага прессы, задний конец которого закреплялся в специальном гнезде, вырубленном в задней вертикальной стенке давилъной площадки на той же пятнадцатисантиметровой высоте от дна давилъни. Во время работы, при жиме на передний конец рычага, такое соотношение высот позволяло рычагу, а следовательно, и верхней доске прессы принять положение, параллельное дну давилъной площадки, и тем самым создать наиболее эффективное равномерное давление на всю мас-

су винограда на всей площади давилъни.

Гнездо в вертикальном разрезе имеет Т-образную форму. Очевидно, такая форма гнезда была обусловлена каким-то специальным креплением заднего конца рычага. Вследствие недостаточной высоты задней стенки площадки гнездо немного отодвинуто от ее средней оси к восточной боковой стенке. Соответственно этому в противоположную сторону отодвинут резервуар перед площадкой и соединительный канал для выхода сока. В свою очередь, в целях равномерного давления на прессируемую массу, сам рычаг прессы имел косое направление по отношению к осям давилъни.

Резервуар для приемки сока имеет в плане круглую форму, дно округлое. Стенка со стороны давилъной площадки немного выбрана, вследствие чего желобок стока выступает вперед в виде слива. Резер-

¹ Эта группа виноделен обнаружена и обмерена М. И. Скубетовым. Планы виноделен вместе с другими чертежами М. И. Скубетова хранятся в архиве ГХМ.

вуар вырублен на самом краю террасы, и в настоящее время внешний край его разрушен. За резервуаром скала резко снижается—не менее чем на 0,85 м. По аналогичному устройству многих давлений можно заключить, что такое расположение и резкое снижение скалы у переднего конца рычага специально учитывалось при сооружении виноделен для удобства работы рычагом пресса.

Давильная площадка имела уклон в сторону резервуара и соединительного канала в переднем борту площадки, прорубленного в виде округлого отверстия.¹ Размеры площадки—0,97×0,97 м, общая пло-

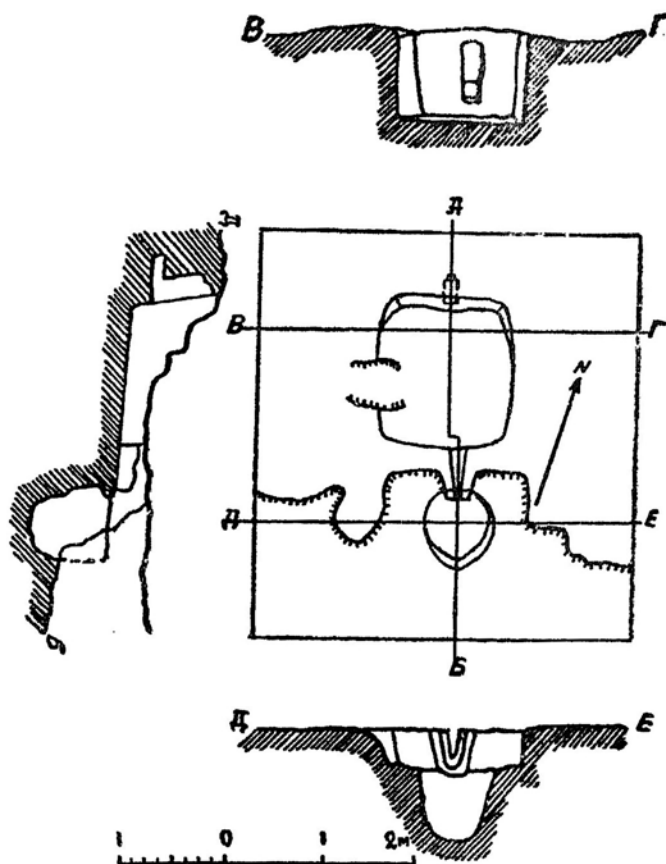

Рис. 10. План и разрезы винодельни № 4 с применением рычажного пресса. Гераклейский полуостров, Карантинная балка (поселок виноделов).

щадь около 1 кв. м. Диаметр резервуара—0,35 м, глубина—до 0,52 м, объем—около 0,9 декалитра.

Давильня № 4 расположена на склоне той же Карантинной балки, у шоссе, соединяющего Севастополь со Стрелецкой бухтой. Винодельня состоит из давяльной площадки и резервуара для приемки сока перед нею (рис. 10)¹. Площадка четырехугольная, боковые сто-

¹ Издана без указания масштаба и размеров Е. Г. Суровым в ук. выше работе, стр. 116—117, рис. 2. Вторично издана тоже без масштаба В. Д. Блаватским, Земледелие... стр. 114, рис. 67.

роны немного выгнуты наружу. Резервуар круглой формы, с округлым дном. Площадка и резервуар разделены вертикальным бортом шириною 0,20—0,27 м и высотой 0,22 м. В борту сделан отливной канал для стока выжатого сока в выемку в резервуар. Со стороны последнего канал вырублен посередине слива, выступающего внутрь резервуара.

В противоположной, наиболее высокой стороне площадки вырублено гнездо для крепления заднего конца рычага пресса. Как видно на разрезах по глубине и высоте верхнего края, выемка двойная, рассчитанная на двукратное прессование: более легкое—первое, когда не требовалось особого усилия, и вторичное, при котором обратное воздействие конца рычага на скалу сильно возрастало и требовало соответствующего увеличения запаса прочности, что и достигалось вырубкой нижней, заглубленной части гнезда. При этом толщина кромки скалы над концом рычага увеличивалась с 0,12—0,13 м до 0,50—0,55 м¹.

Резервуар вырублен на самом краю террасы, которая затем обрывается вниз на высоту 0,50 м под передним концом рычага пресса.

Давильная площадка значительно врублена в скалу. Дно ее имеет скат в сторону резервуара. Размеры площадки: длина—до 1,48 м, ширина—до 1,33 м, площадь немного более 2 кв. м, глубина у задней стенки—0,90 м. Диаметр резервуара для приемки сока—до 0,75 м, глубина—0,75 м, объем—около 4,5 декалитра.

Винодельня № 5 (рис. 11) обнаружена М. И. Скубетовым в том же районе Карантинной балки². По конструкции она не отличается от предыдущих, но давящая площадка больше, и соответственно этому резервуар для приемки сока вместительнее. Площадка имеет неправильную четырехугольную форму. Вертикальная стенка ее, расположенная против резервуара, оказалась недостаточно высокой для вырубленного гнезда, вследствие чего строители вынуждены были перенести это гнездо на боковую стенку и закрепить рычаг пресса перпендикулярно по отношению к стоку сока в резервуар³. По существу это не изменяло конструктивных деталей винодельни. Гораздо важнее то обстоятельство, что поверхность скалы у переднего конца рычага пресса была на одном уровне с дном давящей площадки. Это служит неоспоримым доказательством отсутствия груза на переднем конце рычага, так как при наличии его рычаг не мог бы притти в горизонтальное положение и выполнять свою работу.

Канал для стока виноградного сока образует отверстие в борту площадки и заканчивается сливом внутри резервуара. Дно площадки имеет скат в сторону резервуара. Размеры площадки: наибольшая длина—2,00 м, наибольшая ширина—1,98 м, глубина у юго-восточной стороны до 0,60 м, площадь—3,4 кв. м. Размеры резервуара—1,50×0,70 м, глубина от низа канала для стока сока—0,45 м, объем резервуара—4,7 декалитра.

Винодельня № 6 (рис. 12). Обнаружена М. И. Скубетовым в непосредственной близости от Херсонеса, на его некрополе, у загородного крестообразного храма. Расположение винодельни в указанном месте

¹ Настоящий вывод сделан уже Е. Г. Суоровым, см. ук. работу, стр. 119.

² Издана без указания масштаба и размеров Е. Г. Суоровым в ук. работе, стр. 117, рис. 3. Переиздана В. Д. Блаватским, Земледелие... стр. 145, рис. 68.

³ Обстоятельство, правильно замеченное Е. Г. Суоровым, см. ук. работу, стр. 117.

имеет существенное значение, так как позволяет установить приближенную дату ее сооружения. Участок некрополя вокруг загородной усадьбы покрыт многочисленными могилами. Могилы идут рядами и группами настолько близко одна к другой, что неоднократно перекрывают одна другую. Мало вероятно, чтобы при таком интенсивном использовании этой территории под некрополь здесь же одновременно находилась и функционировала винодельня, не говоря уже о несо-

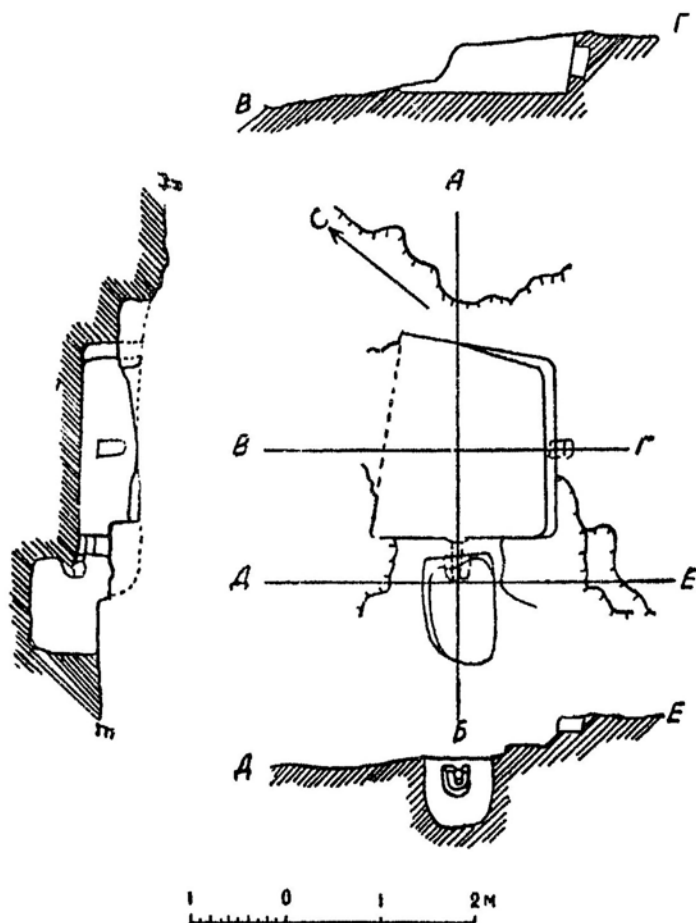

Рис. 11. План и разрезы винодельни № 5 с применением рычажного пресса. Гераклейский полуостров, Карантинная балка (поселок виноделов).

вместимости изготовления вина и погребения мертвых в одном месте. Анализ погребальных сооружений и погребений показывает, что этот участок занят некрополем с начала н. э. Более ранние погребения здесь не обнаружены.

Можно полагать, что винодельня существовала здесь до того, как этот участок был отведен под городской некрополь, и, следовательно, датируется эллинистическим временем. Вероятность, мы бы даже сказали, правильность этого вывода находит подтверждение в дате вино-

дельни № 8¹, раскопанной нами в 1956 году на том же склоне Карантинной балки, в 300—350 м к югу от винодельни № 6.

Винодельня № 8 расположена на территории Херсонесского пригородного поселка, несомненно, III—II вв. до н. э.², что позволяет датировать и винодельню № 6 этим же временем.

Винодельня № 6 конструктивно не отличается от предшествующих, что отчетливо видно на прилагаемом плане в разрезах (рис. 12).

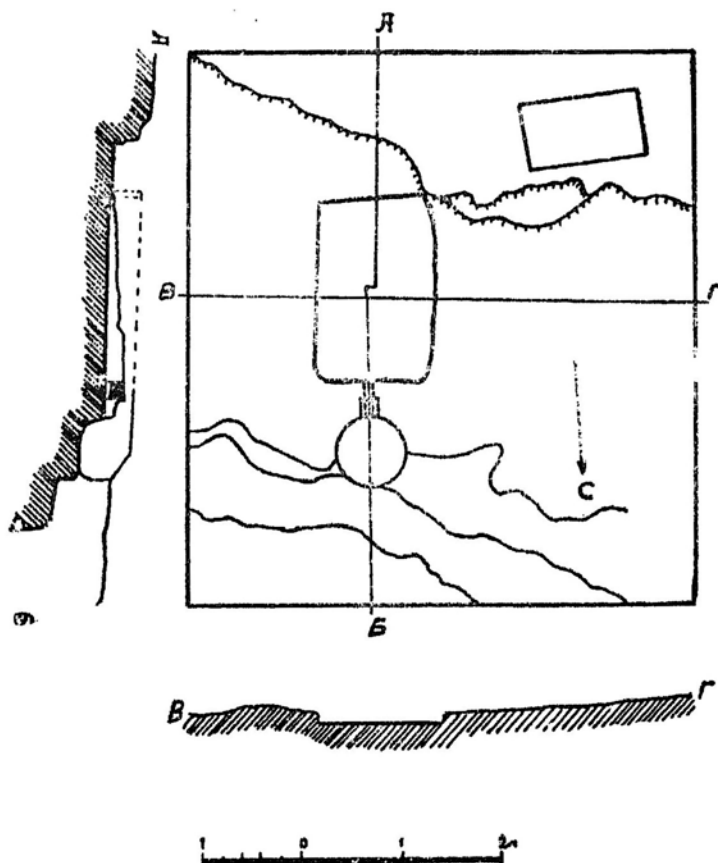

Рис. 12. План и разрезы винодельни № 6 с применением рычажного пресса. Гераклейский полуостров, Карантинная балка (поселок виноделов).

Давильная площадка имеет четырехугольную форму. Резервуар для принятия виноградного сока—круглый, с плоским дном. Стенки давяльной площадки либо разрушены в более позднее время, либо надставлялись деревянным коробом или каменной кладкой. Во всяком случае, М. И. Скубетовым не зафиксировано никаких следов крепления заднего конца рычага пресса. Рядом с давяльной площадкой, к ЮЗ от нее, на чертеже указан четырехугольный выруб в скале, размером $1,25 \times 0,65$ м. Учитывая расположение винодельни на некро-

¹ См. ниже, стр. 136 и рис. 14.

² С. Ф. Стржелецкий, Раскопки 1939 года у Карантина, вблизи Херсонеса Таврического, X сб., вып. IV, Крымиздат, 1948, стр. 51 и сл., стр. 63.

поле, не исключено, что это углубление могло быть одной из могил и не имело связи с винодельней.

Размеры давяльной площадки: длина—1,80 м, ширина—1,20 м, наибольшая сохранившаяся глубина—0,24 м, площадь—2,2 кв. м. Размеры резервуара: диаметр—0,60 м, глубина—0,25 м, объем—2,8 декалитра.

Последняя винодельня № 7 (рис. 13) обнаружена М. И. Скубевым в восточной части Гераклеийского

полуострова, на левом склоне глубокой Килен-балки. Винодельня имеет прямоугольную давяльную площадку и полукруглый резервуар с южной стороны для сбора виноградного сока. С этой же стороны поверхность скалы перед винодельней выровнена в виде четырехугольной площадки, по-видимому, для удобства работы. Давильная площадка имеет скат в сторону резервуара; в южном борту ее сделано круглое отверстие для стока сока. Канал со стороны резервуара заканчивается массивным сливом, выступающим внутрь резервуара. По бокам, на расстоянии 0,42—0,45 м от стенок, давяльная площадка имеет по одному длинному вырубам, которые тянутся параллельно стенкам площадки. Ширина вырубов—0,20 м, глубина около 0,10—0,12 м. Вероятнее всего, эти вырубы служили для закрепления горизонтальных лежней. Учитывая конструкцию крепления заднего конца рычага прессы в винодельне усадьбы клера № 26¹, можно предположить, что на концах этих лежней с задней стороны давяльной площадки закреплялся поперечный деревянный брус, на котором, в свою очередь, закреплялся конец рычага давяльного прессы.

Размеры давяльной площадки: длина—1,87 м, ширина—1,55 м, глубина—до 0,33 м, площадь—2,9 кв. м. Размеры резервуара—0,96×0,63 м, глубина—0,60 м, объем—около 3,5 декалитра. Размеры площадки перед давяльной—5,00×1,50 м.

Как видно из приводимой ниже таблицы, рабочая площадь давяльных площадок этой группы виноделен достигает значительных размеров—от 2 до 3,4 кв. м каждая.

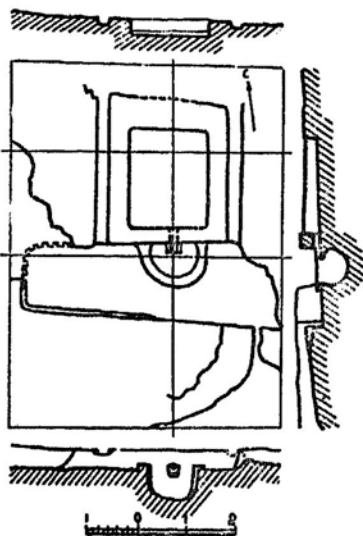

Рис. 13. План и разрезы винодельни № 7 с применением рычажного прессы. Гераклеийский полуостров, Килен-балка.

№ виноделен	Размеры давяльной площадки (в метрах)	Их площадь (в квадр. метрах)	Объем резервуаров (в декалитрах)
3	0,97×0,97	ок. 1	ок. 1
4	1,48×1,38	больше 2	ок. 4,5
5	2,00×1,98	3,4	4,7
6	1,80×1,20	2,2	2,8
7	2,87×1,55	2,9	3,5

¹ См. ниже, стр. 143.

Исключение составляет лишь одна винодельня № 3, рабочая площадь которой достигает только одного кв. метра. Размеры давяльных площадок в ряде случаев не уступают размерам таких же площадок в позднеантичных более усовершенствованных винодельнях Херсонеса¹ и Боспора². На таких площадках за один прием прессовалось до тонны винограда. Таким образом, производственное значение этих виноделен не может вызывать сомнения. Это доказывается и объемом резервуаров, рассчитанных на прием 3—4,5 декалитра виноградного сока, который в процессе работы переливался в крупную тару—пифосы. Это же подтверждается наличием рычажных прессов и участием в процессе не менее трех рабочих, помимо подносчиков винограда на винодельню.

Правильное представление о процессе виноделия и о конструкции самих давлений можно лучше всего составить по материалам четвертой группы виноделен, в которую входят две большие, наиболее усовершенствованного типа винодельни, несомненно, эллинистического времени, раскопанные нами в 1956 году. Одна из них, винодельня № 8, расположена на склоне Карантинной балки, над верховьем одноименной с нею бухты, в небольшом пригородном поселении III—II вв. до н. э.³

Винодельня № 8 состоит из двух давяльных площадок и резервуара для сбора виноградного сока (рис. 14). Все сооружение, подобно винодельням предшествующей группы, вырублено на краю террасы материковой скалы. Давильные площадки, четырехугольные в плане, расположены рядом и разделяются одна от другой узким бортом, вырубленным в скале вдоль их длинных смежных боковых сторон. Северная площадка меньше южной, и дно ее расположено выше дна второй. Дно ее имеет скат к юго-западному углу, в котором прорублен канал. По этому каналу выдавленный виноградный сок стекал на северную площадку, а оттуда по каналу уходил в резервуар. Таким образом, обе давяльные площадки имели один общий резервуар для сбора сока.

Южная давяльная площадка устроена так же, как площадки виноделен предшествующей группы. Передняя ее сторона ограждена невысоким бортом, в середине которого, у дна площадки, вырублен круглый закрытый канал, соединяющий площадку с резервуаром. С наружной стороны канал заканчивался сливом, выступающим в резервуар; передний конец этого слива отбит.

По сторонам канала, на верхней части борта сделано по одной неглубокой вырубке, во всю ширину борта, длиной 0,40 м каждая. Конструктивно назначение этих вырубков несомненно. Связь их с какой-то деталью давяльни столь же безусловна. Учитывая характер

¹ Г. Д. Белов, Херсонесские винодельни, ВДИ, 1952, № 2, стр. 225 и сл.

² В. Д. Блаватский, Раскопки Пантикапея (1947), КСИИМК, XXVII, 1949, стр. 34 и сл., рис. 13 и 14; его же, Земледелие... стр. 147 и сл., рис. 72—76; В. Ф. Гайдукевич, Боспорское царство, М.—Л., 1949, стр. 104 и сл.; его же, Раскопки Тиритаки в 1935—1940 гг., МИА, вып. 25, 1952, стр. 27 и сл., рис. 15, 16, 21 и 22; его же, Боспорские города Тиритака и Мирмекия на Керченском полуострове, ВДИ, 1937, № 1, стр. 226—234; его же, Раскопки Мирмекия и Тиритаки, Археологические разведки на Керченском полуострове в 1937—1939 гг., ВДИ, 1940, № 3—4, стр. 303 и сл.; его же, Итоги раскопок Тиритаки и Мирмекия, КСИИМК, XXI, 1947, стр. 89 и сл.; В. Ф. Гайдукевич, Е. И. Леви, Е. О. Прушевская, Раскопки северной и западной части Мирмекия в 1934 г., МИА, вып. 4, 1941, стр. 113 и сл.

³ Винодельня была обнаружена еще в 1939 году, см. С. Ф. Стржелецкий, Раскопки 1939 года у Карантина вблизи Херсонеса Тарического, X сб., вып. 4, Крымиздат, 1948, стр. 62.

вырубок и их расположение по сторонам канала, над которым приходится массивный брус—рычаг прессы, нам эта деталь представляется в следующем виде: в вырубках на борту закреплялись плоские толстые доски, верхний край которых был выше борта над каналом. На этих досках, по-видимому, концами закреплялась третья толстая доска

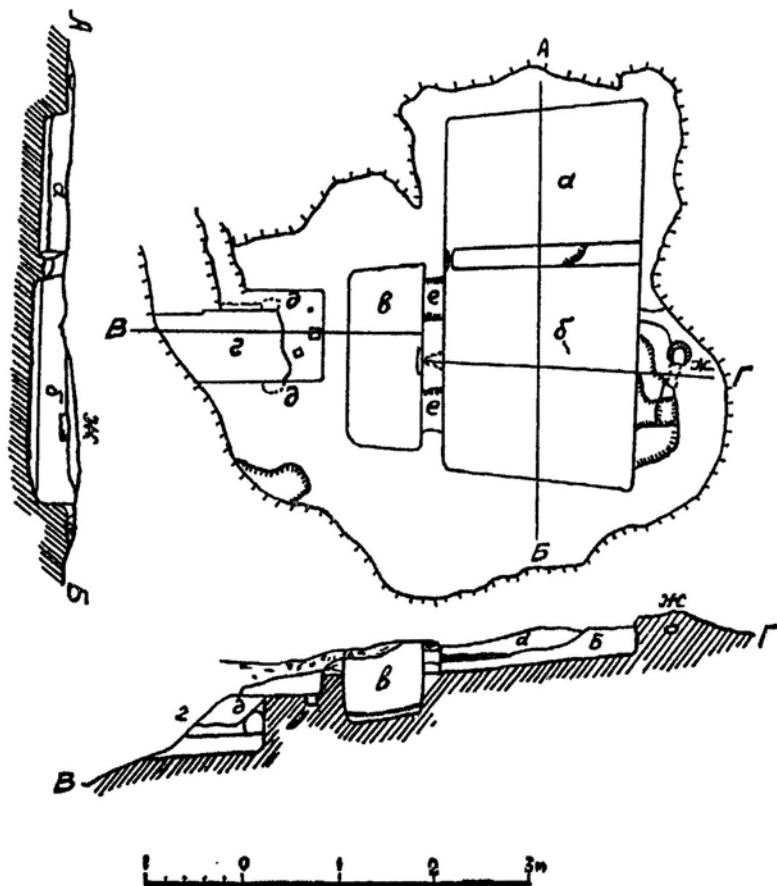

Рис. 14. План и разрезы винодельни № 8 с двумя давящими площадками для отдельного получения виноградного сока, выдавливаемого ногами и рычажным прессом. Гераклеийский полуостров, Карантинная балка (поселок виноделов). Раскопки 1956 года.

или брусок, который перекрывал среднюю часть борта давящей площадки с каналом. Между перекрывающей доской и бортом оставался зазор, который предотвращал разрушение борта и канала рычагом прессы при сильном нажиме на его передний конец. Конечно, мы не настаиваем на настоящей реконструкции, несмотря на ее правдоподобность.

Наличие рычага у северной давящей площадки не вызывает сомнения, ибо сохранилась основа крепления его заднего конца и основы деревянной конструкции, при помощи которой этот рычаг приводился в действие.

Низкая задняя сторона площадки не позволяла вырубить надежное

гнездо для крепления рычага, как мы это наблюдали в ряде давлений предшествующей группы. Строители нашли другой, не менее простой способ укрепления рычага: по средней оси давяльной площадки, позади ее задней стенки и над нею, в материковой скале они вырубали массивное кольцо, служившее основой крепления заднего конца рычага при помощи каната. Наличие вырубков в скале рядом с каменным кольцом свидетельствует об устройстве каких-то дополнительных деревянных креплений рычага.

Не менее оригинально устройство механизма, при помощи которого рычаг пресса оттягивали книзу. Как видно на плане, за резервуаром для сбора виноградного сока по линии рычага в скале сделан глубокий и довольно узкий выруб, пересекающий наружный край террасы, на которой сделана винодельня. Между вырубом и задней стороной резервуара сделана небольшая площадка с тремя углублениями. Первоначально по аналогии с винодельней на усадьбе № 26¹ нам казалось, что, как и в последней, рычаг пресса винодельни № 8 оттягивался вниз при помощи каменного груза, для которого сделан был выруб за резервуаром. Однако детальный осмотр винодельни и обмеры заставили нас отказаться от этого предположения.

В боковых стенках выруба за резервуаром имеются две детали. В нижней части этих стенок, примыкая к углам выруба, находятся два вертикальных широких паза, верхние края которых оббиты, обтерты и приняли округлую форму. На северной стенке выруба вертикальный паз соединяется с горизонтальным. Не вызывает сомнения, что и эти пазы были предназначены для крепления какой-то деревянной детали пресса. Судя по ширине вертикальных пазов (0,18 м), расположенных один против другого на одной высоте, они могли служить для крепления массивной детали, вероятнее всего, круглого бруса, концы которого и запускались в эти пазы. Очевидно, что такую деталь согнуть нельзя. Для того чтобы впустить оба конца этого бруса в вертикальные пазы, к одному из них сделан еще горизонтальный, по которому заводился один конец бруса в вертикальный паз, подобно тому, как заводился запорный брус древних городских ворот.

По расположению деревянного поперечного бруса у подошвы основного выруба и судя по оббитости и потертости верхних частей вертикальных пазов очевидно, что сопротивление бруса было рассчитано против силы, действующей на него сверху. Мы полагаем, что эта сила возникала в результате сопротивления переднего конца рычага пресса, оттягиваемого вниз канатом. Такое оттягивание вниз рычага производилось если не при помощи полиспаста, то, во всяком случае, системой двух блоков—одного на переднем конце рычага, другого на нижнем брус. Необходимо подчеркнуть, что свободное крепление переднего конца рычага пресса обусловлено самим процессом работы и конструкцией пресса. В этом отношении реконструкция херсонесской давяльни, предложенная Е. Г. Суrowым², с технической и практической точки зрения неприемлема. На указанной реконструкции большой каменный груз закреплен намертво на переднем конце рычага. В результате такого крепления все детали пресса находятся в постоянном напряжении, что неизбежно должно было бы приводить к преждевременному износу канатов, рычага, всех креплений, гнезда,

¹ См. ниже, стр. 145.

² Е. Г. Суrow, К истории виноградарства и виноделия в Херсонесе Таврическом, стр. 119, рис. 4. Первая схема реконструкции херсонесской винодельни принадлежит Дюбуа де Монпере, ук. раб., IV serie, pl. XXVI^b, рис. 16.

в котором закрепляется задний конец рычага, и т. д. При очередной закладке винограда под пресс, чтобы освободить его верхнюю доску, приходилось бы поднимать высоко весь рычаг с привешенным к нему грузом. Между прочим, такой груз на винодельне усадьбы клера № 26 весит не меньше двух тонн. Не приходится говорить, что работающие на винодельне постоянно находились бы под угрозой увечья или даже смерти. Не может быть сомнения, что после окончания очередного прессования рычаг освобождался от груза, легко вынимался из гнезда заднего крепления и откладывался в сторону, освобождая давальную площадку для уборки выжимок и всех промежуточных операций между прессованиями.

Техническая четкость всей конструкции винодельни № 8 позволяет проследить весь процесс виноделия. Первоначально виноград поступал на северную давальную площадку без пресса, где давальщики ногами выжимали первый сок (*mustum lixivum*)¹, который по каналу в углу площадки сбегал на южную площадку, а оттуда в резервуар. Размеры площадки показывают, что топтание винограда производилось по крайней мере двумя давальщиками. Отжатый таким образом виноград перекидывался на южную площадку, прямо на ее дно. Не исключено, что на первом этапе такое топтание производилось на двух площадках сразу и затем только на верхней. Первый сок из резервуара вычерпывался и переливался в пифосы.

Выдавливание первого сока ногами могло производиться несколько раз, пока не накапливалось достаточное количество мезги под прессом. На выжимки накладывали верхнюю деревянную доску пресса², закрепляли задний конец рычага, передний его конец соединяли блоками с механизмом для оттягивания рычага вниз и начинали первое прессование первичных выжимок. Полученный при этом сок (*mustum tortivum*) шел на изготовление 2-го сорта вина. Во время прессования из-под верхней доски часть мезги выдавливалась. Ее срезали ножом и прессовали в третий раз³; полученный при этом сок (*tortivum mustum circumcidanaem*) шел на изготовление низшего сорта вина или поровну разливался по всем пифосам с соком первых двух прессований⁴.

У „хороших“ хозяев процесс изготовления вина на этом не заканчивался. Выжатая виноградная кожура складывалась в пифосы, промывалась и вновь выпрессовывалась. Получался „напиток“—*loga* (виноградные ополоски), подправленный винным отстоем и подслащенный отходом, полученным при варке дефрута или сапы⁵. Это поистине отвратительное пойло давали рабам в течение трех месяцев после его изготовления, а затем заменяли „вином“⁶, столь же омерзительного качества, как и *loga*⁷.

¹ Sato, 112,3: единственный случай, когда Катон упоминает выжимание сока винограда ногами. М. Е. Сергиенко в комментарии к этому месту указывает, что „давить виноградный сок начинали неизменно таким образом“ (Марк Порций Катон, Земледелие, Комментарий, стр. 198, М.—Л., 1950). Эта же общепринятая практика отчетливо прослеживается в херсонесском виноделии.

² Sato, 18,8: „Делай доску (*orbis*) из вяза или ореха: если имеешь оба—клади их попеременно“.

³ Var., 1,54. 3: „Когда сок перестает течь из-под пресса, то некоторые обрезают выжимки, вылезшие из-под пресса, опять жмут их, а то, что выжато, называют „обрезным“ и сливают его отдельно, потому что он пахнет железом.“

⁴ Sato, 23,4.

⁵ Sato, 25 и 57; Var., 1,54. 3; Colum., 6, 3, 4.

⁶ Sato, там же.

⁷ Sato, 104.

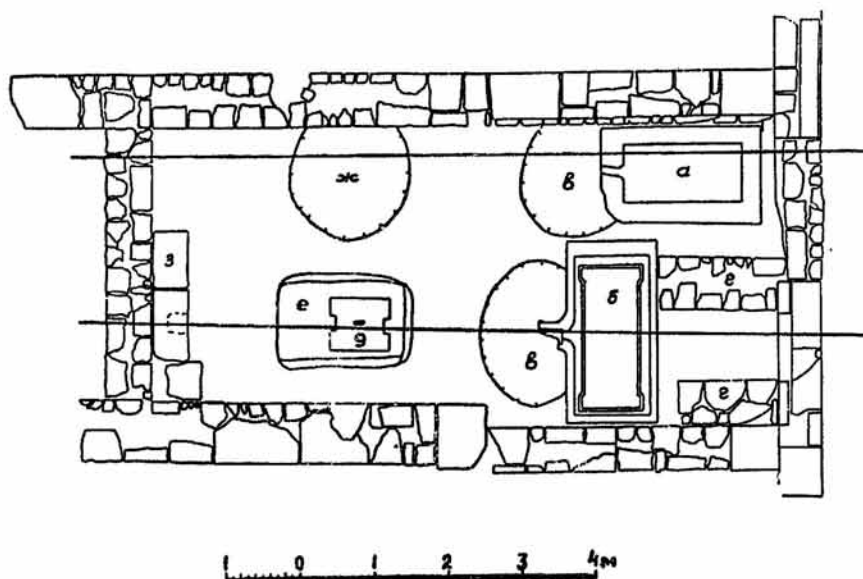

Рис. 15. План винодельни II в. до н. э. на усадьбе клера № 26. Раскопки 1956 г.: а— рабочая площадка для выдавливания сока ногами; б—рабочая площадка рычажного пресса; в— ямы для чанов, для сбора виноградного сока; г— фундамент для крепления заднего конца рычага пресса; д—каменный груз пресса; е—яма для груза; ж—яма с нижней половиной пифоса; з—площадка, в виде скамьи, неопределенного назначения.

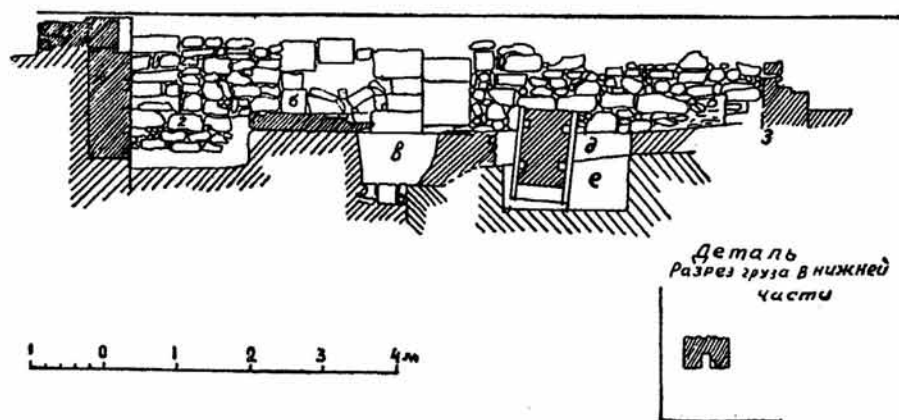

Рис. 16. Продольный разрез винодельни II в. до н. э. на усадьбе клера № 26: б—рабочая площадка рычажного пресса; в—яма для чана под сливом рабочей площадки; г— фундамент для крепления заднего конца рычага пресса; д—каменный груз пресса; е—яма груза; з—площадка, в виде каменной скамейки, неопределенного назначения.

Окончательно отпрессованные свежие выжимки размельчались посредством протирания их через решето, высушивались, складывались в пифос, отверстие которого тщательно замазывали. Приготовленные таким образом, они служили кормом для волов в зимнее время¹. На винограднике в 100 югеров (что соответствует площади клеров III—II вв. до н. э. на Гераклейском полуострове) Катон считал необходимым иметь на усадьбе 20 пифосов для таких выжимок².

Виноград давили ежедневно³, в основном на протяжении второй половины сентября и в течение октября⁴. Выжатый сок ежедневно и поровну разливали по пифосам, в зависимости от сорта изготавливаемого вина. В соответствии с античной рецептурой в вино добавляли различные примеси: мед, соль, дефрут, мрамор, морскую воду и проч. Во время брожения вылавливали всплывающую на поверхность виноградную кожуру, удаляли плесень. Через 30 дней после окончания основного брожения вино процеживали, отделяли винный отстой, пифосы закрывали крышками и замазывали⁵.

Во время случайных раскопок винного склада VII—VIII вв. на северной стороне г. Севастополя были найдены остатки фильтра для процеживания вина. Фильтры этого типа, в виде мата, плетеного из шерсти, неизвестны по письменным источникам античного времени, что не исключает, тем не менее, возможности их существования в Северном Причерноморье уже в эллинистическое время. В разные сроки, по-видимому, в зависимости от сорта вина, оно разливалось из пифосов по амфорам, в которых и выдерживалось разными способами⁶.

Последняя винодельня, на которой мы остановим внимание, открыта в 1956 году на усадьбе клера № 26 и датируется всем комплексом археологических находок II в. до н. э. (рис. 15 и 16). Бесспорностью своей даты и прекрасной сохранностью она выделяется среди остальных виноделен не только Херсонеса, но и всего Северного Причерноморья в целом (рис. 17).

Винодельня занимает большое помещение № 3, расположенное в хозяйственной части усадьбы, в ее южном углу, в наиболее удаленном от скотного двора месте. Длина помещения — 8,06 м; ширина — 3,63 м. Вход в винодельню, судя по остаткам стен и расположению внутри нее отдельных деталей, мог находиться только у северного ее угла, со стороны хозяйственного двора. Длина помещения, по-видимому, определялась длиной рычага пресса.

Винодельня имела две давяльные площадки. Обе они расположены рядом, почти вплотную друг к другу, в юго-восточном конце помещения. Одна служила для выдавливания сока из винограда при помощи ног, другая являлась основанием пресса. Первая площадка (рис. 18), в виде т. н. тарапана, сделана из громадной плоской прямоугольной каменной плиты, положенной в восточном углу винодельни, вдоль ее северо-восточной стены. Длина ее 2,16 м, ширина—1,28 м, толщина—0,25. Давильня положена с очень большим наклоном на сторону стока выжимаемого сока; передний конец давяльни на 0,24 м ниже заднего. Собственно рабочая площадка давяльни углублена в камне на 0,05 м и обра-

¹ Cato, 25; Colum, 6, 3, 4—5.

² Cato, 11, 1.

³ Там же.

⁴ Colum, 11, 2, 67; Var., 1, 34, 2. Этот срок, зафиксированный римскими авторами на основании практики виноделов древней Италии, судя по существующей в настоящее время практике, имел силу и в виноделии античного Херсонеса.

⁵ Вышеприведенный и кратко изложенный процесс дан по Катону (Cato, гл. 23, 24, 26, 104, 105, 106, 109, 110, 112—115 и др.).

⁶ Cato, 105 и 113.

млена со всех сторон кромкой, шириной от 0,24 до 0,30 м, высотой 0,05 м. Длина рабочей площадки—1,60 м, ширина—0,77 м, площадь—1,2 кв. м. Судя по незначительной высоте бортов кромки площадки, при работе на нее, по-видимому, ставился большой ящик без дна, в котором и давили виноград.

Передний борт имеет широкий канал той же глубины, что и рабочая площадка. Ширина канала 0,10—0,11 м. Канал резко обрывается по переднему краю даильни и не имеет обычного слива, предотвра-

Рис. 17. Общий вид винодельни II в. до н. э. на усадьбе клера № 26.

щающего затекание сока под даильню и его потерю. По-видимому, вследствие недостаточной длины каменной плиты, каменный слив был заменен деревянным лотком, вставлявшимся в специально сделанную прорезь в тонкой передней стороне даильни, как раз под каналом на ее верхней плоскости.

Перед даильней, под лотком, в земляном полу винодельни обнаружена заходящая под передний конец даильни округлая яма, в которой находился крупный чановидный сосуд для приемки выжатого сока. Обломки этого чана найдены в яме и на полу винодельни.

Особенно интересна вторая даильная площадка (рис. 15, 16 и 19), тоже в виде т. н. тарапана, сделанного из прямоугольной каменной плиты длиной 2,40 м, шириной 1,25 м, толщиной 0,45 м. Она расположена поперек помещения у переднего конца первой даильни, между нею и юго-западной стеной винодельни, вплотную к этой стене. Слив ее обращен в ту же сторону, что и у первой. Вследствие такого расположения даильни, между ее задней стороной и юго-восточной стеной винодельни оставалось свободное пространство ши-

риною 1,60 м, на котором обнаружен фундамент крепления заднего конца рычага прессы.

На верхней своей плоскости давальня имеет прямоугольную, собственно рабочую площадку с выступами на четырех углах на ее длинных сторонах и желоб вокруг этой площадки, который по краю давальни ограничен бортом. Аккуратно вытесанный, красивой формы слив расположен в середине переднего края давальни. Канал слива на 0,04 м глубже канала давальни. Длина центральной рабочей площадки—

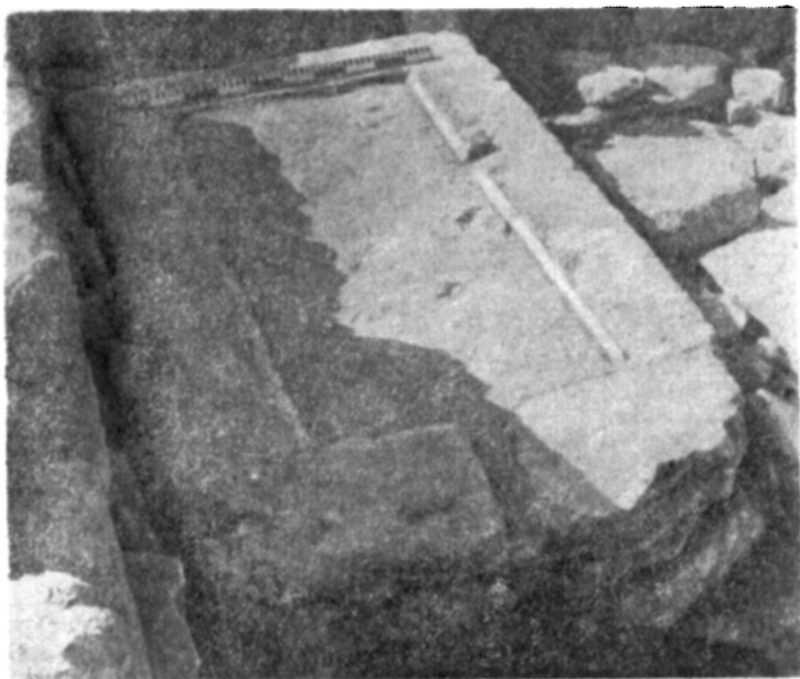

Рис. 18. Рабочая площадка—трапан для выдавливания виноградного сока ногами. Винодельня II в. до н. э. на усадьбе клера № 26.

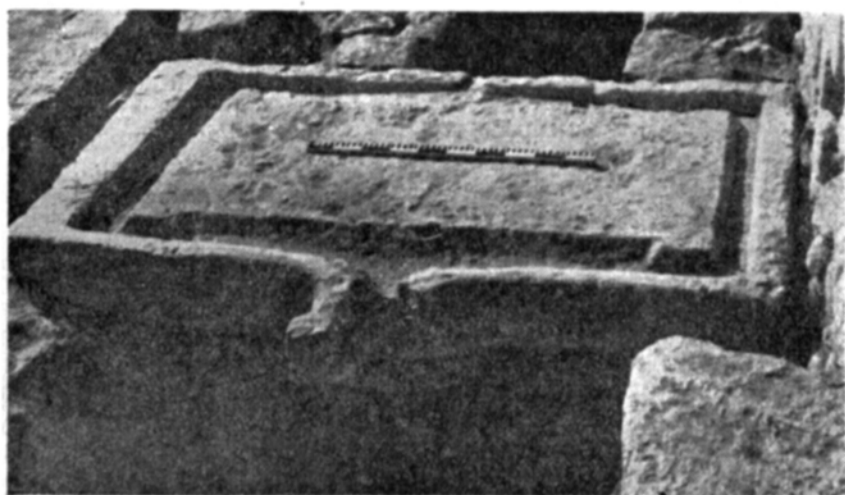

Рис. 19. Рабочая площадка—трапан рычажного прессы. Винодельня II в. до н. э. на усадьбе клера № 26.

1,84 м, ширина—0,72 м, площадь—1,3 кв. м. Ширина канала по дну от 0,05 до 0,15 м, глубина его—0,06 м. Длина слива почти 0,40 м.

Заслуживают внимания конструктивные детали рабочей площадки. Как видно на чертежах и фотографии, боковые ее грани в сторону канала не вертикальны, а наклонны, в то время как наружные борта канала строго вертикальны: на углах сделаны выступы. На первый взгляд эти детали воспринимаются только с эстетической точки зрения. Фактически это далеко не так. Учитывая мощность пресса с грузом около 2 тонн весом, малую глубину канала вокруг рабочей площадки, можно почти не сомневаться, что и на этой давилльне во время

Рис. 20. Каменный груз (вес около 2 тонн) рычажного пресса. Вигодельня II в. до н. э. на усадьбе клера № 26.

прессования ставился деревянный ящик без дна, в который складывались первые выжимки с первой давилльни. Несомненно, размеры ящика определялись размерами рабочей площадки по ее основанию, по дну канала. Вследствие этого наклонные боковые грани площадки создавали зазор вокруг нее, что способствовало свободному выходу сока из-под преса и из ящика в канал, а оттуда по сливу в резервуар. Еще больше этому способствовали боковые выступы площадки вдоль длинных ее сторон, увеличивая этот зазор.

Перед второй давилльней, под сливом, как и у первой, находилась большая яма, выкопанная в полу вигодельни, в которой стоял большой глиняный чан для приемки

сока. Обломки чана обнаружены в яме и на полу вигодельни.

Как мы уже отмечали, позади давилльни обнаружен фундамент для прикрепления заднего конца рычага преса. Перед давилльней, на расстоянии 2,10 м от нее, находится четырехугольная яма с грузом этого же рычага. Это дает нам возможность установить, что здесь был пресс, и выяснить всю его конструкцию.

Фундамент заднего крепления представляет две стены, сложенные в полу вигодельни, ниже его уровня. Стены сложены поперек продольной оси давилльни, но параллельно рычагу преса. Фундамент сделан в виде длинных стен, а не столбов. Строители, по-видимому, предусматривали распределение нагрузки на максимально большую площадь. Учитывая это, вероятнее всего предположить, что на фундаменте лежали продольные балки, поверх которых закреплялся поперечный массивный брус, служивший опорой для заднего конца рычага преса. Этот конец рычага сверху должен был зажиматься вторым поперечным брусом, связанным на концах с нижним и, воз-

можно, дополнительно закрепленным вертикальными стояками. Во всяком случае, основа конструкции не вызывает сомнения и подтверждается конструкцией крепления рычага в винодельнях третьей группы (винодельни №№ 3—7) и винодельне № 8 четвертой группы, где мы наблюдали вырубленные в скале гнезда или кольца на небольшой высоте над рабочей площадкой давилни.

Необходимое давление на прессуемую массу виноградной мезги создавал груз, закрепленный на переднем конце рычага. Грузом служил громадный камень в виде вертикально поставленного параллелепипеда (рис. 15, 16 и 20). Его высота 1,25 м, ширина 0,80 м, толщина 0,70 м, объем 0,70 куб. м, вес около 2 тонн. Груз расположен на одной оси с серединой давилной площадки, ее сливом и креплением заднего конца рычага пресса.

Чтобы привести в действие такой груз — поднять его кверху, необходима была мощная обвязка, конструкция которой хорошо прослеживается на камне в виде пазов и гнезд для деревянных деталей. По оси рычага, посередине узких сторон параллелепипеда и на всю их высоту, строго один против другого, вырублены два паза для боковых вертикальных брусьев шириною 0,18 м и глубиною 0,08 м. Несомненно, что толщина брусьев значительно превышала глубину пазов, которые были сделаны для того, чтобы предотвратить выскальзывание груза в боковые стороны.

Нижние концы брусьев связывались горизонтальным брусом, утопленным в глубоком пазу с нижней стороны груза по средней его оси, соответствующей оси рычага пресса. Глубина паза 0,20 м, а ширина всего лишь 0,10 м. Таким образом, нижний брус закреплялся „на ребро“ по отношению к силе тяжести. Глубина паза вызвана необходимостью утопить нижний брус в камень на известную глубину, чтобы не повреждать его при опускании груза на землю.

Нижний брус нес две функции: подхватывал груз снизу (нес на себе часть его веса) и, главным образом, не давал расходиться в стороны нижним концам брусьев вертикальной обвязки. Вес груза настолько значителен, что никакие шипы, связывающие нижний брус с вертикальными, не могли бы его удерживать. Для предотвращения такого выскальзывания груза в плоскости каждого из его вертикальных боковых пазов сделано по два глубоких гнезда квадратного сечения, перпендикулярных направлению действия силы тяжести. Глубина гнезд 0,10 м, сечение 0,06 м. Эти гнезда расположены попарно друг против друга на противоположных сторонах груза. Соответственно в вертикальных брусьях обвязки должны были находиться отверстия того же сечения, через которые в гнезда, вырубленные в грузе, забивались массивные шпильки из твердого дерева¹. Эти шпильки и несли на себе основную тяжесть груза.

На верхней плоскости груза паз отсутствует за ненадобностью. Верхний продольный брус испытывал незначительное напряжение и служил только для крепления верхних концов боковых брусьев, не давая им расходиться или вырваться из боковых вертикальных пазов в грузе. Тем не менее для предотвращения его смещения в сторону он закреплялся в центре узкой шпилькой, для которой в верхней плоскости груза вырублено соответствующее гнездо.

В результате получалась прочная обвязка, при помощи которой можно было тянуть груз кверху. Очевидно, что канаты могли крепиться только к вертикальным брусьям обвязки.

¹ Никаких следов окиси металла в гнездах не наблюдается.

Для того чтобы пресс мог давить с должной силой, груз надо было опускать ниже уровня давяльной площадки. С этой целью в полу винодельни сооружена четырехугольная яма длиной 1,80 м, шириной 1,20 м, глубиной 1,10 м. Как видно на разрезе (рис. 16), опущенный в яму груз приводил рычаг пресса в горизонтальное, т. е. наиболее эффективное для прессования положение.

Конечно, при таком размере и весе груза он мог подтягиваться кверху, точнее, к рычагу пресса, только при помощи канатов и блоков. Поскольку у переднего конца рычага на полу винодельни нет никаких следов от столбов или креплений каких-либо стоячков (*stipes*) в соответствии с описанием пресса у Катона¹, можно думать, что крепление канатов и блоков производилось к потолочной балке, по видимому, специально усиленной для такого случая.

На примере этой винодельни особенно ясно, что груз не закреплялся „намертво“ к рычагу пресса; после окончания очередного прессования груз, сняв с рычага, опускали на дно ямы, а рычаг поднимали кверху, освобождая верхнюю деревянную доску пресса и рабочую площадку давяльной.

Заканчивая описание винодельни, отметим большой пифос, законченный наполовину в ее пол у северо-восточной стены, рядом с ямой для груза, и неясное сооружение в виде каменной скамьи (?) у северо-западной стены. Судя по тому, что пифос лопнул уже в древности и был стянут свинцовыми скрепками, он мог служить в винодельне скорее всего для складывания виноградных выжимок. Трудней определить, какое назначение имела „скамья“. Высота ее 0,50 м. Под средней ее плитой, на оси рычага пресса имеется пустота. По этой же оси плита дала поперечную трещину, несомненно, вызванную какой-то основательной нагрузкой. Все это заставляет подозревать какую-то связь этой „скамьи“ с самим прессом или его деталью. Позволим себе высказать следующее предположение.

Длина рычага пресса приблизительно равна 5,70—5,75 м. Когда прессование заканчивали, груз опускали в яму и освобождали рычаг. Последний, приподнятый кверху за передний конец, все же мешал работать на давяльной площадке, ибо задний конец поднимался очень незначительно, находясь в гнезде крепления. Очистка давяльной площадки от выжимок, основательно спрессованных в ящике, была бы нелегким делом, а самое главное, занимала бы много времени и задерживала бы сам процесс виноделия. Гораздо выгоднее было снять ящик, освободить выжимки, спрессованные в плиту, удалить их с площадки, поставить обратно ящик, засыпать его мезгой с первой давяльной площадки и вновь приступить к прессованию. Однако удаление ящика мешал рычаг. Нам кажется поэтому, что рычаг тоже вынимался из гнезда и откладывался. И не просто откладывался, а оттягивался вперед, освобождая всю давяльную площадку. Если оттянуть рычаг вперед до самой северо-западной стены, то при его длине в 5,70 м он как раз укладывался передним концом на „скамью“, а задним на передний край давяльной, полностью освобождая ее рабочую площадку. Может быть, этим и объясняется трещина в плите „скамьи“, на которую опускали и, вероятно, иной раз роняли конец массивного рычага. Может быть, при этом же была обломана задним концом рычага часть слива давяльной площадки.

Можно быть уверенным, что подобные же винодельни находились на всех клерах Гераклеийского полуострова и ждут только заступа

¹ Сато, 18 и 19.

археолога. Во всяком случае, такая винодельня находилась на основном комплексе раскопок в балке Бермана¹, где найден *in situ* такой же громадный груз. Такая же винодельня была, а может быть, и есть на усадьбе клера № 31, где рядом с башней лежал громадный тарпан, зарисованный в 20-х годах Н. М. Янышевым (рис. 21). Слив от такого же громадного тарпана обнаружен в выкиде окопа на усадьбе клера № 11.

Сопоставление винодельни усадьбы клера № 26 с винодельней и прессом, описанным Катон², вскрывает значительное их различие,

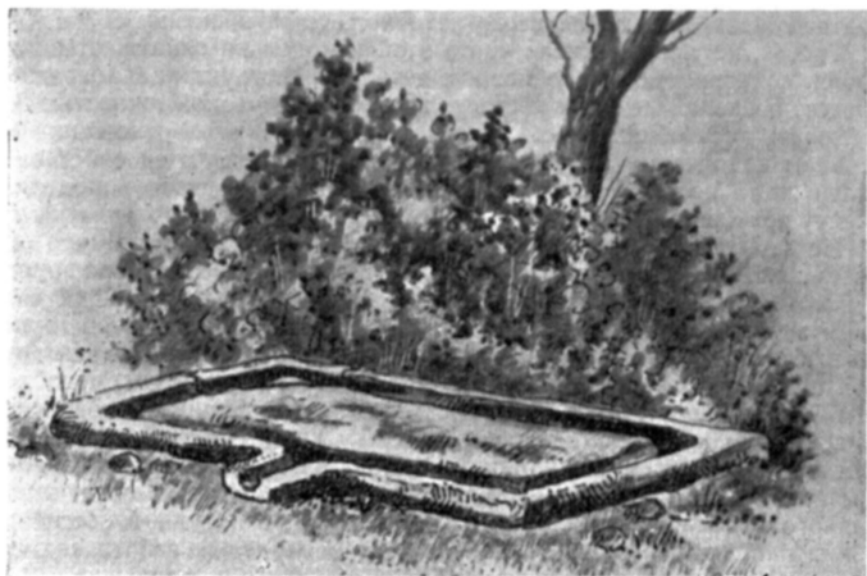

Рис 21. Рабочая площадка—тарпан рычажного пресса. Усадьба клера 31.
(Рис. Н. М. Янышева).

возможно, отражающее отличие греческих виноделен от итальянских, а может быть, выявляющее северо-причерноморский или даже херсонесский тип этих сооружений. Последнее предположение очень заманчиво, если учесть остальные шесть виноделен Херсонеса, вырубленных в скале. Мы уже не говорим о десятках виноделен этой же конструкции, обнаруженных в раннесредневековых поселениях Юго-Западного Крыма, тесно связанного с Херсонесом. Конечно, решение этих важных вопросов является задачей специального исследования.

Однако, несмотря на отличие нашей винодельни от катоновской, мы, по-видимому, не ошибемся, если предположим, что описанная Катон³ давилня для изготовления масла рассчитана на переработку продукции масличного сада в 240 югеров³, а винодельня соответствует винограднику в 100 югеров⁴. Размеры последнего близки размерам клера № 26 (29 гектаров). Судя по описанию и археологическим аналогиям⁵, катоновская винодельня относится к крупным со-

¹ К. Э. Гриневич, Социологические проблемы исследования прошлого Севастопольского района, журнал „Крым“, № 2 (10), М.—Л., 1929, стр. 48, рис. 2.

² Cato, 18 и 19.

³ Cato, 18 и 10.

⁴ Cato, 19 и 11.

⁵ Например, винодельни в вилле под Боскорееале или в вилле в долине Сарно.

оружениям этого типа. К этой же категории относится и винодельня на клере № 26. Это подтверждается большими размерами виноградника данного клера. Это же подтверждается размерами рычага прессы, достигающего в длину 5,70 м и совпадающего с размерами самых длинных рычагов Катона¹.

Вторая существенная особенность этой большой и, по-видимому, наиболее совершенной для своего времени винодельни заключается в том, что в ней очень четко прослеживаются основные операции самого винодельческого процесса, начинающегося с выдавливания из винограда первого сока ногами, несмотря на наличие прессы. Это подтверждает общую для всего античного мира практику².

Третья, не менее важная черта этой винодельни заключается в хорошей сохранности всех основных деталей конструкции виноградного прессы, позволяющей почти с абсолютной технической точностью восстановить весь облик прессы и его мощность. В этом отношении материалы винодельни в значительной степени будут способствовать дальнейшим исследованиям истории и техники античного виноделия и внесут поправки к старым³.

Не менее важна эта винодельня и для реконструкции всего процесса виноделия и прессов на винодельнях Херсонеса третьей группы, к которой мы теперь и вернемся. Такая попытка облегчается наличием винодельни № 8, которая хотя и относится к четвертой группе, но в известной степени является промежуточной между третьей группой и винодельней на клере № 26. Такое ее положение обусловлено тем фактом, что у нее хотя и разделено выдавливание виноградного сока ногами и при помощи прессы между двумя давящими площадками — южной и северной, однако одновременность работы на обеих площадках исключена вследствие пропуска первого сока, выдавленного ногами, через площадку для прессы, а оттуда в общий для обеих площадок резервуар. Конечно, если винодел не заботился о разделении двух сортов сока и смешивал его, то обе площадки могли работать одновременно некоторый непродолжительный промежуток времени — от одного до другого переключивания первичных выжимок под пресс. Во всяком случае, в силу характера самого прессы виноделия на обеих площадках, даже без разделения сортов сока, работа на одной из них должна была приостанавливаться в ожидании прекращения выжимания на другой.

Суммируя изложенное, можно прийти к следующим выводам по третьей группе херсонесских виноделен:

1. Винодельческий пресс в них мог иметь те же этапы, что и на больших винодельнях следующей группы (винодельня № 8 и на клере № 26): первоначально сок выдавливали ногами, а затем, при достаточном накоплении на давящей площадке первичных выжимок, их отжимали при помощи прессы.

2. Оба способа получения сока применялись на одной и той же

¹ Сато, 19, 2: „Самые длинные рычаги 18 футов“ (около 5,40 м).

² Мнение Е. Г. Сурова (ук. работа, стр. 114) относительно вытеснения первого выжимания винограда ногами выжиманием при помощи прессы не соответствует данным ни херсонесской, ни общеантичной практики. Тем более это относится к объяснению сосуществования обоих способов отсталостью или мелкими размерами хозяйства.

³ Среди последних отметим неудачную попытку реконструкции катонского прессы, изданную Билларом и Блюмпером. Из новых известных нам исследований античных давилек заслуживает быть отмеченным труд: Dgachman, Ancient oil mills and presses, 1932, в котором приводятся источники и значительная литература по этому вопросу.

рабочей площадке с соблюдением очередности, что должно было приводить к известной потере времени в горячую пору уборки винограда.

3. Как мы уже отмечали, размеры давильных площадок, несомненно, выявляют их производственный характер. Сопоставление этих площадок с давильными в винодельне № 8 и на клере № 26, даже при чередовании двух способов выжимания сока, позволяет отнести их к винодельческим предприятиям, по меньшей мере, среднего, если не крупного масштаба¹.

4. Конструкция прессов виноделен третьей и четвертой групп одинакова². Резкое снижение скалы за резервуарами под передним концом рычагов пресса позволяет думать, что прессование винограда происходило под тяжестью груза, который при этом опускался в естественное углубление позади резервуара. Однако в двух случаях (винодельня № 5 и № 7) уровень скалы у переднего конца рычага тот же, что у давильной площадки под самим прессом. Это заставляет думать, что в этих двух винодельнях пользовались другими способами оттягивания рычага книзу. Отсутствие на скале следов крепления какого бы то ни было приспособления для этой цели лишает нас возможности сказать что-нибудь определенное по этому вопросу.

5. Винодельни третьей группы, несомненно, менее совершенны, чем четвертой. Однако предположение о более раннем их происхождении пока не имеет фактических оснований и к тому же было бы маловероятным, если принять во внимание время широкого развития виноградарства, начиная максимум с рубежа IV—III вв. до н. э. Несомненно, что винодельня № 8 с двумя площадками и винодельни №№ 3, 4, 5 и в особенности № 6 продолжали существовать и во II в. до н. э. Каждая давильная площадка находится на скальном грунте, в котором не составляло никакого труда вырубить вторую площадку для давки винограда ногами не только при первоначальном сооружении винодельни, но и в последующее время с целью ее расширения и усовершенствования.

Так же как и для первых двух групп херсонесских виноделен, и для третьей группы необходимо вскрыть конкретные экономические и другие причины, которые обуславливали сосуществование этой группы виноделен как с более, так и менее совершенными.

На этом мы позволим себе закончить рассмотрение херсонесских виноделен и усиленную попытку реконструкции винодельческого процесса, а также виноградных прессов. Остановимся только на одном вопросе, который освещает главным образом экономическую сторону виноделия.

Еще в 1939 году нам пришлось провести небольшие охранные раскопки у самого верховья Карантинной бухты, вызванные строительными работами³. Этими раскопками был обнаружен пригородный херсонесский поселок с прилегающим к нему и принадлежащим ему небольшим могильником. Как поселение, так и могильник датируются III—II вв. до н. э. Раскопано было два больших кладовых помещения и шесть могил. Тогда же была замечена, предположительно, винодельня⁴, но раскопана она была 17 лет спустя (винодельня № 8, см. выше, рис. 14).

¹ Исключение составляет только винодельня № 3.

² См. выше, винодельня № 8 и на клере № 26.

³ С. Ф. Стрелецкий, Раскопки 1939 г. у Карантина вблизи Херсонеса Таврического, X сб., вып. IV, стр. 51 и сл.

⁴ Там же, стр. 62.

Остановимся на археологических данных о самом поселении.

Винодельня № 8 расположена в самом поселении. Учитывая дату последнего и очевидную близость ее с винодельней II в. до н. э. на усадьбе клера № 26, нет никаких оснований датировать ее позже даты поселения (III—II вв. до н. э.), тем более, что в последнем и в винодельне позднеантичный слой отсутствовал.

Раскопанные в поселении кладовые помещения полуподвального типа имеют большие размеры: первое — $6,10 \times 4,50$ м, второе — $8,40 \times 3,55$ м¹. Особенно характерно первое помещение². Помещение полуподвальное, в полу имеет выруб для пифоса, девять вырубов для установки амфор и две цистерны, вырубленные в скале. Аналогичное крупное помещение для хранения вина имеется на усадьбе клера № 25. Там находится также большая цистерна неопределенного назначения, во всяком случае, не для хранения воды или зерна. Подобные вырубы для установки пифосов мы видим и в винном складе в доме винодела III—VI вв., раскопанном в самом Херсонесе в 1947 году³. Сопоставление этих фактов позволяет усмотреть в первом помещении поселка винный склад. Тот же характер имеет второе помещение, раскопанное на поселке. Наличие винодельни еще больше подкрепляет это предположение.

В свете этих соображений приобретает большое значение размещение виноделен, открытых М. И. Скубетовым⁴. Из пяти виноделен третьей группы, несомненно, производственного характера, четыре сосредоточиваются в одном месте, как раз в поселке у верховья Карантинной бухты⁵. На одной из них мы уже останавливались (№ 6)⁶. Расположена она у крестообразного загородного храма на некрополе начала н. э. и в 300 м от винодельни № 8. Нужно учесть, что поселок расположен вдоль древней дороги к юго-восточным воротам Херсонеса, а эта дорога как раз шла мимо крестообразного храма⁷. Судя по наличию винодельни, не исключено, что дома поселка тянулись на протяжении всей дороги, во всяком случае до упомянутого храма.

Таким образом, в поселке и у самого поселка обнаружено уже пять виноделен среднего и крупного производственного характера и, по-видимому, два винных склада.

В этом отношении район древней херсонесской дороги вдоль Карантинной бухты к юго-восточным городским воротам чрезвычайно интересен. Так, еще К. К. Косцюшко-Валюжинич отмечал, что близ т. н. Зеноновой башни и дальше к берегу Карантинной бухты размещались мастерские каменотесов. Им же в 1902 году у самой башни Зенона была открыта крупная гончарная мастерская⁸. После Великой Отечественной войны строительными работами, а затем раскопками был обнаружен ряд мастерских с гончарными печами для обжига различного типа продукции⁹. Следы позднеантичных гончарных мастерских прослежены нами по западному берегу Карантинной бухты еще дальше к югу, а следы разрушенной гончарной мастерской ранне-

¹ С. Ф. Стрелецкий, Раскопки 1939 г. у Карантина вблизи Херсонеса Таврического, X сб., вып. IV, рис. 1, 2 и 5.

² Там же, стр. 51—56, рис. 1 и 2.

³ Г. Д. Белов, Херсонесские винодельни, ВДИ, 1952, № 2, стр. 225 и сл.

⁴ Архив ГХМ.

⁵ Крайне досадно, что М. И. Скубетов не дал точных координат в определенных единицах измерения, что позволило бы установить их точно на местности.

⁶ См. выше, стр. 146 и сл.

⁷ С. Ф. Стрелецкий, ук. работа, X сб., вып. IV, стр. 63.

⁸ ИАК, вып. II, стр. 18 и сл.

⁹ Раскопки В. В. Борисовой, СА № 4, 1958.

средневекового времени — у самого верховья бухты на ее восточном берегу.

Вместе с этим наблюдается, как с расширением городского некрополя все эти мастерские постепенно отодвигаются все дальше и дальше вдоль дороги от стен города¹. Эту же картину мы наблюдаем и на примере винодельни № 6, которая в начале н. э. оказалась на территории расширившегося некрополя.

Таким образом, перед нами вскрывается несомненно ремесленный характер пригородного херсонесского района на западном берегу Карантинной бухты, южный конец которого, можно предположить, занимали ремесленники-виноделы. Прекращение существования этого поселка виноделов вероятнее всего связано с рядом причин экономического, военного и исторического характера, помимо расширения городского некрополя. Не исключено, что поселок виноделов был перенесен в другое место, подобно тому, как это мы видим на примере гончарных мастерских.

На основании изложенного допустимо следующее предположение относительно характера виноделен третьей группы. Как мы знаем, в античную эпоху широко практиковалась подрядная съемка урожая на виноградниках и установились определенные условия договора в этих случаях между покупателем и хозяином². Вероятно, такая же практика существовала и в Херсонесе. Можно думать, что херсонесские виноделы-ремесленники скупали виноград на ближних клерах. Основной целью товарного производства вина в этих условиях, естественно, являлась быстрая реализация вложенных в производство средств и получение прибыли. Если Катон советует поровну подливать трехсортный „обрезной“ сок в пифосы с остальным соком³ (конечно, не для собственного употребления, а для продажи), то виноделы-ремесленники и подавно придерживались такого правила. Можно быть уверенным, что вино этих ремесленных виноделен было низкосортным и рассчитанным на утилизацию сразу же после его изготовления, как это наблюдалось и у виноделов-виноградарей в окрестностях Севастополя в начале нашего столетия. Какая-то часть доброкачественного вина могла храниться впрок или в ожидании хорошей цены, и для этого, вероятно, служили раскопанные нами винные подвалы в поселке. Однако основной целью было не качество, а количество, и стремление к этому подстегивалось сезонным характером самого производства. Можно полагать, что этим обстоятельством и определяется тип виноделен третьей группы. Это подтверждается устройством винодельни № 8, расположенной в этом же поселке, в которой давящая для выжимания сока ногами еще не изолирована полностью от давяльни с прессом.

Если в дальнейшем раскопки поселка подтвердят наше предположение, то можно будет зафиксировать две экономические разновидности херсонесского виноделия: производство вина собственниками клеров, самими землевладельцами-виноградарями (например, клер № 26) и винодельческое производство ремесленного характера. Можно с уверенностью сказать, что производство вина владельцами клеров было основной экономической формой виноделия, а ремесленное виноделие, с применением наемной и рабской рабочей силы, играло второстепенную роль в виноделии Херсонеса III—II вв. до н. э.

¹ Раскопки В. В. Борисовой установлено, что во II в. на месте гончарных мастерских близ башни Зенона уже находился некрополь.

² Cato, 147.

³ Cato, 234.

2. ВИНОДЕЛИЕ В ХЕРСОНЕСЕ ТАВРИЧЕСКОМ В I—IV веках

История земледелия в Херсонесе первых веков н. э. освещена пока недостаточно, что объясняется плохой сохранностью и характером памятников этого времени и слабой их изученностью. Полевые исследования Гераклейской археологической экспедиции ГХМ после Великой Отечественной войны не смогли пока охватить все памятники земледелия Херсонеса на всем протяжении его существования. В соответствии с хронологической последовательностью и планом работы нам пришлось сосредоточить свое внимание только на памятниках эллинистического времени. Конечно, памятники более позднего времени, с которыми нам приходилось сталкиваться, фиксировались.

Многочисленные и систематические разведки на Гераклейском полуострове, а также раскопки отдельных сельских усадеб показывают, что территория полуострова на протяжении первых веков н. э., как и в предшествующий период, интенсивно обрабатывалась. Так, раскопки усадьбы в Александриаде, в юго-западной части полуострова, и разведка на усадьбе на правом склоне Юхариной балки, в центральной части полуострова, обнаружили слой первых веков н. э.¹ Этот же факт подтвержден раскопками К. Э. Гриневича в южной части полуострова, в балке Бермана². Многочисленный подъемный материал первых веков н. э. зафиксирован нами на ряде развалин усадеб у восточной границы полуострова вдоль Сарандинакиной балки.

Аналогичная картина установлена и для северного берега полуострова. Здесь, в районе Круглой и Камышевой бухт, нами обследовано и замерено 35 клеров эллинистического времени. На 14 усадьбах этих клеров обнаружены многочисленные находки (обломки различных сосудов) первых веков н. э. Находки удостоверяют существование этих усадеб на протяжении всего античного времени, с начала III в. до н. э. по V в. н. э. (клеры №№ 1—4, 7, 9, 12—14, 22, 30—33). Одна из усадеб первых веков н. э. была раскопана в 1937 году В. П. Лисиным на берегу Камышевой бухты, следы второй, у Стрелецкой бухты, отметил А. К. Тахтай³.

Пожалуй, еще более важные результаты дали раскопки одного из курганов первых веков н. э. на девятом участке клера № 25, III—II вв. до н. э. Раскопки обнаружили под курганом плантажные стены древнего виноградника и показали, что сам курган возник вследствие нарочитого разрушения этих стен и использования участка под пашню. Обнаруженные в кургане обломки сосудов датируют смену двух культур⁴.

Изучение памятников земледелия первых веков н. э. на Гераклейском полуострове позволяет высказать ряд суждений:

1. Можно считать, что в первых веках н. э., как и в эллинистическое время, территория полуострова разделялась на две части: общин-

¹ И. Н. Бороздин, Новейшие археологические открытия в Крыму, М., 1925, стр. 16 и 21.

² К. Э. Гриневич, Раскопки Гераклейской экспедиции 1928 г., журн. „Крым“, № 2 (8), вып. II, М.—Л., 1928, стр. 43 и сл.; его же, Отчетная выставка результатов раскопок Гераклейского полуострова. Севастополь, 1929, стр. 22 и сл. К сожалению, отчеты о раскопках не опубликованы ни одним из указанных исследователей. Наличие слоя, может быть, слоев, первых веков н. э. несомненно и подтверждается обильным археологическим материалом в фондах ГХМ. Однако строительные остатки этого же времени в отмеченных предварительных публикациях только упоминаются.

³ В. П. Лисин, Обзор археологических раскопок Херсонеса в 1937 г., ВДИ, № 2, стр. 137—140.

⁴ С. Ф. Стрелецкий, Клер Херсонеса Таврического, ВДИ, № 3, 1951, стр. 90.

ные, городские земли к востоку от Сарандинакиной балки на высотах Сапун-горы и земли к западу от этой же балки, принадлежавшие землевладельцам на правах частной собственности.

2. Обследование сельскохозийственных усадеб первых веков н. э. выявило резкое сокращение их количества по сравнению с эллинистическим периодом. Так, на территории 35 клеров III—II вв. до н. э. в районе Круглой и Камышевой бухт количество усадеб сократилось больше чем в два раза, с 35 до 14. Еще резче проявилось это сокращение на малых клерах (по 4 гектара) на Маячном полуострове, из пяти раскопанных усадеб которого только одна продолжала существовать в первых веках н. э. Таким образом, процесс концентрации земельных владений, закономерно обусловленный наличием частной собственности на землю и четко прослеживаемый в предшествующий период¹, усилился в первых веках н. э.

3. Детальное обследование и обмеры пяти клеров в районе Круглой бухты выявили бесспорный факт частичного вытеснения виноградников и садов зерновыми культурами, увеличение удельного веса последних в экономике и земледелии Херсонеса первых веков н. э. Следует подчеркнуть тот факт, что этот процесс выявлен на территории всех пяти обследованных клеров. Приводимая ниже таблица характеризует это изменение, а также концентрацию земельных владений по 5 клерам в целом.

Периоды	Площадь 5 клеров в га	Количество усадеб	Распределение земель ²					
			виноградники		сады		поля	
			га	%	га	%	га	%
III—II вв. до н. э.	125	5	59,16	47,3	21,10	16,9	38,71	31,0
Первые века н. э.	125	1	39,77	31,8	10,49	8,4	65,81	52,6

4. Указанные изменения имели существенное значение в земледелии позднеантичного Херсонеса. Отметим только важнейшие факты. Количество необходимой рабочей силы для обработки одной и той же земельной площади — 125 гектаров сократилось со 120 рабочих единиц до 66 — 71. Собираемый с полей хлеб обеспечивал полностью потребление его необходимой рабочей силой, и оставался еще резерв в триста с лишним центнеров, тогда как в предшествующий период хлеба не хватало. Валовой сбор вина в декалитрах уменьшился с 248 тысяч до 167 тысяч. За вычетом потребления вина рабочей силой оставалось около 150 тысяч декалитров. Эти цифры говорят о товарном характере позднеантичного херсонесского земледелия и свидетельствуют о том, что виноделию принадлежала ведущая роль в экономике сельского хозяйства Херсонеса первых вв. н. э. Этот вывод частично подтверждается винодельнями первых вв. н. э. Правда, на Гераклеиском полуострове пока еще не раскопана ни одна винодельня первых веков н. э., но пробел этот несколько восполняется двумя городскими винодельнями;

¹ JOSPE, I², № 403.

² В таблицу не включены т. н. прочие земли.

открытыми в северном, прибрежном районе Херсонеса¹. Обе дают возможность проследить процесс виноделия в первых веках н. э., черты сходства и различия с винодельнями эллинистического времени.

Одна из виноделен расположена у самого берега моря, в квартале раскопок 1931 года. Докопана в 1947 году². По мнению автора отчета, винодельня представляла отдельное здание. К сожалению, это положение ничем не подкрепляется ни в тексте, ни на плане винодельни. Полагаем, что в данном случае Г. Д. Белов неправ, и мы имеем не отдельное здание, а только одно из помещений дома херсонесского винодела. Подобные дома раскопаны в Херсонесе в квартале XVIII, а также в Тиритаке, Мирмекие и других городах Боспора³.

Еще неяснее датировка этой винодельни. В выводах отчета она датируется „римским временем“⁴, а на предыдущей странице указаны монеты из этой же винодельни до середины VI в. Монета же Льва VI и Александра⁵ почему-то не упомянута. Указанные факты и сопоставление с материалом и монетами из дома винодела в XVIII квартале Херсонеса⁶ позволяет думать, что винодельня разрушена в юстиниановскую эпоху, а возникла, пожалуй, не раньше середины III в. Таким образом, она датируется серединой III—серединой VI в., если не смешаны слои в процессе раскопок⁷.

Помещение винодельни несколько вытянуто в плане четырехугольной формы (рис. 22). Длина его — около 7,00 м, ширина — около 5,50 м. Вдоль северо-западной стены находились три давяльные площадки. Каждая площадка имела свой резервуар для сбора сусла первого, второго и третьего давления. Может быть, как в винодельне III в. в Тиритаке⁸, только средняя площадка служила для рычажного прес-

¹ Г. Д. Белов, Херсонес Таврический, Л., 1948, стр. 112 и сл., рис. 21; его же, Херсонесские винодельни, ВДИ, 1952, № 2, стр. 225 и сл.; его же, Раздел 2. Римский период—В совместном отчете: Г. Д. Белов, С. Ф. Стржелецкий и А. Л. Якобсон, Квартал XVIII, МИА, № 34, М.—Л., 1953, стр. 170 и сл., рис. 10—49, стр. 225 и сл.; В. Д. Блаватский, Земледелие..., стр. 146—147, рис. 70 и 71. Несколько аналогичных виноделен открыто на Боспоре, в разных его городах: Пантиканее (В. Д. Блаватский, Раскопки Пантикаея (1947), КСИИМК, XXVII, 1949, стр. 34 и сл., рис. 13 и 14), Тиритаки и Мирмекия (В. Ф. Гайдукевич, Боспорское царство, М.—Л., 1949, стр. 104 и сл.; его же, Раскопки Тиритаки в 1935—1940 гг., МИА, № 25, 1925, стр. 27 и сл., рис. 15, 16, 21, 22); его же, Боспорские города Тиритака и Мирмекия на Керченском полуострове, ВДИ, 1937, № 1, стр. 226—234; его же, Раскопки Мирмекия и Тиритаки, археологические разведки на Керченском полуострове в 1937—1939 гг., ВДИ, 1940, № 3—4, стр. 303 и сл.; его же, Итоги раскопок Тиритаки и Мирмекия, ВДИ, 1947, № 3, стр. 193 и сл.; его же, Раскопки Тиритаки и Мирмекия, КСИИМК, XXI, 1947, стр. 89 и сл.; его же, Античные города Северного Причерноморья, М.—Л., 1955, стр. 132—133, рис. 42 и 43; В. Ф. Гайдукевич, Е. И. Леви, Е. О. Прушевская, Раскопки северной и западной части Мирмекия в 1934 г., МИА, № 4, 1941, стр. 113 и сл.). Найдены винодельни и в восточных городах Боспора: Фанагории (В. Д. Блаватский, Раскопки в Фанагории в 1940 г., ВДИ, 1941, № 1, стр. 221) и Патрее (В. Ф. Гайдукевич, Боспорское царство, М.—Л., 1949, стр. 204; В. Д. Блаватский, Земледелие..., стр. 147 и сл.).

² МИА, вып. 34, стр. 197, план винодельни и ее разрезы на рис. 47, стр. 199; первая публикация; ВДИ, 1952, № 2, стр. 225—230.

³ См. литературу выше, стр. 150, прим. 1.

⁴ МИА, вып. 34, стр. 202.

⁵ Там же, Приложение, стр. 277, № 281. Монета, по-видимому, случайная (?), но это следовало бы отметить.

⁶ Там же, стр. 201.

⁷ В первой публикации (ВДИ, 1952, № 2, стр. 23) Г. Д. Белов выделил позднюю группу монет и отнес их к следующему слою. Как видно из отчета, такое расчленение не имеет оснований.

⁸ В. Ф. Гайдукевич, Античные города Северного Причерноморья, М.—Л., 1955, стр. 133, рис. 43.

сования, а боковые две — для первого давления при помощи ног. Последнее, возможно, подтверждается меньшими размерами среднего резервуара и средней давилной площадки. Площадки со всех сторон были ограничены деревянными бортами. Часть пазы для смежного борта между юго-западной и средней площадками хорошо сохранилась. Такой же паз сохранился у юго-западной площадки вдоль стен

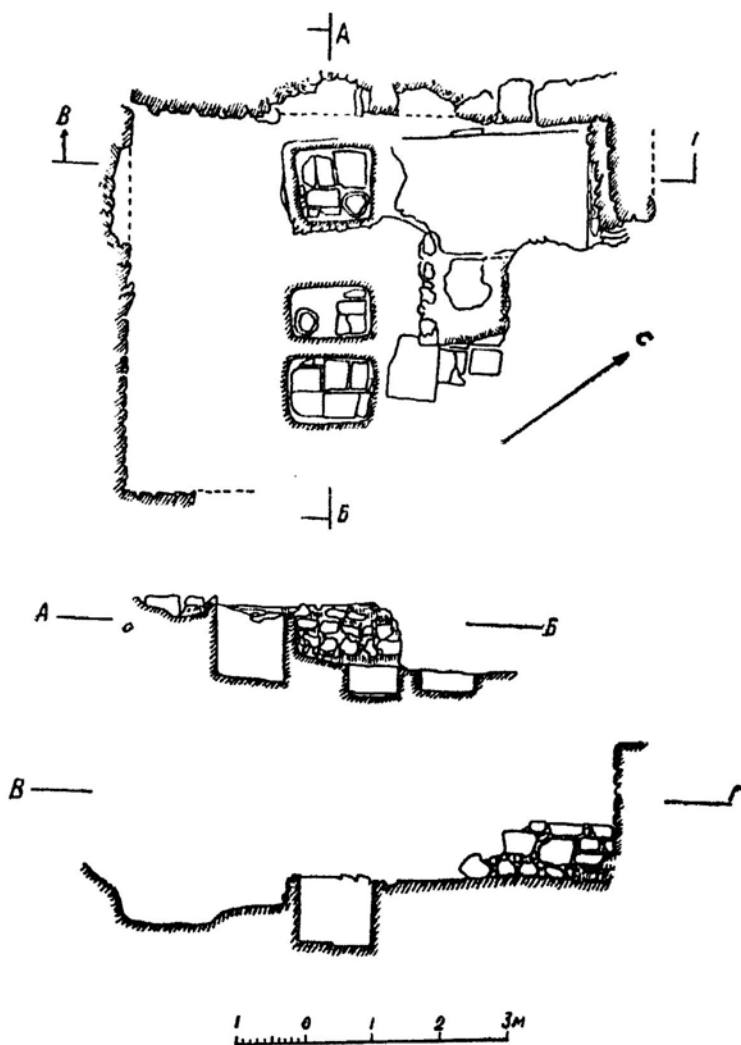

Рис. 22. План и разрез винодельни позднеантичного — раннесредневекового времени, Херсонес. Раскопки 1931 и 1947 гг.

помещения. В основании давилных площадок находилась вымостка из мелких камней поверх нижней культурной насыпи. Вымостка залита известковым раствором с примесью песка и крупнобитых черепков. Поверх этой заливки в результате ремонта нанесено несколько (5—7) тонких слоев специального известкового раствора с примесью

демянки (мелкотертого гончарного шмота). Общая толщина основания площадок около 0,15—0,18 м. Наибольшая длина площадок, от задней стены помещения до переднего края резервуара, — около 3,15 м. Ширина боковых площадок — около 1,90 м, средней — около 1,50 м. Несомненно, что давяльные площадки с примыкающими к ним резервуарами построены одновременно и составляли единый комплекс¹. Резервуары оштукатурены тем же раствором, что и давяльные площадки, и, как последние, несут следы неоднократного ремонта. Два резервуара имеют отстойники. Значительное свободное пространство (около 2,50 м)

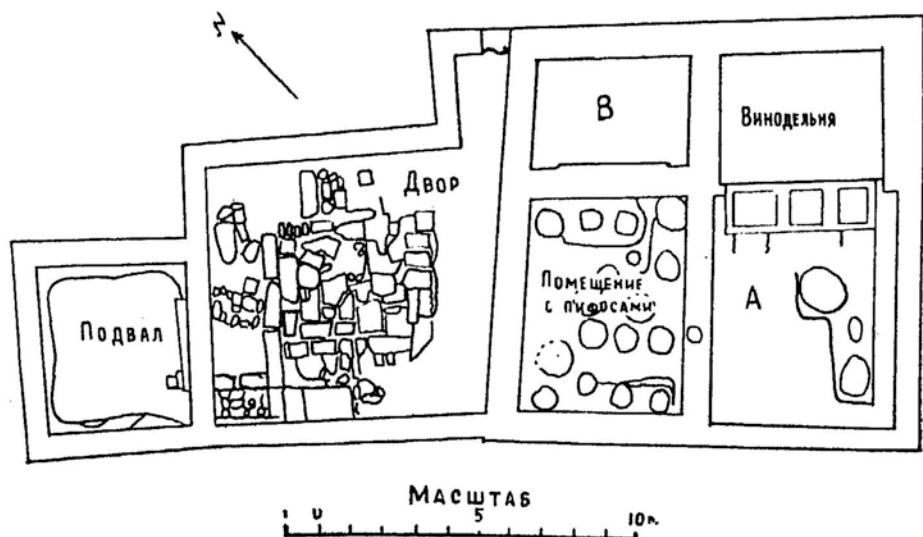

Рис. 23. План дома винодела позднеантичного—раннесредневекового времени. Херсонес. Раскопки 1947 года.

позади резервуаров позволяет предполагать использование одного или двух рычажных прессов.

Не менее интересен дом винодела, открытый в том же 1947 году в XVIII квартале Херсонеса (рис. 23)². Не останавливаясь на подробностях и размерах деталей, с которыми можно ознакомиться в отчете

¹ Неизвестно, по каким соображениям Г. Д. Белов пришел к выводу о более позднем характере резервуара перед юго-западной давяльной площадкой (МИА, вып. 34, стр. 20). Впрочем, последующей оговоркой он сводит на нет свое предположение.

² МИА, вып. 34, стр. 170 и сл., рис. 10—45. О датировке дома можно сказать то же самое, что и о винодельне, описанной выше. Данные отчета в этом отношении очень неясные. Утверждение „Найденные в нем (доме винодела.—С. С.) многочисленные монеты не позднее IV в. н. э.“ (стр. 196) расходится с указанием самого же автора отчета на стр. 201: „...монеты также датируются периодом от III в. до середины VI в. н. э.“. Последнее указание, по-видимому, соответствует действительности и, во всяком случае, перечню монет из этого дома в Приложении к отчету (стр. 275, монеты V—нач. VI в.: №№ 164—194, за исключением №№ 171, 173, 178; стр. 276, монеты конца V—середины VI в.: №№ 209—220, 222, 229). Учитывая датировку начала средневекового периода в Херсонесе концом IV или началом V в. (стр. 197), трудно согласиться с отнесением винодельни к „римскому времени“ (стр. 202). Остается столь же неясным присутствие значительного количества обломков сосудов I—II вв. н. э.: амфор, краснолаковых чаш и светильников (стр. 185, 187—188) в засыпи колодца и цистерны во дворе дома. Столь длительное существо-

и на приложенном к нему плане, отметим только главные черты дома и его винодельни.

Дом состоял из основного, несомненно двухэтажного, здания и значительного двора с прилегающим к нему помещением с большим подвалом. Вход в подвал со двора. Двор имел хорошую вымостку, глубокий колодец и цистерну для хранения воды. Нижний этаж основного здания служил для производственных целей; верхний, по-видимому, являлся жилым. Юго-восточную половину первого этажа занимала большая винодельня А. Со стороны двора к ней примыкал винный склад Б и помещение В, назначение которого не определено. Судя по вырубам в скале, в нем размещалось 16 или 17 пифосов для вина.

Винодельня имела около 11,50 м длины и 5,80 м ширины. У давяльных площадок помещение сужено на 0,80—0,90 м. Общая ширина трех давяльных площадок—5,00 м, длина каждой, от задней стены винодельни до переднего края резервуаров, —4,00 м. Все площадки разрушены различными строительными работами в средневековую эпоху. Устройство площадок такое же, как и на винодельне, описанной выше. Перед каждой площадкой находится резервуар для сбора сула — один большой, два меньших. Стенки и дно резервуаров тщательно оштукатурены специальным известковым раствором с большой примесью мелкотертого керамического шамота — цемянки. Каждый резервуар имел в западном углу отстойник. С задней стороны двух меньших резервуаров, по продольной их оси, в скале сделаны два выруба разной длины с дополнительной ямой у каждого в юго-западном конце.

Аналогичные винодельни в Тиритаке: I в. до н. э. — I в. н. э. и III в.¹, а также винодельня на усадьбе клера № 26² позволяют с достаточной точностью восстановить принцип устройства винодельни и ее работы. Как видно по размеру резервуара № 1, соответствующая ему давяльная площадка была больше двух других. При одинаковой длине ее с остальными ширина ее была равна около 2,00 м. Площадки резервуаров №№ 2 и 3 в ширину имели около 1,50 м. Площадки, конечно, были отделены одна от другой. Большие размеры первого резервуара и его площадки, многочисленные аналогии, практика античного, да и современного виноделия, говорят о том, что в первый резервуар собирался самотек и суло первого давления, по терминологии современного виноделия, или *mustum lixivum* у римлян. Этот сок рабы выжимали из винограда ногами. После этого мезга поступала на вторую площадку, где подвергалась давлению под прессом. Соответственно меньшему количеству сока, оставшегося в мезге, и расчету наиболее эффективного действия прессы размеры второй

вание ранних сосудов до конца IV в., — мы уже не говорим до середины VI в., — нам кажется маловероятным. Если в колодце и цистерне не было двухслойной засыпки, что маловероятно и может быть проверено только тщательной группировкой всех находок в соответствии с глубиной, на которой они были обнаружены, — ранняя группа вещей, как и монет, не относится к винодельне и не может ее датировать. По всей вероятности, существование и этой винодельни датируется в пределах III—середины VI в. Освещение этого вопроса в первой публикации (ВДИ, 1952, № 2, стр. 232) вносит еще больше неясности в датировку винодельнич. Отметим, однако, что и в этой работе Г. Д. Белов датирует разрушение винодельни, после вторичного (?) ее использования, серединой VI в.

¹ В. Ф. Гайдукевич, Античные города Северного Причерноморья, М.—Л., 1955, стр. 132—133, рис. 42 и 43.

² См. выше, стр. 155 и сл.

давильной площадки и расположенного перед нею резервуара меньше. Площадка, несомненно, имела рычажный, а может быть, даже рычажно-винтовой пресс¹, который, по мнению В. Ф. Гайдукевича, вошел в употребление в Северном Причерноморье в I в. до н. э.² Так как поверхность скалы в юго-западной части винодельни была выше давильной площадки, передний конец рычага нельзя было опустить вниз, чтобы привести в действие пресс. Вследствие этого пришлось сделать выруб в скале, соответствующий длине рычага, и дополнительную яму для груза у переднего конца рычага. Наличие каменных грузов для винодельческих прессов Г. Д. Белов указывает в своем отчете³. Со второй площадки из-под пресса в ее резервуаршло суло второго давления, или *mustum tortivum*.

После этого виноградная мезга прессовалась вторично. Рассматриваемая нами винодельня тем и интересна, что подтверждает практику повторного прессования в античное время и иллюстрирует слова Катона о рычагах различной длины, необходимых на винодельне⁴. Для повторного прессования виноградные выжимки перекаладывались на третью давильную площадку. Здесь, понятно, требовался более мощный пресс, а мощность его зависела от длины рычага и веса груза. Поэтому длина рычага второго пресса больше, чем первого, на 2,50 м., и соразмерно этому удлинен выруб в скале против третьей площадки. Как мы видим, не случайно при раскопках винодельни был найден не один груз. С третьей площадки получали наихудший сорт виноградного сока⁵, или *tortivum mustum circumcidanaem*.

Таким образом, на примере этих двух позднеантичных—раннесредневековых виноделен выясняется дальнейшее развитие виноделен в Херсонесе первых веков н. э. по сравнению с предшествующим эллинистическим временем. Это прослеживается в технике сооружения виноделен—их давильных площадок и резервуаров; в применении рычажно-винтового пресса, наличие которого, по-видимому, еще рано усматривать даже в винодельне второй половины II в. до н. э. на усадьбе клера № 26; в стремлении получить максимальный выход виноградного сока; расчленении первого давления и двух прессований и распределении их между тремя давильными площадками, на которых эта работа могла выполняться одновременно, чем сокращалось время, необходимое для всего процесса в целом.

Все эти усовершенствования увеличивали пропускную способность позднеантичных виноделен, увеличивали выход вина и доходность виноделия.

Можно думать, не случайно в это же время зафиксирован значительно более совершенный фильтр для процеживания виноградного сока, заменивший в практике херсонесских виноделов старинный фильтр в виде небольшой плетеной корзиночки. Среди других находок остатки такого фильтра были найдены в большом винном складе, открытом строительными работами на Северной стороне гор. Севастополя. Фильтр представлял собою толстый мат, плетенный из шерсти. Мат хорошо

¹ Рl. XVIII, 317.

² В. Ф. Гайдукевич, ук. работа, стр. 132, прим. 3.

³ МИА, вып. № 34, стр. 181. К сожалению, Г. Д. Белов не указал размера и деталей крепления этих грузов. К отчету не приложены чертежи или хотя бы фотографии их. Неизвестно также количество грузов — было их два или больше. Вследствие этого мы лишены возможности вычислить мощность обоих прессов винодельни.

⁴ Катон, 19, 2: „Самые длинные рычаги — 18 футов, вторые — 16 и третьи — 15“.

⁵ V a r., 1, 54, 3 — „обрезной“ сок.

пропускал виноградный сок, задерживая на своей поверхности виноградные зерна, кусочки виноградной лозы, песок и тончайший ил. Отфильтрованные многочисленные зерна, обнаруженные в осадке, как будто представляют один сорт винограда.

Охарактеризованное выше развитие виноделия обусловлено соответствующим развитием виноградарства и подтверждает наш вывод о ведущем значении последнего в земледелии Херсонеса в первых веках н. э.¹ Открытые винодельни свидетельствуют о том, что виноделие в Херсонесе первых веков н. э. по-прежнему существовало в двух формах: в форме городского — ремесленного производства и сельского. Исходя из большой площади виноградников² и крупных размеров виноделен, можно с уверенностью сказать, что обе эти формы винодельческого производства носили товарный характер.

¹ См. выше, стр. 167.

² 31% всей площади, занятой рабовладельческими сельскими хозяйствами в районе Круглой бухты.

Э. И. СОЛОМОНИК

НОВЫЕ ЭПИГРАФИЧЕСКИЕ НАХОДКИ В СЕВЕРНОМ РАЙОНЕ ХЕРСОНЕСА

ПОЧЕТНЫЙ ДЕКРЕТ ГОРОДА ТИЯ

В мае 1956 года Херсонесским музеем проводились работы по реставрации средневековой базилики 1935 года. Во время снятия колонн на нижней стороне одной базы Е. Н. Жеребцов обнаружил хорошо сохранившуюся древнегреческую надпись.

Размеры базы, изготовленной из белого с голубыми прожилками проконнесского мрамора, 69 × 69 см, высота 24 см. Один угол отколот.

Плита античного времени, как и многие памятники древнего Херсонеса, была переделана и вторично использована при строительстве средневекового города¹.

В средневековый Херсонес часто привозили из Проконнеса готовые архитектурные детали, но простые типы баз с несложным профилем (подобно данной) изготовляли на месте.

При раскопках базилики 1935 года были обнаружены и другие античные памятники. После вскрытия среднего нефа оказалось, что его пол был выстлан перевернутыми мраморными плитами с античными рельефами и надписями².

Новая надпись сохранилась не полностью. Придавая основанию базы квадратную форму, средневековый мастер целиком уничтожил верхнюю строку, частично повредил следующую и первые буквы четырех строк.

Высота букв 48—50 мм. Вырезаны они ровно и четко, по заранее проведенным линейкам, и украшены на концах утолщениями и апек-

¹ Так, например, при исследовании храма с ковчегом в 1954 г. выяснилось, что при его строительстве были использованы камни античного театра, расположенного непосредственно под храмом. Ср. мраморную базу от колонны из Старой Загоры (Болгария) с остатками более древней подписи, Известия на арх. Институт, т. VII, София, 1933 г., стр. 298 сл., рис. 76.

² Г. Д. Белов. Отчет о раскопках в Херсонесе за 1935—1936 гг., Симферополь, 1938, стр. 38 сл.; его же, Херсонесские рельефы, ВДИ, 1940, № 3—4; его же, Херсонес Таврический, Л., 1948, стр. 125 и сл. Плиты находятся в экспозиции Херсонесского музея.

сами. Σ и Ε имеют лунарную форму; Ν и Π в третьей строке даны в лигатуре ΝΠ; характерны также очертания букв Ρ, Η, Ξ, Μ, Φ.

Аналогичные формы букв встречаются в херсонесском декрете II в. (IosPE, I², № 364), в надписи из Тиры 201 года (IosPE, I², № 4), в херсонесском надгробии Александра, найденном в 1955 году и датированном нами II в. н. э.¹

Рис. 1. Мраморная база из базилики 1935 г.

Рис. 2. Плита с почетным декретом города Тия. Херсонес. 1956 г.

¹ Э. И. Соломоник. Четыре надписи из Неаполя и Херсонеса, СА, XXVIII, м. 1958, стр. 314.

Единичные лигатуры, близкие данной, есть в ряде херсонесских надписей римского времени, преимущественно также II в.¹

Палеографические особенности надписи в целом позволяют отнести ее к концу II в. н. э.²

- [τὸν δεῖνα]
1. τοῦ Παπίου τὸν ἀρ—
 2. χιερέα καὶ φιλόπα—
 3. τρον ἢ Τιανῶν πόλις
 4. τὸν ἑαυτοῦς πρόξε—
 5. νον τιμῆς χάριν.

Перевод: город Тий (поставил) [такого-то], сына Папия, верховного жреца и друга отечества, своего проксена, из уважения (дословно: чести ради).

Надпись, несомненно, представляет собой почетный декрет в честь лица, имя которого, к сожалению, не сохранилось. Вероятно, она была вырезана на пьедестале статуи. Поэтому мы заключили в круглые скобки подразумеваемый глагол— „поставил“. В ином случае его можно заменить глаголом „почтил“.

Подобные декреты имели широкое распространение не только в Северном Причерноморье, но и во всем античном мире. Так, например, нашу надпись можно сравнить по тексту с декретом в честь жреца Зенофана из Киликии³ и надписями, найденными на территории Болгарии⁴.

Судя по аналогиям, на камне, возможно, была высечена еще одна строка из двух слов, которой начиналась вся надпись,— Ἀγαθῆι τύχηι (С добрым счастьем)⁵.

Обращает на себя внимание термин φιλόπατρις, соединенный союзом καὶ со словом ἀρχιερεῦς. Уже в силу этого он вряд ли мог иметь обычное значение— „любящий родину“. Кроме того, для чего город Тий стал бы отмечать любовь чтимого им лица к Херсонесу?

Термин φιλόπατρις встречается и в других херсонесских декретах римского времени наряду с перечнем должностей, званий и заслуг отмечаемого лица⁶. В ольвийских надписях той же эпохи мы находим близкое по смыслу выражение: πατὴρ τῆς πόλεως⁷, видимо, являвшееся калькой известного римского титула pater patriae (отец отечества).

Возможно, φιλόπατρις, как и πατὴρ τῆς πόλεως, было почетным званием, которое давали отдельным лицам за выдающиеся заслуги перед родиной. В таком случае φιλόπατρις, переводимое нами как „друг отечества“, можно также сопоставить с термином φιλορώμαιος— „друг римлян“, часто встречающимся в боспорских надписях⁸.

По содержанию новая надпись особенно интересна тем, что в ней впервые в херсонесской эпиграфике упоминается город Тий.

По другому, не дошедшему до нас декрету, сын Папия из Херсо-

¹ IosPE, I², №№ 364 (стр. 11 и 18), 374, 404 (стр. 32), 457, 493, 582; Г. Д. Белов, Херсонесские рельефы, ВДИ, 1940, № 3—4, стр. 268.

² Интересно отметить, что другие античные памятники, вторично использованные в базилике 1935 г., также датируются II—III вв. н. э. (Г. Д. Белов, Херсонесские рельефы).

³ МАМА, вып. III, 1931, № 68.

⁴ E. Kalinka, Antike Denkmäler in Bulgarien, IV, Вена, 1906, №№ 96, 97, 99; В. Бешевлиев, Эпиграфски приноси, София, 1952, № 106.

⁵ E. Kalinka, там же.

⁶ IosPE, I², №№ 423 и 425.

⁷ IosPE, I², №№ 42, 46, 54 и 174.

⁸ О значении термина φιλορώμαιος см. Б. И. Надель, Боспорская надпись, IosPE, II, 33, ВДИ, 1948, № 3, стр. 212, сл.

неса был объявлен прокшеном города Тия. Он, видимо, возил туда и назад различные товары, оказывал у себя дома гостеприимство купцам из Тия и, в свою очередь, пользовался в Тие, на правах проксена, всевозможными льготами. Позже, заняв в Херсонесе высокую должность жреца, он стал еще более влиятельным лицом. Именно тогда, за выдающиеся заслуги перед городом Тием, там был поставлен специальный хвалебный декрет в его честь.

Надпись, найденная в Херсонесе, должно быть, представляет собой копию этого декрета для сведения его сограждан¹. Эту копию могла сделать на свои средства община Тия или сами херсонесцы.

Пример установления копии декрета согражданами чтимого лица дает найденная в Ольвии надпись города Византия I в. н. э. в честь своего проксена ольвиополита Оронта, сына Абаба². В конце надписи сказано, что эту псефизму необходимо письмом сообщить в Ольвию. Сопоставляя данную надпись с другой надписью из Ольвии, В. В. Латышев высказал предположение, что ольвийскую копию мог поставить домоправитель Оронта Диомед. Таким образом, копии декретов на родине чтимого лица могли устанавливать и частные лица.

Если бы наш памятник относился к более раннему времени, то в пользу его херсонесского происхождения мог бы свидетельствовать язык надписи с характерными для дорического диалекта формами. Однако доризмы встречаются в Херсонесе примерно до середины II века н. э.³, а надпись, как указано выше, датируется несколько более поздним временем.

Ответ на вопрос о том, где была вырезана данная надпись—в Тие или Херсонесе,—подсказывает сопоставление ее с одним боспорским надгробием римского времени, о происхождении которого не приходится гадать, так как из текста эпитафии ясно, что его прислали из Тия родственники умершего⁴.

Несмотря на некоторые палеографические особенности, наша надпись настолько сходна с данной по всей манере исполнения, что заставляет думать, что и она, скорее всего, была выполнена в Вифинии и уже в готовом виде отправлена в Херсонес.

Херсонес, основанный Гераклеей Понтийской, имел давние торговые и культурные связи с городами южного берега Черного моря. В борьбе с наступающими на его границы таврами и скифами Херсонес обращался за помощью к царям Понта и в 179 году до н. э. заключил договор с Фарнаком⁵, а в конце II в. до н. э., в период осады города, попросил у Митридата VI Евпатора прислать на помощь военные силы⁶.

В первые века н. э., когда бывшее Понтийское царство и соседние земли были превращены в римскую провинцию и усилилось влияние Рима на Северное Причерноморье, после временного упадка вновь оживились торговые связи обоих берегов Черного моря. „...Север был богат хлебом, которого недоставало на юге, а юг мог снабжать север необходимыми для него продуктами: оливковым маслом, металлом и, вероятно, корабельным лесом“⁷.

¹ Ср. W. Larfeld, Griechische Epigraphik, Мюнхен, 1914, стр. 411, сл.

² IosPE, I², № 79.

³ В. В. Латышев, IosPE I², стр. 394.

⁴ В. В. Шкорпил, Боспорские надписи, найденные в 1914 г., ИАК, 58, № 9.

⁵ IosPE, I², № 402.

⁶ Strab., VII, 4, 3; IosPE, I², № 352.

⁷ М. И. Максимова, Античные города юго-восточного Причерноморья, М.—Л., 1956, стр. 352.

Об этом красноречиво говорят и херсонесские надписи I—II вв., главным образом хвалебные декреты и проксении в честь жителей Гераклен Понтийской, Синопы и Амастрии¹, а также надгробия².

Теперь этот список может быть пополнен новой надписью, из которой мы узнаем о связи Херсонеса еще с одним городом Южного Причерноморья—Тием, расположенным между Гераклеей и Амастрией.

Написание имени города, а соответственно и его жителей, как отмечает Стефан Византийский,— разное у различных авторов. Он лично предпочитает форму *Τίαβς* по аналогии с *Κιαβς*³.

Элиан называет город *Τίος*, Птолемей — *Τίον* или *Τίειον*, Страбон — *Τήιον*, римский писатель Помпоний Мела — *Tios*, Плиний — *Tium*. Наименование жителей встречается в следующих формах: *Τιαβοί*, *Τειαβοί*, *Τίτοι* и *Τιαυεῖς*⁴.

В надписях Северного Причерноморья жители Тия именуются *Τιαβοί* (в единственном числе — *Τιαβς*). Это название, как наиболее распространенное, обычно ставилось и на монетах⁵. Его мы находим и в новой надписи. Формула надписи *ἡ Τιαβῶν πόλις* встречается в схолиях к Аполлонию Родосскому (2, 789) и у других авторов⁶.

Тий был небольшим портовым городом, возникшим, как и многие города Причерноморья, в качестве милетской колонии. Его основателем и эпонимом считался милетский жрец *Τίος*. Расположенный подле более сильных соседей, город почти непрерывно являлся объектом агрессии с их стороны. Сначала он был присоединен к соседней Амастрии, затем к Вифинии и, наконец, вместе с последней вошел в состав Понтийского царства, превращенного в римскую провинцию.

Мы уже говорили об оживлении торговых связей между Южным и Северным Причерноморьем в первые века н. э. Это относится и к Тию, немногочисленные упоминания о котором в надписях Северного Причерноморья падают как раз на этот период.

Τιαβοί названы в одной ольвийской надписи конца II—начала III в. среди представителей девятнадцати городов, венчавших ольвиополита Феокла за помощь приехавшим в Ольвию иностранцам⁷.

Жители Тия совершали, видимо, не только отдельные торговые поездки на северный берег Черного моря, но и поселялись там на более длительный срок. Об этом говорят два надгробия II в., найденные на Боспоре, причем одно из них принадлежит навклеру⁸.

Встретив теперь имя Тия и в херсонесской надписи римского времени, можно сказать, что этот небольшой город был связан со всеми крупными центрами Северного Причерноморья.

* * *

В 1955 году во время археологических работ в северной части городища Херсонеса, проводившихся под руководством Г. Д. Белова, в средневековом комплексе XIII—XIV вв. была найдена плита с древне-

¹ IosPE, I², №№ 351, 357, 358, 359, 362, 364.

² IosPE, I², №№ 542—545.

³ Steph. Byz., s. v. *Tios*.

⁴ См. E. Wüst, R. E. Pauly-Wissowa, s. v. *Tios*.

⁵ Head, HN², стр. 518.

⁶ См. Pape-Benseler, Wörterbuch der griechischen Eigennamen, 1884, s. v. *Tiaβοί*.

⁷ IosPE, I, № 40; М. И. Максимова, ук. соч., стр. 349.

⁸ В. В. Шкорпил, Боспорские надписи, найденные в 1914 г., ИАК, 58, № 9; IosPe, II, № 301.

греческой надписью. Она находилась на полу дома 1, в южном углу помещения № 4, между печью и стеной.

По предположению Г. Д. Белова, плита могла попасть сюда из соседней базилики 1935 года, где также были обнаружены рельефы и надписи античного времени¹. Плита из проконнесского мрамора с рельеф-

Рис. 3. Фрагмент посвятельной надписи.

ной рамкой обломана с трех сторон. Ее лицевая поверхность хорошо сглажена, задняя обработана грубо.

Размеры сохранившейся части плиты следующие: ширина 43 см, высота 43 см, толщина 9 см.

Надпись, от которой остались лишь окончания шести строк, выполнена несколько небрежно. Буквы имеют различную высоту (2—3,5 см); одинаковые буквы не всегда совпадают между собой по форме (А, О, У, Ν).

Датировка надписи представляет некоторые трудности.

Аналогичные формы А, Δ, Λ и Μ встречаются в надписях II—III вв. н. э.², но укороченное курсивное Μ относится к более позднему времени,

¹ Г. Д. Белов, Отчет о раскопках в Херсонесе в 1955 году, см. настоящий сборник.

² Ср. херсонесские надписи IosPE, 1², №№ 374, 393, 425, 576; надписи из Фанагории и Танаиса IosPE, II, №№ 353, 427, 428, 430, 433, 434, 447, 448; надпись на Фригии, МАМА, I, 1928, № 43; надпись из Киликии, МАМА, III, 1931, № 49.

заходя в раннесредневековую эпоху¹. У с перекладной имеется на памятниках Северного Причерноморья II—III вв. и на нескольких точно датированных надписях III в. из Болгарии², но эта форма существовала и позже³.

В третьей и четвертой строках нашей надписи слова разделены двумя точками. Точки-разделители встречаются на некоторых херсонесских надписях II—III вв.⁴, но также и на памятнике V в.⁵. О позднем времени говорят также неустойчивость форм, различный размер и уклон отдельных букв. Одновременно обращает на себя внимание полное отсутствие лигатур, которыми обычно богаты средневековые надписи.

Не имея достаточных данных для точной датировки памятника, мы все же считаем более правильным отнести его к позднеантичному времени, т. е. к III—IV вв. н. э.

Остатки двух букв первой строки можно принять за Α и Σ, так как первая из них равна по высоте другим буквам и имеет угловатую форму (Μ в этой надписи короткие и округлые), а вторая не имеет следов от средней черточки на Ε. Во второй строке сохранились остатки буквы Λ, а в третьей, несмотря на значительный облом, могло быть только Μ (Α и Λ имеют большую высоту). В пятой строке едва заметны две горизонтальные черточки с утолщениями, возможно, от Σ.

На основе этого мы во второй строке предположительно дополняем имя Πραξι[ε]ίδης (ср. также Βασιλείδης, Εὐκλείδης и др.), а в третьей—имя Μύρισιμος. Для пятой строки нам кажется наиболее соответствующим слово χάρις]τήριον, весьма существенное для понимания смысла всей надписи в целом, хотя возможны и другие дополнения (ср. греческие слова θυσιαστήριον, ἱλαστήριον, ἐργαστήριον и др.).

В шестой строке, скорее всего, стояло одно слово, непосредственно связанное с последним словом предшествующей строки,— глагольная форма ἀνεθήκαμεν. Ср. выражение εὐχαριστοῦντες ἀνεθήκαμεν τὸδε τὸ τίτλον... (благодарствуя, поставили мы сию надпись) в упомянутой выше надписи Зенона⁶.

Расположение последнего слова надписи в центре строки имеет аналогии на других херсонесских надписях—договоре с Фарнаком и двух почетных декретах⁷.

В первой строке, видимо, также было мужское имя, возможно, Ἀμασις⁸ или какое-нибудь другое с встречающимся в римское время окончанием на ις вместо ιος⁹.

¹ IosPE, I², № 577; В. Латышев, Сборник греческих надписей христианских времен из южной России. СПб, 1896, № 28. Обе надписи из Херсонеса. Ср. IosPE, II, № 363 (Фанагория, 307 г. н. э.).

² IosPE, I², №№ 4, 45, 47, 52, 184, 185; IosPE, II, №№ 26, 438, 452; E. Kalinka, Antike Denkmäler in Bulgarien, IV, Вена, 1906 г., №№ 50, 65, 67; Д. Дечев, Античные надписи от области на средна Струма, Годишник на арх. муз. Пловдив, II, София, 1950, стр. 50 сл., № 1.

³ Ср. фрагмент херсонесской надписи, изданный В. В. Латышевым, ук. сборник, № 19.

⁴ IosPE, I², №№ 362, 363, 435, 439, 582. Ср. IosPE, I², №№ 199 и 233 (Ольвия) и IosPE, II, №№ 28, 39, 46, 309 (Боспор).

⁵ В последней строке херсонесской надписи с именем Зенона V в. слова отделены двумя и тремя точками (В. В. Латышев, ук. сб., № 7, табл. 1).

⁶ В. В. Латышев, ук. сб. Ср. IosPE I², №№ 144, 685.

⁷ IosPE I², №№ 402, 421, 422.

⁸ Ср. женское имя Ἀμασία на одном боспорском надгробии, IosPE, II, add. n., № 215¹.

⁹ В. В. Латышев, Неизданные боспорские надписи, ИРАИМК, т. II, 1922, стр. 101.

От всех указанных слов сохранились лишь окончания; поэтому их значительно труднее восстановить, чем четыре мужских имени — 'Ιούλι[ος], 'Ρουφί[νος], Δύρ[ήλιος] и Χειμάσ[ιος], из которых лишь последнее является редким.

В целом надпись читается следующим образом:

1. ασ]ις ' Ιούλι —
2. ος. 'Πρακκ]ειδης 'Ρουφί —
3. νου. Μ]υρίσμου, Δύρ —
4. ήλιος]ου, Χειμάσ —
5. ιος χαρισ]τήριον
6. ἀνεθ[ήκα]μεν.

Перед нами фрагмент посвятельной надписи, от которой частично остался список лиц, поставивших благодарственное приношение (χαριστήριον) неизвестному божеству.

Такие благодарственные приношения посвящались обычно одному из главных богов города. Так, например, в Ольвии большинство из них относится к Ахиллу Понтарху¹, в надписях римского времени из Болгарии встречаются имена Аполлона и Плутона².

В верхней, не сохранившейся части нашей надписи, видимо, также стояло имя бога в дательном падеже, за которым следовал список имен. Среди этих имен наиболее распространено в Херсонесе имя Гераклид, которое в большинстве надписей имеет дорическое окончание Πρακλειδας, но со II в. н. э., когда начинает исчезать дорический диалект, часто приобретает форму 'Πρακλειδης³.

Имя Руфин обычно имеет форму⁴ Ρουφεῖνος⁴, однако аналогичную нашей надписи форму 'Ρουφίνος мы встречаем в трех надписях из Киликии⁵.

Имена Μύρισμος и 'Χειμάσιος встречаются в Северном Причерноморье впервые. Впрочем, и в греческой ономастике они сравнительно редки⁶. Первое из них, видимо, образовано от глагола μυρίζω — умащать (ср. μύρισμα и μυρισμός), а второе восходит к основе χειμα (от греческого χεῖμα — холод, мороз, зима), как и имена Χειμαρος, Χειμεύς и Χειμίας⁷.

Новая надпись интересна тем, что относится к последнему периоду жизни античного города, оставшемуся после себя мало эпиграфических памятников. Кроме того, она дает не встречавшийся раньше в Херсонесе вариант посвятельных надписей и пополняет список имен в эпиграфике Херсонеса и всего Северного Причерноморья⁸.

¹ IosPE, I², №№ 132—138, 140—144 и др.

² E. Kalinka, ук. соч., №№ 142 и 154.

³ Ср. IosPE, I², №№ 363 и 435.

⁴ IosPE, I², №№ 174, 233; ср. также дополнение В. В. Латышева к № 393.

⁵ МАМА, III, №№ 94, 627, 673.

⁶ См. эти имена в словаре Pape-Benseler 'а.

⁷ A. Fick, F. Bechtel, Die griechischen Personennamen, 1894, стр. 290 сл.

⁸ Пользуюсь случаем, чтобы выразить благодарность С. Я. Лурье и А. А. Белецкому за ценные замечания, сделанные при подготовке статьи к печати.

В. В. БОРИСОВА

МОГИЛЬНИК У ВЫСОТЫ „САХАРНАЯ ГОЛОВКА“

(По раскопкам и разведкам 1951 и 1953 годов)

Раскопки могильника у подножия высоты „Сахарная головка“ в Инкерманской долине в 1953 году продолжили исследования Инкерманской археологической экспедиции 1952 года¹. Впервые могильник был обнаружен в 1951 году во время строительных работ, когда была произведена зачистка одного из двух открытых склепов и одной подбойной могилы. В 1953 году вновь было открыто еще два склепа². В том же году при прокладке водопровода территория могильника была перерезана с юго-востока на северо-запад траншеей шириной в 1 м, глубиной в 1,20 м (рис. 1).

Рис. 1. Общий вид траншеи у подножия высоты „Сахарная головка“.

¹ Е. В. Веймарн. Отчет о работе Инкерманской археологической экспедиции Бахчисарайского музея пещерных городов, Крымского филиала АН СССР и Государственного Херсонесского историко-археологического музея в 1952 г., Архив ИИМК АН СССР и Херсонесского музея.

² Обследование открытых склепов и подбойной могилы в 1951 и 1953 гг. произведено С. Ф. Стрелецким. Весь полевой материал поступил в ГХМ.

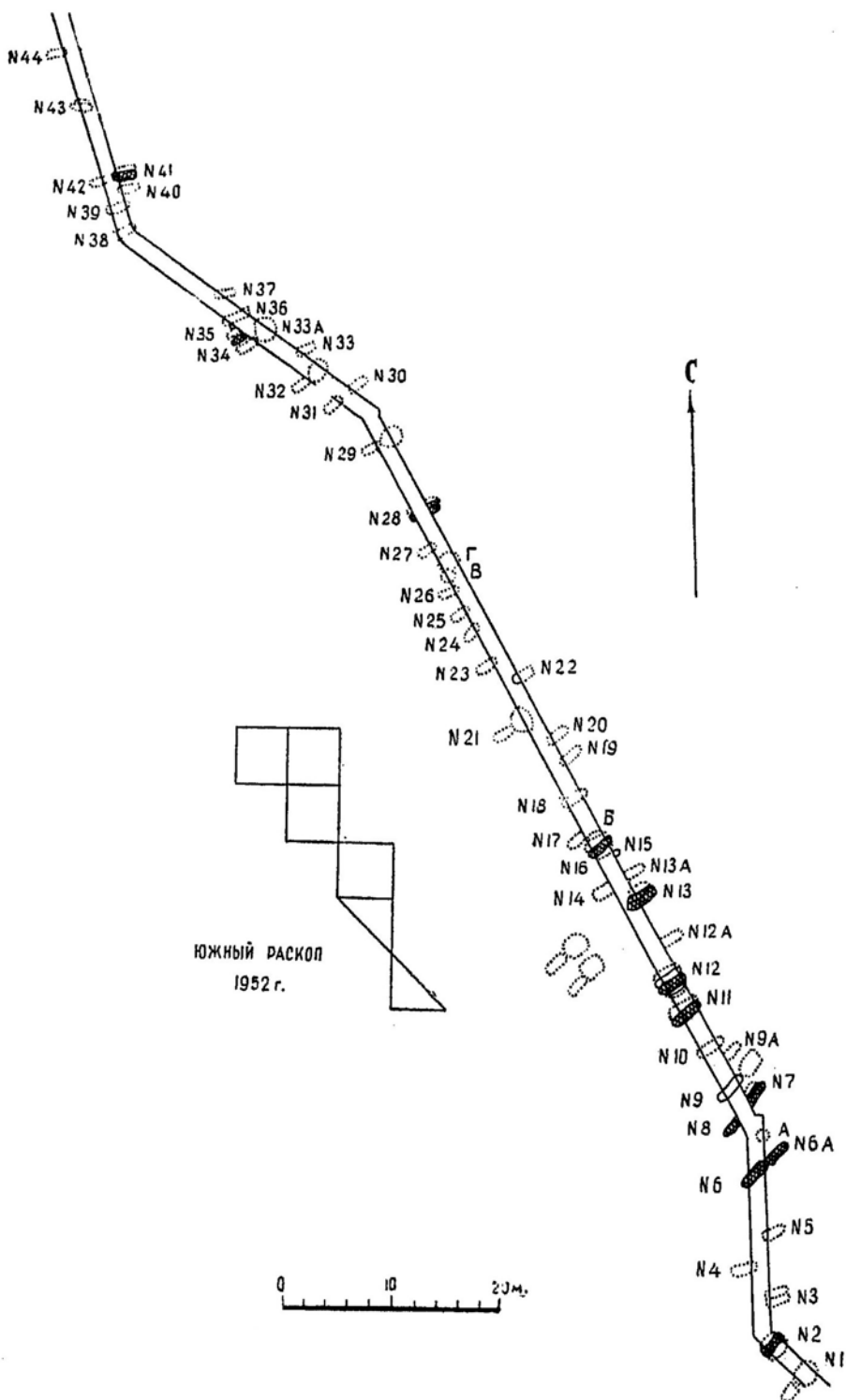

Рис. 2. План.

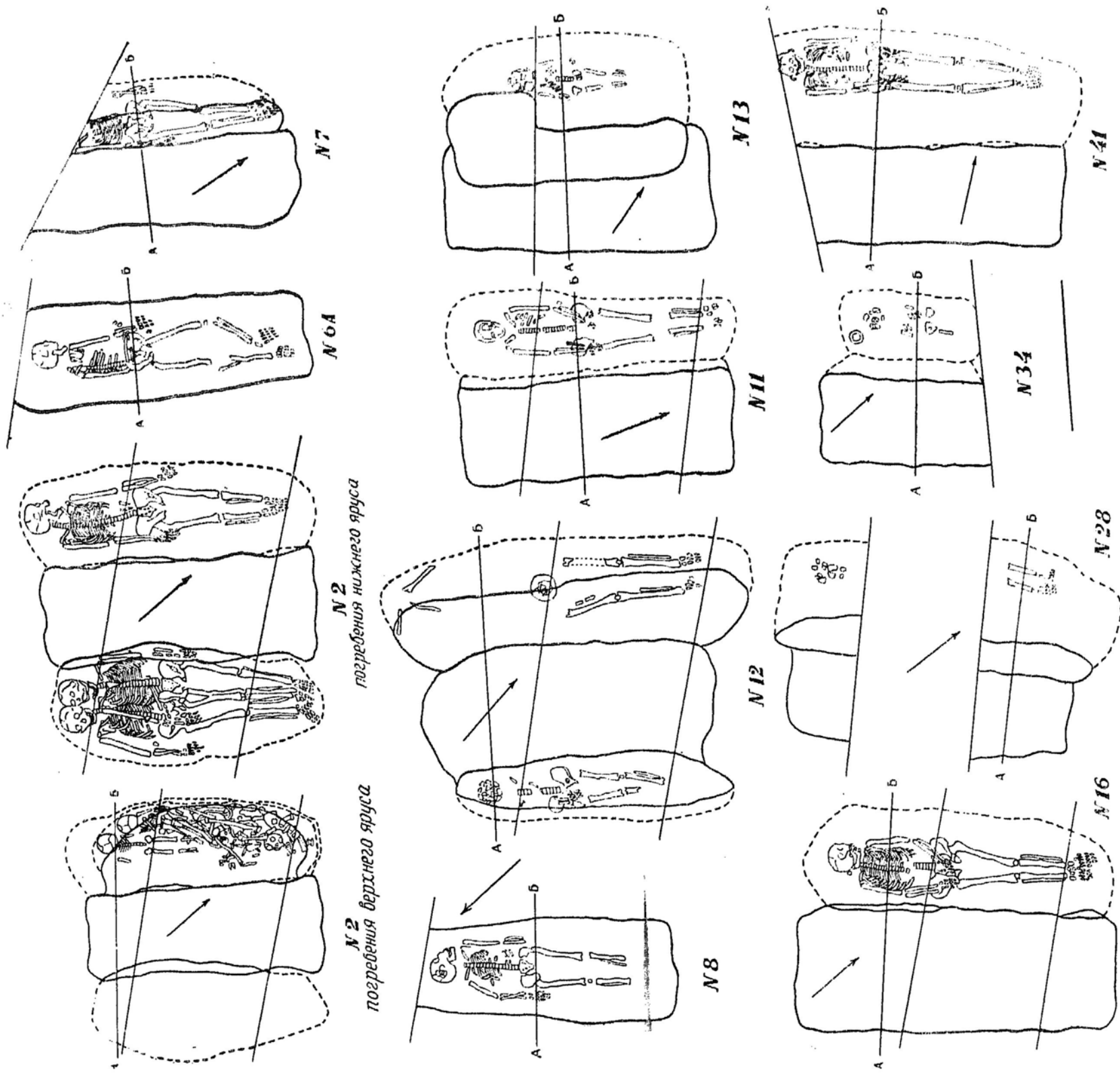

Табл. I. Планы могил и положения в них костяков.

Эта траншея на отрезке около 140 м обнаружила 4 таврские хозяйственные ямы X—V вв. до н. э.¹ и 49 погребальных сооружений V—VII вв.² (рис. 2).

Исследованию подверглись только 13 погребальных сооружений, остальные памятники не изучались по техническим причинам³.

В настоящей работе излагаются результаты исследований 18 погребальных сооружений. Эти сооружения могут быть разделены на три основных типа: подбойные могилы—II, грунтовые могилы—3, склепы—4. В свою очередь подбойные могилы должны быть разделены на три группы: а) с одним подбоем, сделанным в северо-западной стене могильной ямы (их девять: №№ 7, 11, 13, 15, 16, 28, 34, 41 и могила, открытая в 1951 году); б) с двумя подбоями по обе стороны могильной ямы (№ 12); в) двухслойные с двойным подбоем в нижней части и с добавочным более поздним сверху в северо-западной стене могильной ямы (№ 2).

Большинство погребальных сооружений сделано в материке, состоящем из намытого слоя мелкого мергеля, смешанного с глиной. Толщина перекрывающего материк почвенного слоя колеблется от 0,20 до 0,50 м. Глубина залегания погребений 0,40—2,40 м. Оси всех погребальных сооружений ориентированы в основном с юго-запада на северо-восток.

ТИП I. ПОДБОЙНЫЕ МОГИЛЫ

А. МОГИЛЫ С ПОДБОЕМ В СЕВЕРО-ЗАПАДНОЙ СТОРОНЕ МОГИЛЬНОЙ ЯМЫ

1 (№ 7).⁴ Могильная яма, ориентированная с юго-запада на северо-восток, в плане прямоугольная с закругленными углами, размерами 1,50 × 0,50 × 1,40 м⁵, врезана в материк на 0,90 м. Подбой размерами 1,20 × 0,40 × 0,70 м⁶ был заложен крупными мергелевыми плитами, от которых сохранилась только юго-западная, остальные срезаны траншеей. Дно подбоя несколько ниже дна могильной ямы с наклоном к северо-западу. Костяк хорошей сохранности лежал на спине, головой на юго-запад, с вытянутыми конечностями. Траншея разрушила юго-западную часть могилы и повредила костяк—срезан череп и плечевые кости левой руки (табл. I, 7)⁷. Вещей нет.

2 (№ 11). Могильная яма, ориентированная с юго-запада на северо-восток в плане прямоугольника, размерами 1,70 × 0,60 × 2,40 м, врезана в материк на 1,80 м. Подбой, размерами 1,80 × 0,50 × 0,80 м, был заложен крупными и мелкими вертикально поставленными мергелевыми плитами. Дно подбоя ниже дна могильной ямы на 0,07 м.

¹ На плане они обозначены буквами А, Б, В, Г. Дата их определена С. Ф. Стржелецким.

² На плане №№ 1—44, 6А, 9А, 12А, 13А, 33А.

³ Подбойные могилы №№ 2, 7, 11, 12, 13, 15, 16, 28, 34, 41 и грунтовые могилы №№ 6, 6А, 8. Исследование этих погребений произведено автором настоящей статьи. Толевые обмеры и чертежи выполнены Е. Н. Жеребцовым, фотофиксация—А. М. Михайловой. Предварительный осмотр открытых траншей погребальных сооружений был сделан совместно с С. Ф. Стржелецким.

⁴ В скобках указаны номера погребений в соответствии с планом.

⁵ Первая цифра означает длину, вторая—ширину, третья—глубину.

⁶ Первая цифра—длина, вторая—ширина, третья—высота.

⁷ На таблице указаны номера могил.

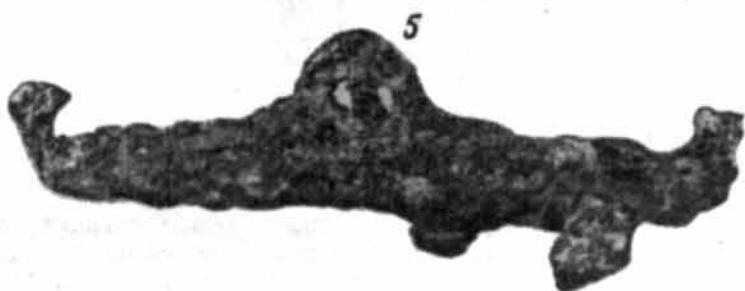
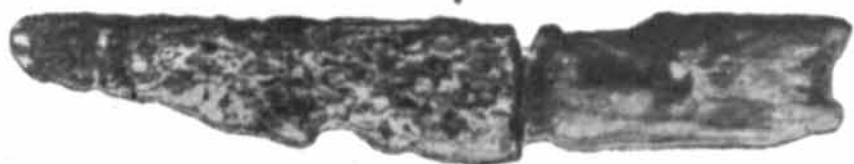

Табл. II. Железные ножи, кресало и псалии.

Костяк, от которого сохранились только крупные кости, лежал на спине, головой на ЮЗ. Правая рука вытянута вдоль бедра, левая согнута в локте, кисть на тазе. Ноги вытянуты и чуть сведены в коленях. Череп деформированный, плохой сохранности (табл. I, 11).

У кисти правой руки костяка найден железный нож¹ с постепенно сужающимся к переднему концу лезвием. Общая длина 0,13 м (табл. II, 3).

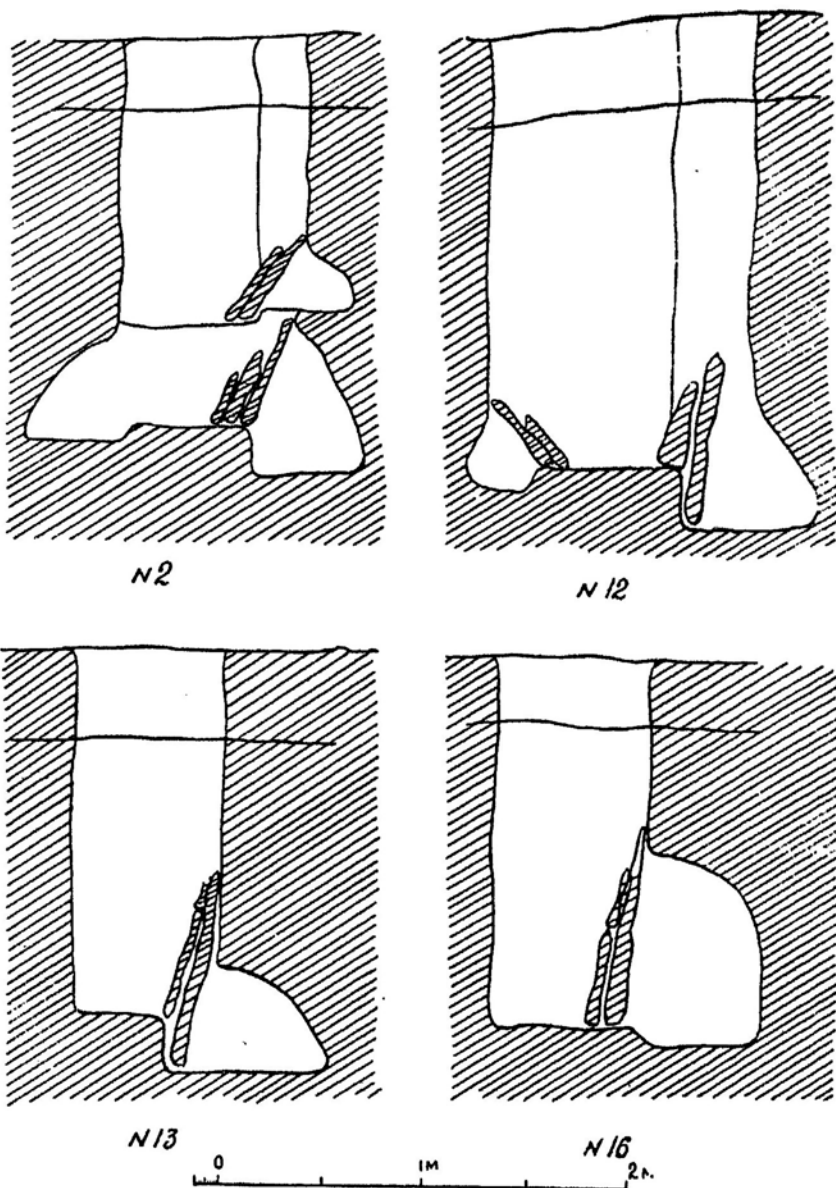

Табл. III. Разрезы могил.

¹ Вся коллекция вещей могильника хранится в ГХМ.

Подобный по форме нож был найден в этом могильнике в 1952 году в склепе № 44¹.

За левой рукой на уровне пояса найдена железная пряжка с массивным овальным кольцом и язычком (длина 0,037 м). На пряжке сохранились следы плотной ткани, пропитанной окисью железа.

3 (№ 13). Могильная яма, ориентированная с юго-запада на северо-восток, в плане прямоугольник, размерами 1,70 × 0,70 × 1,80 м, врезана в материк на 1,30 м. Подбой размерами 1,50 × 0,80 × 0,50 м был заложен крупными (до 1,00 м высоты) и мелкими мергелевыми плитами, поставленными на дно подбоя, сделанного на 0,25 м ниже дна могильной ямы (табл. III, 13)².

В подбое, частично обвалившемся, найден плохо сохранившийся скелет младенца, лежавший на спине, головой на юго-запад, с вытянутыми конечностями (табл. 1, 13). Подбой раньше, видимо, был использован для погребения взрослого человека, так как слишком велик для младенца.

На тазовых костях погребенного найдена маленькая серебряная пряжка. Кольцо ее овальное, литое. Щиток из тонкой пластинки: верхняя сторона закруглена, нижняя прямоугольная. Посередине щитка заклепка для крепления ремня. Язычок из толстой проволоки резко загнут на конце, общая длина—0,017 м (табл. IV, 6). Весьма близкие пряжки к нашей происходят из Пашковского могильника, относящегося ко второй половине IV—V вв.³, из могильника Суук-Су⁴ и из инкерманского могильника III—IV вв., раскопанного в 1948 году⁵.

Несколько выше пряжки лежал серебряный ремешок наконечник (табл. IV, 11). Конец его закруглен, задняя половина отделена поперечными желобками; два таких же поперечных желобка и зубцы имеются в месте соединения наконечника с ремнем. Задний конец распилен по толщине и имеет одну заклепку для крепления ремня. Размеры 0,03 × 0,008 м. Подобными ремешками наконечниками украшен поясной набор из Судженского клада VI—VII вв.⁶. Очень близки к нему по типу наконечники из могильника Суук-Су⁷, датированные В. В. Кропоткиным VI—VII вв.⁸.

При переборке земли после снятия скелета найдена еще серебряная пряжка и 30 стеклянных покрытых ирризацией бус в виде крупного бисера. Кольцо пряжки овальное, литое, в сечении круглое, задняя сторона тонкая. Щиток сделан из прямоугольной пластинки, верхняя сторона которой посередине украшена пятью параллельными желобками, нижняя гладкая. По сторонам верхнего желобка две заклепки для крепления ремня. Язычок массивный, в сечении двухгранный с округленным ребром, у основания украшен двумя желобками, к концу

¹ Е. В. Веймарн, Археологические работы в районе Инкермана в 1948, 1950, 1952 гг. Архив Бахчисарайской станции Института археологии АН УССР (стр. 35, рис. 587).

² На таблице указаны номера могил.

³ К. Ф. Смирнов, О некоторых итогах исследования могильников меотской и сарматской культур Прикубанья, КСИИМК, XXXVII, 1951, стр. 158, рис. 51 (5).

⁴ Н. И. Репников, Некоторые могильники области крымских готов, ИАК, вып. 19, стр. 65, табл. X, рис. 2.

⁵ Могила № 41, Пряжка хранится в МПГ, п/о 162.

⁶ Б. А. Рыбаков, Новый Судженский клад антского времени, КСИИМК, XXVII, 1949, стр. 83, рис. 339.

⁷ Н. И. Репников, Некоторые могильники., ИАК, вып. 19, стр. 52; рис. 72 на стр. 73.

⁸ В. В. Кропоткин, Население юго-западного Крыма в эпоху раннего средневековья, автореферат, М., 1953.

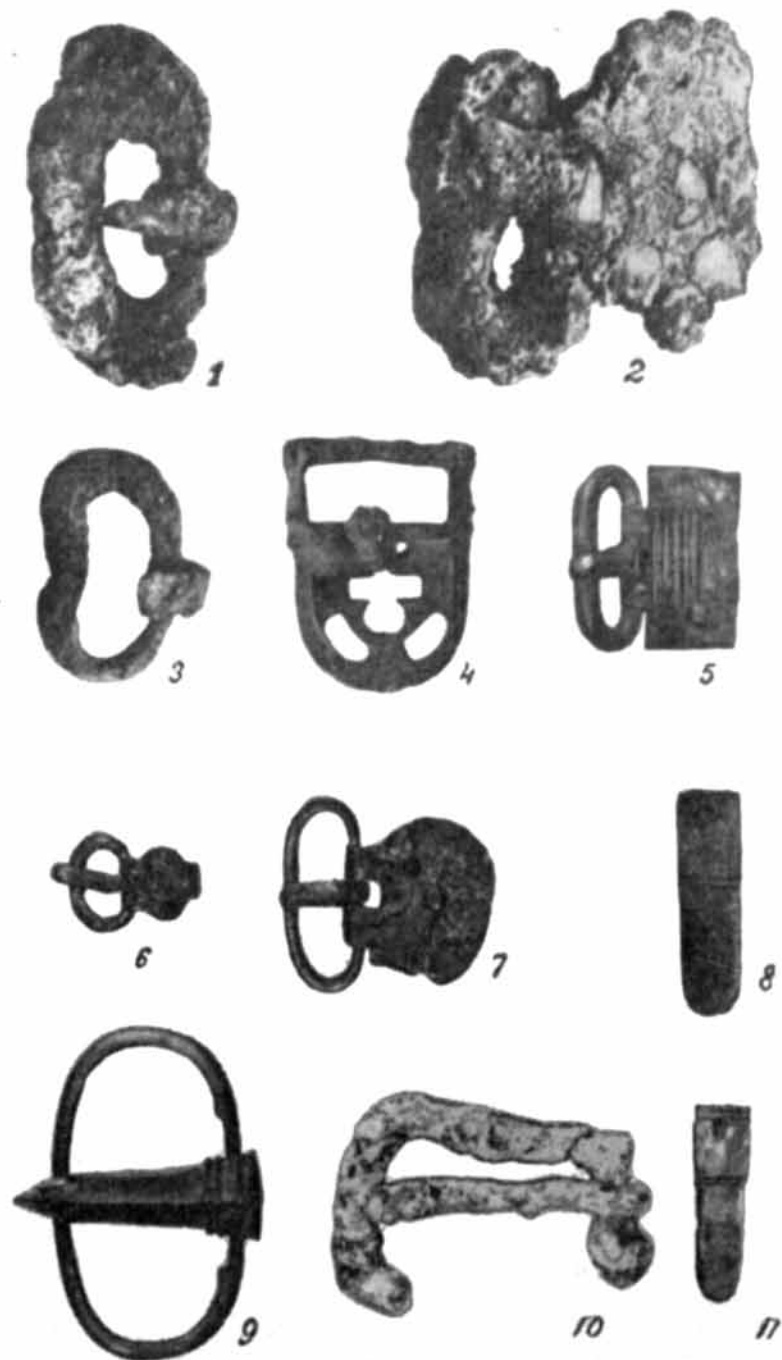

Табл. IV. Пряжки бронзовые и железные.

сужен и загнут. Общая длина—0,027 м, длина кольца—0,027 м (табл. IV, 5).

Подобные кольца пряжек встречены в могильнике Суук-Су VI—VII вв.¹

4 (№ 15). Могильная яма, ориентированная с юго-запада на северо-восток, в плане, по-видимому, прямоугольная, размерами 0,90 × 0,80 × 0,50 м, врезана в материк на 0,30 м. Подбой размерами 0,60 × 0,40 × 0,30 м был заложен небольшой мергелевой плитой. Дно подбоя ниже дна могильной ямы на 0,04 м. При зачистке подбоя погребения не обнаружено. Почти вся могила и ее заклад разрушены траншеей.

5 (№ 16). Могильная яма, ориентированная с юго-запада на северо-восток, в плане прямоугольник, размерами 2,00 × 0,75 × 1,80 м, врезана в материк на 1,40 м. Подбой размерами 1,90 × 0,60 × 0,90 м был заложен крупными и мелкими мергелевыми плитами, поставленными на дно могильной ямы. Дно подбоя сделано ниже дна могильной ямы на 0,07 м (табл. III, рис. 16). Могила вырыта в хозяйственной яме таврского поселения X—V вв. до н. э.

В подбое лежал на спине, головой на юго-запад, хорошо сохранившийся костяк взрослого. Череп был несколько смещен влево, нижняя челюсть лежала прямо, руки согнуты в локтях и скрещены на тазе, ноги сведены в коленях и ступнях (табл., I, 16),

У черепа по сторонам находились две парные серьги из низкопробного серебра. На один конец кольца серьги насажена граненая бусина имеющая шесть граней в форме четырехугольника и восемь граней в форме треугольника, другой конец свободный. Наибольший диаметр 0,029 м (табл. V, 5,6).

Аналогичные серьги найдены Е. В. Веймарном в этом же могильнике в 1952 году. У одной серьги имелся точно такой же шарик, но кольцо сделано из витой проволоки, у другой шарик не имел четких, геометрических граней, но кольцо сделано из гладкой проволоки². По аналогии с серьгами из могильников Суук-Су и Узен-Баш (V—VII вв.) в Крыму³, а также из могильников Камунта и Рухта (V—VI вв.) на Кавказе⁴, наши можно отнести к V—VII вв.

У шейных позвонков костяка найдены бусы от ожерелья. Сохранилась нить, связывающая бусины. Чередуются бусы следующим образом: одна серебряная и две стеклянные или одна серебряная и одна стеклянная. Серебряные бусы граненые, биконической формы, стеклянные—в виде мелкого бисера (табл. V, 4).

6 (№ 28). Могильная яма, ориентированная с юго-запада на северо-восток, в плане прямоугольник со скошенными углами, размерами 1,80 × 0,50 × 1,20 м, врезана в материк на 1,00 м. Подбой, размерами 2,10 × 0,80 × 0,60 м, был заложен в два ряда крупными мергелевыми плитами, поставленными наклонно на дно могильной ямы. Дно подбоя ниже дна могильной ямы на 0,15 м.

В подбое лежал костяк головой на юго-запад. Разрезан траншеей. Сохранились сильно разбитая черепная крышка и кости ступни и голени (табл. I, 28). У черепа найдены три стеклянные шестигранные бусины.

¹ Н. И. Репников, Некоторые могильники..., ИАК, вып. 19, табл. 10, рис. 21.

² Е. В. Веймарн, ук. рукопись, рис. 11а, 11б.

³ Н. И. Репников, Некоторые могильники..., ч. II, ЗООИД, т. XXVII, табл. XVI, рис. 1; его же, Разведки и раскопки на Южном берегу Крыма и в Байдарской долине в 1907 г., ИАК, вып. 30, стр. 114, рис. 15.

⁴ Материалы по археологии Кавказа, VIII, М., 1900, табл. LXXXIV, рис. 6.

Табл. V. Серьги и бусы.

7 (№ 34). Могильная яма, ориентирована с юго-запада на северо-восток, в плане прямоугольник, размерами $1,10 \times 0,50 \times 0,90$ м, врезана в материк на $0,55$ м. Подбой размерами $0,90 \times 0,40 \times 0,45$ м, заложен мергелевыми плитами, поставленными на дно могильной ямы. Дно подбоя чуть ниже дна могильной ямы.

Рис. 3. Кувшинчик из могилы № 34.

В подбое найден плохо сохранившийся костяк младенца, лежавший на спине, головой на юго-запад (табл. I, 34). В изголовье его стоял одноручный желтоглиняный кувшинчик, одна сторона которого черная, по-видимому, от огня. Тулово кувшинчика вытянуто кверху по вертикали, плечики округлые, плавно переходящие в сильно отогнутый венчик, дно плоское, горло украшено у основания двойным и вверху, под венчиком, одинарным желобком, ручка плоская, высота $0,103$ м (рис. 3).

На тазовых костях найдена маленькая серебряная пряжка. Кольцо ее овальное, литое, в сечении круглое. Щиток из пластинки, верхняя сторона которой закруглена, нижняя—почти прямоугольная. Посередине щитка—заклепка для крепления ремня. Язычок из тонкой проволоки, в сечении полукруглый, резко загнут на конце. Длина кольца— $0,015$ м. Пряжка по размеру и по типу очень близка к нашей пряжке из могилы № 13.

8 (№ 41). Могильная яма, ориентированная с юго-запада на северо-восток, в плане прямоугольник, размерами $1,70 \times 0,60 \times 1,00$ м, врезана в материк на $0,55$ м. Подбой, размерами $1,85 \times 0,70 \times 0,65$ м, был заложен в два ряда крупными мергелевыми плитами, поставленными на дно подбоя, сделанного на $0,30$ м ниже дна могильной ямы (рис. 4, табл. II, 41). В подбое, частично срезанном траншеей, обнаружен женский костяк хорошей сохранности, лежавший на спи-

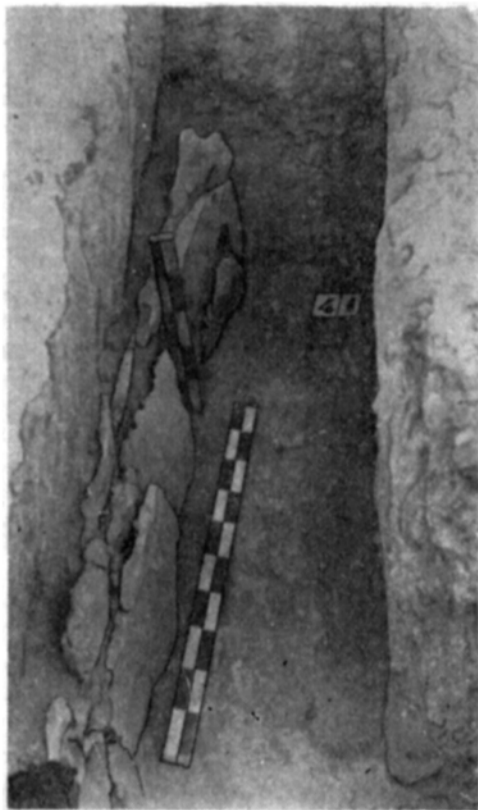

Рис. 4. Заклад подбоя в могиле № 41.

не, головой на юго-запад (рис. 5). Череп деформирован, руки чуть согнуты в локтях и скрещены на тазе, ноги вытянуты, ступни сведены вместе (табл. I, 41).

У черепа костяка найдены две парные массивные серьги в виде серебряного кольца, на один конец которого насажена семигранная колбочка. Грани колбочки плакированы листовым золотом и инкру-

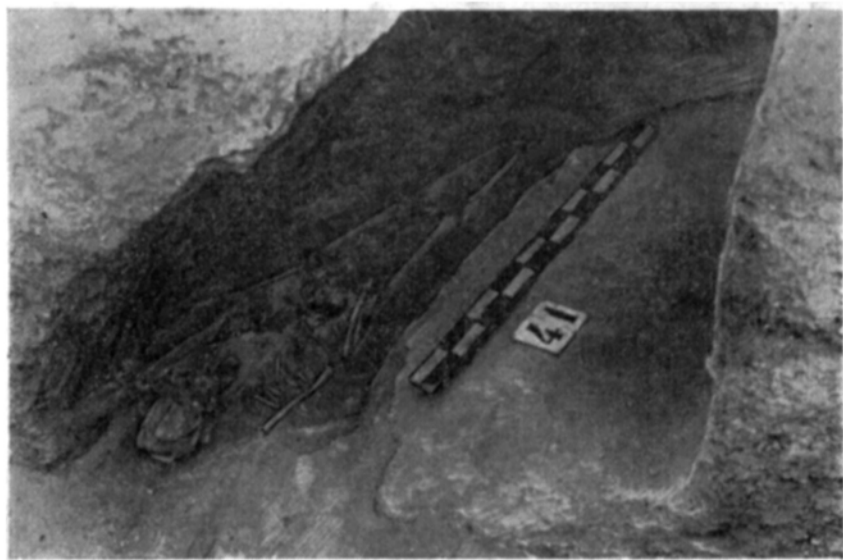

Рис. 5. Костяк в подбое № 41.

стированы красными и белыми с перламутровым отливом вставками. Другой конец кольца свободный. Диаметр кольца 0,033 м (табл. V, 1, 2). Подобные по форме медные и золотые серьги (височные кольца) найдены в могильниках Суук-Су и Артека¹. Серьги из Суук-Су, так же как и весь нижний комплекс этого могильника, относятся В. В. Кропоткиным к VI—VII вв.²

У шейных позвонков найдено ожерелье, состоящее из серебряных подвесок и набора мелких разноцветных стеклянных и пастовых бус (табл. V, 8).

Одна серебряная подвеска, длиной 0,037 м, имеет форму продолговатого листа с круглым загнутым ушком для подвешивания.

Две серебряные подвески сделаны в виде кружков. Одна целая, от другой остался обломок, диаметр их — 0,017 м.

Две другие серебряные подвески пельтообразные, с сильно загнутыми концами и выступом посередине. Ушко для подвешивания расположено также посередине и на выпуклом краю. Ушки утрачены. Общая длина каждой подвески — 0,019 м. Бронзовые пельтообразные укра-

¹ Н. И. Репников, Некоторые могильники ... ИАК, вып. 19, 1906, стр. 54—55, табл. I, рис. 5, 13, 17, 18, 19.

² В. В. Кропоткин, Население юго-западного Крыма в эпоху раннего средневековья, автореферат, М., 1953.

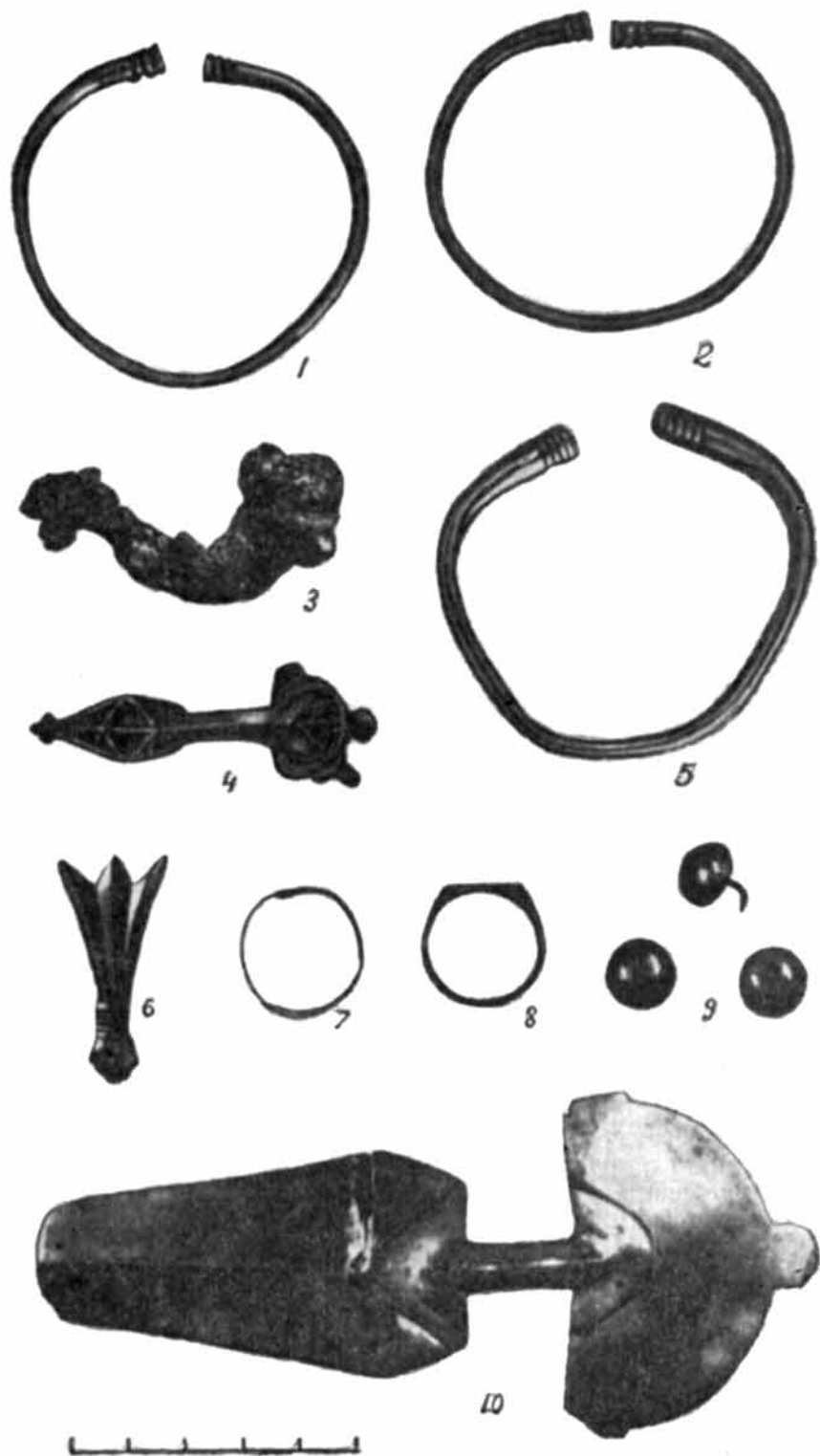

Табл. VI. Фибулы, браслеты, броши, кольца.

шения встречены в некрополе Херсонеса в погребении 492¹, а также в кургане Духова могила в Болгарии². Они были весьма распространены и бытовали продолжительное время.

Бусы состоят из мелкого бисера синего и белого стекла и между ними пастовых бусин цилиндрической формы.

На запястьях каждой руки найдено по одному браслету из низкопробного серебра. На концах они имеют утолщения и три кольцевые насечки. Наибольший диаметр — 0,062 м (табл. VI, 1, 2). Такой же браслет был найден в этом могильнике в 1952 году³, имеются они и в могильнике Суук-Су⁴. Н. В. Пятыхева считает, что „кольцевые насечки являются излюбленным орнаментальным элементом местных негреческих украшений Северного Причерноморья и Закавказья“. Им украшались гривны, ножные и ручные браслеты, перстни, серьги и т. п.⁵.

На уровне локтей у позвоночника найдена массивная железная пряжка с овальным кольцом. Щиток украшен крупными красными стеклянными вставками с подложенными под них кусочками листового золота. Язычок массивный, загнут на конце. На заднем конце язычка имеется такая же вставка. Видны отпечатки ткани. Длина пряжки — 0,055 м (табл. IV, 2).

9. Подбойная могила, открытая в 1951 году. Могильная яма, размерами 1,80 × 0,50 м, ориентирована с запада на восток. Подбой, шириной 0,45 и глубиной 0,50 м, расположен в северной стороне могильной ямы. Он был заложен плоскими мергелевыми плитами. Дно подбоя ниже дна могильной ямы на 0,10 м. Костяк женщины лежал на спине, с вытянутыми ногами и руками. На правой ноге костяка лежала нижняя половина амфоры с погребением младенца. Амфора имеет удлиненное тулово, слегка сужающееся ниже середины, затем снова расширяющееся и переходящее в конусовидное дно. На нижней части тулова имеется несколько неглубоких желобков. Высота сохранившейся части 0,50 м (рис. 6).

Подобные амфоры из Херсонеса датированы А. Л. Якобсоном V в.⁶, боспорские — IV в.⁷.

Аналогичная, тоже фрагментированная, амфора найдена на этом же могильнике в 1952 году⁸.

У шейных позвонков найдено несколько стеклянных бус в виде мелкого и крупного бисера, сильно ирризированных, и бронзовая подвеска от ожерелья. Подвеска прямоугольной формы с двумя отверстиями. Ушко является продолжением пластинки, у основания имеет две параллельные полоски.

¹ ОАК, 1894, стр. 68, рис. 94—100.

² А. И. Вошнина, Фракийская художественная бронза II—III вв. н. э. в собрании Государственного Эрмитажа (к вопросу о культуре и искусстве Фракии первых вв.), рукопись, Архив Гос. Эрмитажа, стр. 137, рис. 232, 241.

³ Е. В. Веймарн, ук. рукопись, рис. 60.

⁴ Н. И. Репников, Некоторые могильники..., ИАК, вып. 19, табл. XI, рис. 16.

⁵ Н. В. Пятыхева, Ювелирные изделия Херсонеса IV в. до н. э.—IV в. н. э., 1956, стр. 51.

⁶ А. Л. Якобсон, Средневековые амфоры Северного Причерноморья, СА, XI, 1951, стр. 328.

⁷ В. Ф. Гайдукевич, Раскопки Тиритаки в 1935—1940 гг., МИА, 25, стр. 62, рис. 70, а также стр. 120, рис. 149.

⁸ Е. В. Веймарн, ук. рукопись, рис. 58 (I).

Б. МОГИЛЫ С ДВУМЯ ПОДБОЯМИ

1 (№ 12). Могильная яма, ориентированная с юго-запада на северо-восток, в плане прямоугольник с закругленными краями, размерами $1,90 \times 0,70 \times 2,00$ м, врезанная в материк на 1,70 м. Подбой расположен в ЮВ и СЗ сторонах.

Рис. 6. Амфора из подбойной могилы 1951 г.

центр которого пропущена ось пружины иглы. На концах оси граничные шишечки, выступающие по сторонам щитка у его основания. Длина—0,06 м (табл. VI, 4).

На тазовых костях найдена большая овальной формы железная пряжка. Кольцо в сечении плоское, толстое, задняя его сторона тонкая. Язычок массивный у петли, сильно сужающийся к загнутому вниз концу. Длина 0,053 м (табл. IV, 1).

Подбой в северо-западной стороне, размерами $2,35 \times 0,60 \times 0,80$ м, был заложен плоскими мергелевыми плитами, один ряд которых поставлен на дно подбоя, расположенного на 0,25 м ниже дна могильной ямы. В подбое костяк очень плохой сохранности, головой на юго-запад. Череп смещен, кости рук тоже, кости ног лежат вытянуто.

В разных местах подбоя найден обломок железного ножа, бронзовый наконечник ремня, две пастовые темно-синего цвета с желты-

Подбой в юго-восточной стороне, размерами $1,80 \times 0,40 \times 0,30$ м, был заложен плоскими мергелевыми плитами, стоящими наклонно на дне могильной ямы. Дно подбоя ниже дна могильной ямы на 0,10 м (табл. III, рис. 12). В подбое, частично обвалившемся, найден костяк очень плохой сохранности, лежавший на спине, головой на ЮЗ. Кости рук не сохранились, кости ног вытянуты (табл. I, 12).

На левом плече костяка найдена дужка железной литой фибулы с остатками ткани (табл. VI, 3). На груди костяка имелась бронзовая, литая, с небольшой высокой дужкой фибула. Дужка в сечении двугранная, с закругленным ребром, снизу слегка вогнутая. Передний щиток ромбовидный, его задний конец усечен, передний заканчивается трехлепестковой пальметкой. Верхняя плоскость щитка расчленена на треугольники. На нижней стороне отлив с загнутым концом—приемник для иглы. Задний щиток полукруглый, с круглым маленьким отливом на вершине, плоскость украшена треугольниками. На нижней стороне отлив, через

ми и белыми глазками бусины сферической формы и две стеклянные, тоже сферические. Лезвие ножа сужается к переднему концу; общая длина ножа 0,068 м. Конец бронзового наконечника ремня закруглен; задняя половина отделена тремя поперечными желобками и распилена по толщине для крепления ремня; на заднем конце одна застежка; длина 0,034 м (табл. IV, 8). Наконечник ремня очень близок к наконечнику из могилы № 13 (табл. IV, 11).

В. МОГИЛА ДВУХСЛОЙНАЯ С ДВОЙНЫМ ПОДБОЕМ ВНИЗУ

I (№ 2). Могильная яма, ориентированная с юго-запада на северо-восток, в плане прямоугольник с закругленными углами, размерами 1,85 × 0,60 м, глубина для верхнего подбоя 1,40 м, для нижнего—1,85 м; врезана в материк на 1,10 м (табл. III, 2).

Верхний подбой, размерами 1,65 × 0,50 × 0,30 м, был заложен мергелевыми плитами, поставленными наклонно. Дно подбоя расположено выше дна могильной ямы на 0,10 м. В подбое, частично обвалившемся, имелось вторичное захоронение. Кости более древних погребений взрослых оказались смещенными, и на очищенном месте лежали два детских костяка. Костяки младенцев положены на спине, головой на юго-запад, конечности вытянуты (табл. I, 2, верхнее погребение).

У черепа младенца, лежащего у стены, найдена маленькая проволочная серебряная серьга с замком из двух крючков. Сбоку припаяна подвеска из четырех шариков (табл. V, 3). Этот тип серег встречался в данном могильнике в 1952 году¹, а также в могильниках Узен-Баш, Суук-Су² и Эски-Кермен³.

Нижний подбой в северо-западной стороне, размерами 1,80 × 0,60 × 0,60 м, был заложен мергелевыми плитами, поставленными в три ряда на дно могильной ямы. Дно подбоя сделано ниже дна могильной ямы на 0,20 м. В подбое лежал мужской костяк хорошей сохранности, на спине, головой на ЮЗ, повернутой налево, с вытянутыми конечностями, ступни сведены вместе (табл. I, 2, нижнее погребение).

У таза костяка найдены обломок железного ножа длиной 0,088 м и железное кресало длиной 0,117 м. Кресало представляет собой толстую железную пластинку с утоньшенными и загнутыми концами. Рабочий край у середины вогнут. Задняя сторона имеет петлю с вертикальной перегородкой—для подвешивания на ремень (табл. II, 4, 5).

Нижний подбой в юго-восточной стороне размерами 1,65 × 0,50 × 0,40 м был заложен, по-видимому, деревянными досками, так как закладных плит из мергеля не обнаружено. Дно подбоя ниже дна могильной ямы на 0,10 м. В подбое лежали на спине, головами на юго-запад, два костяка, видимо, мужской и женский (рис. 7). Левый костяк несколько перекрывал правый. У правого—левая рука согну-

¹ Е. В. Веймарн, ук. рукопись, рис. 591.

² Н. И. Репников, Разведки и раскопки на Южном берегу Крыма и в Байдарской долине в 1907 г., ИАК, вып. 30, СПб, 1909, стр. 113, со ссылкой на тип Суук-Су; его же, ИАК, вып. 19, 1902, стр. 55, табл. I, рис. 4, 12; его же, (часть II), ЗООИД, т. XXVII, табл. XVI, рис. 3, погребения нижнего слоя №№ 5, 54, 59, 72, 169; В. В. Кропоткин, Население юго-западного Крыма в эпоху раннего средневековья, М., 1953, стр. 10.

³ Н. И. Репников, Раскопки Эски-Керменского могильника в 1928—1929 гг., ИГАИМК, т. XII, вып. 8, в земляном склепе № 41.

та в локте и кисть лежит на тазе, правая—вытянута, ноги вытянуты, ступни сведены вместе. Левый костяк с вытянутыми конечностями и сведенными ступнями (табл. 1, 2, нижнее погребение).

У локтя левой руки правого костяка найдена бронзовая литая

Рис. 7. Костяки в подбое № 2 с юго-восточной стороны.

пряжка с прямоугольным кольцом, отлитым вместе со щитком. {Наружные стороны кольца скошены и украшены выемками и насечками. Щиток ажурный, задняя сторона полукруглая; в центре крестовидная розетка с тремя прямыми и одним округлым концами; по сторонам последнего, подобно полукруглому концу щитка, две прорези. Язычок железный. На нижней стороне щитка три отлива для крепления ремня. Общая длина 0,036 м (табл. IV, 4). Пряжка, подобная нашей, найдена в могильнике Артек. Она отлита из меди, но имеет несколько другой узор¹.

ТИП II. ГРУНТОВЫЕ МОГИЛЫ

1 (№ 6). Могильная яма, ориентированная с юго-запада на северо-восток, в плане прямоугольник с закругленными углами, размерами 1,40 × 0,60 × 1,30 м, врезанная в материк на 0,80 м. Костяк младенца очень плохой сохранности: череп смещен, кости перемешаны. Вещей не обнаружено.

2 (№ 6А). Могильная яма, ориентированная с юго-запада на северо-восток, в плане прямоугольник с закругленными углами, размерами 1,80 × 0,60 × 1,10 м, врезанная в материк на 0,70 м. Костяк хорошей сохранности, положен головой на ЮЗ, сильно завален на левый бок, череп повернут налево. Правая рука согнута в локте, ее кисть лежит на костях предплечья левой руки, вытянутой вдоль туловища. Правая нога вытянута, левая—согнута в колене (табл. I, 6а). У кисти левой руки на уровне тазовых костей найдены обломки железной пряжки (табл. IV, 10). Железная пряжка подобного рода найдена в верхнем слое погребений могильника Суук-Су² и относится к VII—VIII вв., как считает В. В. Кропоткин³. Несколько выше пряжки найдены два куска кремня.

¹ Н. И. Репников, Некоторые могильники..., ИАК, вып. 19, табл. X, рис. 22.

² Там же, табл. XII, рис. 16.

³ В. В. Кропоткин, ук. работа, стр. 10.

3 (№ 8). Могильная яма, ориентированная с юго-запада на северо-восток, в плане прямоугольник, размерами $1,60 \times 0,60 \times 1,20$ м, врезанная в материк на 0,80 м. Костяк хорошей сохранности лежит на спине, головой на СВ, череп повернут налево. Левая рука костяка вы-

Рис. 8. Костяк в грунтовой могиле № 8.

тянута, правая чуть согнута в локте. Ноги вытянуты. Это единственное погребение, имеющее ориентацию головой на северо-восток (рис. 8). Вещей в могиле не обнаружено.

ТИП III. СКЛЕПЫ¹

№ 1 (открыт в 1951 году)². Дромос склепа разрушен, камера имеет размеры по оси З-В—2,10 м, по оси Ю-С—1,30 м, высота—1,40—1,50 м. Вход в склеп находился на западе. Расчисткой обнаружено два слоя погребений. Верхний слой сильно потревожен во время строительных работ. Здесь находилось, по-видимому, два костяка. Внизу, под слоем глины в 3—6 см толщиной, найдены пережженные кости (?), лежащие как будто бы на месте. Костяки ориентированы головой на восток.

В склепе найдены:

а) обломок железного ножа. Лезвие сильно сужается к концу, самый конец отломан. Общая длина—0,09 м (табл. II, 2);

б) железный нож с костяной ручкой. Нож короткий, отломан у черенка, ручка также сохранилась частично. Тыльная часть лезвия прямая, режущая—сужается к верхнему концу. Общая длина—0,12 м (табл. II, 1);

в) пряжка низкопробного серебра. Кольцо овальное, литое, тонкое. Щиток из тонкой двойной пластинки с закругленными краями, наверху посредине заклепка. Язычок загнут на конце, украшен же-

¹ Как уже отмечалось выше, склепы экспедицией не исследовались. Ниже приводятся краткие описания склепов, обнаруженных в ходе строительных работ в 1951 и 1953 гг., сделанные по фрагментарным полевым записям С. Ф. Стржеleckого. Указать расположение склепов на плане не представляется возможным.

² Склеп частично описан Е. В. Веймарном, ук. рукопись, склеп № 6.

лобком у места прикрепления к кольцу, в сечении—треугольник. Общая длина—0,032 м (табл. IV, 7);

г) пряжка железная. Кольцо овальное с вогнутой передней частью. Язычок сохранился неполностью. Длина кольца—0,036 м (табл. IV, 3).

№ 2 (обнаружен в 1951 году). Склеп расположен севернее склепа № 1. Потолок обвалился. В северной стене склепа обнаружена деревянная пробоина в соседний склеп. Судя по количеству костей, в склепе было несколько погребений. Кости хорошей сохранности, черепа имеют следы сильного воздействия огня. Кость местами прогорела насквозь. Найдено большое количество древесного угля, среди которого попадались крупные куски головешек. Склеп не зачищался.

№ 3 (открыт в 1953 году). Склеп находится под зданием склада нефтебазы. Вход в склеп с запада. Камера склепа в плане неправильный прямоугольник, размерами 2,50 × 1,90 × 1,30 м, с коробовым сводом. В склепе найдено три костяка, головами ко входу. Сохранность костей хорошая, но нарушена при земляных работах на строительстве.

В склепе найдены:

а) Пластинчатая фибула из низкопробного серебра. Дужка ее большая и высокая, в сечении двугранная, с двумя щитками. Передний щиток вытянутый и представляет собой усеченный с двух сторон ромб со слабым продольным перегибом. На нижней его стороне имеется приемник для иглы. Задний щиток имеет форму полукруга, украшенного тремя выступами, один на вершине, два боковых—утрачены. На нижней стороне этого щитка расположен отлив, через центр которого пропущена ось пружины иглы. Общая длина фибулы 0,13 м (табл. VI, 10). Подобная фибула найдена Е. В. Веймарном в 1952 году¹, а также встречена в могильниках Суук-Су² и в Пашковском³.

б) Пряжка из низкопробного серебра. Кольцо ее овальное, литое, с утоньшением на задней стороне. Язычок пряжки подвижной, двугранный, в сечении конец его украшен клювом птицы с двумя глазами по бокам. Длина кольца—0,049 м (табл. IV, рис. 9). Очень похожая пряжка найдена в подбойной могиле № 29 в 1952 году⁴.

в) Браслет массивный, из низкопробного серебра, концы с утолщениями, на которых сделано по пяти насечек. Наибольший диаметр—0,063 м (табл. VI, 5). По типу браслет очень близок к нашим из могилы № 41.

г) Брошка из низкопробного серебра в виде мушки. На нижней стороне приемник для иглы и отлив, через центр которого пропущена ось пружины иглы. Общая длина—0,037 м (табл. VI, 6). Тип, встречающийся в Херсонесе из беспаспортного материала.

д) Перстень медный, литой, щиток плоский. Диаметр—0,021 м (табл. VI, 8). Подобный перстень встречен в погребении нижнего слоя в могильнике Суук-Су.

е) Перстень из низкопробного серебра, на щитке орнамент. Диаметр—0,021 м (табл. VI, 7).

¹ Е. В. Веймарн, ук. рукопись, рис. № 60 (4).

² Н. И. Репников, Некоторые могильники..., ИАК, вып. 19, стр. 62, табл. VII, рис. 2; то же в ч. II, ЗООИД, XXVII, табл. XIII, рис. 5,7.

³ К. Ф. Смирнов. О некоторых итогах исследования могильников..., КСИИМК, XXXVII, 1951, стр. 156—158.

⁴ Е. В. Веймарн, ук. рукопись, рис. 59 (14).

ж) Три бляшки из низкопробного серебра, сферической формы, полые внутри. Диаметр—0,012 м (табл. VI, 9).

з) Две согнутые проволоки медные.

и) Бусы крупные пастовые. Одна зеленая, с красными крупными глазочками в желтом ободке; вторая с зеленым поясом посередине и красным вокруг отверстий; третья неправильной круглой формы, зеленовато-белого цвета; четвертая граненая сердоликовая с прожилками (табл. V, 7).

Рис. 9. Стекло́нная кубышка из склепа № 4, 1953 г.

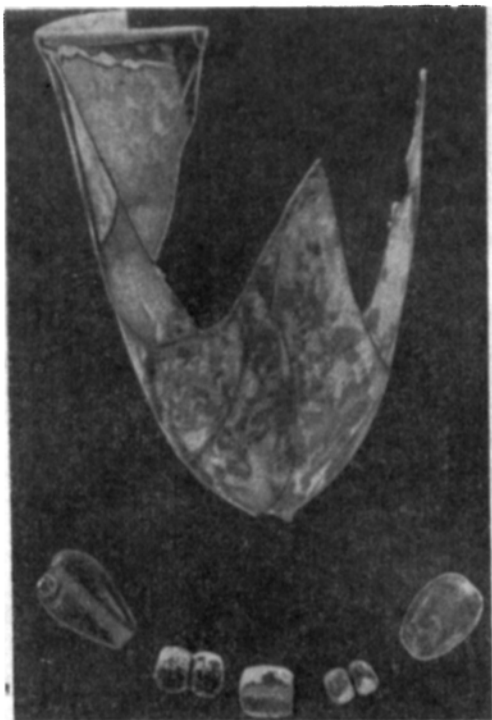

Рис. 10. Стекло́нная рюмка и бусы из склепа № 4, 1953 г.

№ 4 (обнаружен в 1953 году). Склеп находится также под зданием склада нефтебазы, не зачищался, обмеры не производились. В склепе найдены:

а) стекло́нная кубышка. Корпус вытянут кверху. Плечо круглое, переходит в широкое, раструбом, горло. дно вогнутое, тулово украшено чуть заметными желобками. Высота—0,106 м (рис. 9);

б) стекло́нная рюмка, конусовидная, с округлым дном, ножка отбита. Сильно фрагментирована (рис. 10);

в) обломок железного ножа с частично сохранившейся деревянной ручкой. Общая длина—0,040 м;

г) бусы стекло́нные синие, две крупные миндалевидные, одна граненая, 4 круглых, средних (рис. 10).

Кроме вещей, найденных в вышеописанных погребениях, в музей поступил конский уздечный набор, обнаруженный при земляных работах в одной из подбойных могил этого же некрополя.

В набор входят железные удила с бронзовыми литыми концами и с кольцами для псалий. На концах по продольной оси удила отлиты

с круглыми отверстиями. Бронзовые наконечники насажены на железные удила. Железных удил почти не сохранилось. От второго бронзового наконечника сохранилось кольцо. Длина наконечника—0,042 м, диаметр кольца—0,02 м, сохранившаяся длина железных удил—0,035 м (табл. II, 6).

Псалии парные, бронзовые, литые, средняя часть утолщена с перехватом посередине, с двумя продольными круглыми отверстиями вверху и внизу. Нижняя половина псалии утоньшена, овальна в се-

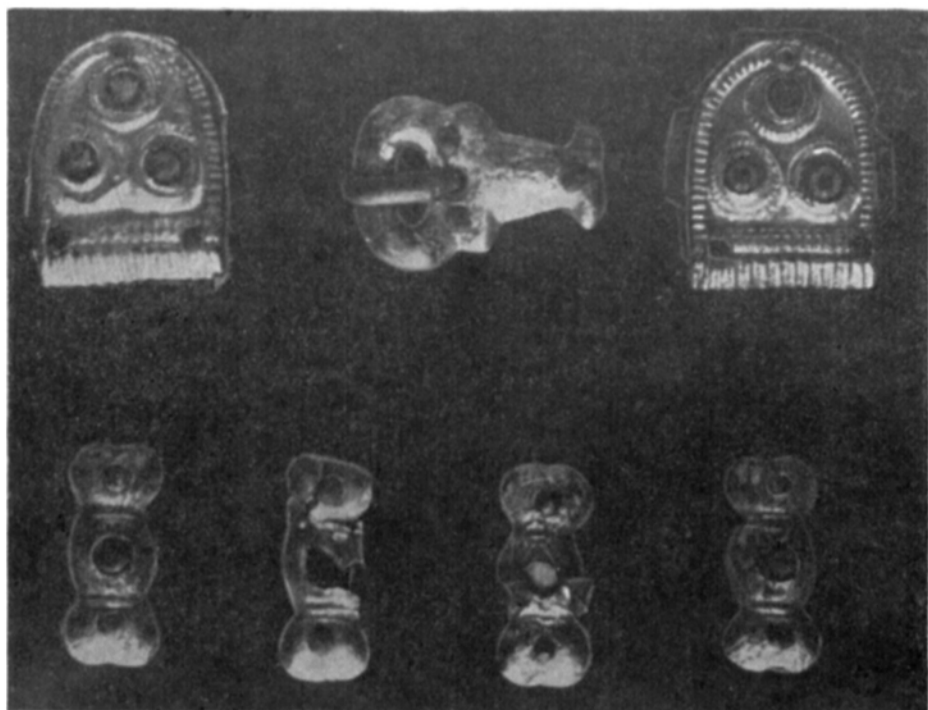

Рис. 11. Уздечный набор с позолотой и инкрустациями.

чении с поперечной гофрировкой, заканчивается многогранником. Верхняя половина—плоская, расширяется кверху, заканчивается небольшим односторонним утолщением с продольным рифлением. Общая длина—93 мм (табл. II, 7,8).

Кроме того, следует отметить 7 медных предметов, плакированных листовым золотом:

а) Пряжка медная, штампованная из двух бляшек (рис. 11, в верхнем ряду посередине). Щиток заканчивается двумя стилизованными головками птиц на заднем конце. Кольцо овальное, отштамповано из одной бляшки со щитком. Пряжка плакирована листовым золотом. На щитке три заклепки—две у кольца и одна посередине между головами птиц. Язычок в сечении полукруглый, загнут на конце. Пустота между плоской нижней бляшкой и верхней выпуклой заполнена белой массой (гипс?). Пряжка прикреплялась поверх ремня. Общая длина—0,035 м. Серебряная пряжка, подобная по форме нашей, найдена в тайнике при погребении № 5 Пашковского могильника¹.

¹ К. Ф. Смирнов, ук. работа, стр. 158, рис. 51 (6).

б) Две штампованные соединительные бронзовые бляшки (рис. 11, в верхнем ряду). Верхний щиток бляшки плакирован листовым золотом. Бляшка состоит из двух щитков; верхний—штампованный. Бляшка прямоугольная, с прямым нижним краем и полукруглым—верхним. Верхний щиток имеет по краю выпуклую кромку с поперечным рифлением, плоскость щитка инкрустирована тремя круглыми вставками зеленоватого стекла. Снизу углубление верхнего штампованного щитка заполнено белой массой (гипс?). Нижний щиток плоский, с загнутыми краями по сторонам ремней. К верхней стороне бляшки закреплялся нижний конец вертикального ремня; через середину бляшки был пропущен поперечный скользящий ремешок. Щитки скреплены тремя заклепками. Длина бляшки—34 мм, ширина бляшки—27 мм.

в) Четыре бляшки накладные бронзовые. Каждая из двух щитков. Верхний фигурный штампованный, с золотой плакировкой; нижний прямоугольный, плоский. Верхний щиток выпуклый, полуцилиндрический в сечении, с двумя перегибами. Средняя часть инкрустирована круглой вставкой зеленоватого стекла. Снизу верхний щиток заполнен белой массой (гипс?). Щитки соединены двумя заклепками. Длина—29 мм, ширина—13 мм (рис. 11).

Изучение материала из могильника у высоты „Сахарная головка“ позволяет установить, что на этой территории имеются два разнотипных и разновременных памятника: таврское поселение X—V вв. до н. э. и перекрывающий его могильник V—VII вв., погребальные сооружения которого сильно разрушили остатки более древнего поселения. Изучением топографии могильника определяются его северная и южная границы. Обрезов могил в траншее южнее погребения № 1 и севернее погребения № 44 (см. план) не обнаружено. Могильник функционировал, по-видимому, значительный промежуток времени (V—VII вв.), о чем свидетельствуют разновременный погребальный инвентарь и случаи вторичных захоронений (№№ могилы 2 и 13).

Преобладающим, массовым типом погребальных сооружений могильника являются подбойные могилы¹. Так, из изученных нами 18 погребальных сооружений подбойных могил 11, грунтовых—3, склепов—4. Все исследованные подбойные могилы имели аналогичные заклады подбоев из крупных и мелких мергелевых плит. Исключение составляет только юго-восточный подбой могилы № 2, где он, вероятно, был заложен деревом.

И в грунтовых и в подбойных могилах преобладают одиночные захоронения, парные редки. Только в двух подбоях отмечены парные захоронения. В могиле № 2—верхний и нижний подбой.

Костяки лежали на спине, головой на юго-запад, кроме одного случая (грунтовая могила № 8), где костяк оказался лежащим головой на северо-запад. Руки или вытянуты вдоль туловища (могилы №№ 7, 13, 28 (?), 34 могила 1951 года, 12—оба подбоя (?), № 2—верхний подбой и нижний в северо-западной стороне), или согнуты в локтях со скрещенными кистями на тазе (могилы с женскими погребениями №№ 16 и 41), или правая рука вытянута вдоль туловища, а левая согнута в локте и кисть положена на таз (могилы с мужскими погребениями № 11, № 2—нижний подбой в юго-западной стороне). Ноги всех костяков вытянуты, и почти у всех ступни сведены вместе. Среди уцелевших семи черепов два оказались деформированными.

¹ На это указывал Е. В. Веймарн, см. ук. рукопись, стр. 2.

Анализ антропологического материала, произведенный научным сотрудником отдела античной и средневековой археологии Института археологии Академии наук УССР К. Ф. Соколовой¹, свидетельствует о крайне неоднородном этническом составе погребенных. В основном серия черепов из раскопок 1953 года не отличается от черепов, добытых в 1952 году. Эта серия включает в себе черепа брахикранные, долихокранные и мезокранные. Как считает К. Ф. Соколова, брахикранный тип в данном могильнике может рассматриваться как позднетаврский.

В возрастном отношении преобладали захоронения взрослых. В одиннадцати подбойных могилах из 17 костяков только 5 оказались детскими (№ 2—верхний подбой, № 13, № 34 и могила 1951 года), в трех грунтовых могилах—два взрослых и один детский (могила № 6).

Погребальный инвентарь данного могильника в общей своей массе аналогичен инвентарю из других крымских могильников раннего средневековья (V—VII вв.) и в первую очередь могильников Суук-Су, Эски-Кермена и Херсонеса.

Характерной чертой погребального инвентаря могильника у высоты „Сахарная головка“ является почти полное отсутствие глиняной и стеклянной посуды, использованной для заупокойной пищи. Такое явление наблюдается в инвентаре некоторых крымских могильников только с середины I тысячелетия н. э.

Еще более ранние могильники времени III—IV вв. (Херсонесский, Инкерманский, Чернореченский, могильник у совхоза № 10) дают огромное количество самой разнообразной посуды, особенно керамической, то могильники V—VII вв., в том числе могильник у высоты „Сахарная головка“, могильники Суук-Су, Эски-Кермена, Херсонеса и др., ее почти не имеют, а позже она совсем исчезает.

Данное обстоятельство, вполне вероятно, является указанием на то, что в это время получили развитие новые идеологические представления, возникшие в связи с проникновением сюда новой религии—христианства, и это привело к изменению в погребальном обряде. Прямым указанием на появление христианского обряда в погребениях служат бронзовые кресты и известняковые плиты с изображением креста, происходящие из могильников у высоты „Сахарная головка“¹, Суук-Су², Херсонеса³.

¹ Часть черепов, в том числе и деформированные, принадлежит, по-видимому сарматскому населению.

² Е. В. Веймарн, ук. рукопись, рис. 29 а, б.

³ Н. И. Репников, Некоторые могильники..., ИАК, вып. 19, табл. IV рис. 30, стр. 72, рис. 51.

⁴ Н. И. Репников, Дневник раскопок Херсонесского некрополя в 1908 г., Херсонесский сборник, II, стр. 186, рис. 58.

А. М. ГИЛЕВИЧ

МОНЕТЫ ИЗ РАСКОПОК В ХЕРСОНЕСЕ В 1950 ГОДУ

Раскопки в Херсонесе в 1950 году производились в южном нефе базилики, открытой в 1935 году¹. Задачей раскопок являлось:

Снятие верхнего мозаичного пола и перенос его в экспозицию музея.

Открытие нижней мозаики, обнаруженной в 1947 году.

Уточнение датировок базилик, открытых в 1935 году².

При раскопках обнаружено несколько культурных слоев, которые свидетельствуют о неоднократных перестройках исследованных сооружений в период с V по X в. Таких слоев и связанных с ними строительных остатков (полов и стен базилик) обнаружено пять³:

1. Верхний, мозаичный пол с подстилающим его слоем. Этот пол открыт Г. Д. Беловым в 1935 году и датирован им VI в.⁴

2. Второй, цемянковый пол с подстилающим его культурным слоем. Он был обнаружен после снятия верхней мозаики и подстилавшей ее вымостку искусственной земляной засыпи. Этот пол заходит на стилобат колонн, отделяющий южный неф базилики от среднего. Стены базилики 1935 года, сохранившиеся выше фундамента, построены одновременно с цемянковым полом.

3. Третий пол с подстилающим его слоем был сильно разрушен при сооружении пяти могил и траншеи. Траншея вдоль стилобата, перекрытая вторым полом, была сделана после гибели базилики, синхронной третьему полу. В засыпи траншеи найдены мелкие обломки фресок.

Цемянковый слой третьего пола сохранился только в углах помещения и вдоль южной стены нефа. Раскопками установлено, что базилика, синхронная третьему полу, продолжительное время стояла в

¹ Г. Д. Белов, Отчет о раскопках в Херсонесе за 1935—1936 гг., Крымиздат, 1938, стр. 89 сл.

² С. Ф. Стржелецкий, Античные памятники из раскопок в Херсонесе в 1950 г., ВДИ, № 2, 1951, стр. 136.

³ С. Ф. Стржелецкий, Отчет о раскопках в Херсонесе в 1950 г., Архив ГХМ, дело № 609.

⁴ Г. Д. Белов, ук. соч., стр. 89.

разрушенном виде¹. Это, в частности, подтверждается тем обстоятельством, что на участках пола, не потревоженных земляными работами, постепенно обваливавшиеся со стен базилики куски штукатурки налегали друг на друга в три-четыре слоя и зачастую очень крупными фрагментами, разбивавшимися на мелкие составные части, чего ни в коем случае не могло быть, если бы культурный слой над третьим полом был искусственно насыпан.

4. Уровень четвертого, сильно разрушенного цемянкового пола с подстилающим его слоем совпадает с верхней границей фундамента верхней базилики и относится ко времени ее сооружения.

5. Нижний мозаичный пол находился в южном приделе нижней базилики раскопок 1935 года, датированной Г. Д. Беловым V в.²

Во время работ 1951 года по снятию нижнего мозаичного пола были вскрыты еще два культурных слоя: а) слой мозаичного набора с его субструкцией и подстилающего его цемянкового пола; б) слой под цемянковым полом.

При раскопках в этих слоях обнаружена 91 бронзовая монета; из них 16 не поддаются определению вследствие плохой сохранности. В подавляющей своей массе монеты позднеантичной эпохи, преимущественно римских императоров IV—V вв.

Как видно из прилагаемых списка и таблицы, существенной хронологической разницы между монетными находками в разных слоях нет. Это обстоятельство значительно снижает ценность нумизматического материала для датировки отдельных слоев и строительных периодов. Однако найденные монеты все же дают возможность говорить о времени сооружения верхнего и нижнего мозаичных полов. Так, в слое, подстилающем нижнюю мозаику, самой поздней оказалась монета имп. Феодосия II (408—450 гг.). Это говорит о том, что мозаика была сделана не ранее времени правления этого императора.

Под верхним мозаичным полом была найдена монета императора Романа I (920—944 гг.). Эта мозаика, следовательно, не могла быть сооружена ранее середины X века³. Вторая базилика, будучи сооружена в VI в., существовала до X в. За эти 400 лет она неоднократно перестраивалась. У нас нет никаких оснований полагать, что все перестройки, за исключением последней, сделанной в X в., произведены в VI в., только на том основании, что на всех полах найдены монеты IV—V вв. Для уточнения времени перестроек базилик нумизматического материала недостаточно. Необходимо изучение фресковой росписи, палеографических данных, многочисленных граффити на обломках штукатурки и остального археологического материала.

Монеты из раскопок 1950 года представляют интерес для выяснения вопросов денежного обращения раннесредневекового Херсонеса. Впервые столь тщательно проведенный послойный сбор монетных находок выявил большое количество позднеримских и ранневизантийских монет в различных слоях между VI и X вв. Это дает возможность поставить вопрос о длительности обращения позднеримских и ранневизантийских монет в Херсонесе. В списке публикуемых монет обращает внимание третья группа. Эта группа наиболее многочисленная, относится к самому мощному из раскопанных здесь слоев. Как отмечено выше, слой этот представляет не искусственную насыпь,

¹ Архив ГХМ, № 609, стр. 13.

² Г. Д. Белов, ук. соч., стр. 89.

³ Под мозаикой были найдены обломки кувшинов с плоскими ручками (Архив ГХМ, д. № 609, стр. 10), которые А. Л. Якобсоном датируются IX—X вв. (МИА, вып. 17, М.—Л., 1950, стр. 155, рис. 91).

а постепенное наслоение обломков штукатурки, кирпичей и другого мусора в полуразрушенном здании. Вероятнее всего, что большое количество монет, лежавших между этими обломками, также попало сюда не сразу, а накапливалось постепенно вместе с другим мусором. Такое накапливание монет римских и византийских императоров IV—V вв. в более поздних слоях могло произойти в результате их обращения в Херсонесе в VI, а возможно в VII и VIII вв.

Подтверждением этого хотя бы для VI в. может служить клад римских и ранневизантийских монет, найденный в 1900 году в Севастополе у Стрелецкой бухты¹. Клад содержал монеты IV, V и VI вв., в том числе монеты Константина I и Констанция II, и зарыт был во второй половине VI в.

С начала VII в. до середины IX в. Херсонес не имел собственного чекана. Очень редко попадаются в Херсонесе монеты византийских императоров VII, VIII и начала IX вв.² В связи с этим возникает вопрос о возможности обращения позднеимперских и ранневизантийских монет в VII и VIII вв.

Известно, что в Центральной и Западной Европе римские монеты удерживались в обращении до X в.³

Для уточнения хронологических рамок обращения позднеимперских и ранневизантийских монет в Херсонесе при дальнейших раскопках средневековых помещений необходима самая тщательная фиксация монетных находок по слоям.

¹ ИАК, вып. 2, стр. 34.

² Л. Н. Белова, Монеты из раскопок кварталов XV—XVIII, МИА, вып. 34, стр. 256.

³ М. Ю. Брайтчевский, О распространении римских монет у древних восточных славян. ВДИ, №1, 1954, стр. 130. А. Марков, Топография кладов восточных монет, СПб, 1910.

СПИСОК МОНЕТ

Инвентарный №	Определение монеты, время и место чекана	Описание монеты	Соотношение осей	Размер в мм	Вес в грамах	Ссылка на каталог	Место находки
1	2	3	4	5	6	7	8
7909	Северное Причерноморье, античная	<p>I. Слой под верхним мозаичным полом</p> <p>Л. ст. Бюст влево. Об. ст. Испорчена окисью</p>	↑ ↓	20	3,15		Под верхним мозаичным полом
7910	Констанций II, 355—361 гг., чеканена в 6-й мастерской Сирмия	<p>Л. ст. D·X·C·O·N·S·T·A·N·T·I·V·S·P·F·A·V·G·]. Бюст императора Констанция II в диадеме вправо. Об. ст. FEL·T·E·M·P·[R·E·P·A·R·A·T·I·O·]. Император поражает пленника копьем. В обресе: HSIRM</p>	↑ ↓	18	1,27	Coh. VI, стр. 314, № 227	3-й квадрат под верхним мозаичным полом
7908	Роман I, 920—945 гг., чеканена в Херсонесе	<p></p> <p>Л. ст. Об. ст. стертая</p>		23	3,55	B, XVII, № 142	Под верхним мозаичным набором, в чеканке около северного угла у стилобата
7911	Карин, 283—285 гг.	<p>II. Траншея</p> <p>Л. ст. IMP·C·M·A·V·R·C·[A·R·I·N·V·S·N·O·B·]. Бюст императора в лучистой короне вправо. Об. ст. V·I·R·T·V·S·A·V·G·. Два императора держат глобус с Викторией. В обресе: XXI</p>	↑ ↓	20	3,75	Coh. V, стр. 364, № 143	Траншея
7913	Константин I, 307—335 гг., чеканена в 4-й мастерской Кизика	<p>Л. ст. C·O·N·S·T·A·N·T·I·N·V·S·A·V·G·. Бюст императора в диадеме вправо. Об. ст. P·R·O·V·I·D·E·N·T·I·A·E·A·V·G·G·. Лагерные ворота с двумя башнями, над ними звезда. В обресе: SMKA</p>	↑ ↑	18	2,89		Траншея, 14-й квадрат

1	2	3	4	5.	6	7	8
7914	Констанций II, 335—361 гг.	Л. ст. [DNCONS]TAN-TIVS[REAVG]. Бюст императора Констанция II в диадеме вправо. Об. ст. FELTEMP[REPARATIO]. Изображение стерго	↑ ↑	19	4,21		Траншея, 9-квадрат
7915	Констанций II, 335—361 гг., чеканена в Фессалониках	Л. ст. DNCONSTANTIVSPFAVG. Бюст императора в диадеме вправо. В правой руке сфера. Об. ст. FELTEMPREPARATIO. Император в военном одеянии со щитом и лабаром, поражает вражеского всадника. В обрезе: TSN 8-лучевая звездочка	↑ ↘	23	4,63	Соб. VI, стр. 314, № 227	Траншея, 9-й квадрат
7912	Валентиниан II, 375—392 гг., чеканена в 4-й мастерской Никомидии	Л. ст. [VALENT]INIANVSPFAVG. Бюст императора Валентиниана II в шлеме вправо. Об. ст. GL[ORIA]ROMANORVM. Император на галере, слева пленник. В обрезе: SMNA	↑ ↓	20	4,59	Соб. VI, стр. 446, № 39	Траншея, 10-й квадрат
7916	Аркадий, 395—408 гг., чеканена в Никомидии?	Л. ст. DNARCADIIVSPFAVG]. Бюст императора Аркадия, вправо над головой «лесница небесная». Об. ст. GLORI[AROMANORVM]. Император в военном одеянии с лабаром в правой и щитом в левой руке, слева пленник. В обрезе: +SNN	↑ ↓	20	4,82	Толстой, Виз. мон., т. I, стр. 34, № 78	Траншея, 21-й квадрат
7917	Аркадий, 395—408 гг.	Л. ст. DNARCADIIVSPFAVG. Бюст императора в диадеме вправо. Об. ст. SALVSREI[VBJ]CAE]. Идущая влево Виктория правой рукой держит на плече шест с трофеем, левой тащит пленника. Слева в поле монеты крест	↑ ↘	13	1,3	Толстой, Виз. мон., т. I, стр. 40, № 105	Траншея, 14-й квадрат
7918	IV—V вв.	Л. ст. Бюст императора вправо. Об. ст. GLORIA[ROMANORVM]. Император во весь рост, у ног его с левой стороны пленник	↑ ↓	15	1,26		Траншея, 8-й квадрат. на стене
8277	Херсонес, 220 г. н. э.	III. Слой между 2-м и 3-м полом Л. ст. Бюст вправо. Изображение испорчено окисью Об. ст. Дева во весь рост вправо, в правой поднятой руке дротик	↑ ↓	24	6,39	Зот., XXXVIII	В слое фре- сок

1	2	3	4	5	6	7	8
7956	2-я половина III в.	Л. ст. Бюст вправо. Изображенне процарапано острым предметом. * Об. ст. CON[CORDI]AMILITVM. Два императора пожимают друг другу руки. В образе: CO...? две 6-лучевые звезды. Надпись под углом к линии обреза	↑ ↓	20	3,03		Под 2-м полом, в слое фресок, 14-й квадрат
7959	Константин I, 307—335 гг., чеканена в 3-й мастерской Никомидии	Л. ст. CONSTANTINVS MAX. AVG. Бюст императора в диадеме вправо. Об. ст. [GLORIA]EXERCITVS. Два воина с трофеями. В образе: ..MNG	↑ ↑	15	1,52	Сoh, VI, стр. 139, № 316	Под 2-м полом, в слое фресок, 1-й квадрат
7941	Константин I, чеканена в 4-й мастерской Никомидии	Л. ст. CONSTANTINVS MAX[AVG]. Бюст императора в диадеме вправо. Об. ст. GLORIAEXERCITVS. Два воина с трофеями. В образе: SMNΔ	↑ ↓	15	2,42	Сoh, VI, стр. 139, № 316	Под 2-м полом, в слое фресок, 1-й квадрат
7950	Константин I, чеканена в 1-й мастерской Кизика	Л. ст. [CONSTANTINVS MAX[AVG]. Бюст императора в диадеме вправо. Об. ст. [GLORIA]EXER[CITVS]. Два воина с трофеями. В образе: SMKA	↑ ↑	17	2,37	Сoh, VI, стр. 139, № 316	Под 2-м полом, в слое фресок, 1-й квадрат
7947	Время Константина I, 307—335 гг., Монета города Константинополь, чеканена в 5-й мастерской Кизика	Л. ст. CONSTANTINOPOLI. Женский бюст в шлеме влево. Об. ст. Крылатая Виктория с копьем и щитом на галере. В образе: SMKE	↑ ↑	18	2,89	Сoh, VI, стр. 177, № 15	Под 2-м полом, в слое фресок, 1-й квадрат
7948	Время Константина I, 307—335 гг., Монета города Константинополь, чеканена в Кизике	Л. ст. CONSTANTINOPOLI. Женский бюст в шлеме влево. Об. ст. Крылатая Виктория в шлеме с копьем и щитом. В образе: SMK...	↑ ↑	18	2,47	Сoh, VI, стр. 177, № 15	Под 2-м полом, в слое фресок, 1-й квадрат

1	2	3	4	5	6	7	8
7949	Время Константина I, 307—335 гг., Монета гор. Рима, чеканена в 6-й мастерской Кизика	Л. ст. VRBSROMA. Женский бюст в шлеме влево. Об. ст. Волчица, кормящая Ромула и Рема. В обресе: SMKS		17	1,87	Сoh, VI, стр. 178, № 4	Под 2-м полом, в слое фресок, 1-й квадрат
7944	Константин II, 335—340 гг., чеканена в 4-й мастерской Никомидии	Л. ст. [CONSTANTINVS IVN NOV]. Бюст императора в диадеме вправо. Об. ст. [GLORIAE]XERCITVS. Два воина с трофеями. В обресе: SMNG. Обломана	↑ ↓	19	1,08	Сoh, VI, стр. 233, № 136	Под 2-м полом, в слое фресок, 4-й квадрат
7934	Константин II, чеканена в 1-й мастерской Гераклеи	Л. ст. CONSTANTINVSNOB AVG. Бюст императора в диадеме вправо. Об. ст. [GLORIAE]XERCITVS]. Два воина с трофеями. В обресе: SMNA	↑ ↓	17	1,52		Под 2-м полом, 3-й квадрат
7935	Константин II	Л. ст. CONSTANTINVS NOV C. Бюст императора влево. Об. ст. PROVIDEN-ТIA[VGG]. Лагерные ворота с двумя башнями, между ними звезда	↑ ↓	17	2,72		Под 2-м полом, в слое фресок, 1-й квадрат
7940	Константин II	Л. ст. CONSTANTINVS IVN NOV. C. Бюст императора в диадеме вправо. Об. ст. GLOR-IAEXERC-ITVS. Два воина с копьями и щитами держат трофей	↑ ↑	16	1,05	Сoh, VI, стр. 232, № 135	Под 2-м полом, в слое фресок
7943	Константин II, чеканена в 4-й мастерской Никомидии	Л. ст. CONSTANTINVS]IVS NOV. C.] Бюст императора Константина II в диадеме вправо. Об. ст. GLOR-IAEXERC-ITVS. Два воина с копьями и щитами держат трофей. В обресе: SMNA	↑ ↓	17	2,51	Сoh, VI, стр. 232, № 136	Под 2-м полом, 3-й квадрат
7946	Константин II, чеканена в Константинополье	Л. ст. CONSTANTINVSIVN. NOV. C. Бюст императора в диадеме вправо. Об. ст. [GLORIAE]XER[CI]VS]. В обресе: CO...	↑ ↑	18	1,92	Сoh, VI, стр. 232, № 136	Под 2-м полом, в слое фресок, 1-й квадрат

1	2	3	4	5	6	7	8
7944	Констанс I, 335—350 гг.	Л. ст. FL. IVL. CONSTANS. NOV. Бюст императора в диадеме вправо. Об. ст. GLORIAEXERCITVS. Два воина с трофеями	↑ ↓	15	2,06	Сол, VI, стр. 266, № 128	Под 2-м полом, в слое фресок, 1-й квадрат
7926	Констанций II, 335—361 гг., чеканена в 6-й мастерской Кизика	Л. ст. CONSTANTIVS... Бюст императора влево. Об. ст. GLORIAEXERCITVS. Два воина с копьями и щитами держат трофей. В обресе: SMKS	↑ ↑	18	1,83		Под 2-м по- лом, в слое фресок
7937	Констанций II	Л. ст. CONSTANTIVS NOV. Бюст императора в диадеме вправо. Об. ст. GLORIAEXERCITVS. Два воина с трофеями	↑ ↑	18	1,85	Сол, VI, стр. 316, № 246,	Под 2-м полом, в слое фресок, 1-й квадрат
7938	Констанций II	Л. ст. CONSTANTIVS NOV. С. Бюст императора в диадеме вправо. Об. ст. GLORIAEXERCITVS. Два воина с трофеями	↑ ↓	17	2,3	Сол, VI, стр. 316, № 246,	Под 2-м полом, в слое фресок, 1-й квадрат
7942	Констанций II, чеканена в Константино- поле	Л. ст. FL. IVL. CONSTANTIVS NOV. С. Бюст императора в диадеме вправо. Об. ст. GLORIAEXERCITVS. Два воина с копьями и щитами держат трофей. В обресе: CONSS	↑ ↓	16	1,24	Сол, VI, стр. 315, № 236,	Под 2-м полом, в слое фресок, 1-й квадрат
7951	Констанций II	Л. ст. [CONST]ANT-IVSPFAV[G]. Бюст императора в диадеме вправо. Об. ст. [VICTORIAEDDAV]GQONN. Две Виктории, одна против другой. В обресе: ... Об. Обломана	↑ ↑	14	6,78	Сол, VI, стр. 320, № 272,	Под 2-м полом, в слое фресок, 14-й квадрат
7952	Констанций II	Л. ст. FLCONSTATIVS NOV. CAES. Бюст императора в лучистой коро- не вправо. Об. ст. Два императора с копьями держат Викторию. Внизу между ними MГ	↑ ↑	20	2,08		Под 2-м по- лом, в слое с фресками, 15-й квадрат
7936	Один из сино- вой Константи- на I, сер. IV в., чеканена в Ни- комидии?	Л. ст. CONSTANT[...]. Бюст императора в диадеме вправо. Об. ст. GLORIAEXERCITVS]. Два воина со щитами и копьями, меж- ду ними штандарт. В обресе: ... NA	↑ ↑	15	1,63		Под 2-м по- лом, в слое с фресками, 1-й квадрат

1	2	3	4	5	6	7	8
7945	Один из сыновей Константина I	Л. ст. ...CONSTANT... Бюст императора в диадеме вправо. Об. ст. GLORIAEXERCITVS. Два воина с копьями и щитами держат трофеи	↑ ↑	17	2,4		Под 2-м полом, в слое фресок
7957	Один из сыновей Константина I, чеканена в Никомидии	Л. ст. DNCONST... Бюст императора в диадеме вправо. Об. ст. Крылатая Виктория влево. В обрезе: ...NA	↑ ↑	12	1,89		Под 2-м полом, в слое фресок, 15-й квадрат
7920	Валентиниан I, 364—375 гг. или Валент, 364—378 гг.	Л. ст. IMPVALEN... Бюст императора в диадеме вправо. Об. ст. RESTITVTOREIP]. Император с лабаром в восном одеянии. Обломана	↑ ↑	18	1,51		Под 2-м полом, в слое фресок, 3-й квадрат
7955	Флаксылла † 381 г.	Л. ст. AELFLAC[C]ILLAAVG. Женский бюст в диадеме и в плаще вправо. Об. ст. [SA]LYSREIPVBLIC[AE]. Императрица во весь рост в длинном плаще. Выщерблена	↑ ↑	24	4,15	Соб. VI, стр. 464, № 7	Под 2-м полом, в слое фресок, 14-й квадрат
7921 б	Феодосий I 379—395 гг.	Л. ст. [THEO]DO[SIVS]PFAVG]. Бюст императора в шлеме вправо. Об. ст. [GLORIA]RO]MANORVM. Император на галере, слева в поле монеты крест	↑ ↗	23	4,33	Соб. VI, стр. 460, № 42	Под 2-м полом, в слое с фресками, 14-й квадрат
7922	Феодосий I, чеканена в Константинополье	Л. ст. [THE]ODO[SIVS]PFAVG]. Бюст императора в шлеме вправо. Об. ст. [GLORIA]RO]MANORVM. Император на галере, справа у ног его пленник. В обрезе: CON	↑ ↖	23	5,04	Соб. VI, стр. 460, № 42	Под 2-м полом, в слое с фресками, 14-й квадрат
7931	Феодосий I	Л. ст. DN[THE]ODOSIVSPPFAVG. Бюст императора в шлеме и в плаще вправо. Об. ст. [GLO]RIARO-[MANORVM]. Император на галере, у ног его с правой стороны пленник.	↑ ↓	21	5,95	Соб. VI, стр. 460, № 42	Посылка 2-го пола, 11-й квадрат
7933	Феодосий I, чеканена во 2-й мастерской Кизика	Л. ст. DN[THE]ODO[SIVS]PFAVG. Бюст императора в диадеме вправо. Об. ст. VIRTVSE-XERCIPI. Император с лабаром и сферой толкает пленика ногой вправо. В обрезе: SMKВ	↑ ↑	22	4,74	Соб. VI, стр. 461, № 54	Под 2-м полом, 14-й квадрат

1	2	3	4	5	6	7	8
7925	IV в.	Л. ст. С. . . . AVG. Бюст императора в диадеме вправо. Об. ст. [VICTO]RIA AVG. Две Виктории с венками, одна против другой	↑ ↓	14	1,15		Под 2-м полом, в слое фресок
7927	IV в.	Л. ст. Бюст императора в диадеме вправо. Об. ст. Два воина с трофеями	↑ ↗	14	1,61		Под 2-м полом, в слое фресок, 1-й квадрат
7928	IV в.	Л. ст. IMP . . . Голова императора в диадеме вправо. Об. ст. Император в военном одеянии, в правой руке держит Викторию с венком, слева пленник. Обломана	↑ ←	20	0,73		Под 2-м полом, в слое фресок, 1-й квадрат
7929	IV в.	Л. ст. Бюст императора вправо. Об. ст. Испорчена окисью	↑	15	1,91		Под 2-м полом, в слое фресок, 1-й квадрат
7953	IV в., чеканена в Константинополье	Л. ст. Бюст императора в диадеме влево. Об. ст. GLORIAEXERCITVS. Два воина с копьями и щитами, между ними трофей. В обрезе: CONS	↑ ↖	14	1,87		Под 2-м полом, в слое фресок, 1-й квадрат
7921	IV в.	Л. ст. Бюст императора в диадеме влево. Об. ст. VIRTVSEXERCITVS. Два воина с копьями и щитами держат трофей	↑ ↘	15	1,22		Под 2-м полом, в слое фресок, 13-й квадрат
7954	IV - V вв., чеканена в 5-й мастерской Константинополье	Л. ст. . . . O . . . AVG. Бюст императрицы в диадеме вправо. Об. ст. PAXPVBLICA[E]. Богиня с копьем и пальмовой ветвью вправо. В обрезе: CONSE	↑ ↓	15	1,39		Под 2-м полом, в слое фресок, 1-й квадрат
7930	IV - V в.	Л. ст. Бюст императора в шлеме вправо. Об. ст. [GLORIAROMANO]RVM. Император, у ног его пленник с правой стороны	↑ ↗	20	5,88		Под 2-м полом, в слое фресок, 11-й квадрат

1	2	3	4	5	6	7	8
7932	Феодосий II, 408—450 гг., чеканена в 1-й мастерской Константино- поля	Л. ст. DN ^{THEODOSIVS} PEA[VG]. Бюст императора в диадеме вправо. Об. ст. VIRTU SE[^X ERCITVS]. Император с лабаром и сферой толкает пленика вправо. В обрезе: CONSA	↑ ↓	20	4,07		Под 2-м по- лом, 14-й квадрат
7919	Лев I, 457—474 гг.	Л. ст. DNLEOPE-PPETAC. Бюст императора в диадеме и плаще вправо. Об. ст. SALVS ^{RV} BLICA. Император во весь рост	↑ ↓	18	4,7	Толстой, Виз. мон., т. I, стр. 126, № 27	Под 2-м по- лом, 5-й квадрат
7974	Лициний отец? 307—323 гг.	IV. Слой между 3-м и 4-м полами Л. ст. IMP. C. FL. . . SPEAVG. Бюст императора Лициния? Об. ст. . . CONSERVATORI Юпитер во весь рост со скипетром в левой ру- ке, в правой глобус с Викторией. Отверстие для подвешивания	↑ ↓	22	1,88		Под 3-м по- лом, 9-й квадрат
7973	Время Констан- тина I, 307—335 гг., монета гор. Константино- поля	Л. ст. CONSTANTIN[ORO]LIS. Женский бюст в шлеме с копьем влево. Об. ст. Крылатая Викторина с копьем и щитом. В обрезе: . . . LI	↑ ↘	16	1,2	Сол. VI, стр. 177, № 15	Под 3-м по- лом, 14-й квадрат
7960	Время Констан- тина I, монета города Рима, чеканена в Ни- комидии	Л. ст. [VRBS]ROMA. Женский бюст в шлеме. Об. ст. Волчица, кормящая Ромула и Рема, сверху две звезды. В обрезе: SMN., Обломана	↑ ↓	16	1,84	Сол. VI, стр. 178, № 4	Под 3-м по- лом, 14-й квадрат
7961	Константин II, 335—340 гг.	Л. ст. CON[STANTINVS]PPAVG. Бюст императора в диадеме вправо. Об. ст. GLORIAE-XER[CITVS]. Два воина с трофеем.	↑ ↓	15	1,25	Сол. VI, стр. 232, № 136	Под 3-м по- лом, 13-й квадрат

1	2	3	4	5	6	7	8
7968	Констанций II, 335—361 гг.	Л. ст. [DNCONS]TAN-TIV[SPFAVG]. Бюст императора в диадеме вправо. VOG XX Об. ст. В лав- ровом венке M[VLT] XXX	↑ →	15	1,57	Сoh. VI, стр. 321, № 278	Под 3-м по- лом, 13-й квадрат
7969	Один из сыно- вей Константи- на I, сер. IV в.	Л. ст. DNCON... Бюст императора в диадеме вправо. Об. ст. [FELTE]MPREPARATIO. Император поражает пленника	↑ ↓	18	1,45		Под 3-м по- лом, 15-й квадрат
7972	Один из сыно- вей Константи- на I, чеканена в Константино- поле	Л. ст. CONS... Бюст императора в диадеме вправо. Об. ст. GLOP... Два воина с кольями и щитами держат трофей. В обрезе: CON	↑ ↓	14	1,57		Под 3-м по- лом, 13-й квадрат
7967	Один из сыно- вей Константи- на I	Л. ст. Бюст императора в диадеме вправо. Об. ст. Испорчена окисью		15	2,68		Под 3-м по- лом, 3-й квадрат
7971	Один из сыно- вей Констан- тина I	Л. ст. ... CONS... Бюст императора вправо. VOG XX Об. ст. В лав- ровом венке: MVLТ XXX	↑ ↓	14	1,57		Под 3-м по- лом, 13-й квадрат
7958	IV в.	Л. ст. Бюст императора в диадеме вправо. V[OT] XX Об. ст. В лав- ровом венке: MVLТ XXX	↑ ↓	15	1,15		Под 3-м по- лом
7963	IV в.	Л. ст. Бюст императора в диадеме вправо. Об. ст. Император с лабаром в левой руке, правой тащит пленника.	↑ ↓	14	1,90		Под 3-м по- лом, 14-й квадрат

1	2	3	4	5	6	7	8
7964	IV в.	Л. ст. . . . V S CAES. Бюст императора в диадеме вправо. Об. ст. Император в военном одеянии	↑ ↑	17	1,32		Под 3-м полом, 14-й квадрат
7965	IV в.	Л. ст. Бюст императора в диадеме вправо. Об. ст. В лав- роном венке: MVLТ Обломана XXX	↑ →	12	0,45		Под 3-м полом, 14-й квадрат
7966	Аркадий, 395—408 гг.	Л. ст. DN[RCADIVS]P[AVG]. Бюст императора в диадеме вправо. Об. ст. SALVSREIVB[LICAE]. Идущая влево Виктория тащит пленника	↑ ↓	12	0,99	Толстой, Виз. мон., т. I, стр. 40, № 105	Под 3-м полом, 3-й квадрат
7959	IV—V вв.	Л. ст. Надпись неразборчива. Бюст императрицы в диадеме вправо. Об. ст. Идущая влево Виктория тащит за собой пленника, слева в поле монеты крест	↑ ↑	12	1,37		Под 3-м полом, 13-й квадрат
7970	IV—V вв.	Л. ст. DN . . . N . . . Бюст императора в диадеме вправо. Об. ст. Император тащит за волосы пленника.	↑ ↑	14	2,39		Под 3-м полом, 14-й квадрат
7975	IV в.	V. На нижнем мозаичном полу Л. ст. . . . NT . . . Бюст императора в диадеме вправо. Об. ст. Испорчена окисью		15	1,73		На уровне нижнего мозаичного пола, 21-й квадрат
7976	IV в.	Л. ст. DNCON . . . Бюст императора в диадеме вправо. Об. ст. Крылатая Виктория с венком идет влево	↑ ↖	14	2,07		На уровне нижнего мозаичного пола, 21-й квадрат

1	2	3	4	5	6	7	8
7981	Один из сино- вей Константи- на I, сер. IV в.	VI. Под нижней мозаикой в его субструкции Л. ст. DNCONSTANT... VSPFAVG. Бюст императора в диадеме вправо. Об. ст. Испорчена окисью		17	2,45		Вымостка нижнего мозаичного пола, в середине нижнего края
7982	Один из сино- вей Константи- на I	Л. ст. Бюст императора в диадеме вправо. Об. ст. Испорчена окисью		17	0,96		Вымостка под цементным слоем, по середине мозаики
7985	Валентиниан II, 375—392 гг.	Л. ст. DNVALEN[TINIANVS]... Бюст императора Валентиниана II в шлеме с копьем и щитом вправо. Об. ст. Надпись неразборчива. Два императора во весь рост, между ними крест	↑ ↓	21	6,29		Из цементной заливки мозаики, в середине квадрата с канфаром
7983	IV—V вв.	Л. ст. Испорчена окисью. Об. ст. Испорчена окисью		18	1,93		Из засыпи вымостки, квадрат с канфаром
7984	Феодосий II, 408—450 гг., чеканена во 2-й мастерской Кизика	Л. ст. DNTHEODOSIVSPFAVG. Бюст императора в диадеме вправо. Об. ст. VIRTVSEXER CIPIT. Император с лабаром и сферой толкает пленика ногой вправо. В обрзе: SMKВ	↑ ↓	22	4,2		В цементке под мозаичным набороном, у верхнего края квадрата с килликом
7986	Херсонес, III в. н. э.	VII. Под цементным полом Л. ст. Божество Херсонеса, перед ним лира. Об. ст. Испорчена окисью		20	5,79	Зог., таб. XXXVIII, 7	Над иллитым слоем, под мозаикой и ее субструкцией

Стратиграфическая и хронологическая таблица монетных находок из раскопок базилики в 1950—1951 годах

Кем и когда выпущена монета	Слой под верхним мозаичным полом	Траншея	Слой между 2-м и 3-м полами	Слой между 3-м и 4-м полами	На нижнем мозаичном полу	Под нижней мозаикой, в ее субструкции	Под цементным полом	Всего
Северное Причерноморье, античн.	1							1
Херсонес 220 г. н. э.			1					1
Херсонес III в. н. э.							1	1
Рим 2-я пол. III в. н. э.			1					1
Имп. Карин (283—285 гг.)		1						1
Имп. Лициний (307—335 гг.)				1				1
Имп. Константин I (307—335 гг.)		1	6	2				9
Имп. Константин II (335—340 гг.)			6	1				7
Имп. Констант (335—350 гг.)			1					1
Имп. Констанций II (335—361 гг.)	1	2	6	1				10
Сыновья Константина I сер. IV в.			3	4		2		9
Имп. Валентиниан I (364—375 гг.) или имп. Валент (364—378 гг.)			1					1
Имп. Валентиниан II (375—392 гг.)		1				1		2
Имп. Феодосий I (379—395 гг.)			4					4
Имп-ца Флаксилла (†) (381)			1					1
Рим IV в.			6	4	2			12
Рим или Византия IV—V вв.		1	2	2		1		6
Имп. Аркадий (395—408 гг.)		2		1				3
Имп. Феодосий II (408—450 гг.)			1			1		2
Имп. Лев I (457—474 гг.)			1					1
Херсон. имп. Роман I (920—944 гг.)	1							1
Итого	3	8	40	16	2	5	1	75

О. И. ДОМБРОВСКИЙ

ФРЕСКИ ЮЖНОГО НЕФА ХЕРСОНЕССКОЙ БАЗИЛИКИ 1935 ГОДА

В 1935 году на северном берегу Херсонеса были открыты остатки одной из его многочисленных базилик. В опубликованном отчете о раскопках¹ издан мозаичный пол, устилавший южный неф базилики, а среди неизданных материалов раскопок (дневник и опись находок хранятся в Херсонесском музее)² фигурируют многочисленные обломки росписной штукатурки. На последних имеются фрагменты фресковой живописи орнаментального характера.

В послевоенные годы, в связи со случайным открытием в том же нефе еще одной, более ранней мозаики, возникла мысль о возобновлении раскопок южного нефа базилики. В 1950 году они были проведены научным коллективом Херсонесского музея под руководством С. Ф. Стржелецкого и при участии Г. Д. Белова. Добытые раскопками данные позволяют осуществить реконструкцию росписи южного нефа, что, в свою очередь, может дать ключ к воссозданию архитектурного облика базилики.

Раскопкам предшествовало перенесение в музей верхнего мозаичного пола. Для снятия мозаики в Херсонес по просьбе музея был командирован Крымским филиалом Академии наук УССР автор данной статьи; он же принял некоторое участие в дальнейшей полевой работе в качестве консультанта по извлечению из земли и временной консервации многочисленных фрагментов фресок и гипсовой лепнины, найденных в культурном слое между двумя упомянутыми мозаиками.

После удаления верхнего мозаичного пола в его цемянковой субструкции С. Ф. Стржелецкий нашел монету императора Романа I (920—944) и обломки плоскодонных кувшинов, характерных для IX—X столетий³. По этим находкам мозаику 1935 года можно твердо датировать X в. Первоначальная датировка мозаики VI в. является ошибочной.

¹ Г. Д. Белов, Отчет о раскопках в Херсонесе за 1935—1936 гг., Симферополь, 1938.

² Архив ГХМ, дд. №№ 330, 331, 332.

³ С. Ф. Стржелецкий, Отчет о раскопках в Херсонесе в 1950 году, архив ГХМ, дело № 609.

Через год была удалена и нижняя мозаика, к тому времени не только раскопанная, но и изданная¹. Публикуя мозаику, С. Ф. Стржелецкий датировал ее IV в., но позднее выяснилось, что она относится к V в., поскольку одна из трех монет, найденных в ее субструкции, принадлежала императору Феodosию II (408—450).

Из датировки двух мозаичных полов вытекает, что слой грунта, заключенный между ними, образовался в продолжение длительного времени между V и X вв. Стратиграфическое исследование грунта, освещенное в отчете С. Ф. Стржеleckого, показало, что за это время здание базилики пережило пять строительных периодов. К третьему

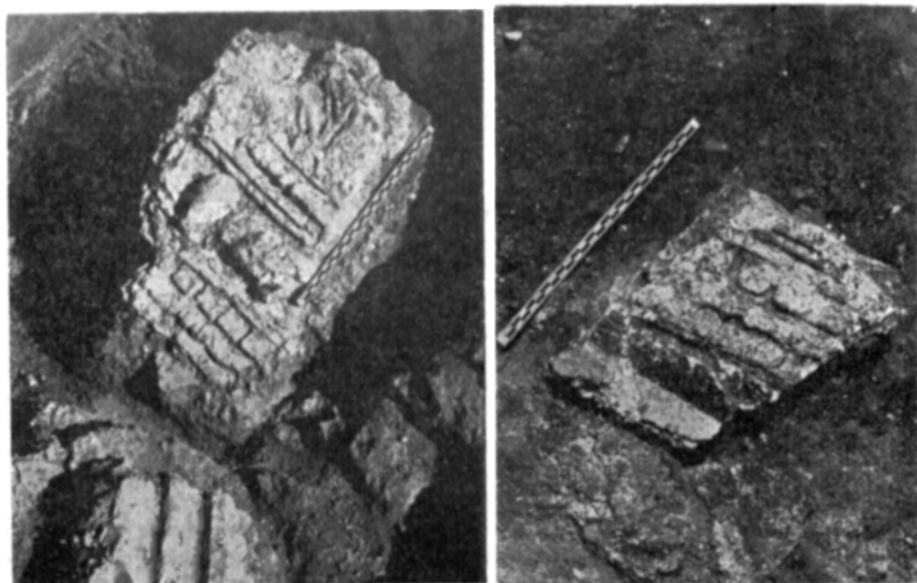

Рис. 1. Обломки гипсового карниза южного нефа базилики 1935 г. Слева — обломок нижней половины карниза с акантовыми листьями, овами, сухарями и бусами: на переднем плане обломок рельефной тяги, проходящей под расписным фризом; справа — обломок нижней части карниза с фрагментом примыкающего к карнизу расписного фриза.

из них, падающему на VII—VIII вв., относятся те двуслойные обломки фресок и куски гипсовой лепнины, которые служат материалом для восстановления композиции росписи южного нефа базилики.

К этому основному материалу можно присоединить фрагменты фресок и гипсовой лепнины, которые собрал Г. Д. Белов после 1950 года, продолжая раскопки внутри базилики². Кроме того, необходимо иметь в виду утраченные, но известные по упомянутой полевой описи материалы из раскопок 1935 года. Сопоставляя все эти данные, нетрудно убедиться в том, что не только в южном нефе, но и в остальных частях здания роспись стен носила совершенно одинаковый характер. К этому весьма важному факту мы вернемся несколько ниже.

¹ С. Ф. Стржелецкий, *Античные памятники Херсонеса из раскопок 1950 года*, ВДИ, 1951, № 2, стр. 136.

² Материалы не изданы. Обломки гипсовой лепнины и расписной штукатурки хранятся в фондах и в экспозиции ГХМ.

Необходимо отметить, что восстановление композиции фресок всецело базируется на результатах длительной полевой работы; она потребовала от участников раскопок немало терпения и большого напряжения сил.

Рис. 2. Фрагмент расписной штукатурки, заклеенный с лицевой стороны.

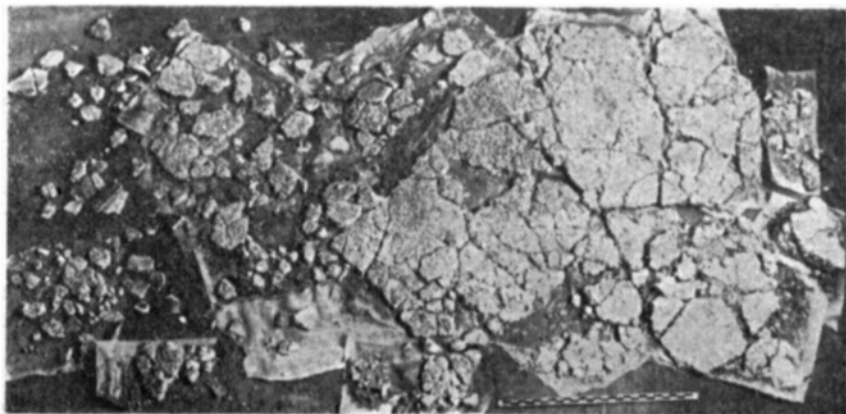

Рис. 3. Крупный фрагмент расписной штукатурки, заклеенный с обратной стороны.

Для извлечения из земли старательно расчищенных обломков расписной штукатурки и лепных украшений (рис. 1) применялись два старинных способа, обеспечивающих сохранность извлекаемых из грунта хрупких обломков. Один способ состоит в заклеивании обломков бумагой и тонкой тканью, второй заключается во временной заливке предметов гипсом. Оба общеизвестных способа разработаны были давно, еще при раскопках Помпей знаменитым Фиорелли, и получили широкое развитие в практике археологов-реставраторов.

В условиях Херсонеса пестрое чередование культурных отложений с напластованиями слежавшегося строительного мусора сделало работу археолога весьма затруднительной. Гипс древней лепнины настолько разложился, что лепные орнаменты сохранили свою форму лишь благодаря тонкому, как яичная скорлупа, покровному слою из двух или трех известковых набелов. Еще более усложняло задачу неодинаковое положение обломков в грунте: одни залегали лицевой стороной кверху, другие—книзу или наискось. Вследствие этого расчистка фрагментов, а также заклейка их папиросной бумагой и марлей при помощи столярного клея велись очень медленно и осторожно. В одних случаях заклеивалась гладкая лицевая сторона обломков (рис. 2), в других—обратная корявая поверхность отслоившейся штукатурки, упавшей расписанной стороной вниз (рис. 3). Каждый обломок гипсовой лепнины осторожно окапывался вокруг на незначительном от него расстоянии и заливался гипсом; получалось нечто вроде рамы, сжимавшей часть грунта вместе с обломком. Затем куски толстой фанеры или стекла подводились путем подкопа под каждый заклеенный кусок штукатурки или загипсованный обломок лепнины; таким образом он оказывался изолированным от грунта. Затем, после шифровки, обломок удалялся для дальнейшей реставрации в камеральных условиях.

Шифры на обломках и связанные с ними полевые записи зафиксировали данные о пространственном положении каждого обломка в момент его обнаружения. По записям можно более или менее ясно представить себе общую картину процесса разрушения фресок и самого здания базилики; это, в свою очередь, подсказывает, где и в каком соотношении друг с другом находились те или иные элементы росписи, сохранившиеся на обломках. Благодаря подробным записям и большому числу кусков штукатурки (422, не считая мелких) удалось определить с достаточной полнотой все основные декоративные элементы стеной росписи и выявить их связь друг с другом.

Процесс восстановления росписи разделился на три этапа. На первом этапе была произведена та полевая работа, о которой уже говорилось. На втором, камеральном этапе работы в лаборатории отдела археологии Крымского филиала Академии наук УССР выполнена была техническая реставрация обломков¹, а именно: очистка и закрепление их путем гипсовки (рис. 4), восстановление цвета красочного слоя, соединение мелких обломков в крупные фрагменты (рис. 5). На третьем этапе по крупным фрагментам, характеризующим составные элементы росписи, стало возможным восстановление ее композиционной схемы, произведенное автором данной статьи.

Восстановление композиции росписи южного нефа базилики 1935 года (табл. I) основывается на фрагментах фресок первого слоя штукатурки.

Верхний же, вторичный слой, снятый в процессе реставрации, как оказалось, был нанесен только в тех местах, где первоначальная штукатурка и роспись были повреждены нацарапанными на них надпи-

¹ Говоря о технической реставрации фресок, пользуюсь случаем отметить большой труд реставратора А. П. Шохина, который весьма искусно выполнил эту кропотливую работу. Успеху дела способствовали также два других члена реставраторского коллектива: лаборант В. М. Маликов, сделавший все обмеры и фотографии, зафиксировал каждый этап реставрационного процесса; без этого было бы невозможно осмысление той картины, которая получилась по окончании технической реставрации. Учащийся Симферопольского художественного училища О. И. Гушин выполнил темперными красками факсимильные копии всех очищенных обломков фресок; такие копии были необходимы при соединении мелких обломков в более крупные фрагменты.

Рис. 4. Заливка гипсом фрагмента расписной штукатурки.

Рис. 5. Сборка загипсованных обломков расписной штукатурки перед заливкой гипсом в кессоне.

сями и рисунками. К верхнему ярусу росписи новая штукатурка отходила на нет, а на самом деле эта фреска была попросту забелена известью поверх копоти, покрывшей к тому времени стены и потолок помещения. Наново заштукатуренные участки были с

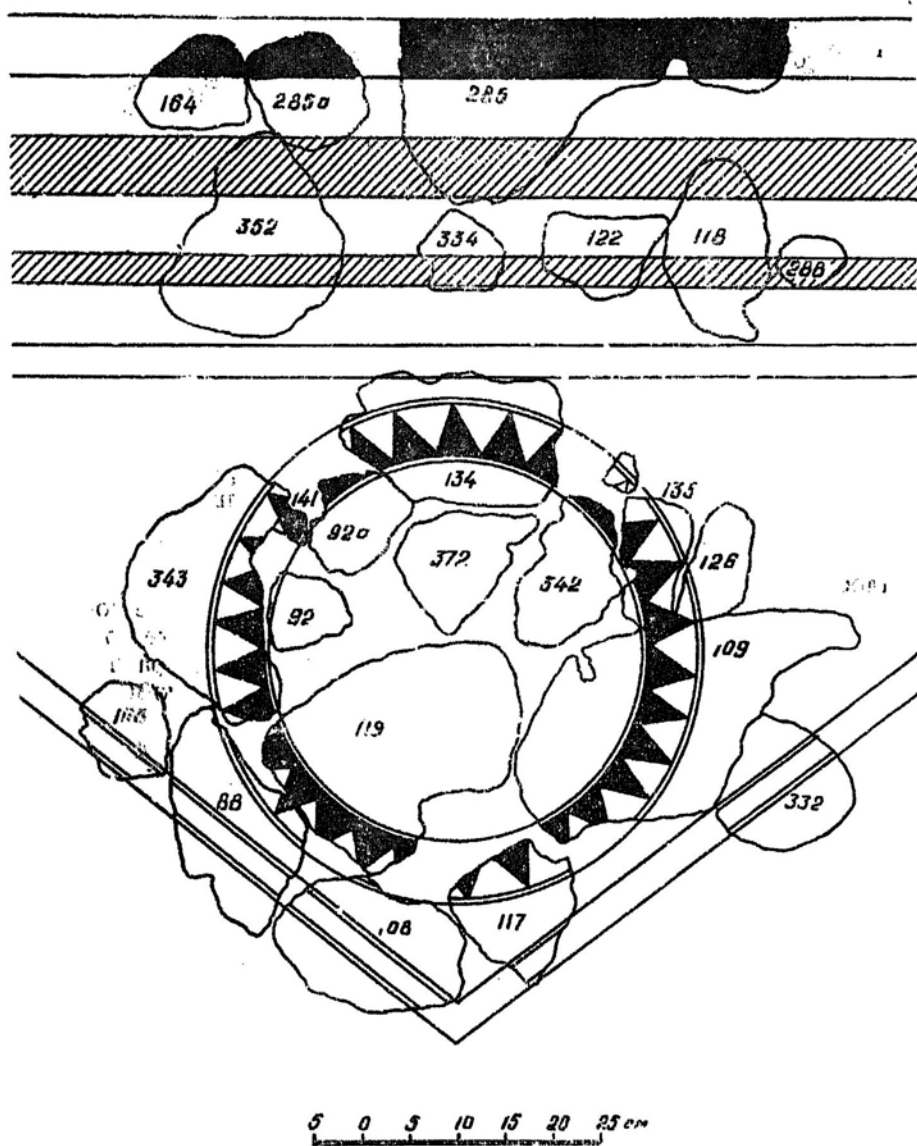

Рис. 6. Фрагмент росписи над арками южного нефа базилики 1935 г.

расписаны, причем была сделана неудачная попытка повторить прежний, затертый новым грунтом рисунок. Ясно вырисовывается картина грубого, наспех сделанного ремонта, произведенного в хронологических пределах того же самого строительного периода, когда возникла и первоначальная роспись. В силу этого мы не рассматриваем фрески

второго слоя отдельно как нечто самостоятельное, а считаем их лишь некоторым несущественным дополнением к фрескам первого слоя.

В результате подбора мелких обломков по рисунку и соединения друг с другом были определены следующие орнаментально-декоративные элементы росписи:

1) Панели и филечатые вставки в виде вписанных друг в друга прямоугольников и ромбов, раскрашенных оранжево-желтой, коричневой, зеленой, серо-голубой, красной и черной красками под цветной мрамор и брекчию.

2) Зубчатые круги внутри равнобедренных треугольников (рис. 7). Так же как и на панелях, различная раскраска этих фигур имитирует каменную инкрустацию.

3) Аксонометрически нарисованный фриз (рис. 7) с разноцветными „сухарями“ и окаймлением из двух несколько отступающих от фриза полос—узкой черной сверху и широкой красной снизу; „сухари“, имеющие условную светотень, выраженную тремя цветами, чередуются в следующем порядке: бело-серо-синий, серо-зелено-голубой, бело-розово-красный.

4) Гирлянды из пальмовых ветвей (рис. 7), написанные зеленой и черной красками по фону цвета слоновой кости, с желтоватыми плодами, серыми и красными лентами и фигурами птиц внутри гирлянды; судя по ряду фрагментов, это были павлины и фазаны (рис. 8). Те и другие даны в двух поворотах профиля; можно предположить, что они каким-то образом чередовались между собой. Изображение канфара на одном из фрагментов, вероятно, так же, как и птицы, находится внутри одной из гирлянд.

5) Орнаментальное обрамление проемов, представлявшее собой ряд условно написанных черной и красной красками узких кессонов.

6) Рисованные колонны с каннелюрами и увенчанными невысокими капителями, украшенными чем-то на овы (табл. II).

7) Орнаментальный фриз (табл. II), состоящий из двух пересекающихся меандров в виде аксонометрически нарисованных на черном фоне цветных полос, как бы показывающих при сгибах то ту, то другую из своих разноцветных сторон; у одной из полос расцветка сторон светло-серая и красная, у второй полосы—одна сторона голубая, другая—зеленая. Толщина излома полос выражена широкой белой линией. Данный фриз примыкал к сложному гипсовому карнизу, насколько можно судить по обломкам лепнины, сохранившим признаки примыкания к ним вышеописанного рисунка. Карниз был украшен белыми рельефными пальметтами, овами, мелкими „сухариками“ и бусами. Под живописным фризом проходила рельефная тяга из пяти валиков, игравшая роль декоративного архитрава.

В большинстве фрагментов можно найти на их краях такие детали рисунков, которые дают ясное представление о связях основных декоративных элементов между собой, о порядке их расположения и чередования на поверхности стены; благодаря этому удастся соединить эти элементы друг с другом и построить схему декоративной росписи нефа.

Основание соединения отдельных фрагментов в единую декоративную схему наглядно дано в рисунках и фотографиях, здесь воспроизведенных. Поэтому нет надобности в подробном обосновании всех деталей реконструкции. Ограничимся рассказом лишь о главных моментах этой работы.

Первым необходимым условием восстановления росписи стен

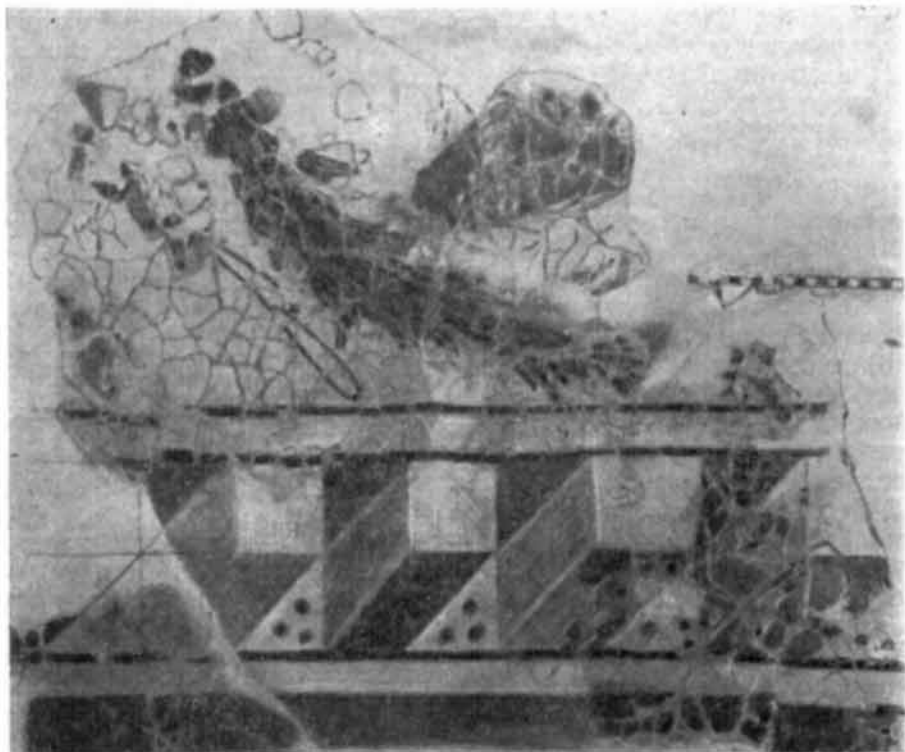

Рис. 7. Часть сухарного фриза с хвостом павлина, повернутого вправо.

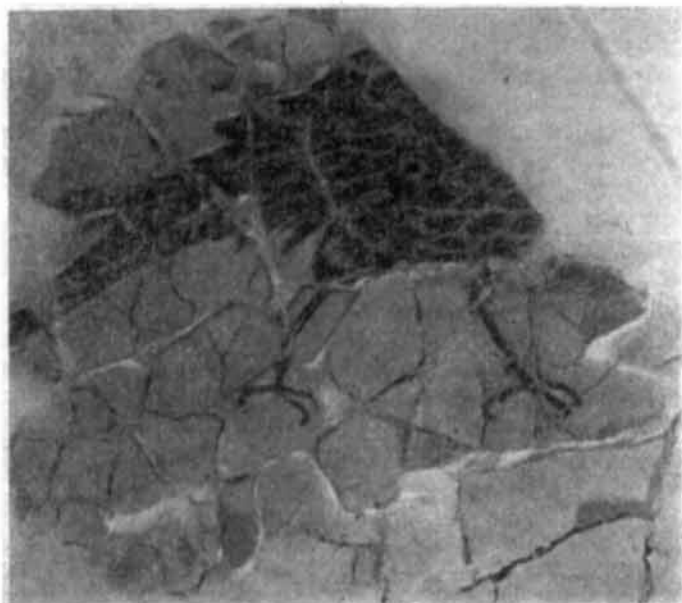

Рис. 8. Изображение одной из птиц внутри гирлянды.

является определение высоты помещения (рис. 9). Для этого имеются следующие данные: а) установленный на основании стратиграфического исследования памятника уровень пола и стилобата того

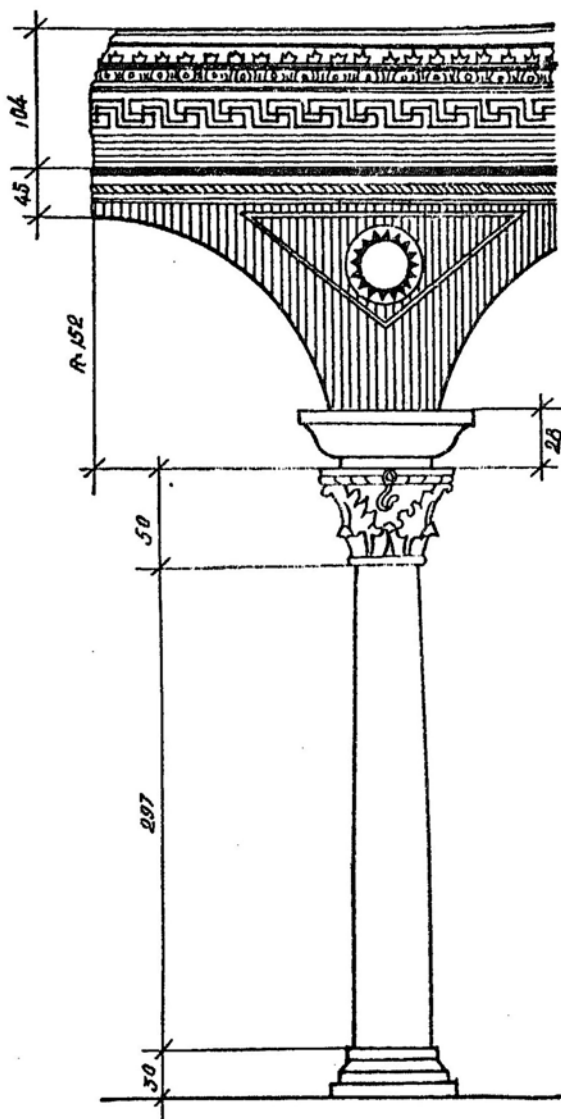

Рис. 9. Определение высоты южного нефа базилики 1935 г. по колоннам, аркам и фрагментам росписи и лепного карниза. Чертеж П. А. Шохина.

строительного периода, к которому относятся фрески; б) колонны, импосты и арки, о радиусе которых можно судить приблизительно по одному фрагменту кирпичной арки, найденному в 1935 году; в) декоративный антаблемент, гипсовый карниз которого определяет уровень потолка.

Для того чтобы узнать расстояние между полом и потолком, необходимо выяснить, на какой высоте от арок расположен карниз. Исчерпывающее представление о том, в каких незначительных пределах может колебаться это расстояние, дает один из фрагментов росписи, а именно: зубчатый круг, вписанный в обращенный вершиной вниз треугольник.

Руководствуясь полевыми записями, мы видим, что главная масса обломков с рисунками зубчатых кругов найдена вдоль колоннады; это позволяет предположить, что данный декоративный мотив находился в промежутках между арками. Такое предположение становится совершенно убедительным, если вспомнить о многочисленных и общезвестных случаях помещения подобных украшений именно в междуарочных промежутках как в более ранних, так и в более поздних базиликах Италии, Греции, центральной Сирии и др.

Над треугольником имеются на некотором расстоянии одна от другой две широкие полосы — красная и черная: последняя вплотную примыкала к нижней тяге антаблемента, как это можно видеть на одном из гипсовых обломков. В то же время упомянутый треугольник с зубчатым кругом вписывается в сужающееся книзу пространство между арками и занимает в нем вполне определенное место: он не может быть поднят намного выше, так как тогда промежуток между арками останется незаполненным; его нельзя и опустить ниже известного уровня, потому что в таком случае красная и черная полосы, сопряженные и с треугольником и с карнизом, отойдут от карниза и разрежут верхнюю часть шельги, а нижняя тяга карниза пройдет по линии, касательной к арке; как то, так и другое совершенно невозможно с архитектурной точки зрения.

Фрагменты кирпичных арок, аналогичные найденным в базилике 1935 года, были встречены Г. Д. Беловым при раскопках базилики 1932 года¹. Незначительные размеры фрагментов не дают возможности точно определить их радиус. Практически величина радиуса любого из них может определяться с колебанием в весьма широких пределах — от 1,40 до 1,52 м. Это дает по крайней мере два варианта восстановления аркады нефа.

В обоих вариантах ширина интерколумниев может оставаться неизменной, так как она определяется не только диаметром арки, но и рядом других данных, о которых речь дальше. При одном и том же интерколумнии разница в радиусах арок первого и второго вариантов приводит к различной ширине междуарочного промежутка, а при одном центре — к разной высоте нефа.

Радиус в 1,40 м дает такую ширину междуарочного промежутка, которая с трудом подходит лишь к длинным грубо обработанным сторонам импоста. Неизбежный в результате этого поворот импостов более узкими орнаментированными сторонами внутрь арок является неправдоподобным. Кроме того, упомянутый орнамент междуарочного промежутка плохо вписывается в его неуклюжие очертания. Обе эти причины заставляют отказаться от данного варианта восстановления арок.

При радиусе арки, равном 1,52 м (рис. 9), междуарочный промежуток резко сужается и может быть совмещен с узкой, лицевой стороной импоста. Благодаря этому последний можно поставить на капитель колонны правильно орнаментированными сторонами к нефам.

¹ Г. Д. Белов, ук. соч., стр. 91—92; Дневник раскопок 1935 года, Архив ГХМ, д. № 331, стр. 32.

Если в этом варианте оставить центры арок на уровне верхних площадок импостов, то в промежутках между арками не хватит места для двух арочных пьест, которые должны в них укладываться. Ради необходимого расширения оснований междуарочных промежутков придется опустить центры арок до уровня нижних площадок импостов. Тогда каждый импост будет, как полагается, играть роль общей пьесты двух сопрягающихся на нем арок.

В колоннадах византийских храмов подобное построение арок встречается не реже, чем по центрам, расположенным на уровне верхних площадок импостов.

Ввиду того, что во втором варианте форма междуарочного промежутка лучше увязывается с тем орнаментом, который мы к нему относим, этот вариант можно считать наиболее вероятным.

Размеры всех названных частей, из которых складывается высота нефа, равная приблизительно около 6,78 м, проставлены на приводимом здесь чертеже (рис. 9), почему нет необходимости перечислять их отдельно.

Поскольку высота всех стен нефа может быть только одинаковой и равной высоте колоннады вместе с антаблементом, то тем самым даются исходные данные для восстановления росписи стены, противоположной колоннаде. Однако для этого необходимо сначала решить: а) какие именно элементы росписи, кроме верхнего фриза, место которого уже определено, относятся к данной стене, и б) на какой высоте находился каждый из этих элементов. Ответ на первый вопрос содержится в полевых и реставраторских записях, из которых можно понять, что процесс разрушения фресок в основном протекал постепенно, вследствие медленного отслаивания штукатурки от стен, не защищенных в этот период кровлей и открытых всем атмосферным влияниям. Распределение обломков штукатурки с фресками по всей площади нефа в основном отражает тот порядок, в котором эти декоративные элементы размещены были на стене. Исключение составляют перемешанные обломки, собранные внутри и около нескольких ям и могил более позднего происхождения, которые кое-где нарушили нормальную стратиграфию предшествовавших периодов. Отложения четвертого строительного периода перекрыли слой, содержащий обломки штукатурки с фресками, таким образом, что уровень нового пола оказался выше этих обломков; это главным образом и обеспечило их сохранность.

Полевые записи позволяют заключить, что филенки с ромбами, вписанными в квадраты и обрамления проемов (говорящие о том, что в стенах были окна, поскольку двери имели не расписные, а рельефные наличники из мрамора и стука), относятся к трем остальным стенам нефа, равно как и сухарный фриз с гирляндами и птицами, как гипсовая лепнина и роспись карнизов, как и рисованные колонны.

На какой же высоте от пола находилась каждая из составных частей композиции? Ответ на этот вопрос подсказывают многочисленные граффити, испещрившие значительную часть обломков. Эти надписи, монограммы и рисунки ценны для реставратора в том отношении, что они ясно показывают уровень, на котором помещены были названные декоративные мотивы. Предельная высота, которую может достать рукой человек среднего роста, по-видимому, совпадала с сухарным фризом; на последнем, выше его нижней красной полосы, нет ни одной надписи или рисунка, а имеются только характерные однообразные насечки, сделанные с подмостей в период ремонта базилики, для того чтобы лучше держался новый штукатурный грунт, нало-

женный по верх старой штукатурки. Иными словами, этот фриз проходил по стене на уровне одной трети ее высоты от пола. Пояс из гирлянд и птиц, в свою очередь, хорошо привязывается к сухарному фризу и становится непосредственно над ним.

Определив приблизительно расстояние между концами гирлянд, нетрудно рассчитать возможное их число на каждой из трех сторон нефа. Оказалось, что вдоль южной стены нефа могло быть расположено восемнадцать гирлянд. В то же время число оконных проемов в той же стене должно быть равно числу арок и кратно числу гирлянд, так как без этого невозможно симметричное расположение проемов.

Число арок определяется, во-первых, на основании их радиуса, о котором можно судить более или менее точно по упомянутому куску кирпичной арки, а затем по расстоянию между вмятинами на мозаичном полу от упавших капителей¹, по размерам и форме треугольников с зубчатыми кругами, украшавших междуарочные промежутки и, наконец, по возможному числу гирлянд на противоположной аркам южной стене (поскольку число арок тоже должно быть кратно числу гирлянд).

Исходя из всех этих соображений, можно допустить, что арка было шесть (стало быть, колонн—пять). Из этого же следует, что и число окон в южной стене также равнялось шести—по одному напротив каждой арки. При этом каждое из окон оказывалось над одной из гирлянд.

Относительно размеров и формы оконных проемов судить трудно, так как для этого материалы раскопок не дают никаких прямых данных. Однако о ширине проемов можно сказать, что она должна была в какой-то мере соответствовать расстоянию между концами гирлянд; последнее диктует известные пределы, в которых может колебаться ширина проема.

Высота каждого окна сначала устанавливается приблизительно, на основании аналогий. Почти во всех базиликах, близких к нашей по плану и по основным архитектурным деталям, можно видеть одинаковую картину редко расставленных и небольших вертикально вытянутых окон в стенах боковых нефов; отношение размеров окон к размерам простенков оказывается более или менее постоянным.

Окаймление проемов у нас, как было сказано, имеется. Для уточнения размеров окон остается выяснить, какие декоративные мотивы панелей, филенок и вставок были помещены между окнами и над ними и какие из них были расположены между полом и сухарным фризом.

Для выяснения этого фрагменты фресок были нами разделены по признаку наличия или отсутствия на них граффити. Образовались две большие группы фрагментов. Испещренные граффити обломки надо отнести к той части стены, которая находится ниже сухарного фриза; ведь наличие граффити означает, что данные фрагменты происходят из тех мест стены, которые находились в пределах досягаемости для нанесения на них надписей и рисунков. Те же обломки, на которых граффити отсутствуют, можно в основном отнести к верхней части стены, расположенной выше сухарного фриза, между окнами и над ними.

¹ См. отчет С. Ф. Стржелецкого, Архив ГХМ, д. № 609, стр. 3; Г. Д. Белов, ук. соч., рис. 66; его же, Дневник раскопок 1935 года, Архив ГХМ, д. № 331 стр. 33.

Исключение в этой группе составляют два разряда обломков, которые нельзя отнести к верхней части стены, хотя на них нет ни надписей, ни рисунков. Прежде всего нужно отделить многочисленную группу мелких и крупных кусков тонкой однослойной штукатурки, имеющих чистую белую поверхность, лишенную каких бы то ни было следов росписи. Эти обломки, найденные на всем протяжении южного нефа, были смешаны со всеми прочими, но в большинстве случаев залегали ниже обломков, имеющих фресковую роспись.

Последние своей структурой отличаются от первых: они трехслойные (не считая позднейшего слоя штукатурки с вторичной росписью), с внутренним толстым слоем из грубой известково-песчаной массы и приблизительно полусантиметровым промежуточным слоем, состоящим из более тонкой смеси с добавлением мелко изрубленной соломы. Верхний слой (интонако) чрезвычайно тонок и состоит из отмученного песка с известью.

Судя по разнице между обломками, однослойные белые куски штукатурки надо отнести не к стене, а к потолку нефа; о том, что потолок здесь имелся, ясно говорит форма лепного карниза.

Второй разряд обломков, не имеющих граффити, ничем не отличается от других обломков той же группы, кроме раскраски, более грубой и яркой, выдержанной в более темных тонах и приближающейся как в цвете, так и в рисунке к росписи нижней части стены. По-видимому, отсутствие на них граффити объясняется тем, что они находились в самом низу, где нанесение надписей и рисунков является неудобным. Этот аргумент подкрепляется еще одним наблюдением: на некоторых из таких обломков (к сожалению, мелких) имеются окрашенные красной и черной краской параллельные бороздки, вдавленные в штукатурный грунт; такими же точно бороздками в среднем нефе базилики произведена была разделка под руст, сохранившаяся на небольшом участке уцелевшей штукатурки, которая еще кое-как держится на стене¹. Хотя эта разделка и относится к более позднему строительному периоду, она дает возможность догадываться о том, как мог быть отделан низ стены и в данном случае. По-видимому, над полом вдоль стены тянулась невысокая панель, разделанная под руст при помощи бороздок, нанесенных на свежий грунт, и раскрашенная резко и густо красно-коричневой и оранжевой красками под брекчиевидный мрамор. Непосредственно над панелью (судя по в основном одинаковому, хотя и более яркому, фону) нарисованы были красно-коричневые и темно-зеленые филенки в виде квадратов с вписанными в них ромбами. О том, что это были квадраты, свидетельствует сохранившийся на нескольких фрагментах угол между сторонами квадратов и ромбов. Что касается размеров, то они определяются ниже косвенным путем.

Выяснение композиции верхней части стены также не встречает особых затруднений. Обломки расписной штукатурки, относимые к группе верхнего яруса, делятся на три основных декоративных элемента: 1) прямоугольные двойные филенки—широкая кирпично-красная и внутри нее узкая черная, наведенная на светло-розовом поле, имеющем тонкие красные прожилки под мрамор; 2) филенки с ромбами, вписанными в прямоугольные, очевидно, квадратные, рамки; то и другое—из широких оливково-зеленых полос на таком же розовом фоне, как и первые филенки; 3) условные изображения каннелированных колонн на фоне широких красных полос. Один из сильно раз-

¹ Справа от входа в средний неф, в юго-западном углу.

рушенных мелких обломков дает начало каннелюр и часть низкой капители с „овами“; на другом, более крупном, обломке видна часть колонны с каннелюрами на фоне широкой красной полосы и рядом край зеленоватой рамки одной из филенок.

Из квадратной формы зеленых филенок можно заключить, что панели с ними находились над окнами; тогда продолговатые панели с красными филенками могли быть помещены под первыми в тех промежутках между „колоннами“, где не было окон.

Высота верхних панелей, следовательно, обуславливалась высотой промежутка между верхним краем окна и карнизом (вернее, двумя полосами—черной и красной, проходящими под карнизом); высота нижних панелей могла скорее всего равняться высоте окон вместе с их обрамлениями. Ширина тех и других (а стало быть, и форма) определялась их числом, которое можно установить на основании косвенных данных.

Для этого надо сперва решить вопрос о том, как были размещены нарисованные колонны. Исходя из архитектурной и декоративной симметрии, которая господствует в здании, мы вправе считать, что южная сторона нефа была в какой-то мере отражением его северной стороны, представлявшей собой мраморную колоннаду. В соответствии с этим напротив реальных опор—колонн и пилястр—могли находиться нарисованные колонны. При таком положении последних оси их приходились над узлами соединения концов гирлянд. Размещенные подобным образом „колонны“ оказывались на равных расстояниях от окон; однако между каждой парой „колонн“ оставалось пространство, чересчур просторное для помещения в нем только окна и филенок, смыкающих к „колоннам“.

Как сказано, беря за основу угол между внешней квадратной и внутренней ромбовидной филенками верхней панели, а также приблизительно выясненную нами высоту от обрамления окна до антаблемента, можно геометрически восстановить филенки этой панели. Они имели форму квадратов со сторонами, равными ширине окна с его обрамлением и одновременно соответствовавшими высоте от него до антаблемента. Этот вывод уточняется благодаря подлинному рисунку, сохранившемуся на одном из обломков, где зеленые филенки точно привязываются к колоннам, что дает ширину отступа филенок от остальных соседних деталей композиции. Естественно предположить, что над окнами были помещены такие же, как и по бокам, „колонны“.

В результате между верхними филенками—средней над окном и боковыми при „колоннах“, оставалось ровно столько места, сколько требовалось для размещения и в этих промежутках таких же точно „колонн“. При этом расстояние от осей последних до центров панелей оказывалось повсюду совершенно одинаковым, все рисованные колонны оказывались так же, как и в первом случае, над узлами смыкания концов гирлянд, а число панелей совпадало с числом гирлянд.

Что касается красных панелей этого яруса, то они при соблюдении таких же, как и наверху, интервалов между филенками и „колоннами“ свободно разместились в промежутках между последними и получились одинаковых размеров с окнами.

Исходя из чисто геометрических предпосылок, можно было бы допустить и другие варианты размещения филенок между „колоннами“, тем более, что ни один из возможных вариантов не противоречит достаточно обоснованному размещению нарисованных колонн.

Однако все другие варианты, испробованные нами, идут вразрез с ясно определившимся цветовым чередованием всей росписи стены с ее очень простым членением и совершенно не вяжутся с архитектурой здания. Поэтому мы их здесь не рассматриваем.

Если, следуя одному и тому же композиционному принципу, в соответствии с гирляндами разместить и квадратные филенки нижней части стены, то сам собой определится их размер и окажется, что число их также равно числу гирлянд. На обеих торцовых стенах нефа удастся свободно разместить те же самые декоративные элементы, что и на продольной стене; это, как нам кажется, может послужить еще одним доводом в пользу приемлемости предлагаемого восстановления композиционной схемы росписи южного нефа базилики 1935 года.

Как уже говорилось, на основании данных, имеющихся в полевой описи находок 1935 года, а главное, по кускам росписной штукатурки и гипсовой лепнины, найденным после 1950 года в алтарной апсиде и в среднем нефе¹, можно с уверенностью считать, что роспись всего нижнего яруса базилики (т. е. на высоту боковых нефов) была идентичной во всех ее частях. Одни и те же мотивы, в частности декоративный антаблемент с его живописным фризом и лепным карнизом, по единой для всего здания архитектурно-декоративной схеме ритмически повторялись и в обоих боковых нефах, и в центральном нефе, и в самом алтаре храма. Впрочем, в алтарной апсиде в конхе и над синтроном имелись, надо думать, еще какие-то рисунки, не повторявшиеся в остальных частях здания. Трудно представить их себе до тех пор, пока не будут найдены пропавшие фрагменты из раскопок 1935 года и пока не будут реставрированы многочисленные обломки росписной штукатурки из среднего нефа и алтаря базилики. Однако и в настоящее время можно все же, на основании предварительного знакомства с материалами, сказать одно: в течение данного строительного периода роспись базилики была совершенно лишена человеческих изображений. Ни в одном фрагменте нет ни малейшего намека на лицо или фигуру; все рисунки носят в основном орнаментальный характер, за исключением птиц, изображения которых имеют религиозно-символическое значение.

Оценивая со стилистической стороны композицию росписи южного нефа базилики 1935 года, с первого взгляда нетрудно впасть в ошибку и отнести эту роспись к первому строительному периоду базилики, иначе говоря, к V в. На это наталкивают такие декоративные элементы, как колонны, полулепной-полуживописный антаблемент, сухарный фриз и проч. Они невольно вызывают в памяти общеизвестные мотивы античных фресок Рима или Помпей. Гирлянды из пальмовых ветвей с изображением птиц также напоминают широко известные мотивы эллинистического и римского искусства.

Наиболее близкие по отдельным мотивам аналогии фрескам базилики 1935 года дают росписи нескольких склепов херсонесского некрополя, в особенности склепов 1853 (1904), 1907 и 1912 годов². В них мы находим ряд похожих деталей: гирлянды, перевязанные красными и серыми лентами, фигуры павлинов.

М. И. Ростовцев датирует роспись склепа 1853 года IV в.; эта

¹ Эти материалы хранятся в ГХМ и еще не изданы. В связи с данной работой автор ознакомился с ними.

² М. И. Ростовцев, *Античная декоративная живопись на юге России*, СПб, 1913, стр. 452, 465, 470, табл. CV, CX.

дата, будучи лишена археологического обоснования, на наш взгляд, является недостаточно прочной. Склеп 1907 года М. И. Ростовцев оставил недатированным, а фрески склепа 1912 года он относит опять-таки к IV—V вв., но, по его же словам, „не исключена возможность того, что роспись относится к еще более позднему времени“. Судя по общему характеру и содержанию этих росписей, они могли бы считаться наиболее близкими предшественниками фресок базилики 1935 года, обнаруженных, как выше сказано, в слое VII—VIII вв.

При сопоставлении фресок Херсонеса и Боспора чертам сходства между ними всегда уделялось больше внимания, чем той стилистической разнице, которая существует наряду с этим сходством. Как в тех, так и в других содержатся заметные элементы инкрустационного и цветочного стилей, определение которых было дано М. И. Ростовцевым. Тем не менее эти элементы, наиболее ярко выраженные в боспорских фресках, вошли в росписи херсонесских склепов в сильно измененном виде. Еще большее изменение они претерпели в росписи базилики 1935 года.

Если сравнивать не только детали, но и целые композиции, то становится вполне ясным различие, существующее как между разновременными росписями склепов Боспора и Херсонеса, так и между последними и фресками базилики 1935 года.

Чтобы со временем разобраться в сложной родословной росписей базилики 1935 года, надо не терять из виду те объективные археологические данные, которые, как мы думаем, определяют время возникновения этих фресок—VII—VIII вв.

В свете археологических данных отпадает невольное преувеличение роли позднеантичных художественных традиций, которым до известной степени следует рассматриваемая роспись. В сущности здесь от них осталось лишь несколько декоративных мотивов, почти лишенных того характера, какой они имели в античной декоративной живописи, в частности в многоярусных архитектурных декорациях Рима и Помпей или хотя бы в более поздних росписях боспорских склепов.

Несмотря на то, что сопоставление похожих деталей росписей того или иного из боспорских склепов и базилики 1935 года явилось бы вполне закономерным, все же сходство сравниваемых деталей не смогло бы заслонить существенной разницы в их трактовке—в одном случае еще античной, а в другом—уже характерно византийской.

Возьмем в качестве примера „сухари“, занимающие видное место в росписи базилики 1935 года. Эта деталь, архитектурная по своему происхождению, в данном случае утрачивает архитектурный смысл и масштабность: она превращается в ярко и весело расцветченную полосу своеобразного геометрического орнамента. Сухари почти не моделированы и лишены светотеневых контрастов, выражающих рельефность формы. Здесь преследуется другое—колористическое единство многоцветного сухарного фриза. Это достигается равномерно светлой раскраской граней, умелой группировкой родственных цветов и ритмичным чередованием холодных и теплых тонов, звучность и чистоту которых усиливает черный фон.

Совершенно иную роль выполняет аналогичный мотив в росписях ряда боспорских склепов¹. Там полоса сухарей носит архитектурный смысл: это скромный узкий пояс, отделяющий панель от начала сво-

¹ АДЖ, табл. 57, VII, VIII, XIII, XXVIII и IX.

да или от верхнего „цветочного“ яруса росписей. Соответственно этому выражена и форма самих сухарей; они монохромны и трактованы объемно; контрастная светотень сообщает им иллюзорную рельефность и как бы осязаемость.

Такое же различие наблюдается и между другими совпадающими деталями фресок ряда боспорских склепов и росписи базилики 1935 года. Так, например, колонны и филленчатые панно в интерколумниях в боспорских склепах изображены вполне реалистично; в них выдержаны характер и соразмерность частей того или иного архитектурного ордера. Композиция ясно членится на как бы несущие и несомые элементы. Живописно-архитектурная декорация плоскости является отражением подлинной архитектуры.

Незначительные нарушения архитектурной логики, которой подчинены композиции боспорских фресок, наблюдаются только в деталях и являются в какой-то степени следствием неумелого исполнения; кроме того, они могли быть вызваны и несомненной варваризацией самой архитектуры Боспора.

Совершенно иначе выглядят подобные архитектурные мотивы в росписях херсонесской базилики, где они утрачивают архитектурность и приобретают чисто орнаментальный характер.

Возвращаясь к росписям херсонесских склепов, можно лишний раз подчеркнуть разницу между ними и фресками Боспора. В росписях херсонесских склепов нет той четкости архитектурного членения, которая характерна для композиций боспорских склепов.

В изображениях птиц и girлянд в херсонесских склепах заметна чуждая боспорским росписям суховатая графичность. Эта черта отсутствует в росписи базилики 1935 года, несмотря на то, что в ней имеются подобные фигуры. Здесь они переданы хотя и силуэтно, но отнюдь не линейно, а живописно, с мастерской непринужденностью исполнения.

Росписи боспорских склепов, фрески склепов Херсонеса и роспись базилики 1935 года настолько различны, что скорее всего принадлежат разным эпохам.

Совпадение таких мотивов, как girлянды, ленты, птицы, может быть вызвано некоторыми общими корнями происхождения фресок херсонесских склепов и базилики 1935 года; в то же время явное стилистическое различие между ними можно объяснить лишь их принадлежностью к разным периодам истории Херсонеса.

В позднеантичном искусстве одним из самых заметных выражений реалистического восприятия архитектуры и глубины пространства было соблюдение перспективы, нередко подчинявшей себе всю композицию. В росписи базилики 1935 года, казалось бы архитектурной по всем ее элементам, понимание перспективы абсолютно отсутствует. В одном ракурсе даны пересекающиеся меандры верхнего фриза; другой ракурс, обратный первому, принят для сухарей нижнего фриза; „колонны“ нарисованы как бы в ортогональной проекции и не имеют ни оснований, ни перекрытий; вместо стилобата под ними проведены две коричневые полосы, вместо архитрава—красная и черная полосы.

Вместе с тем в этой росписи преобладают черты, характерные для византийского искусства: плоскостность, несмотря на живописную свободу исполнения; богатство и разнообразие ярких красок и наряду с этим, единство и мягкость колорита; торжественность и статичность композиции и, вместе с тем, проявление живой фантазии в деталях.

Эти черты рассматриваемой росписи объединяют и связывают в своего рода конгломерат входящие в нее разнородные декоративные мотивы. По-видимому, роспись южного нефа базилики 1935 года стилистической стороны явилась продуктом длительного взаимодействия различных художественных течений, приходивших с разных сторон и скрещивавшихся в Херсонесе.

Как говорилось, достопримечательной особенностью всего множества обломков фресок, собранных при раскопках базилики 1935 года, является отсутствие в них какого бы то ни было намека на изображение человеческого лица или фигуры; их элементы, не исключая гирлянд и птиц, носят характер либо орнаментальный, либо символически декоративный. Сопоставляя эти особенности со стратиграфическими данными, о которых говорилось выше, можно признать, что наиболее вероятным временем фресок базилики 1935 года является период иконоборчества. Малочисленность памятников искусства этого периода, в особенности церковной живописи, повсеместно уничтожавшейся при восстановлении иконопочитания, является возможной причиной того, что фрески базилики 1935 года пока не имеют прямых аналогий ни в самом Херсонесе, ни вне его.

Автор данной статьи не располагает широкой возможностью привлечения зарубежных памятников, однако и в таком капитальном труде, как новейшая „История византийской живописи“¹, иконоборческому периоду византийского искусства уделено немного места. По-видимому, это объясняется опять-таки крайней малочисленностью известных памятников того времени.

Тем не менее, следуя автору названной книги, мы все же приходим к совершенно определенному, хотя и чисто умозрительному представлению о росписях иконоборческих церквей. Можно сказать, что фрески базилики 1935 года соответствуют этому представлению. Разумеется, приводимые В. Н. Лазаревым памятники иконоборческой мозаики и книжные миниатюры того времени во многом далеки от наших фресок; однако отмечаемая им эллинистическая традиция, простирающаяся в памятниках искусства того времени более ощутимо, чем в предшествовавший период, важна и для понимания фресок Херсонесской базилики 1935 года. Наблюдая и в них нечто подобное, мы лишний раз убеждаемся в том, насколько это явление закономерно. В связи с этим можно поставить вопрос: нельзя ли допустить на основании подобных фактов, что византийская живопись в период иконоборчества пережила, на первых порах, своеобразный возврат к некоторым исходным пунктам своего развития?

Несмотря на позднеантичные реминисценции изобразительного и орнаментального репертуара наших фресок, он, по-видимому, был характерен именно для иконоборческой храмовой декорации. По свидетельству одного современника—антиконоборца, в это время изображения Христа, богородицы и святых заменялись рисунками цветов, птиц, различных животных в окружении растительных гирлянд и орнаментов. По его же язвительному замечанию, храм как бы превращался в „огород и птичник“². Нельзя не вспомнить об этом, глядя на реставрированные фрагменты фресок южного нефа базилики 1935 года.

Еще один яркий факт, подмеченный С. Ф. Стржелецким, может

¹ В. Н. Лазарев, История византийской живописи, т. I, 1947, стр. 63—73.

² Там же, стр. 66.

послужить косвенным аргументом в пользу характеристики рассматриваемых фресок, как произведений иконоборческого периода. Среди упоминавшихся выше граффити имеется ряд рисунков, по своему характеру и содержанию резко контрастирующих с фресковой росписью. Это неумело начерпанные человеческие изображения.

Особенно интересным образчиком такой примитивной иконографии является изображение креста с человеческой фигурой у его правой стороны (рис. 10). С. Ф. Стржелецкий полагает, что потребность в подсобных иконах-самоделках могла возникнуть как своеобразный

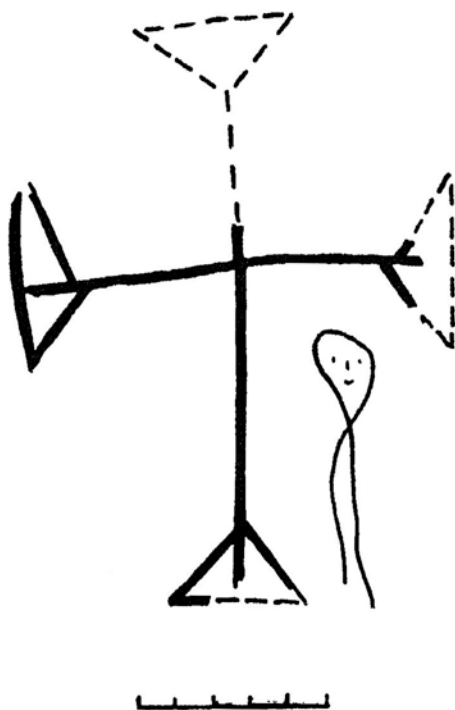
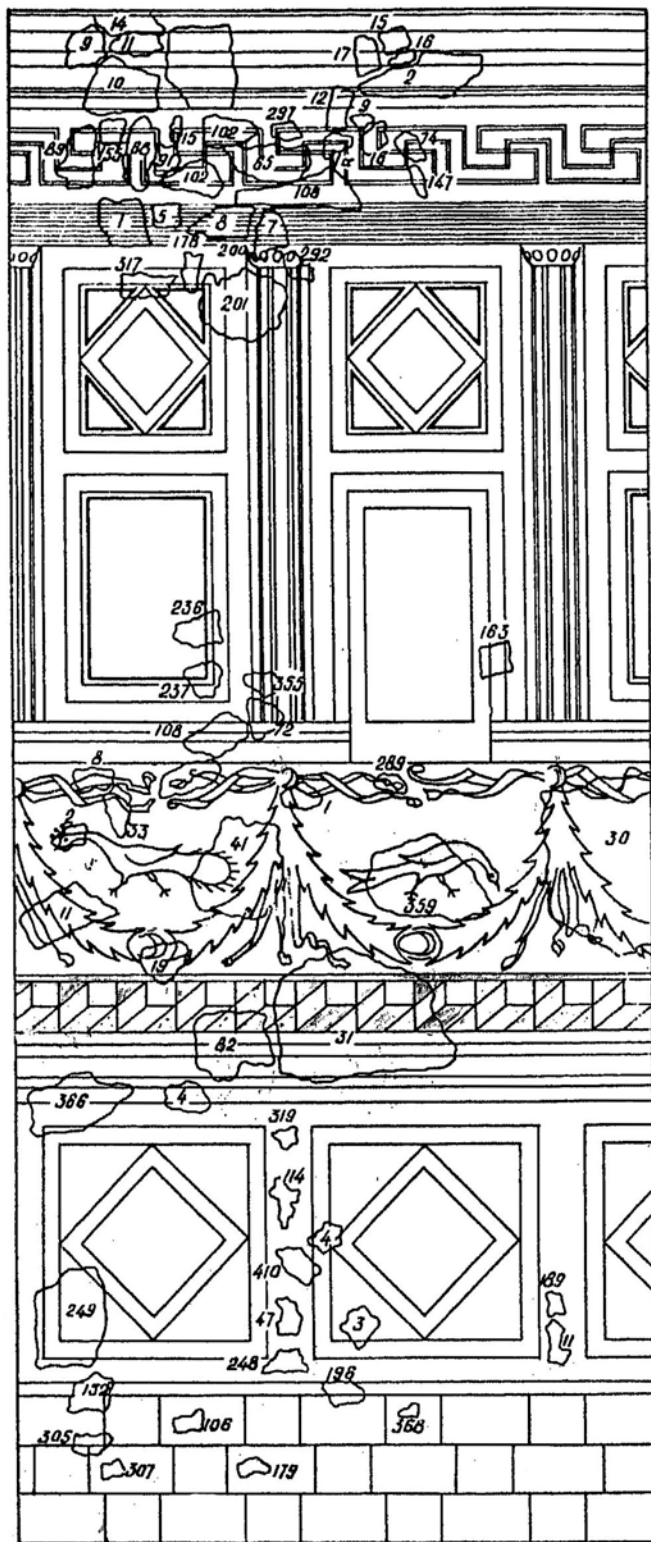

Рис. 10. Граффити на расписной штукатурке.

протест иконопочитателя, вынужденного благодаря иконоборческому режиму посещать храм, лишенный икон. Действительно граффити в укромных углах храмов часто выражали антицерковные настроения их анонимных авторов (достаточно вспомнить, например, насмешливые и кощунственные надписи и рисунки в Михайловском приделе Киево-Софийского собора).

Мы надеемся, что расшифровка надписей—граффити из южного нефа базилики 1935 года и в особенности их палеографический анализ¹ помогут в полной мере осветить характер и дату фресок, рассмотренных в данной статье.

¹ Предварительный просмотр надписей произвел по просьбе Херсонесского музея А. А. Белецкий, который по палеографическим данным отнес их к VIII—IX вв.

20 0 20 40 60 80 100 см

Таблица I.

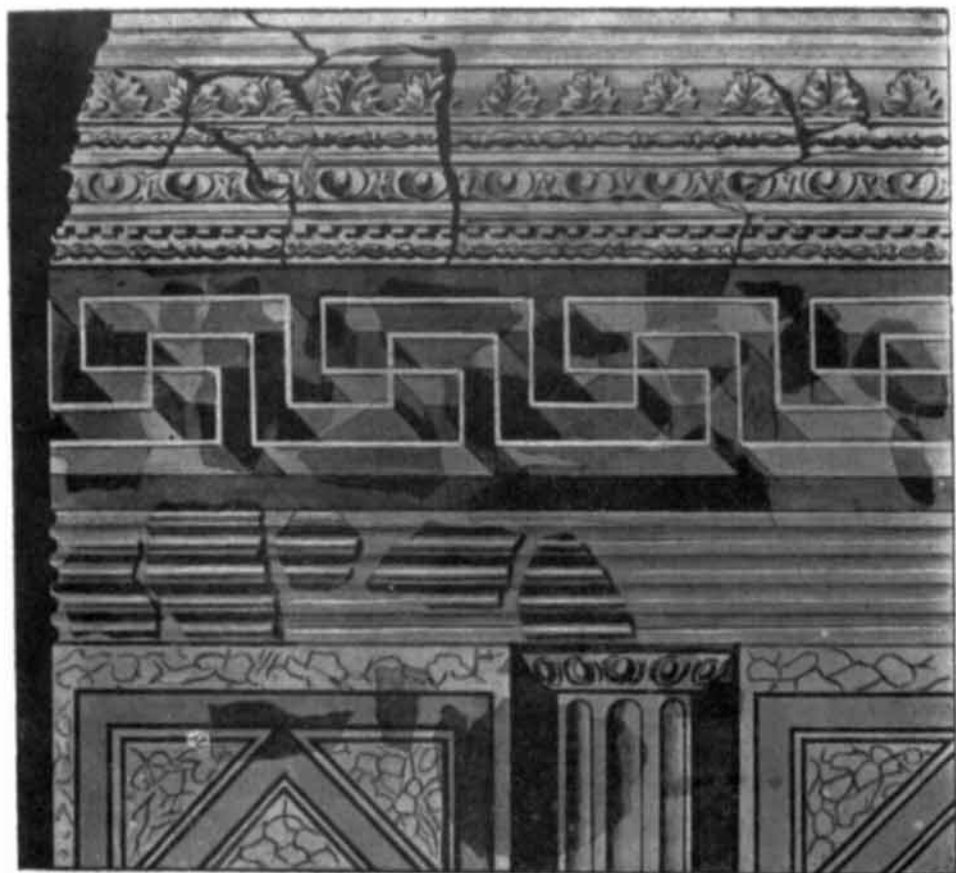

Таблица II-а.

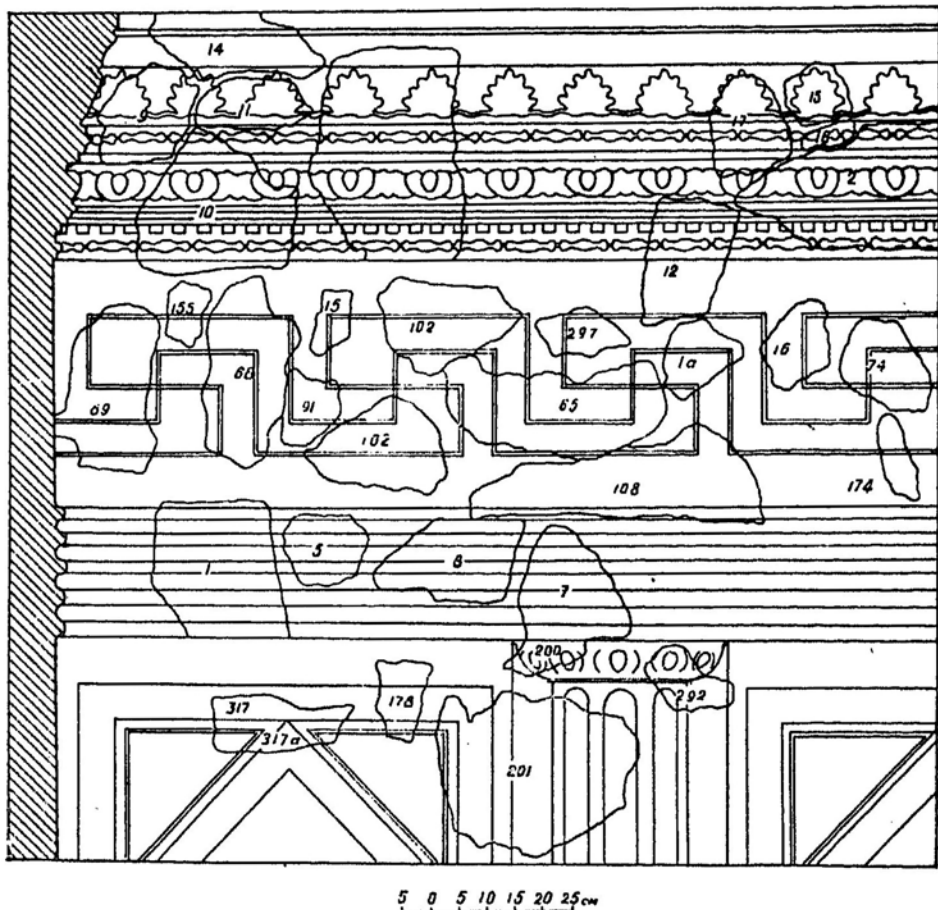

Таблица II.

ПРИМЕЧАНИЯ К ТАБЛИЦАМ

1. Участки, выделенные контурами и цифрами, передают сохранившиеся фрагменты, на основе которых (и других, им аналогичных) произведена реконструкция. ¶¶

2. Номера фрагментов на таблицах повторяют реставрационную нумерацию, отражающую порядок камеральной обработки фрагментов. Увязка этих номеров с левыми записями и отчетом С. Ф. Стржелецкого содержится в реставрационном отчете (хранится в архивах Государственного Херсонесского музея и отдела античной и средневековой археологии Института археологии Академии наук УССР). ¶

3. Фрагменты фресок и куски гипсового карниза перенумерованы отдельно.

4. Ненумерованный фрагмент лепного карниза на табл. II утрачен. Его фотография приведена на рис. 1.

А. Л. ЯКОВСОН

К ИЗУЧЕНИЮ ПОЗДНЕСРЕДНЕВЕКОВОГО ХЕРСОНЕСА

(Исправления и дополнения к работе „Средневековый Херсонес“,
МИА, вып. 17, 1950)

Названная работа принадлежит к числу немногих, к сожалению, работ по истории материальной культуры Северного Причерноморья в средние века. Книга содержит публикацию нескольких больших групп археологических памятников, и потому, естественно, ею продолжают пользоваться.

Однако за 9 лет, прошедших со времени выхода в свет указанной работы, выявлены новые факты, вызвавшие ряд новых соображений и, соответственно, вносящие определенные коррективы в книгу. Некоторые важные коррективы и исправления внесли авторы двух рецензий — З. В. Удальцова¹ и Е. Ч. Скржинская². Правда, не со всеми замечаниями последней можно согласиться: отвергнув объяснения и трактовки некоторых моментов в жизни Херсонеса, рецензент предложила свои соображения, которые, на наш взгляд, не все могут быть приняты. Обсуждение этих вопросов следует продолжить. Наконец, имеется основание и для нового обсуждения вопроса о времени гибели Херсонеса как города.

Изложение будем вести по главам.

К²гл. I — Очерки истории Херсона в XI—XIV вв.

Прежде всего — несколько замечаний по поводу рецензии Е. Ч. Скржинской, в которой книга подвергнута критике. Впрочем, критика касается больше первой главы, составляющей всего 15 процентов всей книги. Остальные главы, притом основные, рецензент лишь пространно изложила. Да и в отношении гл. I Е. Ч. Скржинская не обронила ни единого слова о той общей картине истории Северного

¹ З. В. Удальцова, рец., Вопросы истории, 1951, № 8, стр. 136—139.

² Е. Ч. Скржинская, рец., ВВр, VI, 1953, стр. 252—268.

Причерноморья в XI—XIV вв., которая правильно или неправильно, но в советской литературе там дана впервые. Рецензент свое внимание направила на отдельные эпизоды истории Херсона и больше всего—на мелкие ошибки и на опечатки (перечень тех и других приведен в указанной рецензии, стр. 267—268).

Отдельные ошибки, действительно, особенно досадны: на стр. 20¹ в летописной цитате о событиях 1066 года указана дата от начала н. э. вместо 6574 (от „сотворения мира“); на стр. 17— дату поражения печенегов следовало дать по „Повести временных лет“ (1036 год), а не по Ипатьевской летописи (1034 год); стр. 39—по договору 1352 года императора Кантакузина с Генуей запрещение плавать в Тану касалось только греческих судов, венецианские суда при этом не упоминались.

Некоторые другие замечания также должны быть приняты.

1) Е. Ч. Скржинская отмечает неправомерность обычного в исторической литературе наименования Крыма Тавридой. В источниках полуостров называли в средние века Скифией, Хазарией, Готфией, Таврикой; последнее название наиболее правильно применять к средневековому Крыму.

2) Рецензент указывает, что в источниках нет и намека на то, что Георгий Цула, являвшийся в начале XI в. протоспафарием и стратигом Херсона, был хазарином (стр. 15—16) и что, следовательно, ни о каком, хотя бы временном, захвате Херсона хазарами после ухода оттуда войска Владимира говорить нет оснований. Таким образом, византийский флот был направлен в Хазарию (т. е. в Таврику) не для изгнания хазар, а для подавления восстания в Херсоне во главе с Георгием Цулой, в результате которого город отложился от империи (рец., стр. 266—267). К такому мнению присоединился и А. П. Каждан². В данном случае пишущий эти строки слишком доверился выводам В. Юргевича, А. Васильева и В. Васильевского.

3) Путаницу с золотоордынским временщиком Едигеем указала З. В. Удальцова³. Едигей не воцарился в последние годы XIV в., а только выдвинулся (стр. 42); кроме того, он в Крыму преследовал одного из сыновей Тохтамыша, а не являлся сыном последнего (стр. 42).

Остальные крупные замечания Е. Ч. Скржинской нельзя признать обоснованными.

1) В надписи Льва Алиата 1059 года, по мнению рецензента, речь идет о воротах, и, следовательно, к истории крепостных сооружений Херсона надпись не относится (рец., стр. 259—260). Но разве ворота крепости (тои *καστρου*) не являются крепостными сооружениями? При длительной осаде города в конце X в. они могли пострадать больше, чем другие части крепостной ограды, и потому в первую очередь нуждались в восстановлении.

2) О событиях 1066 года рецензент говорит особенно много. По ее мнению, в книге не принято во внимание замечание русской летописи, что греков испугала активность Ростислава, „емлющу дань у Касог и у инех странах“. Но нельзя же официальную версию рассказа безоговорочно принимать за действительность! В данном случае Е. Ч. Скржин-

¹ Здесь и дальше указаны страницы книги „Средневековый Херсонес“.

² А. Каждан, Социальный состав византийских городов в IX—X вв., ВВр, VIII, 1956, стр. 91, прим. 7.

³ Вопросы истории, 1951, № 8, стр. 139.

ская полностью игнорирует конкретную историческую обстановку, которая достаточно объясняет, что херсонесский котопан действовал вовсе не с целью ослабить русскую активность, а с иными целями, о которых ясно дает понять сообщение В. Татищева по не дошедшим до нас источникам. Об искусственности объяснения летописца писал и М. В. Левченко, который в этом пункте ссылается на мою книгу¹.

Кроме того, рецензент считает, что в летописном сообщении о событиях 1066 года нет причинной связи между избиением котопана и убийством Ростислава. Но летописный контекст убеждает в обратном: оба сообщения неразрывно между собой связаны.

Далее Е. Ч. Скржинская останавливается на причинах самого восстания в Херсоне против византийской власти в лице котопана. Рецензент придерживается буквального понимания источника (в передаче В. Татищева): восстание, согласно В. Татищеву, она считает выражением оппозиции Роману Диогену, потерпевшему поражение от турок-сельджуков в 1071 году и затем свергнутому с престола. Однако эта внешняя оболочка событий несколько не раскрывает их классовый смысл. Несколько не поясняет херсонские события и ссылка на фамилию Алиатов, являвшихся приверженцами Романа Диогена. Ничего большего, чем простая возможность, в этом предположении не содержится.

Мы не видим основания менять данное нами объяснение восстания (стр. 20—23), вызванного усилением налогового гнета, о чем говорится в источниках, которыми пользовался Муральт, — источниках, по-видимому, не адекватных тем, которые имел в руках В. Татищев. То и другое сообщения отнюдь не однородны и существенно дополняют друг друга.

3) То же чрезмерно буквальное понимание источника, на этот раз агиографического, сказалось и в трактовке рассказа „Похвального слова св. Евгения“ (рец., стр. 260—261). Правда, в нем действительно ничего не говорится о бегстве, а только об отъезде херсонской знати и купечества, как и указано в книге (стр. 28), но разве невероятно, что те и другие под угрозой турецкого (сельджукского) нашествия 1221—1222 годов в Крым поступили так же, как в те годы поступило купечество Сугдеи, которое, по сообщению Ибн-ал-Асира, бежало в Рум, спасаясь от татар.

4) Неправильное (на мой взгляд) понимание рецензентом подлинной истории средневековой Таврики очень ясно сказалось в ее трактовке роли Херсона как византийского форпоста. Какие факты позволяют утверждать, что средневековый Херсон был „средоточием интенсивной торговли Константинополя и малоазиатского черноморского побережья с обитателями южнорусских степей, с самой Русью, с приволжским Северо-Востоком“? (рец., стр. 262). Здесь Херсон изображен таким, каким он в представлении Е. Ч. Скржинской должен был быть, а не таким, каким он был в действительности.

Во-первых, непосредственная торговля Херсона с Константинополем почти ничем не документирована. Изделия столичного привоза, конечно, имеются в Херсоне (например, для V—VI вв.—архитектурные детали; для IX—X вв.—поливная керамика), но показателем интенсивной торговли они не являются. Заморская торговля Херсона,

¹ М. В. Левченко. Очерки по истории русско-византийских отношений, М.—Л., 1956, стр. 404.

как хорошо известно, направлялась в Малую Азию¹, а не в византийскую столицу. Во-вторых, торговля Херсона с Русью вообще никогда не была сколько-нибудь развита: русские торговые караваны, как правило, направлялись непосредственно в Константинополь, где русские купцы составляли заметный элемент². Связи с Северным Причерноморьем Киевская Русь во второй половине X и в XI в. осуществляла через Тмутаракань, а не через Херсон.

Мы вправе повторить, что в те периоды, когда Херсон был в политическом отношении византийским (а эти периоды далеко не охватывают все средневековье), Херсон бы³ для Византии прежде всего форпостом в Северном Причерноморье — в огромном районе „варварского“ мира.

Наконец, одно утверждение Е. Ч. Скржинской попросту необъективно: „Особенно надо подчеркнуть грубое упущение автора при исследовании вопроса о культурных связях Херсона, выразившееся в антинаучном игнорировании культурных взаимоотношений Херсона и Поднепровья“ (рец., стр. 269, ср. стр. 257). Но достаточно прочесть большой абзац книги на стр. 254, начинающийся словами: „Наш взгляд постоянно обращался на Север, в сторону Киевской Руси...“, чтобы убедиться в недопустимом искажении рецензентом содержания книги³. Что касается самих связей Херсона с Киевской Русью, то ни одного факта относительно этого рецензент не привел: по-видимому, таких фактов у него не было. Их и в действительности очень мало, и относятся они только к XIII в., о чем говорится в соответствующем месте работы (стр. 35).

В целом рецензия Е. Ч. Скржинской, правильно указывая на содержащиеся в книге отдельные ошибки автора и на опечатки, не дала вполне объективной оценки работы.

Это не значит, что мы и теперь готовы отстаивать все свои выводы и заключения. Некоторые из них и помимо отмеченных рецензентами нуждаются в пересмотре. Сюда относится вопрос о времени гибели Херсона как города в конце XIV в. (стр. 42, 99 и др.).

Дата эта была установлена нами, в сущности, по косвенным данным — сведениям нарративных источников о татарских набегах Едигея в последний год XIV в.: полчища татар громили не только восточные, но и юго-западные районы Крыма. Отсюда — предположение, что именно татары сожгли Херсон, после чего он уже не возрождался. Но в каком состоянии Херсон был перед тем — об этом источники также не сообщают, был ли это полнокровный город или татары лишь доконали еле влачивший свое существование Херсон. Вещественный источник, как свидетельство его существования в XIV в., не более надежен: это полевная керамика того времени (главным образом чаши с росписью ангобом — гр. 9, стр. 193—194). Но такого рода керамика встречается при раскопках городища в очень небольшом количестве, значительно меньшем, чем керамика предшествующих XII—XIII столетий.

Как видим, никаких определенных фактов в пользу существования Херсона как города в XIV в., в сущности, у нас нет. Полива XIV в.

¹ См. Письма папы Мартина или, позднее, трактат Константина Багрянородного *De administrando imperio*, гл. 53 (пер. Н. Малицкого: Известия византийских писателей о Северном Причерноморье, Л., 1934, стр. 44).

² См. М. В. Левченко, ук. соч., стр. 389, сл.

³ К русско-корсунской теме автор возвращается на протяжении книги неоднократно: стр. 11—15, 20—25, 28, 35, 264.

слишком малочисленна, чтобы решить вопрос. Зато массовый материал, прежде всего керамика—амфоры, разнообразные сосуды, поливные блюда и чаши, происходящие из верхнего слоя городища,— большей частью ясно датируются в пределах XII—XIII вв.: амфоры с яйцевидным туловом и высоко поднятыми ручками в основном относятся к XII в.¹, а большие амфоры с дуговидными ручками и с широким бороздчатым туловом, как показывают аналогичные амфоры Саркела, Таманского городища и др., а также древнерусские корчаги—не позднее XIII в.²; что касается многочисленных и разнообразных поливных блюд и чаш местного производства, то они, как убеждает множество аналогий, определенно датируются в пределах XII и, главным образом, XIII вв.³ Не лишено значения, что и монетные находки XIV в. почти отсутствуют, а монеты XIII в., хотя и изредка, но встречаются⁴. Характерно, что раскопки жилых кварталов в северо-восточной части городища с юго-восточной стороны главной улицы (против кв. III), начатые И. А. Антоновой в 1956 году, дали материалы не позднее XII в.—кровельная черепица типа IX—X вв., белоглиняная полива X в. и полива с украшениями выемчатой техникой (типа гр. 12, табл. XXIX), т. е. XII в. Только амфора с дуговидными ручками, найденная на дне глубокого подвала, показывает, что жизнь здесь продолжалась и в XIII в.

Вот почему мы склоняемся к мысли, что в XIV в. Херсон не был не только крупным городом — ремесленным центром, но и вообще крупным поселением.

Немногие уцелевшие дома среди запустевших кварталов, и то преимущественно в северной прибрежной части города,— таким вернее представлять себе Херсон накануне его окончательной гибели.

Не разделил ли он судьбу других крупных поселений юго-западного Крыма, разгромленных полчищами Ногая в 1299 году?

К гл. II — Жилые кварталы

Здесь сделаем несколько поправок и одно дополнение.

1. Рис. 1 (стр. 49): соответственно тексту (стр. 52) следует исправить обозначения на чертеже: помещения 14а, 33а и 33₁ — принадлежат усадьбе с пом. 7а, 6, 6а, 8а. Кроме того, план следует дополнить обозначением помещений 0₂ и 28, расположенными к северо-западу от помещений 27 и 26₁ = 2.

2. На чертеже — рис. 7 пропущены обозначения помещений 16 (рядом с помещением 17), 32 (к северо-западу от помещения 24) и В (гробница к юго-западу от часовни Т).

3. На стр. 93, примечание 2 в 4-й строке снизу следует читать пом. IV—V и XI...

4. В тексте указаны только закавказские аналогии общественной

¹ А. Л. Якобсон, Средневековые амфоры Северного Причерноморья, СА, XV, 1950, стр. 342, рис. 10, 35, 36.

² Там же, стр. 340—342, рис. 11, 37—39.

³ МИА, вып. 17, гл. IV, группы 5, 6, 8, 11—16.

⁴ См., например, выполненную Л. Н. Беловой опись монет из раскопок с.-в. части городища в 1908—1912 гг., X сб., III, 1931, стр. 143—213. Из 1907 средневековых монет найдено византийских монет XI—XIII вв. 10, восточных 13, всего 23, из них только 2 золотоордынских XIV в. (там же, стр. 164 и 201).

бани и отмечено, что „отсутствие исследований средневековых бань малоазийских областей, с которыми Херсон издавна был в культурной связи, лишает нас возможности привлечь этот материал“. Однако нами была пропущена публикация средневековой бани на о. Самосе—единственной аналогичной по планировке херсонесской бани в районе

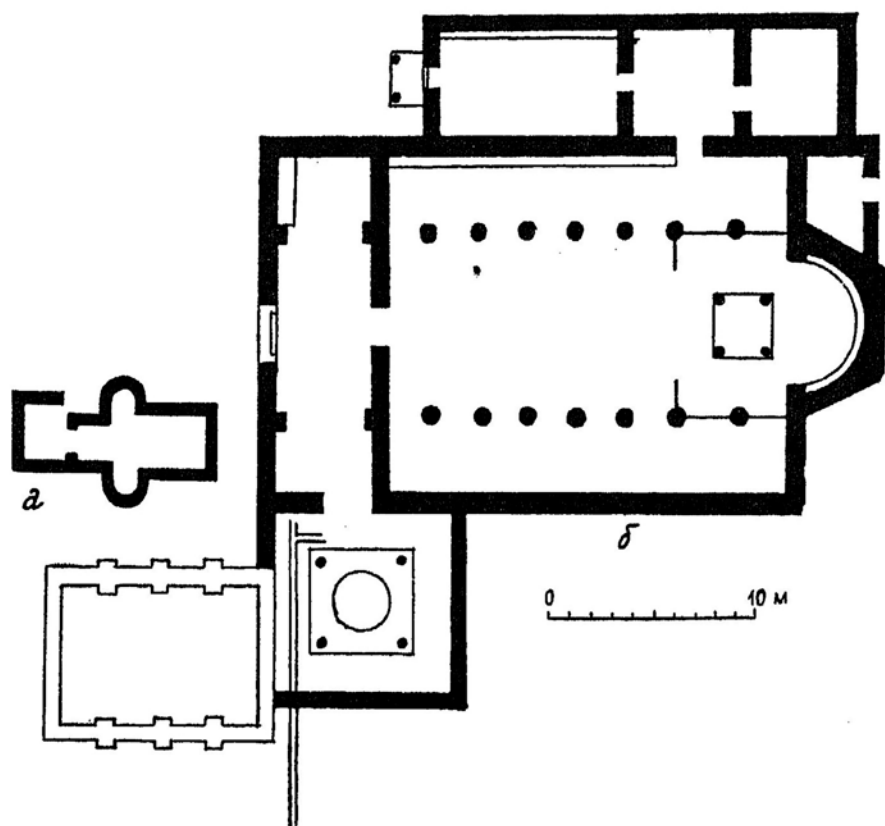

Рис. 1. Баня на о. Самосе (по А. Шнейдеру).

Малой Азии (рис. 1): См. А. М. Schneider, Samos in frühchristlicher und byzantinischer Zeit, Mitteilungen des Deutsch. Archäolog. Instituts, Athenische Abteilung, LIV, 1929, стр. 125 и рис. 14.

К гл. III—Ремесло

1. Раскопками последних лет выявлено 7 новых ремесленных меток на средневековых черепицах (рис. 2).

№ 40а (и 47) (всадник и птица), № 481/55. Найдены в 1955 году в северной прибрежной части городища, в доме III (пом. 11, 12, 13), в верхнем слое. Черепок светло-красный, покрыт ангобом. Форма черепицы и слабый рельеф метки, как и условия находки (этого и других экземпляров с такой меткой), указывают на позднесредневековое время—вероятно, XIII в.

На табл. 4 и 5—6 (стр. 127 и 128) под №№ 40 и 47 нами изданы две части этой сложной метки—всадник и птица, сочтенные нами, вследствие фрагментарности черепиц, за две самостоятельные и различные метки. Теперь выясняется, что это две части одной сложной метки. Примеры сложных меток встречались и раньше, но обычно они представляли собой сочетание изображения и буквы или букв (№№ 29, 39, 44, 48,

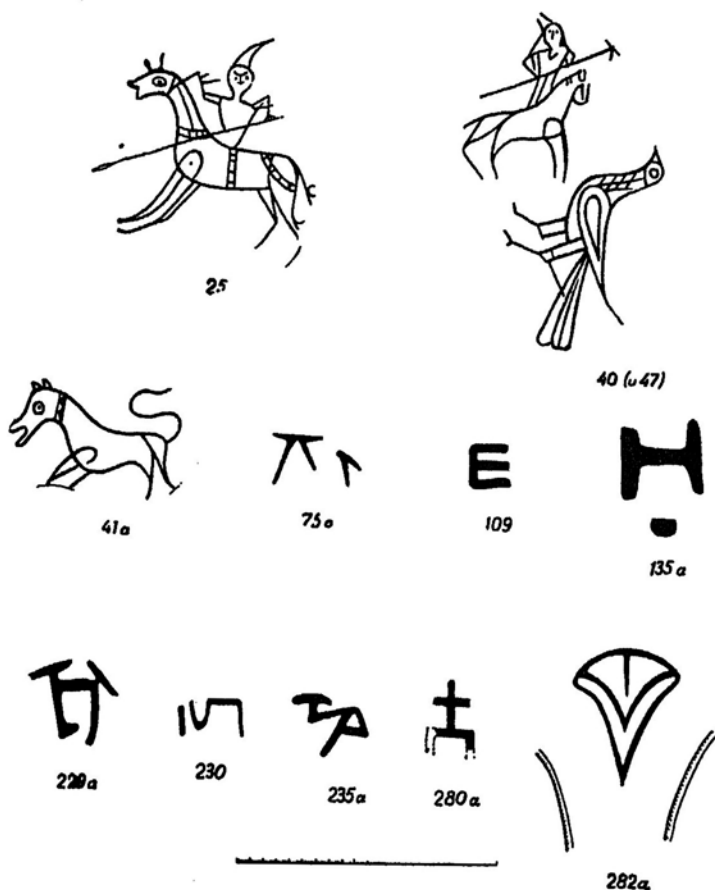

Рис. 2. Таблица вновь найденных меток на черепицах.

49), или условного знака (звезда) (№ 26), или, наконец, сочетание нескольких надписей, или, вернее, полной подписи и монограммы (№№ 249 и 250), или сочетание только букв (№ 160). Все эти сложные метки обозначают, как мы предполагаем (стр. 152—153), объединение нескольких гончаров-ремесленников, большей частью двух, иногда и больше (4—5 гончаров), отметивших свое участие в производстве на матрице, в которой формовались черепицы, отображая, таким образом, существенную черту организации производства. Метка № 40а выделяется лишь одной особенностью: здесь сочетаются не надписи или монограммы и не изображения с буквами, а два изображения, что придает этой метке особый интерес.

№ 41а (конь), найдена в 1955 году в северной прибрежной части городища, в доме III (пом. 11, 12, 13). Рельеф метки слабый. Черепица типично позднесредневековая, XIII в.

№ 75а (две буквы), найдена в 1956 году в северо-восточной части городища, на III поперечной улице. Рельеф метки—3—4 мм, черепок светло-красный. Черепица позднесредневековая, XII—XIII вв. Представляет собой сочетание двух знаков. См. замечание к № 40а.

№ 135а (Н) — № 492/55, найдена в 1955 году в северной прибрежной части городища. Рельеф метки высокий, что склоняет к датировке черепицы X или XI в., хотя она найдена в верхнем слое.

№ 213а (монограмма), № 600/51, найдена в 1951 году в северной прибрежной части городища, в яме среди материала X в. Исходя из этого, а также рельефа метки и типа черепицы, мы относим ее к X в.

№ 229а найдена в 1955 году на участке к югу от крестообразного храма № 19. Рельеф метки — высокий. Темно-красный черепок, форма бортиков, обычных для черепиц X в., позволяет отнести черепицу к этому времени.

№ 235а (монограмма), найдена в 1956 году с северо-восточной части городища, на III поперечной улице, против III квартала, в верхнем слое. Рельеф метки 2—3 мм. Черепица — с водосливными бортиками. Сравнительно небольшой рельеф метки и условия находки (верхний слой) может указывать на время XI—XII вв.

№ 280а (знак в виде буквы П с крестом наверху), № 155/12; другой экземпляр найден в 1951 году, там же, где № 213а; относится по тем же признакам к X в. Черепицы с похожим, но не тождественным знаком найдены в 1958 г. при раскопках сельского поселения IX—X вв. близ с. Бобровка в Байдарской долине.

№ 282а (условный знак в виде клина), № 464/55; найден в 1955 году в северной прибрежной части городища, в верхнем слое. Рельеф метки — плоский; форма черепицы типично позднесредневековая; исходя из этого, относим черепицу к XIII в.

2. К черепичным меткам № 281 и 315; похожие метки — на черепицах из раскопанных в 1871 году церковей близ Ялты и у Аю-Дага (чертежохранилище ИИМК, № 4454).

3. Отметим некоторые опечатки:

Стр.	Колонка	Строка	Напечатано	Надо
134	прав.	39 св.	метка 191	метка 190
134	прав.	41 св.	метка 190	метка 191
144	левая	12 св.	7, 11, 17	7—11, 12
144	левая	14 св.	13, 16, 17, 18	13, 17 и 18
144	левая	прим. 3, 2 строки снизу	288, 314, 317	288, 322, 323
144	прав.	прим. 1	...305—311, 318	...305—311
144	прав.	прим. 2	№№ 25—61, 312	№№ 25—61, 320, 321
147	левая	10 св.	№ 317	№ 323
147	левая	15 св.	№ 318	№ 315
118	левая	надпись над рис. 82	ГЕОР[ГОС]	ГЕОРГ[ГОС]

При публикации херсонесской поливной керамики XI—XIV вв. нами была опущена наиболее ранняя группа ее, состоящая из не-

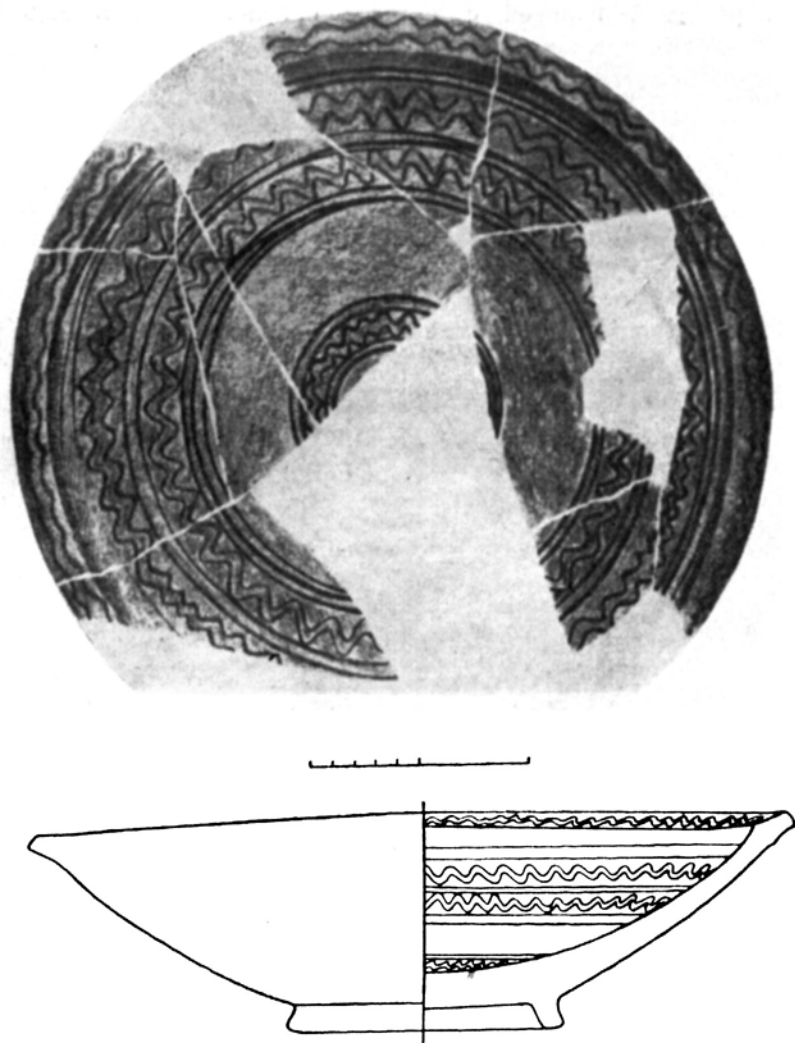

Рис. 3. Поливная монохромная чаша с зонами волны, № 4896/09.

скольких однородных больших монохромных чаш с очень простой орнаментацией врезной линией (гравировкой).

1) 4896/09 (8301). Фрагментированная большая чаша с серым черепком, на низкой кольцевой ножке, покрытая изнутри глубокого тона зеленой поливой и интенсивно коричневой — снаружи. Украшена четырьмя зонами двойной волны (одна — по бортику, две — по верхней части чаши, одна — на дне). Диаметр 35 см (рис. 3).

2) 4895/08. Чаша, совершенно тождественная предыдущей как по форме, так и по рисунку, и даже по размеру (диаметр 34,8 см);

единственное отличие: вместо зеленой—коричневая полива по ангобу (снаружи—без ангоба).

3) 2789/08 (ГЭ — X. 347). Блюдо, совершенно тождественное двум предыдущим (рис. 4).

4) 4895/08 (16954). Часть тождественного большого блюда, покрытого коричневой поливой с той же орнаментацией в виде зон двойной волны.

Рис. 4. Поливная монохромная чаша с зонами волны, № 2789/08.

Всем этим однородным чашам можно указать две близкие аналогии. Наиболее близкая—по форме и по орнаментации, и даже по размеру—чаша из раскопок Кабалы (северный Азербайджан, древняя столица Албании), покрытая той же зеленой поливой с подцветкой марганцем по ребрам и по краю в виде радиальной полосы (раскоп 1926 года, уч. 1, № 521/3028; хранится в музее Низами в Баку) (рис. 5). Заметим, кстати, что волна—обычный орнаментальный мотив на азербайджанской, как и армянской простой керамике X—XII вв. Другая аналогия—это фрагмент такой же чаши, найденной в Константинополе при раскопках Большого дворца в слое IV, датируемом второй половиной X в., и, вероятно, привезенной из восточных областей империи (*The Great Palace of the byz ondon, emperors, London, 1947, табл. 22, 10, 11*).

5) 2712/09 (8291). Край белоглиняной чаши, покрытой коричневой поливой с зелеными мазками, украшен двумя зонами тройной волны

и треугольниками между ними; орнамент также выполнен толстой
врезной линией. Найден во II квартале, „пом. XXI, северо-западная
половина, под нижним полом“ (рис. 6).

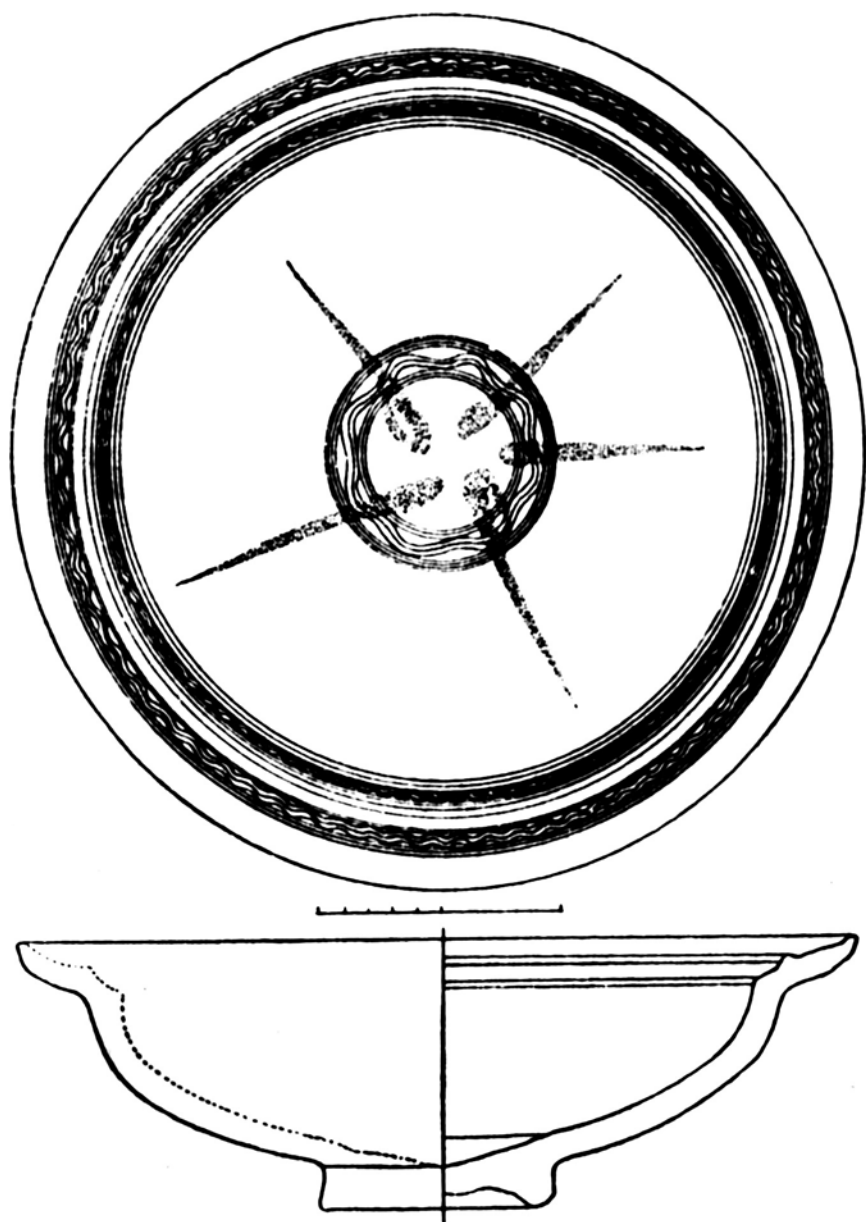

Рис. 5. Поливная монохромная чаша с зонами волны из раскопок Кабалы
(Азербайджан, в музее Низами, Баку).

6) 2606108 (16974), Обломок блюда или чаши с аналогичной орнамен-
тацией; покрыт зеленовато-желтой поливой. Найден в северо-восточ-
ной части городища „с восточной стороны главной улицы, за 2-й

продольной стеной". Ср. O. Wulff, *Altchristliche und mittelalterliche, byzantinische und italienische Bildwerke*, III, Berlin, 1911, табл. XXIV, 2116; *The Great Palace...*, табл. 22, 13 (из слоя IV, датируемого второй половиной X в.).

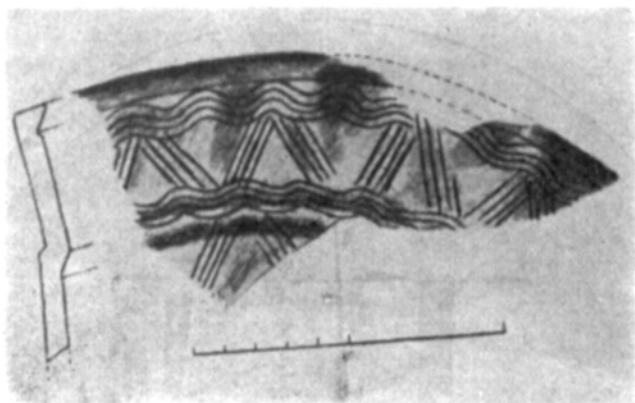

Рис. 6. Обломок белоглиняного блюда с гравированным орнаментом, № 2712/09.

Рис. 7. Поливная монохромная чаша с зоной двойной волны, № 2842/08.

7) 2842/08 (ГЭ—X, 348). Большая чаша, покрытая зеленой поливой и орнаментированная широким поясом, в котором треугольники чередуются с ромбами; пояс внизу окаймлен зоной двойной волны. Орнамент выполнен толстой врезной линией (рис. 7).

Чаша по стилю орнамента примыкает к рассмотренной группе поливных изделий.

Редкость такого рода чаш в Херсонесе, а также материал, из которого некоторые из них выполнены (фаянс), склоняют к предположению, что все эти чаши привозные с Востока (из Закавказья или Малой Азии) и бытовали здесь во второй половине X и в XI столетиях.

За последние годы в Херсонесе, при раскопках северных прибрежных кварталов, было найдено несколько интересных блюд и чаш XI—XIII вв.—как типа I (с красным черепком), так и типа II (фаянсовые). Они дополняют опубликованные нами группы новым материалом. В ближайшее время они будут изданы в очередных отчетах о раскопках. Поэтому в настоящих заметках в отношении этих групп ограничимся некоторыми дополнительными замечаниями и параллелями.

К № 5 (стр. 172). Важная аналогия—в Олинфе и Афинах: Excavations at Olynthus, V, by David Robinson, London, 1933, табл. 206, рис. 14; Hesperia, II, 2, 1933, стр. 310 (рис. 7).

К № 22 (стр. 174). Такой же рисунок на плоском блюде (константинопольского происхождения?), найденном в Херсонесе в 1955 г. (при раскопках северного прибрежного квартала), № 392/55¹. Относительно тождественного блюда из Константинополя ошибочно указана дата—первая половина XI в., надо—первая половина XII в.

К № 34 (стр. 175). Вполне тождественный орнамент в виде сетки с дужками в углах—на поливных блюдах XII—начала XIII в. в Азербайджане—из раскопок Орен-кала (древн. Байлакан) в 1953 году (неизд.), а с другой стороны—на поливных блюдах XI—XII вв. из раскопок афинской агоры (Hesperia, II, 2, 1933, стр. 315, и рис. 10).

К № 35 (стр. 176). Знак в виде пересеченного ромба помещен и на блюдах из Коринфа (Ch. Morgan, табл. LI, h) и Олинфа (Excavations at Olynthus, V, табл. 207, рис. 17).

К № 61 (стр. 184). Шахматный узор встречается и на поливной керамике в Олинфе (Excavations at Olynthus, V, табл. 207, рис. 16).

К № 85 (стр. 192). Тожественный орнамент—на керамике XI—XII вв. из раскопок афинской агоры (Hesperia, II, 2, 1933, стр. 314—315, рис. 10e).

К № 91 и 92 (стр. 193). Последние раскопки Байлакана (городища Орен-кала в Азербайджане) показали, что эти два фрагмента принадлежат к широко распространенной в Закавказье поливной керамике IX—X вв., где роспись ангобом была в то время наиболее популярным приемом украшения. Керамика эта издается в трудах Азербайджанской экспедиции ИИМК, т. I (в серии МИА).

К № 95 (стр. 194). Близкой аналогией является блюдо, украшенное росписью ангобом с радиальной композицией, из Эфеса (Археолоγικον Δελτίον, т. 7, 1921—1922, ст. Γ. Σωτηρίου, стр. 192) и из Коринфа (Ch. Morgan, табл. XX, i), а также из раскопок афинской агоры (см. Hesperia, 1933, II, 2, стр. 324, рис. 18 c).

¹ См. выше Г. Д. Белов, Отчет о раскопках в Херсонесе в 1955 г.

К № 97 (стр. 194). Аналогичный рисунок в виде спиралей, выполненных в той же технике росписи ангобом,—на блюде из Олинфа (Excavations at Olynthus, V, стр. 288 и табл. 205 (IV, A 2).

К № 105 (стр. 196). Близкую по рисунку морду зверя см. на аналогичных по стилю фрагментах из раскопок афинской агоры (Hesperia, II, 2, 1933, стр. 311, рис. 8h).

К № 115 (стр. 198). Ср. фрагменты из Коринфа со стилистически близким изображением человеческой фигуры (см. Ch. Morgan, табл. XLIX, a, j).

К № 116 (стр. 199). Фрагмент аналогичного блюда из Греции: Φρ. Βερσακис в 'Αρχαιολογικόν Δέλτιον, т. I, 1915, стр. 80, рис. 19.

К № 121—123 (стр. 200). Фрагменты чаш, совершенно аналогичных и по рисунку (змеи, окружающие птицу) и по форме, были найдены при раскопках Тмутаракани (Таманское городище) в 1930—1931 годах (хранятся в ГЭ) и в 1952 году (раскоп. VII, кв. Б, штык 2, № 80). Помимо указанного монументального рельефа с изображением птицы, окруженной змеей (стр. 202, левая, примеч. 3), следует привлечь плиту из о. Хиоса с изображением орла, окруженного змеей: 'Αρχαιολογικόν Δέλτιον, II, 1916, ст. Γ. Σωτηρίου, рис. 4 (табл. к стр. 30).

К № 124 (стр. 204). Аналогичная женская фигурка, сидящая по-восточному,—см. на грузинской миниатюре 1188 года (Ш. Амиранашвили, История грузинского искусства, М.—Л., 1950, табл. 106).

К № 135 (стр. 208—209). Чаша с совершенно аналогичным изображением сирина и той же расцветкой найдена в 1955 году (№ 389/55)¹. Чаша также, несомненно, местного изготовления и, судя по полному тождеству с № 135, выполнена, вероятно, тем же мастером.

К № 139 (стр. 215). Помимо Азербайджана, для поливной керамики которого такая орнаментация XII—XIII вв. специфична, она была в то время довольно популярной и в Грузии. См.: В. В. Джапаридзе. Керамическая промышленность Грузии XI—XIII вв. Тбилиси, 1956 (на груз. яз.), табл. XXXIX—XLVI.

К № 142. (стр. 216). Очень близкую по стилю аналогию изображения двуглавого орла дает барельеф на стене большой мечети Dıvrik (в вилайете Сивас, в Малой Азии) 1228—29 гг. (A. Grabriel, Monuments turcs d'Anatolie, Paris, 1934, табл. (LXX).

К № 144 (стр. 217). Аналогичное беглое изображение птицы—на поливном фрагменте из раскопок на Афинской агоре (Hesperia, II, 2, 1933, стр. 312, рис. 9,d).

К № 6 типа II (стр. 219). Ср. блюдо с изображением такой же композиции, но выполненным врезной линией (O. Wulff, III, 1923, № 6757, стр. 52).

* * *

В заключение остановимся на критических замечаниях, сделанных автору (в устной форме) А. В. Арциховским, который отметил, что в книге отсутствует исследование найденных в Херсонесе древнерусских крестов, многочисленных стеклянных браслетов и столь же многочисленных пряслиц из красного овручского шифера. Все эти группы вещей указывают, по мнению А. В. Арциховского, на тесные культурные связи Херсонеса с Киевской Русью.

¹ См. выше Г. Д. Белов.

Что касается русских крестов, которые относятся к XII и первой половине XIII вв., то исследование некоторых из них опубликовано нами в отчете о раскопках квартала XVII в. северной прибрежной части городища¹, но в книге они упоминаются (стр. 35) и воспроизводятся (там же, рис. 2). О стеклянных же браслетах в книге действительно нет речи. Но некоторые их формы—треугольные в сечении (с очень чистым синим стеклом) или квадратные в сечении, часто украшенные кружочками² и черточками, нанесенными краской, относятся, по условиям находки, еще к IX—X вв. и потому выходят за хронологические рамки книги. Для последующего времени—XI—XIII вв.—характерны браслеты круглые в сечении и витые. Они встречаются довольно часто и действительно очень похожи на браслеты, обычные в домонгольских слоях древнерусских городищ и связанных с ними могильниках. Но, во-первых, браслеты точно такой же формы, особенно витые, были характерны не только для древнерусского населения: витые стеклянные браслеты широко бытовали и в Закавказье—находки их были обычны, например, в слоях XI—XII вв. Байлакана (городище Орен-кала) в Азербайджане. Во-вторых, технический анализ херсонесских и древнерусских браслетов указал на существенную разницу тех и других, исключающую общее происхождение их³. Таким образом, предположение о русском происхождении таких браслетов в Херсонесе не может быть принято.

Несколько слов относительно пряслиц. Мы просмотрели в фондах ГХМ все паспортизованные пряслица из раскопок в северо-восточной части городища (за время с 1908 по 1914 г. их найдено там, по описи, 82 шт.) и в северном прибрежном районе (за время с 1931 по 1937 год их найдено там, по описи, 41 шт.)—всего 123 шт., включая и античные.

Просмотр этого материала показал следующее. Во-первых, подавляющее большинство пряслиц—глиняные или из серого или черного камня. Из красного (лиловатого) шифера, напоминающего овручский, зарегистрировано очень немного пряслиц, всего 30 шт. Во-вторых, шиферные пряслица отнюдь не однородны по форме: некоторые из них более или менее плоские (например, 5/14, 2511/09, 3236/09 и др.—таких большинство), или овальные в сечении (например, 1198/13), или приближающиеся по форме к древнерусским—бочковидные (например, 2114/11) и бипирамидальные, наиболее близкие к овручским пряслицам, но таких только 8 экз. (3269/09, 266/11, 315/11, 1598/11, 122/12, 1938/12, 379/13, 3851/13). В третьих, что особенно важно, почти все только что перечисленные бипирамидальные красношиферные пряслица, судя по стратиграфическим условиям их находки („яма под 1-м полом“, „яма под полом“, „под 3-м полом“) или по совместно найденным монетам (преимущественно Василия I и Романа I) и вещам (белоглиняная полива IX—X вв.) относятся ко времени не позднее X в.; иначе говоря, хронологически они предшествуют древнерусским шиферным пряслицам, составляющим частую находку в предмонгольских слоях русских городищ Поднепровья⁴.

¹ См. МИА, № 34, 1953, стр. 137—138 и 147—148.

² Однажды приняты за надпись (М. А. Шангин, Некоторые надписи Херсонесского музея, ВДИ, 1938, № 3 (4, стр. 84).

³ М. А. Безбородов, Стеклоделие в древней Руси, Минск, 1956, стр. 210—211.

⁴ Подробнее см. А. Л. Якобсон, К истории русско-корсунских связей в XI—XIV вв. Византийский Временник, XIV, 1958, стр. 118—119, 126—127.

Так или иначе, изучение херсонесских шиферных пряслиц показывает, что и эта группа материала не может служить для характеристики русско-корсунских культурных или торговых связей в XI—XIII вв.

Как убеждает наличный материал, культурные связи и торговые сношения Киевской Руси тянулись главным образом непосредственно в Царьград; те и другие связи миновали Корсунь, которая, по-видимому, слабо участвовала в них и, в сущности, оставалась в стороне от этих сношений. Русские связи с Северным Причерноморьем активизировались в конце X и особенно в XI в., когда появился и упрочился русский форпост в этом крае—Тмутаракань. В этих сношениях Корсунь имела значение лишь транзитного пункта.

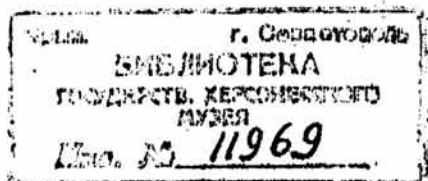
Резкая перемена произошла, по-видимому, в середине XIII в., когда в Корсуни появилось русское население, бежавшее сюда из городов Поднепровья, вероятно, под угрозой татарского разорения.

СПИСОК СОКРАЩЕНИЙ

- АДЖ** — М. И. Ростовцев, Античная декоративная живопись на юге России, СПб, 1913.
- Б.** — П. О. Бурачков, Общий каталог монет, принадлежащих эллинистическим колониям, существовавшим в древности на северном берегу Черного моря, Одесса, 1884.
- ВДИ** — „Вестник древней истории“.
- ВВр** — „Византийский временник“.
- ГХМ** — Государственный Херсонесский музей.
- ГЭ** — Государственный Эрмитаж.
- ЗООИД** — „Записки Одесского общества истории и древностей“.
- Зог** — А. Н. Зограф, Античные монеты (МИА, № 16), М., 1951.
- ИТУАК** — „Известия Таврической ученой архивной комиссии“.
- ИАК** — „Известия Археологической комиссии“.
- ИИМ КАН** — Институт истории материальной культуры Академии наук СССР.
- ИРАИМК** — „Известия Российской Академии истории материальной культуры“.
- КСИИМК** — „Краткие сообщения института истории материальной культуры“.
- МПГ** — Музей пещерных городов.
- МИА** — „Материалы и исследования по археологии СССР“.
- МАЭ** — Музей антропологии и этнографии АН СССР.
- МГПИ** — Московский государственный педагогический институт.
- ОАК** — „Отчеты Археологической комиссии“.
- РАНИОН** — Российская ассоциация научных институтов общественных наук.
- СА** — „Советская археология“.
- ТОЛСТОЙ**, Виз. мон. — И. И. Толстой, Византийские монеты, СПб, 1913.
- Хсб** — Херсонесский сборник.
- Coh** — Н. Cohen, Description historique des monnaies frappées sous l'empire romain, Paris, 1859.
- JSOPE** — Inscriptiones orae septentrionalis Ponti Euxini.
- МАМА** — Monumenta Asiae Minoris Antiqua.
- RE** — Pauly — Wissowa — Kroll, Realencyclopädie der classischen Altertumswissenschaft.
- HN** — Historia nummorum.

СОДЕРЖАНИЕ

	Стр.
И. А. Антонова. Херсонесский музей за годы Советской власти	3
Г. Д. Белов. Отчет о раскопках в Херсонесе в 1955 году . . .	13
Приложение 1. Определение монет, найденных при раскопках Херсонеса в 1955 году Л. Н. Белова . . .	70
Приложение 2. Антропологический материал из раскопок Херсонеса 1955 года К. Ф. Соколова	73
К. Э. Гриневич. Стены Херсонеса Таврического. Часть III . .	75
Приложение 1	115
С. Ф. Стржелецкий. Виноделие в Херсонесе Таврическом античной эпохи	121
Э. И. Соломоник. Новые эпиграфические находки в Северном районе Херсонеса	161
В. В. Борисова. Могильник у высоты „Сахарная головка“ . .	169
А. М. Гилевич. Монеты из раскопок в Херсонесе в 1950 году	191
Приложение 1	194
Приложение 2	205
О. И. Домбровский. Фрески южного нефа Херсонесской базилики 1935 года	207
А. Л. Якобсон. К изучению позднесредневекового Херсонеса	229
Список сокращений	245

ХЕРСОНЕССКИЙ СБОРНИК

Выпуск V

Редактор издательства *В. Солодкий*.
Художественный редактор *И. Литвинов*.
Технический редактор *А. Фисенко*.
Корректор *Л. Заславская*.

БЯ 00795. Объем: 21,24 печ. л. — 43 вкл., 19,30 уч. изд. Формат бумаги 70×108^{1/10}.
Тираж 2000 экз. Сдано в производство 28/VI-1958 г. Подписано к печати 22/IV-1959 г.
Крымблтиполитография, г. Симферополь, ул. Кирова, 23. Заказ № 2439. Цена 8 руб.

ЗАМЕЧЕННЫЕ ОПЕЧАТКИ

Страница	Строка	Напечатано	Следует читать
30	1 сверху	Дом	Дом 1
73	1 сверху	Приложение №	Приложение № 2
78	20 снизу	ускорить	устроить
104	11 сверху	одна от другой	один от другого
148	23 снизу	пресса	процесса
148	17 снизу	пресс	процесс
150	Сноска 6	146	132
154	" 3	150	154
157	" 2	155	141
159	" 1	167	153
166	2 снизу	надпись на	надпись из
168	22 снизу	Ῥουφетνος	Ῥουφетνος
171	8 сверху	II	11
195	8 сверху	TSN	TSЭ
195	1 снизу	XXXVIII	XXXVIII, I
197	8 снизу	[IVS NOV.C.]	[IVN NOV. C.]
201	1 сверху	SPEA	SPFA
201	18 сверху	SPEAVG	SPPAVG
213	14 сверху	„сухарями“	„сухариками“
213	15 сверху	„сухари“	„сухарики“
245	5 снизу	ISOPE	JosPE